

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

V Международные Лихачевские
научные чтения, 19–20 мая 2005 года

*Проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

*При поддержке компании
«Ксерокс Евразия»*

Санкт-Петербург
2005

ББК 72
К90

Составитель и ответственный редактор

Г. М. Бирженюк, заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор культурологии, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Учредители и участники Чтений
выражают глубокую признательность компании «Ксерокс Евразия»
за поддержку при выпуске данных материалов

Культура и глобальные вызовы мирового развития:
К90 V Международные Лихачевские научные чтения, 19–20 мая
2005 г. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2005. — 248 с.
ISBN 5-7621-0356-0

В сборник материалов V Международных Лихачевских научных чтений вошли выступления известных ученых, политических деятелей, представителей органов государственного управления Российской Федерации и зарубежных стран. На пленарном заседании «Культура и глобальные вызовы мирового развития» и пяти круглых столах, посвященных процессам, происходящим в мировой культуре, проблемам образования и формирования массового сознания, обсуждались актуальные вопросы и различные аспекты развития современной науки и культуры.

Издание выпущено при поддержке компании «Ксерокс Евразия» и адресовано специалистам, работающим в разных областях гуманитарного знания, а также широкому кругу учащейся молодежи.

ББК 72

ISBN 5-7621-0356-0

© СПбГУП, 2005

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и оп-ределить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Н. А. ПЛАТЭ,

академик РАН, вице-президент РАН, директор Института нефтехимического синтеза им. А. В. Топчиева РАН, заместитель главного редактора журнала «Вестник Российской Академии наук», доктор химических наук, профессор

АКАДЕМИЯ НАУК И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Российская Академия наук (РАН) ведет свою историю с 1724 года, когда Сенат одобрил петровский «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств», «в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатым художествам и переводили книги»¹. На протяжении более чем 280-летней истории РАН объединяла в своих рядах выдающихся исследователей, крупнейших специалистов по всем ведущим направлениям естественных, технических и гуманитарных наук. Без фундаментальных исследований, выполненных в институтах РАН российскими учеными, находившимися на передовых рубежах научных знаний о мире, природе и технике, о человеке и обществе, сегодня невозможно представить ни прошлое отечественной и мировой науки, ни ее современное состояние и перспективы развития. В ряду выдающихся ученых — членов Академии почетное место занимает академик Д. С. Лихачев, который оставил нам богатое научное и духовное наследие. Важное место в его творчестве отведено размышлениям о природе культуры. Для него «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей в государстве»².

Д. С. Лихачев отвергал бытующие трактовки науки как явления внешнего по отношению к культуре. Он считал, что наука как система знаний, их производства, распространения и применения принадлежит

культуре, что научное творчество, открытие нового, ранее неизвестного, и есть творчество культуры.

Интересно, что подобных взглядов придерживался и академик В. И. Вернадский, который считал, что в культуру нации входят «общественные организации народа, уклад его жизни, его творчество в области литературы, музыки, искусства, философии, религии, техники, политической жизни. Наряду с ними в культуру народа входит и его творчество в научной области». Таким образом, научное творчество является лишь одним из элементов культуры, но истории известно немало примеров существования стран с богатой в целом культурой, но с низким уровнем развития сознательного научного творчества. «Область культуры много шире области научной творческой работы» — делает вывод В. И. Вернадский в «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии».

Вопрос о месте и значении науки в истории цивилизации занимал умы не только философов и историков, но и ученых в области естественных наук. Так, академик Карл Бэр (его имя вошло в историю мировой науки) в декабре 1835 года выступил на собрании Академии с докладом «Взгляд на развитие науки», значительная часть которого была посвящена роли науки в истории человечества. Рассматривая ее как «проекцию» всей культуры, Бэр сделал неожиданный для того времени вывод, что возникновение и существование науки не связано напрямую с той пользой, которую она может сразу и ощутимо принести человечеству. Нет науки у народов, живущих в суровых условиях и едва поддерживающих свое существование, хотя для них польза наук была бы всего очевиднее. «Наука столь же мало есть плод нужды, сколько и любостязания».

¹ Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. 1. 1724–1802. С. 31.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная система // Новый мир. 1994. № 8.

Наука обнаруживается там, где есть искусство, зодчество, политическая и общественная жизнь, — словом, стремление к возвышенному. Очень современно, на наш взгляд, гармонируя с темой этой конференции, звучит вывод К. Бэра: «Наука... не знает пределов совершенства и беспрестанно стремится вперед: переходя от одного народа к другому, становится общим достоянием. Она связывает между собой тесными узами все образованные народы и некогда, может быть, соединит их в один общий государственный союз»¹.

Различные компоненты культуры в жизни народов развиваются чаще всего неравномерно. По сравнению с другими сторонами культурной жизни народа сознательное научное творчество может появиться как элемент культуры значительно позже, спустя известный промежуток времени, уже после того, как возникли другие элементы культуры. Как считал В. И. Вернадский: «Московская Русь до Петра, конечно, не была некультурной страной, — мы видим в ней своеобразную, пожалуй, богатую культурную жизнь, сложившуюся веками, но научная творческая работа не входила в ее состав, и русское общество впервые вошло в мировую научную работу с реформой Петра».

Создание Академии наук было важным элементом, выражаясь современным языком, глобального проекта вхождения России в культурное пространство Европы. Первое поколение российских академиков, а все они были, как известно, европейскими учеными, позволило Академии наук органично войти в международное научное сообщество с первых лет ее работы. Петр I хорошо понимал, что без науки немислимо духовное и экономическое развитие страны. Он считал, что наука нужна для того, чтобы гражданам его страны могли больше знать, дальше и шире видеть, более полно ощущать и впитывать богатства мировой культуры, чтобы общество чувствовало себя уверенным в своих силах, а люди гордились своей страной.

Создание Академии наук является началом формирования в России *научной культуры*, направленной не только на организацию научной деятельности, но и оказывающей большое влияние на все стороны интеллектуальной жизни общества. Деятельность ученых способствовала его духовному и ци-

вилизованному развитию; фундаментальные научные знания стали основой всей системы образования; возросло влияние науки на формирование общественного сознания и мировоззрения, основанного на понимании научной картины мира. Фундаментальные научные открытия послужили источником таких изобретений, которые либо непосредственно повлияли на ту или иную область культуры, либо вызвали переворот во всей системе культуры.

В истории мировой культуры трудно найти другой пример такого быстрого и эффективного, по выражению С. И. Вавилова, «выращивания науки», как это было в России после основания Петербургской Академии наук. Этот научный центр не только организовал изучение естественных богатств страны, но и объединил в себе одновременно научные и учебные функции, оказал мощное воздействие на всю русскую культуру.

Петербургская Академия наук с самого начала стала центром научно-исследовательской, профессиональной, то есть оплачиваемой, работы ученых. При ней были организованы физический кабинет, астрономическая обсерватория, анатомический театр, и ряд мастерских: граверная, механическая, оптическая, а также обширная библиотека.

Огромную роль сыграла Академия наук в издании книг, газет, журналов, служивших делу распространения просвещения в России. Здесь следует оговориться, что книги издавались на Руси и в допетровское время, но как заметил академик А. М. Панченко: «Древнерусский человек состоял с книгой в особые отношения. Книга — не вещь, это своего рода неотчуждаемое имущество (конечно, в идеале, потому что в житейской практике книги продавались и покупались). Не столько человек владел книгой, сколько книга владеет человеком, “врачует” его... Книга подобна иконе: это духовный авторитет и духовный руководитель»¹. Таким образом, на традиционной грамотности русского человека нельзя было развивать европейское просвещение.

Создатели Академии понимали, что без издательской деятельности она не сможет выполнять возложенные на нее функции. Поэтому уже через два года после ее учреждения была открыта лучшая по тем временам типография, а через год (в 1728-м) в свет вышло первое научное издание.

¹ Бэр К. М. Взгляд на развитие наук // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., 1959.

¹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 167.

В том же году была выпущена первая газета на русском языке «Санкт-Петербургские ведомости».

Академическая типография выпускала научную литературу, а также учебники, словари, карты и атласы, уставы и художественные произведения. Кроме того, Академии был поручен выпуск всей светской литературы. В первые годы это было составление большого числа календарей или месяцесловов разнообразного содержания и их выпуск значительными для того времени тиражами. В них публиковались исторические, географические, дорожные, экономические и другие статьи, посвященные вопросам мореплавания, географии, астрономии, физики, метеорологии, химии, медицины, истории, причем написанные доступным наибольшему числу читателей языком. Эти издания вызывали живой интерес читателей и быстро расходились. В 1750 году в академической типографии было напечатано 10 020 календарей, из них 7610 на русском языке¹.

В Академии издавалось несколько научно-популярных журналов, рассчитанных на широкий круг читателей. Для распространения научных знаний стали выпускать «Примечания на "Ведомости"» (месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях»), которые начали выходить в 1728 году на русском языке в виде приложений к первой русской газете «Санкт-Петербургские Ведомости». Всего за неполных 14 лет (1728–1736, 1738–1742) было выпущено более 1240 частей. Основную часть объема журнала занимали статьи по естественным наукам, написанные сотрудниками Академии, в том числе Л. Эйлером, Ф. Х. Майером, Г. Ф. Миллером, Я. Я. Штелиным, И. Г. Гмелиным, Г. В. Рихманом и др. Инициатором издания и первым редактором «Примечаний» был академик Г. Ф. Миллер.

Большим разнообразием содержания отличался выходивший в 1786–1796 годах научно-популярный и литературный журнал «Новые ежемесячные сочинения». В его первом номере были определены задачи журнала: «Во всех почти государствах, где о расположении человеческого знания прилежно пекутся, сделалось действительно неперемным обыкновением, чтоб помесечно издавать такие сочинения, которые бы для всякого рода читателей были понятны и привлекали бы к себе их то пользой своего содержания,

то остротой мыслей или отменным их изображением».

Наряду с этим продолжалось издание научных трудов и монографий. Впервые было издано полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 6 томах (1784–1787). В 1768 году при Академии было организовано «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык», усилиями членов которого за период с 1768 по 1783 год переведено 112 сочинений в 173 томах¹. Переводы осуществлялись с древнегреческого, латинского, французского, немецкого, английского, итальянского и китайского языков. Из 110 переводчиков, принимавших участие в этой работе, многие были или членами или сотрудниками Академии.

Весьма крупной по масштабу того времени явилась работа по переводу и изданию большого 10-томного труда с 480 гравюрами под названием «Зрелище природы и художеств» (1784–1790). Это издание явилось первой популярной энциклопедией по естествознанию и технике, изданной в России для юношества. Успех книги был значительным, и она разошлась довольно быстро.

Во второй половине XVIII века была создана книга, которая явилась вершиной научно-популярной литературы. Речь идет о знаменитых «Письмах к немецкой принцессе» Л. Эйлера. Написанные по-французски, они вышли в свет в 1768–1772 годах. Почти одновременно с оригиналом в Петербурге выходит перевод писем, сделанный одним из учеников Л. Эйлера, академиком С. Я. Румовским. Публикация этого трехтомного труда Эйлера (полное название: «Письма о различных физических и философских материях, писанные к некоторой немецкой принцессе») стала знаменательным событием в истории науки и просвещения. Это была уникальная энциклопедия физических и философских знаний, изложенных популярно и потому доступных самому широкому кругу читателей. Успех книги был удивительным, и интерес к ней не угасал ни во времена Эйлера, ни после. В течение XVIII века «Письма» переиздавались в России четырежды (1768–1774; 1785; 1790–1791; 1796) и были переведены на многие языки, в том числе на английский, немецкий, итальянский, испанский, голландский и шведский; выдержали только в свое время более 30 изданий. В 2002 году после более чем 200-лет-

¹ Лазаревич Э. А. С веком наравне. М., 1984. С. 23.

¹ Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. СПб., 1913.

него перерыва «Письма» были вновь выпущены на русском языке и вызвали большой интерес у современного читателя.

Издательские традиции были сохранены и приумножены в течение всей истории Академии. Эта деятельность внесла существенный вклад в развитие культуры России. Подсчитано, что за 275 лет Академией было издано более 160 тысяч книг и журналов общим объемом свыше 2,4 млн. учетно-издательских листов и суммарным тиражом почти 2,5 млрд. экземпляров. Активная издательская деятельность продолжается и в наши дни. Несмотря на известные финансовые проблемы, в 2004 году в Академии наук издано около 9 тысяч книг общим объемом 121 тысяча учетно-издательских листов, 175 научных и 5 научно-популярных журналов¹.

Большое внимание Академия уделяла развитию русского языка и русской литературе — как отмечала директор Академии Екатерина Дашкова, «дабы российское слово вычищалось и процветало». По ее инициативе в 1783 году была создана Российская Академия наук, которую она и возглавила. Академия всего за шесть лет подготовила и издала многотомный словарь русского языка. «Карамзин справедливо удивляется такому подвигу, — писал Пушкин. — Полный Словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»².

Большим событием в истории мировой лексикографии и этнографии стал «Толковый словарь живого великорусского языка» члена-корреспондента В. И. Даля (1863–1866), который как чуткий ценитель и заботливый собиратель русской речи в самых многообразных формах ее проявления создал литературный памятник народному речевому творчеству.

Наряду с крупными лингвистами членами Академии становились известные писатели — С. Т. Аксаков, П. А. Вяземский, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. Н. Майков, В. И. Панаев, П. А. Плетнев, А. Н. Островский, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет,

А. С. Хомяков и другие, без произведений которых трудно представить историю отечественной литературы. В 1899 году был учрежден Разряд изящной словесности, почетными академиками которого уже во время первых выборов стали «властители дум» России — Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, А. М. Горький, И. А. Бунин, В. С. Соловьев, В. В. Стасов и др. Деятели культуры высоко ценили такое избрание, рассматривая его как акт общенародного признания.

В 1905 году Академия наук организовала Пушкинский Дом, который стал признанным мировым литературоведческим научным центром.

С первых лет своего существования и до наших дней Академия ведет огромную по масштабам и важную по значению работу по изучению, сохранению и умножению культурного богатства страны.

Материалы, собранные в ходе многочисленных комплексных экспедиций, пополняли собрания научных кабинетов, лабораторий, музеев, библиотек, служили делу развития науки и образования. Многие отечественные музеи, особенно в период их организации и становления, возглавили видные ученые — члены Петербургской академии.

Первым русским естественнонаучным музеем стала Кунсткамера, которой руководил академик, математик, автор первого русского учебника по механике С. К. Котельников, а после его смерти — академик Н. Я. Озерцовский. С ростом коллекций Кунсткамеры к работе с ними привлекаются авторитетные знатоки разных областей знаний. В 1804 году руководство Минералогическим кабинетом (музеем) поручается академику В. М. Севергину. В 1912 году этот музей становится Геологическим и минералогическим музеем Петра Великого, центром многообразной научной работы, которой руководил академик В. И. Вернадский.

В 1818 году из коллекций Кунсткамеры был выделен Восточный кабинет — собрание всевозможных материалов, привезенных из экспедиций на Восток — рукописей, книг и т. п. Кабинет вскоре стал известен под названием Азиатского музея, постоянно пополнявшего свои фонды путем дарения и закупок. Со дня основания до 1842 года им руководил известный востоковед, академик Х. Д. Френ. На этом посту его сменил академик Б. А. Дорн.

В 1930 году на базе Музея и других родственных учреждений был создан Институт востоковедения АН СССР. Им руководили,

¹ Отчет о деятельности Российской Академии наук в 2004 году. Важнейшие итоги. М., 2005. С. 4.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1978. Т. VII. С. 251.

в нем работали крупнейшие ученые — члены Академии С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский и др.

Кунсткамера дала начало также Зоологическому музею, ставшему в 1882 году самостоятельным учреждением Академии. Организатором и его первым директором стал академик Ф. Ф. Брандт, известный своими трудами по систематике, анатомии и палеонтологии млекопитающих. В 1931 году на базе Музея был создан Зоологический институт АН СССР.

В настоящее время в Академии работают 56 музеев, среди которых 28 музеев естественнонаучного профиля, 11 — гуманитарного и 17 — мемориальных, посвященных выдающимся российским ученым. При этом нужно учесть, что некоторые ценные коллекции и экспонаты, собранные учеными в разное время, были переданы в другие музеи.

Мировую известность приобрела Библиотека Академии наук (БАН), которая была создана Петром I в основном за счет его личной библиотеки. К моменту создания Академии наук, в чье ведение она была передана, Библиотека имела уже солидные по тем временам книжные фонды (4,5 тыс. экз).

В 2002 году РАН насчитывала 342 библиотеки, в которых работают более 2,5 тысячи сотрудников. Общий библиотечный фонд, собранный в этих библиотеках, превысил 60 млн изданий.

Наиболее крупными академическими библиотеками сегодня являются:

— Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге с фондом свыше 11 млн экз.;

— Библиотека по естественным наукам в Москве с фондом 1,2 млн экз.;

— Фундаментальная библиотека по общественным наукам (ИНИОН) в Москве с фондом 10,9 млн экз.;

— Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН в Новосибирске с фондом 9,9 млн экз.;

— Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН в Екатеринбурге с фондом 0,86 млн экз.;

— Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения РАН во Владивостоке с фондом 0,83 млн экз.

Дату создания Академии наук можно считать и началом российского светского высшего образования. Тогда в Санкт-Петербурге впервые в мировой практике была выдвинута и реализована идея единого учреждения, под общим руководством, с общим штатом и бюджетом Академии наук — как исследовательского учреждения, университета

и гимназии — образовательных учреждений. Так была основана традиция взаимодействия науки и высшей школы в России.

В ходе празднования 275-летнего юбилея РАН освещению этого взаимодействия был посвящен специальный доклад¹. В нем и в других публикациях на эту тему подчеркивалось, что Академия на протяжении всей своей истории вносила и вносит сегодня свой вклад в развитие школьного и высшего образования, подготовку научных кадров. Это и инициатива М. В. Ломоносова совместно с И. И. Шуваловым по созданию в Москве первого университета, первым куратором которого, правда, короткое время, был первый Президент Академии наук Л. Я. Блюментрост. Здесь уместно вспомнить и инициативы академиков по созданию в Новосибирске Академгородка и университета, Московского физико-технического института, Санкт-Петербургского физико-технического научно-образовательного центра РАН и ряда других учебных и научно-образовательных организаций.

Сейчас мы находимся на пороге новых, кардинальных преобразований в сфере образования. И здесь важно не потерять то ценное, что было создано за многие годы и столетия.

Академик Д. С. Лихачев считал, что «Культура — это святыня народа, святыня нации». Сюда входят тысячелетние культурные ценности, включающие ценности всего человечества, а не только народов России. Эти ценности также «вошли в ткань отечественной культуры, стали составной частью ее развития... Они не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены... Культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще ныне живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим»².

Завершая этот далеко не полный обзор, можно сделать вывод, что ученые Академии наук внесли неоценимый вклад в развитие русской культуры. Нынешнее поколение ученых Академии продолжает и, я уверен, будет в дальнейшем продолжать эти славные и благородные традиции.

¹ Платэ Н. А. Академия наук и развитие образования в России. Российская Академия наук. 1724–1999: материалы юбилейных торжеств. М., 1999. С. 137–168.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная система // Новый мир. 1994. № 8.

О. Т. БОГОМОЛОВ,

*академик РАН, почетный директор Института
международных экономических и политических исследований РАН,
доктор экономических наук, профессор*

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА

Я хотел бы начать со слов благодарности Гуманитарному университету за большую честь участвовать в Лихачевских чтениях и выступить здесь, с этой почетной трибуны. Представляется интересным рассмотреть тему этой встречи с точки зрения ученого-экономиста, то есть поговорить о том, как экономика, культура, наука, образование и нравственность взаимодействуют и влияют друг на друга. Можно было бы поставить вопрос достаточно просто: служат ли культура, наука, образование, нравственность прогрессу экономики — и получить безусловно утвердительный ответ. Но в реальной жизни их связь и взаимовлияние не столь очевидны. И наши реформаторы, ввергая страну в шоковый переход к рынку, отнюдь не оглядывались на состояние культуры и образования, более того, не учитывали, как со своей стороны наука, культура, образование, нравственность могут повлиять на успех или неуспех рыночных преобразований.

Известно утверждение, что экономика есть материальный базис, а политика, идеология, культура — надстройка. Иначе говоря, материальное бытие определяет общественное сознание во всех его проявлениях. Факты как будто это подтверждают: чем богаче и мощнее народное хозяйство, тем благоприятнее условия для развития науки и культуры, эффективнее политика и идеология. Однако в сегодняшнем мире мы сталкиваемся с обратной зависимостью, когда идеология и политика приобретают первенство над экономикой, становятся определяющим фактором ее развития. Разве не политический выбор и воля правящей элиты определили характер преобразований в российской экономике?

Всякая политика опирается на определенные идейные установки, или, другими словами, имеет идеологическую составляющую. Известно, что идеология формируется на основе тех или иных теоретических концепций, предлагаемых наукой. Пропагандируемая и насаждаемая государством, она способна управлять сознанием и поведением значительных масс людей, определять политику и формировать экономику.

Познание законов природы помогает человеку воздействовать на нее, но не может даже на время отменить эти законы. Объект исследования находится вне нашего сознания, существует и развивается независимо от него. В обществе дело обстоит иначе. Законы общественного развития, формулируемые учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества — по крайней мере, на какое-то время. Создается видимость правильности теории, поскольку само общественное устройство подогнано под теоретическую модель.

Джон Майнард Кейнс писал, что идеи экономистов и политологов, независимо от того, истинны они или ошибочны, более влиятельны, чем обычно думают. Едва ли, отмечал он, миром правит что-то другое. Влияние интересов собственников, по его мнению, сильно преувеличивается по сравнению с идеями, обретающими власть над умами.

История знает немало общественных деформаций, вызванных несостоятельными идеями. Думаю, что и сегодня, как после 1917 года, российское общество оказалось их жертвой. Но рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения проявляет себя — нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, остававшаяся непризнанной или непознанной, берет верх. Такая судьба, скорее всего, ждет и российский либеральный фундаментализм, лежащий в основе политики президента и правительства. Он все больше обнаруживает свою несостоятельность. В массовом сознании зреет понимание того, что политический курс нуждается в пересмотре. И чем раньше это произойдет, тем меньше риск крупных потрясений.

Говоря о культуре, обычно имеют в виду искусство, литературу, науку, просвещение, религию. По достижениям в этих областях обычно судят о духовном и интеллектуальном потенциале нации. Но в понятие культуры, наряду с высшими ее проявлениями, входит и бытовая и поведенческая культура

населения, а также состояние общественной морали. Конечно, культура, олицетворяемая ее лучшими представителями, влияет на уровень массовой культуры, задает нравственные и цивилизационные ориентиры всему обществу. На экономике это тоже сказывается, ибо сегодня она, более чем когда-либо раньше, движима знаниями и интеллектуальным творчеством. Что касается культуры поведения и общения людей, их быта, духовных потребностей, то здесь взаимосвязь с экономическим развитием еще сильнее.

Отсутствие элементарного чувства солидарности, неприкрытый эгоизм, стремление к выгоде, к любому преимуществу в ущерб окружающим и даже во вред всему обществу — такова типичная картина поведения многих. Что это: проявление безнравственности или бескультурья? В принципе, культура предполагает не только законопослушание, но и соблюдение нравственных норм. Если в странах Запада партнеры, договаривающиеся о сделке, не сомневаются, что она взаимовыгодна, то российский бизнесмен, как правило, предпочитает обмануть партнера, руководствуясь лишь получением собственной прибыли за самый короткий срок. Неумная жажда наживы взвинчивает цены, толкает к разного рода махинациям, что в конечном счете снижает спрос и потребление населения, урезает доход бюджета и замедляет пульс экономической жизни.

Право не может быть всеохватывающим, оно имеет пробелы, оставляя вне своего регулирования те или иные стороны хозяйственной деятельности или виды человеческих отношений. Этим можно воспользоваться в корыстных целях в ущерб интересам всего общества. Нелишне напомнить и о случаях, когда сами законы или президентские указы принимались у нас в интересах влиятельных лиц или групп, а отдельные аспекты рыночных отношений к их выгоде сознательно выводились из сферы правового регулирования.

Когда происходит присвоение чужого имущества в результате кражи, грабежа, мошенничества и тому подобного, каждому ясно, что это уголовно наказуемое преступление. Специфика современных рыночных механизмов, особенно финансовых и биржевых, такова, что позволяет, используя пробелы и несовершенство законов, присваивать чужое, уклоняться от налогов, обирать население на «законных» основаниях. К сожалению, даже разоблачения в СМИ остаются без последствий. Совершивших аморальные поступки не подвергают ostrакизму, впрочем, и при-

влечение к судебной ответственности отнюдь не правило, а скорее исключение. Сталкиваясь ежедневно с вопиющими фактами беззакония и произвола, люди утрачивают остроту восприятия, постепенно проникаются равнодушием и безразличием к происходящему. Но надолго ли?

Нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу. Приватизация общенародной собственности без ее реальной оценки и согласия общества, финансовые пирамиды типа ГКО, искусственные банкротства предприятий, схемы «оптимизации» налогообложения и тому подобное позволяли отдельным лицам создавать огромные состояния. К скрытым и аморальным, но не всегда противоправным способам обогащения относятся у нас разводнение акционерного капитала, монополизация рынка и картельные соглашения, использование служебной информации для личного обогащения и многое другое. Такого рода практика воспринимается как вызов нравственным представлениям людей и потому в США и других странах преследуется по закону. Если ей не противодействовать, то в экономике и обществе будет накапливаться недовольство и нарастать напряжение.

Государство, средства массовой информации, церковь, различные институты гражданского общества должны взять на себя ответственность за состояние нравственности и соблюдение общих интересов, создавать заслоны рыночному эгоизму и корыстолюбию. Их долг — всемерно способствовать утверждению нравственных критериев и стандартов как в политике, так и в экономике, а также в быту людей. Ложь и обман несут с собой не только моральный, но и экономический ущерб. Мошенничество, корыстный сговор, вымогательство, подкуп, не говоря уже о более серьезных преступлениях, придают рынку извращенный характер, лишают его преимуществ свободной конкуренции. Конкурентоспособность и производительность падают, в частности, и потому, что бизнес и его владельцы вынуждены обзаводиться частными охранниками и телохранителями, армия которых в России уже насчитывает несколько сотен тысяч человек. К «накладным расходам» следует добавить так называемые «откаты» чиновникам и рэкетирам, составляющие, по имеющимся оценкам, не менее 4 млрд долларов в год. Все эти «издержки», связанные с криминализацией экономики, безнравственностью значительной части правящей

элиты и бизнеса, перекладываются на плечи простых граждан.

Пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение — вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики. Уповать здесь только на стихийные силы самосохранения не приходится. Наиболее действенными возможностями и средствами влияния могло бы располагать государство, если бы оно само стало примером нравственной политики и дел, заботливого отношения к культурному наследию, науке и искусству, лучшим представителям интеллигенции. Власть обязана задавать стандарты нравственного поведения, не допуская прямой лжи, недомолвок и демагогии. Безнаказанность властей за допущенные серьезные ошибки и даже преступления, их пренебрежение к законам чести и нравственности, столь распространенные в современной России, имеют разрушительные последствия. Они проявляются не сразу, но от этого не становятся менее опасными. Как расценить, например, поведение некоторых производителей и продавцов лекарств, которые наводняют рынок фальшивыми медикаментами, в лучшем случае бесполезными, а нередко и опасными для здоровья людей. Таких препаратов в аптеках, по имеющимся оценкам, от 20 до 30 %¹. Подобные злоупотребления, ставящие под угрозу здоровье населения, в странах Запада уголовно наказуемы и сведены к минимуму. В России уголовная ответственность, как и моральная, в сущности, отсутствует. Прибыли аптекарского бизнеса растут, а больных за их же деньги лишают необходимой помощи.

Среди нравственных понятий особое место занимает социальная справедливость. В марксистских учебниках политической экономии о ней не упоминалось, поскольку категория «справедливость» из области морали и к экономическим законам и политике не имеет прямого отношения. Так думал и Адам Смит, считавший эгоизм предпринимателей общественно полезным. Еще определеннее говорит о том же один из апологетов либерализма Фридрих фон Хайек: «Имеет ли какой бы то ни было смысл понятие социальной справедливости в экономической системе, основанной на свободном рынке? Категорически нет»². Современные российские либералы в этом отношении остаются марксистами и одновременно последователями Хайека. Между тем ре-

альная экономика развивается не только по чисто экономическим законам, на нее влияет господствующее в обществе представление о социальной справедливости. Едва ли надо доказывать, что и в России, и в странах Запада дело обстоит именно так. Соблюдение справедливости, несомненно, является одним из факторов успешного экономического развития. От ее обеспечения зависит отношение людей к труду, средствам производства, зависит не только деловая, но и политическая активность населения, консолидация общества. Поэтому чрезвычайно важно осуществлять справедливое в глазах большинства населения распределение созданного трудом живущих и прошлых поколений богатства, предотвращать недопустимую социальную поляризацию. Не менее существенно платить справедливую с точки зрения работников заработную плату, которая обеспечивала бы сохранение и воспроизводство их способности к труду, совершенствование в профессии, содержание и воспитание детей. Оба названных нравственных императива беззастенчиво попираются в России.

Социальная дифференциация в российском обществе усиливается в последние годы в результате того, что рост реальных доходов населения, чем так гордятся власти, приходится в подавляющей части на верхнюю прослойку буржуазии, а большинство населения не испытывает никакого заметного улучшения. В отличие от России, разрыв между богатыми и бедными в Европе не только значительно меньше, но и имеет тенденцию к сокращению.

Еще античный поэт восклицал: «Где нравственности нет, что пользы принесут напрасные законы». Уже стало распространенной практикой решение проблем не по законам, а по понятиям либо чиновников, либо толстошумов. Безнаказанность мелких и крупных правонарушений — привычное явление. Невротичность наказания за аморальные или противоправные поступки давно перешла в область прекраснодушных пожеланий, стала свидетельством бессилия государства.

К поведенческой культуре относится законопослушание и элементарная людская солидарность. Их отсутствие наглядно проявляется на российских дорогах в поведении многомиллионной армии водителей автомобилей. Уважительного отношения друг к другу и пешеходам, равенства участников движения перед общими для всех правилами и законами нет и в помине. Чем мощнее и роскошнее автомобиль, тем больше у его водителя прав. Он может обгонять «слабых», иг-

¹ Трибуна. 2004. 18 нояб. С. 4.

² Hayek F. A. Low, Legislation and Liberty. Routledge, 1982. Vol. 2. P. 68.

норируя дорожные знаки, выезжать при заторах на встречную полосу, парковать автомобиль где попало, затрудняя движение другим, отказывать в помощи попавшим в беду водителям и пешеходам и т. д. Нечего и говорить о езде в нетрезвом виде. Все это ведет к росту числа дорожно-транспортных происшествий, по показателям которых Россия далеко впереди европейских стран, удорожает и замедляет работу транспорта. Наши дороги — зеркало состояния бытовой культуры нации, как, впрочем, и отношение к природе, которую нещадно загрязняют, уродуют безвкусной застройкой дач и особняков, вырубкой лесов. Мусорить на улицах, в общественных местах, оставлять где попало пустые бутылки стало привычным делом. И досаднее всего, что власти и общественность смирились с этим, как с неизбежностью, не пытаясь активно бороться.

В местах скопления людей, в общественном транспорте стало редкостью уважительное отношение к себе подобным, элементарная вежливость, забота об инвалидах и стариках. Непонятно, зачем продолжают отводить для них места в метро и автобусах, если никто с этим не считается и не следит за соблюдением порядка. Хамство, грубость, озлобленность, с которыми люди сталкиваются дома и вне дома, способны надолго испортить настроение, отравляют социальную атмосферу, отражаются на качестве и производительности труда. Пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать граждан к законопослушанию, к соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати, телевидения. Велика роль в воспитании культуры и нравственности всей системы образования. Но, кажется, это не заботит авторов намечаемых реформ в данной сфере. Правилам вежливости, бытовой гигиены, поведения в общественных местах и многому другому детей в школах практически не учат ни за партой, ни примером учителей. Далеко не всякая семья этот недостаток может восполнить.

Можно серьезно улучшить экономическое положение, сосредоточив усилия государства и общественных институтов на подъеме образованности, поведенческой культуры и нравственного уровня основной массы населения.

Преступность и коррупция в России и ряде других постсоветских стран процветают не

только из-за слабости государства и правоохранительных институтов, обнищания значительных масс населения, но и из-за того, что в ходе поспешных и непродуманных реформ оказались подорванными духовные устои общества, обесценена культура и ее носители. Телевидение и печать потакают самым низменным вкусам и интересам, превращая насилие, бандитизм, секс в преобладающую тему книг и передач. Средства массовой информации пропагандируют роскошную жизнь людей высшего класса и западные стандарты потребления, недоступные большинству жителей России. Честный труженик, едва сводящий концы с концами и обремененный многочисленными житейскими проблемами, ощущает себя униженным. Он перестал интересоваться кино, телевидением и литературой. Рынок не требует от них создания образа положительного героя, показа нравственного идеала, с которого молодежи, миллионам простых людей стоит брать пример. Общество обрекало и продолжают обречать на духовную опустошенность.

В споре о том, благоприятствуют ли рыночные свободы развитию культуры или действуют противоположным образом, верх пока берут пессимисты. Примеров антагонизма рынка и нравственности, рынка и культуры более чем достаточно. Противопоставить им можно немногие положительные факты. Поэтому все громче слышатся призывы сдерживать рыночный эгоизм, безудержную погоню за наживой, требовать от предпринимателей социальной ответственности. Другими словами, государство и общество ждут от них заботы не только о личном, но и об общественном благе. А это в значительной мере вопрос морального долга, хотя и государственное принуждение тут вполне уместно.

Мораль и культура формируются в итоге длительного исторического развития. Их состояние — результат многих превратностей общественного бытия. В данной сфере невозможно исправить — нужны годы настойчивых усилий по моральному и культурному воспитанию граждан. Пренебрегать задачами развития культуры, образования и науки, экономить за их счет бюджетные средства могут только временщики, которым важнее превратить власть в капитал, чем обеспечить будущее процветание страны.

Н. Н. СКАТОВ,

*член-корреспондент РАН, директор Института
русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
доктор филологических наук, профессор*

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В недавний период жесточайшего идеологического противостояния двух миров нашему тогдашнему противнику Алану Даллесу, шефу американской разведки, приписали слова: «Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности фальшивыми и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, помощников и союзников в самой России — эпизод за эпизодом будет разыгрываться трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания». Жизнь оказалась страшнее и драматичнее: выяснилось, что сеющие хаос, бурю в пустыне, вынуждены пожинать урожай. А какой в пустыне урожай? К тому же хаос оказался совсем не способным ограничиваться, локализоваться и управляться, на то он и хаос. А готовность умерщвлять одно из национальных самосознаний довольно быстро приобрела характер трагедии и стала всеобщей даже не эпидемии, а пандемии, стремительно охватывающей все страны и континенты, если иметь в виду почти моментальную скорость распространения источников болезни в виде современных СМИ.

Тем не менее нельзя не признать глубину многих утверждений Даллеса. Первое — трезвая оценка нашего народа как самого непокорного на всей земле. Вопреки, кстати сказать, многим горьким, а часто и злорадным демократическим воплям как ушедшего — вроде формулы Н. Г. Чернышевского «Нация рабов», так и современного литературного человека: «Русский народ — фикция. Его не существует», пишет Ю. Нагибин. Второе — замечание о том, на чем основана эта непокорность — о национальном самосознании, которое должно быть изменено, трансформировано и в итоге уничтожено. Нельзя не признать справедливость слов, что уничтожение такого самосознания есть не что иное, как трагедия, грандиозная по масштабу. И наконец, трагедия явлена не как разовая, обрушительная, вследствие чего пробуждающая, вынуждающая действовать, а как приручающая, усыпляющая, происходящая медленно,

«эпизод за эпизодом». Менее всего следовало бы идеализировать наш национально-общественный менталитет в том духе, что русские терпеливы, трудолюбивы, христоролюбивы, прославляют соборность и т. д., и т. п. «Народ наш, — писал Ф. М. Достоевский, — с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед целым миром готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать себя во имя негодующей любви к правде и истине».

В наше время почти ушло или значительно ослабело представление об изначальной сакральной природе слова, как об этом сказано в Евангелии: «И слово было у Бога, и слово было Бог». Недаром в большей или меньшей степени высокий, священный смысл слова закреплялся в нашей истории и в жизни духа («Слово о законе и благодати»), и в молении о милости («Слово Даниила Заточника»), и в ратоборстве («Слово о полку Игореве»). К тому же именно в слове объединились язык и литература. Однако сама литература ныне переживает кризис — возможно, как отражение общего кризисного состояния общества.

Можно говорить об ослаблении такого неизменного свойства русской литературы, как реалистическая традиция. Нет, такая традиция и сегодня не бесплодна, но она не становится общим достоянием в той мере, в какой может и должна стать. Вспомним, например, не столь уж давнюю повесть В. Распутина «В ту же землю» — рассказ, потрясающий силой и остросовременным, почти символическим реализмом. Недаром писатель когда-то говорил в связи с «Матерой» о влиянии на него Г. Г. Маркеса, подтверждая тем самым свое творчество как явление мирового, а не просто национального характера и масштаба. И что же? Об этой повести рассказали по радио, сняли кино, экранизировали на телевидении, просто оповестили через прессу? Ничего. Зато для всего, к чему можно прикрепить ярлык постмодернизма, ворота настежь. И не будем лукавить — это отнюдь не отзыв на потребности и пожелания публики, но наглый диктат и беспардонное навязывание. Вообще, резко обозначившиеся сейчас кризисы и постмодернизма, и модернизма тоже отменили их роль декорационной подмалевки,

до поры до времени создававшей иллюзию прогресса и прикрывавшей общий культурный кризис. Кстати, кризис общественной жизни, отразившийся в культуре вообще и в литературе в частности, нашел еще одно выражение в невиданных до того масштабах. При этом именно высокая мода элитного постмодерна сошлась с поэтикой самого низа и буквально захлестнула непечатным словом печатные страницы, телевизионные экраны и театральные подмостки, приобретя характер словесного СПИДа. Без уяснения того, что сейчас представляет собой массовая культура, и не только молодежная, не понять ни характера общекультурных процессов, ни роли в них литературы. Опубликованная в одном из популярных изданий статья называется «Алла Пугачева — наше все» по аналогии со стократ повторенной и уже ставшей хрестоматийной формулой «Пушкин — наше все». Конечно, если наше все — Алла Пугачева, то Пушкин — наше ничего. Все это — знак беды. Думаю, что и сама Пугачева, как человек в своем деле талантливый и умный, должна вместе со всеми прийти в ужас. Наглядно видишь, как шоу-бизнес стремится опутать, поглотить и опустить молодого одаренного Николая Баскова. Вот он уже поет в эстрадной паре (не называть же это дуэтом) с бесталанной безголосой певицей для потехи, для контраста. Впрочем, контраст этот может скоро сгладиться — читал ли Басков повесть Гоголя «Портрет»? Кстати, язык, как всегда, выдает суть дела даже звучанием: поп-музыкант, поп-певица. Речь совсем не о том, чтобы выключить популярную музыку, стремительно катящуюся вниз, и предаться Моцарту. Кафешантан талантливый и бесталаный был и, наверное, будет всегда. Дело в том, что кафешантан начинает воплощать культуру вообще, а кафешантанные певички и развязные конферансье — представлять искусство в целом, к тому же они заседают в комиссиях, советах и комитетах, что-то определяя и направляя. Англичане опытным путем установили, что подобная музыка гораздо вреднее даже грохота отбойных молотков, а регулярное ее прослушивание способно со временем превращать людей в идиотов. Массовая, не народная, а подчас и антинародная культура — неизменная составляющая любого общества, но она еще никогда не была столь агрессивной, повторю — никогда еще в такой степени не претендовала на общекультурное представительство, заняв почти все телепространство.

После президентского доклада «Нация в опасности» в Америке была принята госу-

дарственная программа, ставящая целью срочно превратить страну в нацию читателей; в этом направлении движется и Европа. Нам тоже необходим срочный мобилизационный план и рывок, ибо нация в опасности, в том числе и из-за утраты государственной стратегии. Речь идет о разрушении мощной книготорговой индустрии, о материальной ущемленности ее основного потребителя — так называемой трудовой интеллигенции, трудового люда вообще, и о решающей роли телевидения. Значимость современного телевидения сравнима с прежней ролью печатного станка. Можно ли представить себе, чтобы все типографии печатали только пивные этикетки, непристойные открытки, в лучшем случае — комиксы, и не печатали книг? Ушли в прошлое просветительские программы, а ведь было время, когда публичные уроки лучших учителей собирали телеаудитории, которые и не снились нынешнему крайне ограниченному контингенту попсового созвездия.

Почему же сейчас так важна роль русской литературной классики? Дело не только в повышении образовательного уровня, но и в простом расширении кругозора и нормальной эстетической удовлетворенности, которую дает литература как самый универсальный способ духовного производства. Сейчас нам, потерявшим себя, наверное, прежде всего важно обрести человеческий образ. Когда-то великий Гёте написал обращенную к немцам, возжелавшим тогда стать нацией, ироничную эпиграмму с призывом сначала стать просто людьми. Так и нам в поисках национальной идеи надо сначала обрести образ и подобие Божие. «Для чего живем?» — спрашивал Гоголь. И отвечал: «Для высокого». Вот о чем сегодня должна напомнить нам литературная классика, когда столько культурных сил оказалось призвано к прямо противоположному — к превращению страны даже не в колонию, а в загон, а человека даже не в раба — в скотину.

Мы живем уже в условиях нового губительного тоталитаризма. По утверждению прекрасного режиссера В. Абдрашитова, самые мрачные прогнозы Дж. Оруэлла и Е. Замятина могут показаться детским лепетом; никакой тоталитаризм — сталинский, гитлеровский или полпотровский — не сравнится с тоталитаризмом, который ныне поселяют в умы и души. Современному бизнесу не нужны самобытные люди с разными интересами. Зачем уничтожать людей физически, они могут быть мускульной силой и пушечным мясом, а главное — идеальным потребителем.

Нужно только соответствующим образом навести порядок в головах и душах. Можно не сомневаться в провале любой позитивной демографической политики на фоне рекламного, печатного, школьного обучения тому, как не допустить рождения детей или как от них избавиться. Желание и даже возможность «прижать» тот или иной канал ничего не изменит — все они, за исключением отдельных передач, одним миром мазаны, но, конечно, где-то побольше пива, где-то — крови. А то, что культуру загнали в резервацию одного, не самого мощного канала, видимо, поняли как разрешение на бескультурье остальных. Можно не сомневаться, что тотальное телеразрушение общества неизбежно продолжится, пока ему не будет противопоставлено мощное, стальное телеутверждение. Очевидно, такое пока можно осуществить на общественном и государственном телевидении, зависимом от общества и не зависимом от денег, телевидении не политических услугений, которых, наверное, не избежать, а решающем стратегические задачи государственного обустройства и спасения нации. Самый трезвый прагматик должен наконец понять значение совсем не прагматичных факторов и явлений в человеческой жизни. Рейтинги, особенно если они хоть мало-мальски правдивы, учитывать, конечно, нужно, но подчиняться им нельзя. И если, например, из 90-процентного рейтинга каких-нибудь тусовочных взаимоувенчаний можно

будет оттянуть 5 % к народному хору, изгнанному абсолютно, к народному или симфоническому оркестру, к литературной, театральной или музыкальной классике — это следует уже считать победой. Может стать, что именно 5 % станут решающими на абсолютных весах истории.

Каждое поколение, естественно, воспринимает свое время в его безусловности и конечности как первое и последнее, но мне кажется, для нас, во всяком случае, для нашей духовной жизни, счет и впрямь пошел на абсолютные меры: быть или не быть. Замечательный петербургский музыкант Юрий Хатуевич Темирканов, изнутри знающий культурную жизнь здесь и за рубежом, сказал, что мы превратились в культурную помойку Запада, стали свалкой его культурных отходов. Иван Александрович Гончаров писал, что все народы должны прийти к общему идеалу человеческого, конечного знания через национальность, то есть каждый народ должен положить в его основу свои умственные и нравственные силы. Во всемирную человеческую колонну мы можем влиться только одним путем — растворяясь в ней, а сохраняя свою самость. Или мы так, пусть трудно, но достойно, войдем в эту колонну, или она пройдет по нам, втоптывая нас в грязь, и трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания будет завершена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

*член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса
петербургской интеллигенции, ректор СПбГУП,
доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ*

ПРАВО НА КУЛЬТУРУ КАК ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Глубокоуважаемые коллеги! В пятый раз мы проводим Международные Лихачевские чтения. Многие из нас собираются здесь в мае уже в тринадцатый раз, потому что 12 лет назад впервые были проведены научные чтения, приуроченные к Дням славянской письменности и культуры. 24 мая 1992 года Университет был освящен Русской православной церковью, и с тех пор — напомним, что наш вуз будет отмечать в следующем году восьмидесятилетие — началось его существование уже в новом качестве. С 1993 года в наших научных исследованиях по различным направ-

лениям гуманитарного знания принимал участие Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Состав участников Международных Лихачевских чтений с каждым годом расширяется и становится все более представительным. Если в 2004 году немногим более 50 ученых представляли 52 региона страны, то сейчас количество гостей из почти 60 регионов превысило 100 человек. Я хотел бы особо поблагодарить Президента РФ Владимира Владимировича Путина и его Администрацию за то, что уместно охарактеризовать как осуществление патроната Международных

Лихачевских чтений на протяжении последних четырех лет. После ухода из жизни Дмитрия Сергеевича Президент РФ издал специальный Указ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», в котором, в частности, была одобрена наша инициатива проведения ежегодных Международных Лихачевских чтений, приуроченных ко Дню славянской письменности и культуры. Я хотел бы также выразить благодарность руководству корпорации «Ксерокс Евразия»: в этом году впервые крупнейший международный концерн выступил деловым партнером Университета в плане организации и проведения Международных Лихачевских чтений, и существенная часть наших гостей приехала именно благодаря финансовой помощи корпорации «Ксерокс».

Как председатель Оргкомитета в нескольких словах охарактеризую то, что собой представляют ежегодные Международные Лихачевские чтения. Личность Дмитрия Сергеевича Лихачева многогранна. В течение своей долгой содержательной жизни он очень ярко заявлял о себе как ученый-славист. Его крупнейшие научные открытия и вся трудовая деятельность связаны с Пушкинским Домом. Однако начиная с 1980-х годов Дмитрий Сергеевич становится очень широко известен благодаря своим выступлениям, публицистическим статьям, общественной деятельности, и поэтому можно говорить о Лихачеве и в еще одной ипостаси — выдающегося ученого-культуролога.

Сегодня в наших стенах собрался практически весь цвет российской науки, лучшие представители самых разных областей научного знания. В президиуме — Николай Николаевич Скотов, директор Пушкинского Дома, блистательный ученый-филолог, Андрей Михайлович Финкельштейн — выдающийся астроном, член-корреспондент РАН, ведущие отечественные ученые-педагоги, крупнейшие юристы, экономисты, социологи. С Дмитрием Сергеевичем Лихачевым их объединяет замечательное качество — выходя на передовые рубежи в науке, поднимаясь по бесконечной лестнице научного познания, эти люди не замыкаются в рамках своей профессии. Завтра мы будем чествовать вице-президента Российской академии наук, выдающегося ученого-химика Николая Альфредовича Платэ в качестве Почетного доктора нашего Университета — напомним, что первым нашим Почетным доктором стал Дмитрий Сергеевич Лихачев — таким образом традиция будет продолжена. Ученый-химик Платэ, который занима-

ется «чистой» наукой и «чистой» практикой — нефтесинтезом, молекулярными мембранами, тоже озабочен смыслом человеческой деятельности и оценивает ее с глубоких философских позиций. Эта логика присуща каждому большому ученому, потому что не может быть, по крайней мере в нашей стране (думаю, что и в других странах), большого ученого, которого внутренние мотивы деятельности, научные исследования не побуждали бы быть настоящим гражданином и патриотом. Поэтому специалисты самых разных наук собираются на Международных Лихачевских чтениях, и с каждым годом их становится все больше. Не важно, занимают ли они конструированием новых устройств, литературным творчеством, научными исследованиями, общественной, педагогической деятельностью, — у всех наших ученых есть определенная гражданская позиция, их объединяет творческое отношение к своему делу, тревога за судьбу подрастающего поколения, всего человечества. И это позволяет сказать, что происходящее здесь является реализацией и развитием духовного наследия Дмитрия Сергеевича.

Если посмотреть тематику заседаний начиная с 1993 года, то круг рассматриваемых проблем достаточно широк. Но что бы мы здесь ни обсуждали, всегда в выступлениях доминирует дух тревоги, заботы о судьбе страны, науки, интеллигенции, обычного человека. Дмитрий Сергеевич Лихачев сам неоднократно участвовал в майских чтениях, которые теперь называются его именем; нашим издательством опубликовано более 15 его выступлений на самые разные темы. В частности, выступая с этой трибуны на вручении ему докторской мантии, Дмитрий Сергеевич говорил о судьбе Петербурга, самого европейского среди российских городов и самого российского среди европейских.

Высказанная Дмитрием Сергеевичем мысль о том, что право человека на культуру является одним из важнейших, и его защита есть практически защита права человека быть самим собой, легла в основу работы целого коллектива, созданного по специальному постановлению Правительства Санкт-Петербурга. В рабочую группу, которую возглавил Д. С. Лихачев, вошли крупнейшие ученые нашего Университета, деятели науки из других вузов города, и в результате их усилий была создана Декларация прав культуры, презентация которой состоялась здесь 1 сентября 1995 года.

Декларация прав культуры еще не заняла подобающего ей места; по мысли Лихачева,

она должна быть принята сначала на государственном уровне у нас в стране, затем — в ЮНЕСКО, и после этих процедур встать в один ряд с такими важными документами в истории человечества, культуры и мировой цивилизации, как Декларация прав человека и Декларация о труде Международной организации труда. Принятием таких документов человечество признает появление новых целей и задач, новых приоритетов, формирует социальные институты, которые начинают заниматься реализацией этих задач. Хотелось бы верить, что мировое сообщество примет Декларацию до того, как будут утрачены важные для человечества культурные ценности.

Вне зависимости от действий государств, правительств, международных организаций мы делаем, делаем и будем делать свое дело. В связи с этим мне представляется очень актуальной тема нашего пленарного заседания — «Культура и глобальные вызовы мирового развития». Мне думается, что эти вызовы пронизывают всю нашу повседневность. Мы сталкиваемся с ними, когда Россия пытается войти в мировое сообщество и встречает сопротивление. Они противостоят нам, когда постсоветское пространство разрывается на блоки. Мы видим глобальные вызовы мирового развития, когда снижается роль Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО, мирового права. Наша страна, избавившись от тоталитаризма, наталкивается на барьеры непонимания в мировом сообществе, попытки разговаривать с нами с позиции силы. Что это, как не атавизмы: нам удалось преодолеть психологические и культурные барьеры, а многим нашим партнерам по международному сообществу — нет.

Время бросает вызовы и на других уровнях. В частности, на уровне национального развития — когда возникают противоречия между нравственностью и экономикой, когда предпринимаются попытки разрушить одну из святынь нашей культуры, нашего государства — Российскую академию наук, стержень не только науки, но и духовного развития России. Мы видим вызовы времени и на уровне локальном, личностном. Несколько недель назад Ученый совет нашего Университета принял беспрецедентное решение

об отчислении студентки из вуза за использование ненормативной лексики в Интернете. Еще несколько лет назад представить себе такое было невозможно. Я излагаю несколько упрощенно, но когда девушка умеет пользоваться Интернетом и не понимает, что такое культура, — это противостояние культуры и цивилизации. И когда в мировом сообществе государственные деятели не слушают других государственных деятелей, потому что у них больше арсеналы оружия и более мощная армия, это тоже противостояние культуры и цивилизации. Я полагаю, что культура и цивилизация — это два различных типа существования общества, причем оно может существовать в этих двух типах одновременно. Традиционная культура — это система, выстраивающаяся вокруг персонифицированного этического идеала, а цивилизация — общественный организм, для которого нет ничего выше свободы, автономии и материальных благ: обогащения, потребления, чувственных удовольствий. Это, между прочим, воплощение языческой системы ценностей, идущей от Вавилона.

Культура всегда основана на нормах — что можно делать и чего нельзя, на ограничениях, которые человек сам себе выставляет, не важно, студент ли это, уставившийся в монитор, или президент страны, принимающий решение о бомбардировке. Ориентация культуры — духовность, аскетизм, социальность, соборность, стыдливость. Здесь есть нравственные регуляторы, такие как вера, совесть, моральная ответственность, сопереживание чужой боли. С особой тревогой мы видим, что сегодня в сознании и поведении молодежи ложно понимаемая свобода и тяга к материальным благам зачастую вытесняют духовность и духовные ценности.

Цивилизация, в моем понимании, — это агрессивность, самодостаточность. Здесь есть рациональные регуляторы: закон как принуждение, юридическая ответственность как понимание степени соответствия поступка закону. Сомнительные достижения цивилизации — это исчезновение государств и народов, пантеизм, и очень не хотелось бы, чтобы подобное происходило в России. Миссия культуры — обуздать агрессивность и сделать человека человеком.

Е. Г. ДРАПЕКО,

*заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы
Федерального собрания РФ, депутат Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП*

ОБЩЕСТВО ИМЕЕТ ВЛИЯНИЕ НА ВЛАСТЬ

Если мы с вами обратимся к сегодняшнему законодательному процессу и посмотрим, какие именно законы сегодня вносит правительство и президентская Администрация и какие из них практически беспрепятственно проходят через послушное большинство Государственной Думы, то увидим совершенно четкую картину того нового устройства России, которое нам предлагают — как здесь было удачно сказано — либеральные фундаменталисты. Социальные последствия принятия Закона № 122 «О монетизации льгот» нам хорошо известны. Сразу после этого должен был быть принят целый блок законов о реформировании социальной сферы в Российской Федерации и превращения государственных, бюджетных учреждений культуры в некоммерческие автономные организации. Бурная реакция интеллигенции привела к тому, что законы были отозваны. А это значит, что у нас все-таки существует обратная связь между тем, что готовится, и тем, что принимает или не принимает общество — то есть общество имеет определенное влияние на власть. Не использовать это влияние было бы грешно. Сейчас нам предлагают новое революционное преобразование. С 1 января 2006 года вступает в действие Федеральный закон РФ № 131 «О новом устройстве местного самоуправления в России». Этот закон предполагает, что культура, здравоохранение и образование «спускаются» на самый нижний уровень российской власти — муниципалитеты. Таким образом, уничтожаются районное и городское звенья управления этой сферой. Сей-

час по требованию целого ряда профильных министерств премьер-министр М. Фрадков направил во все субъекты Федерации письмо с просьбой оценить последствия, спрогнозировать результаты внедрения этого закона. Если закон примут, у нас будет другая страна, с другим территориальным делением и другой ответственностью перед социальной сферой, которую будет нести только нижнее звено на уровне поселений. Вот о чем я бы хотела напомнить нашим ученым, потому что именно мы, интеллигенция, должны предупреждать власть о последствиях, принимаемых решениях и, как минимум, изучать происходящие процессы. Но в утешение хочу сказать, что многие культурные события последнего времени, в том числе и в области кинематографа, живописи свидетельствуют о появлении новой позитивной волны в противовес той самой «чернухе», которая захлестнула средства массовой информации. Оказывается, молодежь, те, кто никаким образом не подвергался массивному воздействию коммунистической пропаганды, начинают собственный поиск нравственной опоры, нравственного идеала. Молодые режиссеры, композиторы, художники снимают фильмы, сочиняют музыку, пишут картины — ищут то, что мы с вами потеряли. В этом, я считаю, наша надежда, и если мы их в этих поисках поддержим, то, возможно, тот период социальной анемии, который мы с вами переживали в последнее десятилетие, пройдет и у нас появится новая плеяда деятелей, на которых сможет опереться Россия.

В. Е. ЧУРОВ,

*заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками,
депутат Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП*

В РОССИИ ФОРМИРУЕТСЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Наши потомки, безусловно, отметят вклад Гуманитарного университета профсоюзов в формирование общенациональной идеи. Ее творцами окажутся два человека — академик Жорес Алферов, внесший исключительный вклад в естественнонаучную часть национальной российской идеи, который в полной

мере будет оценен только в будущем, и академик Дмитрий Лихачев, создатель ее гуманитарной части. Я надеюсь, что все присутствующие здесь внесут свою лепту в развитие идей академика Лихачева и создадут свою часть общенациональной российской идеи, чего я всем искренне желаю.

Е. И. МАКАРОВ,

*помощник полномочного представителя Президента РФ
в Северо-Западном федеральном округе***ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ —
ВАЖНЕЙШАЯ ТРИБУНА ДЛЯ ОБМЕНА МНЕНИЯМИ**

Уважаемые участники Лихачевских чтений, позвольте приветствовать вас, здесь, в стенах Гуманитарного университета профсоюзов на V Лихачевских чтениях. Учрежденные по Указу Президента Российской Федерации Лихачевские чтения являются важнейшей трибуной для обмена мнениями деятелей науки, культуры, политики. Высказываемые здесь мысли кажутся порой парадоксальными, но через некоторое время именно они помогают правильно понять и оценить направление движения нашего общества. Очень важно, что материалы Лихачевских чтений публикуются — прежде всего потому, что учащаяся молодежь, политики, государственные деятели могут прикоснуться к напряженной нити рассуждений ученых, которые имеют возможность высказывать их не через несколь-

ко десятилетий после происшедших событий, а в режиме реального времени. Поэтому Администрация Президента Российской Федерации считает своим долгом всесторонне поддерживать Лихачевские чтения, в том числе и своим участием, способствуя укреплению авторитета Санкт-Петербурга как культурной столицы Российской Федерации. Выражаю огромную благодарность участникам, в том числе и зарубежным, за то, что год от года ваш круг расширяется. И, поздравляя вас всех с этим значительным событием, надеюсь, что традиция проведения Лихачевских чтений не будет прерываться — тем самым мы будем следовать в русле идей, которые вдохновляли великого ученого, нашего с вами земляка, Почетного доктора Университета Дмитрия Сергеевича Лихачева.

П. ЯРВИС,

*профессор университета Суррей (Великобритания)***ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЗНАНИЯ, УНИВЕРСИТЕТЫ**

Устройство общества в значительной степени определяется мощными силами, действующими в его центре, здесь никогда не находилось места для образования. Однако содержание и функции образования всегда соответствовали требованиям центра — например, содержание учебных планов начальной школы всегда отражало те формы знания, которые считалось необходимым передать будущим поколениям.

Тем не менее в истории образования существует одно известное исключение; так, обучение взрослых в Западной Европе и Северной Америке до последнего времени стремилось ответить на потребности людей, а не социальной системы, и преследовало образовательную и развивающую цели. В последние годы и эта форма образования, наряду с другими, изменилась. Теперь образование необходимо человеку для успешного трудоустройства и приобретения новых знаний, чтобы не отстать от стремительно развивающегося мира коммерции.

В данном докладе будут рассмотрены пути развития и использования знания в объеди-

ненной мировой экономике современного общества. Первая его часть посвящена глобализации и обществу знания, вторая — сущности знания в экономике знания и третья — университетам.

1. Слово «глобализация» сейчас достаточно часто используется и имеет множество значений. Здесь нецелесообразно глубоко исследовать различные теории глобализации. Но хочется упомянуть о том, что Е. Вид¹, к примеру, выделяет три концепции: по мнению Гэлтуна (1971), это «структурная теория империализма»², Валленстайн рассматривает глобализацию как «мировую систему»³, а Борншир во главу угла ставит идею «инвестиционной

¹ Weede E. Rent Seeking or Dependency as Explanations of Why Poor People Stay Poor in Albrow M. and King E. (eds) Globalization, Knowledge and Society. London: Sage, 1990.

² Galtung I. A Structural Theory of Imperialism Journal of Peace Studies, 1971. Vol. 8. P. 81–117.

³ Wallenstein I. The Modern World System. N. Y.: Academic Press, 1974.

зависимости»¹. В некотором смысле все они касаются власти тех, кто управляет подструктурой общества, — это финансовый и интеллектуальный капитал и те, кто использует информационные технологии.

Глобализацию точнее всего следует определять как социально-экономическое явление, имеющее глубокое политическое и культурное значение. В наиболее упрощенном виде ее можно рассмотреть с позиций базиса (подструктуры) и надстройки (суперструктуры). Напомню, что с марксистских позиций каждое общество обладает собственными базисом и надстройкой. Согласно Марксу, базис служит экономическим основанием, а надстройка — это остальные явления социальной и культурной жизни, включая государственные структуры, культуру и прочее. Тому, кто владел капиталом, а следовательно, и средствами производства, принадлежала и власть над обществом. Но за эти годы значение собственности уменьшилось, поскольку появилось больше механизмов управления не принадлежащим к собственности государством². Однако другим важным изменением явилось то, что базис стал глобальной переменной, а не социальной. Те, кто управляет базисом в странах доминирующего Запада, получили возможность управлять базисами других стран; важным теперь представляется влияние, которое эти базисные изменения оказывают на надстройку каждого общества (в традиционном представлении одинаковые силы действуют на каждого человека и общество, несмотря на наличие разной истории, культуры, языка и т. д.).

Принципиально обратить внимание на экономическую конкуренцию — рынок является основой мирового базиса. Кроме того, многие народы и общества сопротивляются процессу глобализации, пытаются, в различной степени, сохранить свою уникальность и независимость³. Мировая надстройка теперь больше похожа на устройство, в котором одни части являются подвижными и, соответственно, изменяются, тогда как другие остаются неизменными.

Дополнительным доминирующим фактором явились огромные усовершенствования в информационных технологиях, которые облегчили глобальные процессы. Следовательно, мы можем видеть, что субъекты глобализации, осуществляющие стандартизирующее давление на все общества, фактически утверждают, что глобализация — это «процессы, с помощью которых транснациональные деятели скрепляют и размывают перспективы власти, ориентации, индивидуальности и внутренний уклад ведущих национальных государств»¹. Как только власть государства заметно ослабевает, это расценивается обществом как вынужденное подчинение государства требованиям базиса, и политические деятели начинают терять уважение².

С объединением скоростных транспортных систем мир был превращен в «глобальную деревню», хотя термин «деревня» не совсем точен, так как мировые культуры гораздо менее гомогенны, чем те, что относятся к отдельной деревне. Тем не менее капиталистическая система и международное разделение труда действительно затрагивают мировые культуры, что можно охарактеризовать как процесс стандартизации³ или макдональдизации⁴.

Однако именно те общества, которые находятся в центре экономической глобализации и которые можно было бы рассматривать как общества знания, Дэниел Бэлл впервые назвал постиндустриальными. Согласно ему, для таких обществ знание, особенно теоретическое, стало фундаментальным ресурсом⁵, и как позже указал Стер, появление этих обществ означает фундаментальный сдвиг в структуре экономики, так как при этом производство уступает ведущую роль знанию, которое лежит в основе выпуска новых предметов потребления и оказания услуг и, следовательно, имеет экономическое значение⁶. Знание не имеет никакой действительной стоимости, только стоимость использования как дефицитный ресурс. Действительно, новое знание — дефицитный ресурс, ценный с точки зрения той продукции, для производства которой оно могло быть использовано, следовательно,

¹ *Bornshier V.* Multinational Corporations and Economic Growth *Journal of Development Economics*, 1980. Vol. 7. P. 191–210.

² *Prichard C., Hull R., Chumer M., Willmott H. (eds)* Managing Knowledge: critical investigations of work and learning. L.: MacMillan, 2000; *Jarvis P.* Universities and Corporate Universities: The Adult Learning Industry in a Global Society. L.: Kogan Page, 2001.

³ *Robertson R.* Globalization in Featherstone M., Lash S. and Robertson R. (eds) *Global Modernities*. L.: Sage, 1995.

¹ *Beck U.* What is Globalization? Cambridge: Polity, 2000.

² European Commission. *European Governance: a white paper*. Brussels: COM, 2001. *Korten D. C.* When Corporations Rule the World. L.: Earthscan, 1995. *Monbiot G.* The Captive State. L., 2000.

³ *Beck U.* Risk Society. L.: Sage, 1992.

⁴ *Ritzer G.* The McDonaldization of Society Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1993.

⁵ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N. Y.: Basic Books, 1973.

⁶ *Stehr N.* Knowledge Societies. L., 1994.

исследование и развитие лежат в основе производственных процессов. Каждое минимальное добавление к совокупности научного знания потенциально ценно в экономике знания. Однако не все общества представляют собой общества знания; некоторые являются сельскохозяйственными или производственными вследствие международного разделения труда, а страны Африки в районе Сахары следует отнести к области социального исключения.

Общеизвестно, что транснациональные компании перемещают производство в страны, где существует наибольшая вероятность возвращения инвестированного капитала с максимальной прибылью; с развитием информационной технологии и скоростного транспорта они способны работать как единые организации с точки зрения своей политики. В то же время, например, в силу разных причин, одной из которых является стандарт образования и обучения рабочей силы, ни одна производственная компания полностью не переместилась в страны «третьего мира».

Р. Рейх разделил работу на три основные категории: повседневные промышленные услуги (повторяющаяся работа в виде стандартизированных промышленных процедур), персональные услуги (сервисные профессии «от человека к человеку») и «аналитики» (исследователи, проектировщики и т. д.)¹. Первые производят продукцию для повседневных нужд, вторые вовлечены в сервис, третьи — интеллектуальные работники. На Западе количество занятой интеллектуальным трудом рабочей силы растет, но так как западное общество — это общество услуг, наблюдается также рост сервисных профессий, многие из которых все еще чрезвычайно рутинны и высоко контролируемы. Это повлекло за собой тенденцию к массовому получению высшего образования (50 % выпускников школ идут в вузы), что в свою очередь, как утверждает Ливингстон, явилось одной из причин неполной занятости². В других странах, где заработная плата не столь высока, как на Западе, например в Индии, готовы посредством высшего образования обеспечить заполнение интеллектуальных рабочих мест, также это становится важным для межнациональных корпораций, которые должны сохранять конкурентоспособность на мировом рынке.

¹ Reich R. *The Work of Nations*. L.: Simon Schuster, 1991.

² Livingstone D. *Lifelong Learning in the Knowledge Society: a North American Perspective* reprinted in Edwards R., Miller N., Small N. and Tait A. (eds) *Making Knowledge Work: Supporting Lifelong Learning* (Vol. 3). L., 2002.

По утверждению ряда ученых, только некоторые формы знания являются критическими для общества знания, и его анализ находится в соответствии с прогнозами для высшего образования: «Университеты индустриального общества делают акцент на обучении естествознанию, техническим наукам, медицине, менеджменту — частному или общественному — и административному праву. Относительно меньшее место занимают гуманитарные дисциплины, в то время как социальные науки находятся в тесной зависимости от обучения групп менеджеров и инженеров для предприятий и государственных структур. Тем не менее ценность гуманитарных наук возрастает — индустриализация увеличила количество свободного времени»¹. Конечно, эти ученые были не правы относительно природы общества, но верно расставили акценты на научной и «полезной» тематике в постиндустриальном обществе.

2. В основе образовательной философии, естественно, лежат эпистемологические проблемы; обсуждение многих из них здесь неуместно, но некоторые являются важными для понимания роли университетов в современном мире. Шелер еще в 1926 году классифицировал типы знания согласно скорости, с которой они изменяются, разделив их на семь категорий, из которых к двум последним относились положительное знание математики и естествознания, гуманитарные науки и технические знания, а к первым пяти — миф и легенда; знание естественного языка; религиозное знание; мистическое знание; философско-метафизическое знание². Две последние категории (положительное знание математики и естествознания, гуманитарные науки и технические знания) он рассматривал как искусственные, так как они стремительно изменились и не успели реализоваться в культуре общества до своего исчезновения, в то время как другие формы знания были внедрены в культуру и изменялись более медленно. Значение этих других форм знания было, следовательно, занижено. По мнению некоторых ученых, существует сильное давление на университеты, с тем чтобы их программы почти полностью были сосредоточены на исследовании и преподавании быстро изменяющихся форм знания.

Однако если знание изменяется так быстро, как мы можем решить, правильно ли оно?

¹ Kerr C., Dunlop J., Harbison F., Myers C. *Industrialism and Industrial Man*. Harmondsworth: Penguin (2nd edition), 1973.

² Scheler M. *Problems of a Sociology of Knowledge*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Традиционно было три пути признания законности знания: рациональное аргументирование, эмпирический и прагматический методы¹. Все они правомерны, но в основе конкурентоспособного глобального рынка лежит потребность генерировать новое знание, которое могли бы использовать транснациональные мировые корпорации для производства потребительских товаров. Следовательно, пока новое знание будет полезно, прагматично, оно будет иметь преимущество перед другими формами знания. Лайотард назвал его «исполнительным» знанием и считал основой позднемодернистской эпохи². Исследование становится направленным благодаря потребности рынка в новых товарах, поэтому, по мнению Шелера, оно всегда должно быть изменчивым и искусственным.

Функция университетов также изменилась. Университеты, как предполагается, создают рабочую силу посредством обучения: «В обстановке делегитимирования университетов и учреждений высшего образования призваны создавать навыки, а не идеалы — много докторов, много преподавателей в данной дисциплине, много инженеров, много администраторов и т. д. Передача знания предназначена уже не для обучения элиты, стремящейся к управлению государством с целью приобретения свобод, но для обеспечения системы игроками, способными к приемлемому выполнению своих ролей на должностях, которые требуются системе»³. Между тем в университетском обучении всегда отсутствовало практическое знание, и до сих пор университеты в значительной степени продолжают следовать этой традиции.

Я утверждаю, что знание, лежащее в основе любого действия, имеет не менее пяти составляющих: знание содержания; знание процесса; каждодневное знание; верования, отношения, эмоции и ценности; навыки⁴. Имеет большое значение то, что эти формы знания полностью интегрированы, в отличие от академических дисциплин. Другими словами, практическое знание вовлекает всего человека, но обучение в университетах редко рассматривалось с учетом такой точки зрения. Преподавание в университете противо-

поставляется новому подходу к знанию, практическому или исполнительному, которое нужно включить как в программу подготовительных курсов, так и в программу аспирантуры¹.

В этом процессе можно наблюдать противоположные тенденции: прагматизм рынка предполагает более ограниченную и целенаправленную исследовательскую программу, тогда как исполнительное знание требует расширенного подхода в обучении.

В заключение обсудим, как университеты отвечают требованиям рынка и кто является их конкурентами.

Традиционно университеты рассматривали себя создателями нового знания, получаемого посредством исследования, однако исследование стало намного более сосредоточенным, и университеты потеряли исследовательскую монополию. Кроме того, университеты являлись учреждениями для подготовки исследователей: они предлагали аспирантам возможности для научного исследования как путь в академическую профессию. Звание «доктор наук» рассматривалось только как результат написания научно-исследовательской работы, но поскольку природа знания изменилась и возросла значимость практики, то научно-исследовательская работа стала более сложным процессом. Более того, она является частью процесса приобретения опыта ученым, следовательно, многие практики являются практиками-исследователями², поэтому неудивительно, что они стараются найти академические должности, обычно с частичной занятостью. Между тем Совет по Исследованию Британской Экономики и Общества увеличил срок на исследование, усложнив тем самым процедуру получения научной степени. Поскольку процесс написания научной работы усложнился, возникла необходимость хорошо разбираться в методах исследования, и степень магистра в этом случае является приоритетной квалификацией для тех, кто писал работу с целью получения степени кандидата наук на дневном отделении, под руководством научного руководителя. Однако практики не хотят, не нуждаются, а часто не могут позволить себе потратить на это целый год, таким образом, тем, кому нужно выполнить работу в ограниченный период, будут искать другие возможно-

¹ Scheffler I. *Conditions of Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 1965.

² Lyotard J.-F. *The Post-Modern Condition: A Report on Knowledge*. Manchester: Manchester University Press, 1984.

³ Там же.

⁴ Jarvis P. *Active Citizenship and Lifelong Learning* in Korsgaard O., Walters S. and Andersen R. *Learning for Democratic Citizenship*. Copenhagen: Danish Pedagogical University, 2000.

¹ Jarvis P. *Adult Learning in the Social Context*. L.: Croom Helm, 1987. Jarvis P. *Adult and Continuing Education: Theory and Practice*. L.: Routledge (2nd edition), 1995.

² Jarvis P. *The Practitioner-Researcher*. San Francisco: Jossey Bass, 1999.

сти для докторского исследования. Макс Вебер написал много лет назад: «Когда мы слышим со всех сторон требование представлять регулярный учебный план и особые экзамены, причиной тому является не внезапно появившаяся “жажда образования”, а желание уменьшить количество кандидатов на эти позиции и их монополизацию владельцами сертификатов об образовании»¹. Но сейчас университеты не в состоянии ограничить количество исследователей, и исследования проводят те, кто не обладает должным сертификатом об образовании. К тому же рынок требует скорее расширения участия, чем создания дополнительных препятствий, и университеты вынуждены отвечать этому требованию. Справедливо возражение, что новые докторантуры для практиков являются ответом на эту проблему, однако неизвестно, будет ли четко определена разница между двумя докторантурами и до какой степени профессиональные докторантуры станут широко признанными. Сейчас доктор наук имеет статус выше, чем доктор-практик, и поэтому многие перспективные студенты обращаются туда, где у них будет возможность получить более высокую квалификацию и выполнить работу в кратчайшие сроки; поскольку университеты принадлежат к рынку обучения, они должны научиться приспосабливаться к нему, не снижая стандартов.

Принципы преподавания в университетах изменяются медленно. До сих пор преподавание состоит, в основном, в увековечении знания посредством традиционных методов и приемов, хотя было немало серьезных замечаний относительно превалирования практических знаний, таких как предоставление возможности проблемного обучения и обучения по аккредитации рабочего места. Медицинский факультет в Университете Макмастер в Канаде одним из первых ввел проблемное обучение. Бауд обнаружил ряд примеров того, как университеты и другие высшие учебные заведения Австралии проводят проблемное обучение в области профессиональной подготовки. Он описывает данный подход так: «Это идея того, что проблема должна быть представлена до того, как начнется обучение или, в более широком смысле, что в обучение должен включаться спектр проблем, которые относятся

скорее к профессии, чем к академическим вопросам»².

В проблемном и трудовом обучении важны именно практические, а не теоретические знания по какому-либо академическому предмету. В самом деле, основное знание является скорее интегрированным, нежели ограниченным какой-либо конкретной дисциплиной. Из этого автоматически вытекает вопрос: если основой обучения является не академический предмет, а сама практика, тогда как должны быть построены курсы? Очевидно, их надо моделировать так, чтобы студенты могли получить кредит для практической и теоретической работы. Это дает большую свободу выбора студентам, а также важно для вузов, поскольку они стараются продавать свой продукт — обучение — путем дистанционного образования и т. п. В то же время моделирование курсов может привести к новому способу структурирования знания, которое нужно оценивать в соответствии с перспективами определенной дисциплины. Эти перемены происходят как на последних курсах обучения, так и на этапе подготовки аспирантов.

Многие молодые специалисты, поступив на работу в учреждения, требующие научных знаний, становятся как реципиентами знаний, генерируемых на новом месте работы, так и создателями нового научного знания. В свете этого их образование надо продолжать так, чтобы они были в курсе всех инноваций, которые создают передовые технологии, и обладали этой быстро распространяющейся базой знаний. Поэтому университеты начинают приспосабливаться к новым требованиям, касающимся дальнейшего профессионального образования. Все больше появляется курсов с частичной занятостью, даже для людей с высшими научными степенями, многие из которых профессионально ориентированы. В Великобритании Совет Фонда высшего образования отметил, что в 1993 году в университетах училось больше людей старше 21 года, чем обычных студентов.

Тот факт, что в университетах учатся работающие люди, означает, что лишь часть учащихся является студентами дневных отделений. Европейские университеты уже начали — хоть и медленно — адаптировать некоторые из своих программ для обучения с частичной занятостью. Некоторые потенциальные студенты совсем не могут посещать занятия, и поэтому начинают появляться программы дистанционного обучения. Однако университеты Великобритании медленно осу-

¹ Weber M. Class, Status and Party reprinted in Gerth H. and Wright Mills C. (eds) From Max Weber. L.: Routledge, 1948.

² Boud D. (ed) Problem-Based Learning in Education for the Professions. Sydney: Higher Education Research and Development Society of Australia, 1985.

ществляют эти изменения по сравнению, например, с Сингапуром, где в Интернете представлены все курсы, развитию которых способствует финансирование со стороны правительства.

Пока мы можем вести учет переменам в преподавании, и все же должны помнить, что эти изменения постепенны, поскольку в университетах имеет место чрезмерный бюрократизм, который часто возникает из-за несогласованного управления. Это обстоятельство сдерживает скорость изменений, которую требует рынок обучения.

Корпорации готовы внести свою долю в развитие персонала, так как образовательный сектор недостаточно отвечает их требованиям — и их общий вклад в образование и обучение, в том числе финансовый, огромен¹. Они открывают свои университеты и подготовительные школы, управляют специальным образованием и учебными программами, готовят инструкторов и наставников и т. д.² Все больше появляется корпоративных университетов³ — таково новое веяние: прежде основателями университетов являлись церковь, государство, а теперь еще и крупные корпорации. Большие корпорации, такие как «Дисней», «МакДональдс» и «Моторола» в США, «Британский Аэроспейс» и «Британский Телеком» в Британии; «Даймлер/Крайслер» и «Люфтганза» в Германии и другие, создают собственные университеты. Однако не все они основаны корпорациями — некоторые являются частными компаниями с соответствующими правами, как, например, университет Феникс. Впрочем, вовсе не обязательно их количество будет расти — учитывая спад экономики и закрытие многих компаний.

¹ Carnevale A., Gainer L., Villet J. Training in America Jossey Bass. San Francisco, 1990. Dohman G. Lifelong Learning: Guidelines for a modern education policy. Bonn, 1996.

² Jarvis P. Learning and Earning in the Knowledge Society: Some Ethical Considerations Unpublished paper, presented at the Singapore Association for Continuing Education Conference, 2001.

³ Eurich N. Corporate Classrooms. Princeton: Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1985.

В США существенно то, что университеты, открытые корпорациями, не только готовят собственных работников, но также предоставляют возможность учиться другим желающим, однако до сих пор многие корпоративные университеты фокусируют свою работу на обучении без присвоения степеней.

Кенни-Уоллис обращает внимание, что традиционные университеты больше не играют ведущей роли в передаче знания, особенно в электронном пространстве¹. Образование «по случаю» перешло в разряд «вовремя и для тебя», поскольку самоуправляемое обучение с помощью компьютера играет возрастающую и естественную роль для отдельных личностей и целых семей. Чему учиться, как учить — вопросы качества образования сейчас снова оказываются на первом плане.

Представляют ли эти корпоративные университеты угрозу для традиционных вузов? В данное время ответ, возможно, будет отрицательным, но все же мы живем во всеобщем рынке обучения, поэтому университетам необходимо держать руку на пульсе и быть настороже относительно появления возможных соперников, особенно таких как Моторола Университет и Университет Феникс — каждый из них по-своему очень успешен. Однако традиционные университеты существуют для того, чтобы предлагать более широкий спектр возможностей, чем большинство корпоративных университетов. Четыре правила: учись знать, учись делать, учись жить в обществе и учись быть² — вносят целесообразность в процесс преподавания и научно-исследовательской работы в университетах, хотя они нуждаются в сильном государстве, которое позволило бы им выстоять под давлением мирового рынка, чтобы выполнить эту функцию и работать со всеми формами знания.

¹ Kenny-Wallace G. Plato.com: the role and impact of corporate universities in the third millennium in Scott P. (ed) Higher Education Reformed. London: Falmer, 2000.

² Delors J. Learning: the Treasure Within. Paris: UNESCO, 1996.

В. Н. БОЛЬШАКОВ,

*академик РАН, первый заместитель председателя
Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений
и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология»*

УЧЕНЫЕ И ПОЛИТИКИ МОГУТ НАЙТИ ОБЩИЙ ЯЗЫК

Экология вообще и экология человека в частности имеет столько различных подходов, что иной раз понять, о чем идет речь, довольно трудно. С другой стороны, достаточно четко выделяются три аспекта данной области знания. Первый из них — классический: «экос» — дом, «логос» — слово, «учение о доме», взаимоотношения организма со средой обитания, сфера интересов фундаментальной науки. Второй аспект демонстрирует социальный — а еще чаще техногенный — подход к проблеме, когда говорят, что в Санкт-Петербурге экология была хорошая, но стала хуже по целому ряду причин. И наконец, третий аспект — опять-таки среда обитания, но взятая в более широком гуманитарном плане. Наверняка многие из вас смотрели передачу «Экология литературы», где писатели делились воспоминаниями о встречах с известными людьми, то есть рассказывали о своем круге общения.

Еще проблематичнее дать определение экологии человека, учитывая сложность обе-

их составляющих. Как правило, под экологией человека понимают его образ жизни, воздействие на него окружающей среды. Человек — биологический вид со своей реакцией на среду, физиологическими особенностями и, разумеется, существом социальное. С точки зрения эколога, человек приспосабливается к окружающей среде не только с помощью физиологических реакций, но и тем, что создает своеобразную среду, которой нет ни у кого из других живых существ, и этой средой является культура. Человек — единственное живое существо, которое негенетическим способом из поколения в поколение передает накопленный опыт. По существу, это является основой, которая позволяет ему создавать оптимальную среду жизни.

По мысли одного из дагестанских поэтов, лучшая экология — это поэзия, потому что она сохраняет душу народа. Если с данных позиций рассматривать культуру, то, полагаю, и естественники, и гуманитарии, и политики вполне могут найти общий язык.

Р. С. ГРИНБЕРГ,

*директор Института международных экономических
и политических исследований, доктор экономических наук, профессор*

СИТУАЦИЯ НЕ БЕЗНАДЕЖНА

В конце 1980-х годов мы хотели построить гражданское общество, социальную рыночную экономику, плюралистическую демократию, и надо сказать, что сегодня довольно далеко находимся от тех целей, которые перед собой ставили. Но, тем не менее, отчаяние — это грех, данная истина бесспорна, и есть такие вопросы, которые не имеют ясного ответа. Мы не можем заниматься только выяснением того, кто виноват, иначе есть риск упустить будущее.

В российской экономике можно выделить три направления. Первое — «школа отчаяния», объединяющая экспертов, которые считают, что Россия стремительно движется к своему концу, деградация неизбежна, и это надо принять как данность. Второе — «школа мышления», официозного оптимизма: ее

последователи утверждают, что все могло быть намного хуже, и только благодаря нашим героическим действиям ситуация выглядит более или менее сносно. И третья школа, к которой я отношу себя, — «рационального пессимизма» или «рационального оптимизма», которая, к сожалению, не имеет серьезного влияния на реальную политику. Однако есть один закон: если вы не будете раздражать власть, то у вас нет никаких перспектив для улучшения политики. Так что это нужно делать все время, причем честно, и не ради критики, а для того, чтобы действительно улучшить ситуацию.

Каково положение России в мировой экономике, с какими проблемами приходится сталкиваться и что в связи с этим надо делать? Разумеется, я буду говорить о том, что

предпринимает правительство, то есть те, кто принадлежит к школе так называемого официального или официозного оптимизма. Ни у кого не вызывает сомнений, что в последние 15 лет роль России в мировой экономике резко снизилась, на это указывают различные индикаторы. Так, наш валовой внутренний продукт составлял, по разным подсчетам, 5 %, сейчас — 2,6 %, наш удельный вес в торговле наукоемкой продукцией по разным оценкам равен 1 %, мы регистрируем в 100 раз меньше патентов, чем США. Опять-таки все признают, что имеет место примитивизация производства, она не приостановлена даже в связи с его ростом в течение последних пяти лет, и деинтеллектуализация труда. Ножицы между еще хорошим образованием и примитивным производством становятся все шире, экспорт капитала для помощи западным странам продолжается, как и экспорт самого лучшего, что у нас есть, я имею в виду выпускников университетов. Считается, что каждый отъезд дипломированного специалиста — это потеря возможного вклада в прирост валового внутреннего продукта — примерно 800 тысяч долларов. Структура экспорта также становится все более примитивной, на 7–8 товаров приходится 90 % валютной выручки. Есть ли положительные моменты? Преодолена изолированность страны от мирового хозяйства, а также монополия на внешнеэкономические отношения. За последние 10 лет некоторые наши бизнесмены овладели правилами мировой торговли и бизнеса и достигли выдающихся успехов. Другое дело, что результаты этих успехов неравномерно распределяются среди населения.

Сегодня мы находимся на пороге важных исторических решений. Если говорить четко и определенно, не искажая сущности, то у нас есть возможность превратиться в Нигерию, где валютные резервы распределяются между 10–15 % населения, или в Кувейт, где валютные резервы распределяются среди всего населения, — но, разумеется, это невозможно. Значит, даже при самой хорошей конъюнктуре цен на топливно-сырьевые товары мы и в перспективе не можем покинуть ловушку примитивного производства и деинтеллектуализации труда. В сущности, через некоторое время нам не нужно будет столько университетов и высших школ. Правительство относится к этому, к сожалению, спокойно, и реформы, которые оно проектирует, в каком-то смысле связаны именно с таким развитием событий.

Обе названные выше школы (кроме «школы отчаяния») выступают за модернизацию

российской экономики, что предполагает ее диверсификацию. Но какие средства предлагает для этого правительство? Оно считает, что прежде всего нужно наладить инвестиционный климат, затем обеспечить равенство всех перед законом, далее — антимонопольное регулирование, потому что монополизация — одно из самых серьезных заболеваний российской экономики, причем злоупотреблениями занимаются не только естественные монополии. А потом предлагаются действия, которые я считаю абсолютно контрпродуктивными. Первое — снижение налогового бремени для потенциальных инвесторов — неправильная постановка проблемы в принципе, экономическое развитие в России имеет односторонний характер не потому, что налоги высоки (в среднем они ниже, чем во всем мире), а только потому, что наша экономика слишком либерализована, нет четких задач, ясной структурной политики. Второе — правительство прямо указывает на то, что социальная сфера должна быть приватизирована. Мотив такой: есть Бразилия и есть Россия, страны с почти одинаковым населением, но в нашей стране намного больше театров, университетов, научных учреждений, больничных коек, а толку от этого нет, потому что валовой внутренний продукт на душу населения примерно одинаковый. Таким образом, ставится задача сбросить с себя бюджетную ответственность, и новый закон о самоуправлении еще более усугубляет ситуацию.

Многие либеральные интеллектуалы в России говорят о том, что русская интеллигенция вообще не должна существовать, потому что именно она виновата и в страшной революции 1917 года, и в перевороте 1991-го. Во многом это утверждение правильное — с точки зрения оценки действий, поведения. Но, с другой стороны, никто, кроме интеллигенции, не «рождает» знания. Однако правительству нужны так называемые интеллектуалы, причем такие, которые могут себя хорошо «продавать». Что мы имеем сейчас? В России есть сильная традиция рационального мышления, есть тяга к учебе. Но если их не поддерживать государственной активностью, то через 5–6 лет научно-технический потенциал перестанет существовать. Если в середине 1980-х годов в стране производилось 160 пассажирских самолетов, то сейчас — шесть. Что происходит на Западе? Если, например, произведен самолет «Боинг», то каждый может его купить, ничего не платя, потому что существует экспортно-импортный банк. Это простая мера, которая должна быть в нормальном

государстве. У нас ничего этого нет, потому что имеется установка на силы саморегулирования и фундаментального либерализма.

Каковы должны быть политические меры? Мне думается, что в любом случае следует изменить политическую систему, передав некоторые полномочия от президента премьер-министру, чтобы было больше ответственности перед народом. Что касается СНГ,

то здесь ситуация не столь безнадежна. Прimitивизация производства свойственна сейчас не только России, но и Украине, Белоруссии, Казахстану, и в рамках единого экономического пространства — я это называю интеграцией последней надежды — имеются реальные шансы для того, чтобы совместно оживить те наукоемкие производства там, где это еще возможно.

Ш. А. АМОНАШВИЛИ,

академик РАО, руководитель Международного центра гуманитарной педагогики, профессор Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук

ДУХОВНАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ

Духовность и гуманность — фундаментальные понятия образования.

Смысл гуманного педагогического сознания и гуманизации образовательного процесса я вижу в их духовной основе. О гуманизме и духовности в образовании сейчас много говорят и пишут. Эти понятия просто становятся модными и даже до какой-то степени привычными, как будто они отражают действительную и повсеместную практику. То же самое случилось и с понятиями «развитие» и «сотрудничество». Каждый учитель с убежденностью скажет, что он развивает своих учеников, хотя многие тут же обнаруживают непонимание сути развития. Также многие могут сказать, что строят отношения с детьми на основе сотрудничества, имея в виду обычный метод вопросов и ответов. Теперь настал черед стать модными понятиям: духовность и формирование духовности, гуманность и гуманное отношение к детям, личность и личностно-ориентированное обучение (воспитание, образование). Есть опасность, что происходит их девальвация.

Этим понятиям, которые возрождаются в нашем меркантильном и технократическом, материалистически озабоченном мире, суждено преобразить его, противопоставить насилию низших ценностей (скажем, чувства собственности, индивидуализма, алчности, культа наживы и т. д.) высшие, такие как: вера в высшее, возвышенное, любовь к ближнему, совесть, служение добру. Но духовность и гуманность потеряют силу влияния, если их превратить в обычные слова и обозначать ими неадекватные, даже противостоящие реалии. Они — понятия, а не просто

слова для разговорной речи; инструменты, а не украшения; поле боя, а не пещеры для укрытия. В них мы вкладываем не только смысл, идеи и чаяния, но и принцип жизни в настоящем и образ жизни в будущем. В них мы возрождаем энергию, накопленную тысячами, которая способна воодушевить многих на духовный подвиг.

Духовность и гуманизм есть фундаментальные понятия, способные содействовать непрерывному эволюционному процессу мира образования и общества в целом, они есть опора для личностного трудного пути восхождения, не говоря о выживании.

Вывод: первое — мы возрождаем понятия, на которые возлагаем надежду, с одной стороны, вывести из кризиса наше педагогическое сознание, с другой — дать ориентир образованию с его целями, процессами и содержанием; второе — имея горький опыт оплошления важных понятий, которым тоже суждено сыграть исключительную роль в обновлении образования, нам следует уберечь понятия духовности и гуманности, чтобы они не утратили заложенную в них энергию преобразования.

Мы должны учесть: эти понятия не кратковременные — сегодня они есть, а завтра уйдут (как, скажем, понятия 1960–1970-х годов — технические средства обучения, программирование или алгоритмизация обучения, новый человек, комплексный подход... в этот ряд можно поставить и понятия: технология обучения, стандарты образования, тестирование, единый государственный экзамен). Духовность и гуманность — понятия для образования вечные. Они всегда присутствовали внутри него, но, к сожалению, в большей

степени как украшение, а не как преобразующая, направляющая сила.

Нам надо говорить о духовном гуманизме

В силу того что духовность и гуманность — фундаментальные понятия, нам необходимо определить их смысл или, точнее, открыть первоначальный смысл. Они достались нам из материалистического сита, и потому все толковые и даже философские словари вкладывают в них материалистическое содержание. Так, слово «гуманный» означает: человеколюбивый, человечный в поступках и отношениях; проникнутый гуманизмом, основанный на принципах гуманизма. Гуманизм (от *лат.* *humanus* — человеческий) поясняется как мировоззрение, основанное на заботе о благе человека и его правах на свободу, равенство, счастье, уважение его достоинства и т. п.

Эти пояснения представляют собой лишь часть отражения сути. Если подойти к слову *Human* с позиции санскрита, то, по нашему убеждению, в нем можно обнаружить суть, которая будет означать: человек (смертный), ищущий в себе Свет, связь с Высшим, опору вечности (духа). *Human* — это человек, устремленный к Высшему, Создателю.

Такой человек свой устремленный поиск осуществляет не только и не столько путем самопогружения, но главным образом через мысли и деятельность в пользу людей, через уважение и любовь каждого человека, в котором он видит себе подобного. Гуманный (человек) принимает каждого как путь поиска своей сущности и сам становится для другого путем. Таков духовный аспект слова «гуманный». Единство иррационального и рационального делает его для нас фундаментальным понятием, полным идейного смысла.

Слово «духовный» в толковых словарях почти приравнивается к слову «нравственный», это искренний, сердечный, добрый, отзывчивый. А духовность поясняется как интеллектуальная, внутренняя, нравственная сущность человека.

Разумеется, данные качества и проявления связаны с духовностью, но и они являются скорее отражением сути духовности, а не самой сутью. Дух — это та Божественная вечная сущность, действие которой направлено на укрощение хаоса и установление порядка и гармонии. Но она же может усилить хаос, разрушить гармонию и потому превратиться в нечистую силу. Говорить о духовности в однозначном смысле не совсем правильно, ибо каждый человек есть ду-

ховная сущность, имеет духовный мир, но нужны долгие наблюдения, чтобы определить качество духовности.

На IV Международных Лихачевских научных чтениях в 2004 году были предприняты удачные попытки определить понятие духовности. Сошлюсь на Н. Д. Никандрова: «...но в человеке есть что-то еще, явно идущее свыше, — то, чего нет у животных. Это я и назвал бы духовностью и духом. Это можно принимать в нерелигиозном и в религиозном плане, в зависимости от того, как человек рассматривает ситуацию и жизнь. Мне кажется, нужно просто заменить двоединство — био и социо — триединством — био, социо, дух. Наверное, это тоже не определение, и философы могут очень многое возразить по этому поводу, но я думаю, что когда мы очень часто говорим о духовности, хоть какое-то понимание нам нужно иметь в виду, иначе мы просто не найдем общего языка».

Интересна мысль доктора философии Г. Силласте. Она сказала: «Когда мы говорим о духовности, то можно четко заложить в это понятие наши представления о том, что у нации нет духовности, если у нее нет своей идеологии, нет идеалов, нет веры и главных целей, ради которых люди готовы жить, работать и даже умирать».

Духовность имеет свое, так сказать, энергетическое ядро, которое в состоянии мотивировать личность и устремить ее к свершениям блага. Ядро это состоит из веры, любви и совести.

По мнению Д. Н. Узнадзе, ребенок приходит в земную жизнь с врожденным чувством веры. А в духовных учениях вера определяется как предчувствие знания. На ее основе человек может открыть в себе или принять из внешнего мира личную истину, которая будет влиять на его мысли и деяния.

Философ М. К. Мамардашвили утверждает идею, что в человеке есть нечто, что от него не зависит, и приводит пример совести. Тайна совести заключается в том, что она есть в нас. «Здоровое общество — это такое общество, которое поддерживает в человеке то, что от человека не зависит — тайны такого рода, как совесть», — говорит философ.

Что есть совесть? Ее образное описание представляется нам таким: совесть есть весы наших поступков, она — путь духовной жизни, законодатель нравственных норм, судья в нашем духовном мире. Совесть не есть общественное явление, не есть регулятор коллективной жизни, она есть сугубо личное состояние. Но можно утверждать, что совесть каждого человека имеет некое об-

щее законодательство, в силу чего субъективные нормы и их оценки, вытекающие из совести, приобретают общественную значимость. Это законодательство и есть тайна совести, тайна происхождения внутри нас той Вести, которая, если мы соприкоснемся с ней и примем ее, сделает нас человеком со-Вести. Весть эта дается человеку Свыше. Человек с совестью сам рождает в себе или с легкостью принимает нравственность. Без совести нравственность превращается в набор правил этикета.

Любовь в человеке в философском смысле — такое же нечто и такая же тайна, как совесть, и она тоже дается ему Свыше.

Все эти суждения мне понадобились для того, чтобы, во-первых, возродить в понятии «гуманность» его духовный аспект, который есть причина внешних качеств и деяний человека, именуемых нами Гуманными. Во-вторых, чтобы подчеркнуть различие между гуманностью в материалистическом смысле, что есть не сама суть, а проявление сути, и гуманностью с аспектом духовности, что делает понятие полным. В-третьих, гуманность в таком понимании более полно отражает смысл гуманной педагогики, о которой далее пойдет речь.

Педагогическое сознание находится в кризисе

Педагогическое сознание давно находится в кризисе. Чем этот кризис определяется?

Первый признак. Мы на протяжении семидесяти лет строили и утверждали так называемую советскую школу и советское образование. Мы далеки от мысли, что в них не было ничего хорошего и от всего надо отказаться. Но то, что мешало развитию педагогического сознания тогда и мешает сейчас, когда жизнь и социальный строй резко изменились, — это авторитаризм. Разного рода авторитаризмом пронизаны и научные педагогические утверждения, и программы со стандартами, и учебники, и методические системы, и характер педагогического общения. Авторитаризм — то же самое, что и насилие. В новых государственных документах по образованию авторитаризм закрепляется с не меньшим усердием, чем в прежних. В них мы не найдем ни слова о гуманизме, тем более о духовности — даже в материалистическом смысле. Как и раньше, защищаются диссертации, но педагогическая мысль топчется на месте. Как и прежде, внедряются инновации, но опять скорее для усовершенствования существующего образовательного строя, чем для пере-

ориентации его на духовные и гуманные ценности.

Второй признак. Педагогическое сознание не предлагает образовательному миру целей образования. Этими целями стихийно становятся следующие: выдержать всевозможные тесты и проверки, поступить в вуз. Образовательный процесс сужается до обучающего процесса. Из школы все больше вытесняется воспитание. Мы не знаем, чего хотим добиться с помощью образования, чему именно образовательный процесс должен содействовать. По-прежнему говорим о некоей подготовке детей к жизни, но для какой жизни — которая уже есть или которая будет спустя двадцать, тридцать, пятьдесят лет? И где эта будущая жизнь — там, за мостом десятилетия, или в наших мыслях и планах? Нас тоже готовили к жизни советского образца, но она рухнула, радикально изменилась, и миллионы людей оказались вовсе не подготовленными к жизни в условиях капитализма, что повлекло за собой трагедии и отчаяние. Можем ли опять замкнуть наше педагогическое сознание на ошибке?

Третий признак. Педагогическое сознание упорно загоняет педагогику в рамки формальной науки. Строит искусственный и формализованный язык для описания педагогической действительности. Эта действительность есть живая жизнь, но научный язык превращает ее в цифры, таблицы, диаграммы, схемы, окутывает ее искусственными понятиями, отдаляя такую науку от тех, кому она предназначена. Она не хочет признать, что «педагогика — «всехняя» наука, и потому надо писать доступно для всех» (В. А. Сухомлинский). Искусственное «обнаучивание» педагогических идей часто маскирует их примитивность или несостоятельность. Узаконенные штампы для написания диссертаций душат творческую мысль, дают возможность любому, независимо от таланта и творческих способностей, стать кандидатом и доктором наук.

Четвертый признак. Педагогическое сознание находится в плену трехмерного — материалистического — восприятия действительности. Весь образовательный процесс со всеми составными элементами и участниками принимается как объективная реальность, независимая от субъективной воли людей. Потому причины кризиса ищем не там, где они закладываются, а там, где они проявляются. Кризис образования начинается внутри нашего сознания; ограниченность сознания лишь материалистическими измерениями

порождает кризис, усугубляет авторитаризм и силовой подход. Ограниченное сознание начинает производить так называемые педагогические технологии, без разбора оперирует понятиями «формирование», «управление» и в эти контексты вовлекает понятия «личность», «творчество» (скажем, «формирование творческой личности», «технология личностно-ориентированного управления обучением», «формирование нравственных убеждений», «технология формирования творческой личности» и др.).

Пятый признак. Авторитаризм в образовании становится несчастьем, а то и трагедией для многих школьников. Агрессия взрослых — родителей, учителей, воспитателей — вынуждает детей и подростков бросать школы, бежать из семьи, из детских домов. По неточным данным, в России от 2 до 8 млн таких детей. А по официальным данным, каждые сутки кончают жизнь самоубийством 17–20 подростков. Ужасает рост детской преступности, проституции, наркомании, алкоголизма, торговли детьми. Разве можно эти бедствия приукрасить тем, что где-то за границей несколько российских школьников победили в конкурсах программистов, математиков, физиков, — лучше бы мы гордились воспитанностью, нравственным обликом, культурной речью многих наших подростков и юношей.

Мы попытались определить те аспекты кризиса педагогического сознания, которые возникают в силу его ограниченности лишь материалистическим восприятием действительности. Такая ограниченность отводит нас и от подготовки учительских кадров. Мы делаем будущих учителей носителями ограниченных взглядов и некоего набора педагогических технологий, вместо того чтобы раскрыть в них творческие способности и зародить устремленность к ценностям гуманной педагогики. Разве трудно понять, что качественное обновление школьного образования зависит не от правительственных решений, а от личности учителя — от его подготовки, взглядов и ценностей, социальной удовлетворенности. Объективный закон педагогического субъективизма таков: учитель реформирует школу, но он же деформирует ее.

Выход из кризиса мы можем найти в расширении сознания

Какие бы условия мы ни определяли для качественного и перспективного обновления мира образования, основа будет заключаться в смене парадигмы педагогического сознания: если наше сознание примет измерение духов-

ности, то постепенно произойдет переориентация образования на новые ценности — на ценности гуманной педагогики. Мы давно имеем перед собой яркий и убедительный пример — это классики педагогики и классическое педагогическое наследие.

Классическая педагогика основана на духовных началах, на началах христианства. Примечательно, что вся классическая педагогика возникла в славянско-европейском пространстве, где христианская религия пустила корни особо прочно и широко. Высоту, вечность, мудрость классические педагогические учения черпают из недр христианства.

Но как только педагогика объявила себя строгой наукой со всеми материалистическими условностями, она начала слабеть и блекнуть. Мы приписываем тому или иному классику роль родоначальника педагогической науки — скажем, Яну Амосу Коменскому, Константину Дмитриевичу Ушинскому. Между тем они, зная, что есть наука, не считали педагогику таковой. В частности, Ушинский подчеркивал, что педагогика не есть наука. Но этим он вовсе не унижал ее, а ставил выше науки, считал самым высшим искусством, какое знает человечество. Не в этом ли ответ на вопрос, почему некоторые классики свои блестящие творения по педагогике создавали не на языке науки, а на языке художественной литературы («Эмиль» Жан Жака Руссо, «Линггард и Гертруда» Иоганна Генриха Песталоцци, «Педагогическая поэма» Антона Семеновича Макаренко, «Когда я снова стану маленьким» Януша Корчака, «Сердце отдаю детям» Василия Александровича Сухомлинского...)?

Классики определили уровень мышления, высшие педагогические ценности. В недрах классического педагогического наследия лежит чаша педагогической мудрости, вечно восходящей Истины. Пусть педагогика ищет в себе научные основания, но она, в первую очередь, есть сфера мудрости. Классики педагогики составляют историю, действительность и будущность развития педагогической мысли. Нам нужно не опровергать их, не заигрывать с ними, не обнаучивать и систематизировать их своими диссертациями, не выхлацивать из них духовную основу, а вжиться в них, оживить В. Коменского, И. Песталоцци, К. Ушинского, Пирогова, А. Макаренко, В. Сухомлинского через со-размыслие, со-творчество с ними.

Нам нужно подняться до уровня сознания классиков.

Если всю педагогическую классику рассматривать как одну личность, в со-бытии

с которой развиваем наше сознание, то нами овладеет живая мысль о природосообразности воспитания, о том, что «ребенок — прах, ребенок — Бог», что «ребенок — микрокосмос, который в состоянии объять макрокосмос», о «всемогущей силе и радости познания». Нам станет понятно, почему без духовной общности воспитание не состоится.

Это со-размыслие, эти вечные проблемы сроднят нас с классиками педагогики, и мы вместе с ними станем как один человек, который восходит по лестнице Иакова.

Духовность сегодня не считается научной категорией и не измеряется; однако мы видим, что именно на ее основе рождается высшая педагогическая мысль, оплодотворяется мир образования, гуманная педагогика становится социально естественным явлением. Так называемая официальная наука строго отдалается от понятия духовности в его истинном смысле, но среди ученых есть известные люди, для которых духовность — привычный элемент мышления, и они не видят противоречия между наукой и религией (А. Эйнштейн, В. Вернадский и др.).

Авторитаризм и насилие не есть черта, присущая только российскому (или даже советскому) образованию. Ими не менее сильно заражены школы Запада. Именно на Западе началось движение так называемой «педагогики ненасилия». Значит, насилие в массовой практике школ признается как факт. И каков выход? Практически никакого, кроме призыва не применять его в отношении детей. Но образовательный процесс, в котором не будет насилия, все равно не станет гуманным и лично направленным, если его специально не сделать таким.

Гуманная педагогика нуждается в допущениях в качестве своей основы

Идеи о допущениях в педагогике не существует, хотя все научные направления, философские и духовные учения, в том числе классические педагогические учения, строятся на них.

Известен яркий пример допущения, на основе которого возникла целая наука, оно принадлежит Н. И. Лобачевскому. В Большом энциклопедическом словаре (1998) читаем: «Открытие Лобачевского... не получившее признания современников, совершило переворот в представлении о природе пространства, в основе которого более двух тысяч лет лежало учение Евклида, и оказало огромное влияние на развитие математического мышления».

Чем допущение масштабнее, тем масштабнее и мощнее становится сама наука или учение, опирающиеся на него.

Классическая педагогика нашла свою основу, отмеченную вечностью. Для Марка Фабия Квинтилиана на заре христианской эры она выражалась в аксиоме: «Наша душа небесного происхождения». Отсюда — все его взгляды на ребенка, на воспитание и обучение, отсюда и его практическая педагогическая деятельность.

Для Яна Амоса Коменского такой основой является христианское учение, и он в текстах или подтекстах своих трудов постоянно опирается на него, давая свое толкование стихам Нового Завета.

Христианское учение пронизывает труды Константина Дмитриевича Ушинского, Иоганна Генриха Песталоцци. Христианская духовная культура есть подтекст педагогических взглядов Василия Александровича Сухомлинского.

Гуманно-личностная педагогика, которая сложилась в нашем опыте и является одной из вариаций на тему гуманизации образования, строится на фундаментальных допущениях, аксиоматических началах, составляющих Истину для мировых религиозных учений и предмет многих духовно-философских исканий. Суть допущений заключается в следующих трех положениях:

- душа человека есть реальная субстанция;
- она устремлена к вечному восхождению и совершенствованию;
- земная жизнь есть отрезок пути восхождения.

Из этих допущений выводятся три постулата, лежащие в основе веры учителя в Ребенка:

- Ребенок есть Явление, то есть «веление духа» в нашей земной жизни;
- Ребенок несет в себе свою жизненную задачу, жизненную Миссию, которой он должен служить;
- Ребенок несет в себе неограниченную энергию духа.

Это есть попытка осознать духовный аспект гуманного педагогического мышления, смысл духовного измерения.

Но так как Ребенок есть еще и субстанция природно-естественная, иначе — материальная, то необходимо, чтобы наше сознание охватило его и с этой точки зрения. В данном случае имеется в виду психологическая природа, которая заключена в его теле. По словам Д. Н. Узнадзе, в Ребенке изначально содержатся семена его будущей личности. Проявление этих задатков связано со следующими

стихийными устремлениями, лучше сказать, со страстями:

- к развитию;
- к взрослению;
- к свободе.

Эти страсти есть сфера психологической науки. Она обнаруживает в них возрастные закономерности, что есть объективная реальность.

Ребенок есть единство заключенных в нем духовных и природных сущностей, он есть суть союза Неба и Земли, Души и Тела. Но он еще и неповторимая частица Целого, уникал среди уникалов.

Гуманная педагогика рождает акцентологию

Духовные начала гуманной педагогики и психологическое понимание природы Ребенка в единстве создают педагогическое мировоззрение, через которое осмысливается вся образовательная атрибутика, все составные части образования. Это и создает особое направление, именуемое нами акцентологией. С позиций акцентологии одни проблемы, которые считались важными для традиционной педагогики, в гуманной теряют смысл, другие — переосмысливаются. Но возникает третья группа проблем, которая специфична именно для этой педагогики. Таковыми являются:

- проблема воспитания добромыслия, прекрасномыслия и чувства ответственности за свои мысли;
- проблема развития, обогащения и возвышения уровня духовной жизни;
- проблема развития доброты, прекрасноречия, чуткоречия, мудроречия и воспитания ответственности за свое слово;
- проблема воспитания чувства возвышенной любви, сострадания, сорадости, уважения, помощи, оказания услуг;
- проблема отношения к собственности без чувства собственности;
- проблема возвращения чувства долга;
- проблема раскрытия сути совести и умения жить по совести;
- проблема самопознания и саморазвития и т. д.

Особая важность придается личности учителя, которому предлагается верить в:

- безграничность Ребенка;
- свою (учительскую) искру Божию;
- силу гуманной педагогики.

Учитель есть творец своего субъективно-образовательного поля, поэтому от его личности зависит качество, облагораживающая сила этого поля. Для учителя складываются аксиоматические нормы:

- любовь воспитывается любовью;
- доброта воспитывается доброю;
- благородство воспитывается благородством;
- личность воспитывается личностью и т. д.

Отсюда необходимость постоянного творческого восхождения учителя и следования правилам: «Уча — учимся», «Воспитывая — воспитываемся», «Образовывая — образовываемся сами».

Гуманно-личностная педагогика в качестве главной цели образования выдвигает идею воспитания Благородного Человека.

Акцентология гуманной педагогики переосмысливает понятийную базу с целью раскрытия в ней духовных аспектов.

Гуманную педагогику следует утверждать именно в нашей сегодняшней действительности

Возникает вопрос: нужно ли воспитывать школьников в гуманной атмосфере, когда общество негуманно?

В одном крупном российском городе после семинара ко мне подошла учительница химии и спросила с возмущением: «Вы говорите, что детей надо любить?» — «Почему я? Об этом твердит вся классическая педагогика!» — ответил я. — «Значит, ошибается ваша классика. Зачем мне лишние головные боли. У учеников есть родители, вот и пусть любят, сколько хотят. А мне их любить не надо. Зато я дам им хорошие знания по химии, и они выдержат всякие испытания!». Мне нечего было ответить.

Если учитель не любит детей, силой не заставишь полюбить их.

Что касается общества, которое негуманно. Пусть общество такое, но может ли школа, «мастерская человечности» (Коменский), отказаться от своего предназначения? К сожалению, в педагогической литературе бытует понятие: адаптировать детей к жизни, приспособить детей к жизни. Школа создана не для того, чтобы приспособлять детей к жизни, которая творится негуманным обществом. Не жизнь производит негуманных людей, а их слабости, бездуховность и безнравственность делают ее жестокой и негуманной. Адаптировать детей к жизни, которая полна жестокости и злобы, агрессивности и криминала, значит способствовать еще большему ухудшению жизни. Можем ли мы, люди образования, ждать того времени, когда общество возвысится нравственно и гуманизм станет его определяющим качеством, нормой, чтобы приступить к утверждению идей гуманной

педагогике в образовательном мире? Зачем нам такая школа?

Именно сегодня, когда в обществе так мало благородства, школа обязана взять на себя созидательный труд воспитания благородных людей, духовно и нравственно возвышенных личностей.

В утверждении этой мысли спешу обратиться за помощью к Владимиру Ивановичу Вернадскому. В 1918 году, когда общество страдало осложненными формами болезни антигуманизма, антидуховности, античеловечности, В. Вернадский записал в своем дневнике: «Нельзя отложить заботу

о великом и вечном (то есть об образовании. — Ш. А.) на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения всех элементарных нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет “хлеба и зрелищ”: есть, пить, ничего не делать, наслаждаться любовью. Неужели учитель будет довольствоваться, когда он будет воспитывать Скалозубов, Молчалиных, жадных до денег банкиров? Хорошо жить во имя чего? Надо искать более высокие идеалы. Любовь к человечеству — маленький идеал, когда живешь в космосе».

Т. Г. МОРЩАКОВА,

*советник Конституционного суда РФ, доктор юридических наук,
профессор СПбГУП*

ВАЖНО НЕ УТЕРЯТЬ ПРИОРИТЕТ ПРАВ И СВОБОД

Задуманная и начатая в 1990-х годах реформа исходила не из тех перспектив, которые ныне воплотились в жизнь, но из тех, которые с точки зрения права были достаточно обоснованно заявлены. Реформа провозгласила, и это было закреплено в Конституции, приоритет прав и свобод. И именно эти приоритеты потерялись в экономических реформах. Но они также были утрачены во всех других реформах, и в сфере культуры тоже. Это произошло, потому что государство, которое принимает такую Конституцию, должно реально, не только на словах, пойти на определенные и серьезные самоограничения. Эти самоограничения для государственной власти связаны с провозглашением стремления к правовому социальному демократическому государству и выражаются, прежде всего, в отношении к личности. Государство должно перестать рассматривать человека, его права и свободы как объект своих манипуляций, — это прямой путь к тоталитаризму.

Поскольку именно право обладает теоретическим знанием, как должны быть реализованы права и свободы, то основная цель обучения, и университетского в том числе, должна состоять, независимо от того, какую специальность приобретает будущий профессионал, в обучении правам и свободам. Если мы этого не сделаем, мы не вырастим из че-

ловека того субъекта, который может быть совершенно полноправным и равноправным в диалоге с государством, с государственными структурами.

Никакие реформы не могут осуществиться, если контроль над теми, кто их проводит — речь идет, прежде всего о государстве, которое мы «назначаем», чтобы оно служило нашим общим интересам, — не будет осуществляться со стороны гражданского общества. Да, мы подвержены отрицательному влиянию не соответствующих нашим высоким представлениям о культуре иностранных веяний. Безусловно, для нас опасны некоторые явления глобализации, но в одном мы не можем отделять себя от процессов глобализации — это гуманитарный стандарт. Представления о правах и свободах человека мы должны насаждать в России на уровне гуманитарного стандарта. Один из представителей американской юриспруденции как-то сказал замечательную фразу: каждый американский гражданин, где бы он ни был, куда бы ни поехал и чем бы ни занимался, носит с собой «чемодан своих прав и свобод». Я мечтаю о том, чтобы каждый российский гражданин носил с собой свой «чемодан прав и свобод», и означает это только одно — что государство берет на себя обязанность их гарантировать.

А. М. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,

*член-корреспондент РАН, директор Института прикладной астрономии РАН,
доктор физико-математических наук, профессор*

НАУКА НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СУДЬБУ СТРАНЫ

Мы не должны забывать о том, что современное общество — это общество, обладающее невероятно сложными технологиями, управлять которыми могут только специалисты. Поэтому представить себе ситуацию, когда в разумном обществе такой сложной технологической структурой, как РАО ЕЭС, руководит экономист, невозможно. Будущее высокотехнологичное, тем более глобализированное общество так или иначе заставит нас выбирать между управляющими экономистами, юристами, политиками и управляющими специалистами.

Наука несет ответственность за то, что произошло в нашей стране, так как поддерживала изменения в значительной степени безответственно, забывая о специфическом отношении в обществе к науке, к слову ученого. Мы оснащали власть, не очень профессиональ-

но разумную, научными терминами, которые заставили общество безоглядно верить ей.

Что мне внушает оптимизм? Приходит поколение людей, которые уже существуют в глобальном обществе, а под этим словосочетанием я понимаю то общество, в котором внушаемость исчезает благодаря Интернету, к тому же социальное невежество — уже пройденный этап, потому что жизнь нас уже кое-чему научила. И независимо от того, что делает власть и как старшее поколение реагирует на происходящие события, молодежь этот мир преобразует. В течение ближайших 10 лет мы увидим, как наше общество изменится. Оно возьмет все положительное, что возникло за это время, и отринет бесповоротно все то, что продемонстрировало свою не только бесперспективность, но и социальную и общественную опасность.

М. М. БОБРОВ,

*заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП,
профессор, Заслуженный работник физической культуры РФ,
Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП*

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Дорогие друзья! Глубокоуважаемые коллеги! Я приветствую вас от имени Почетных граждан города Санкт-Петербурга, от имени Почетных докторов нашего Университета в связи с началом работы V Международных Лихачевских научных чтений. Первым Почетным доктором нашего Университета и первым Почетным гражданином Санкт-Петербурга стал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Скульптор Михаил Аникушин, прима-балерина Наталья Дудинская, известный ком-

позитор Андрей Петров, Народный артист Советского Союза Кирилл Лавров, известный ученый, лауреат Нобелевской премии, физик Жорес Алферов — с этих людей высокой нравственности и высокой морали берут пример и подрастающее поколение, и наши современники. Я хочу заверить всех здесь присутствующих, что мы будем достойно нести это высокое звание и вместе с вами бороться за высокие идеалы нашей культуры.

Б. МОРГАН,

консультант Британского совета (Великобритания)

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Для меня большая честь быть гостем этого Университета в числе стольких выдающихся ученых. Я приветствую вас от имени Британского совета и академического со-

общества Великобритании. Наше правительство очень заинтересовано в развитии и упрочении отношений между университетами. И поэтому британское правительство финан-

сирует программу «Бридж» («Мост»), в рамках которой российские и британские университеты могут вместе заниматься академическими программами и подготовкой аспирантов.

Нашим университетским сообществам — Великобритании и России — есть чему по-

учиться друг у друга. Так, сегодня утром на выставке ваших работ и книг я узнал, как можно праздновать успех.

Уверен, что за эти два дня я научусь чему-то, что позволит мне потом поддерживать отношения между университетами Великобритании и России.

Э. Д. ДНЕПРОВ,

академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

«Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», принятая в 2001 году Государственным советом и Правительством РФ, является одной из попыток выхода из системного кризиса, охватившего все сферы жизни страны. Термин «модернизация» был выбран не случайно и с социально-психологической точки зрения, и по существу: после «шоковой терапии» и реформ последнего десятилетия общество крайне отрицательно воспринимает все, что связано со словом «реформа». По существу — потому что действительно предполагалась именно модернизация, то есть усовершенствование, обновление, изменение в соответствии с требованиями времени.

В широком, общецивилизационном смысле модернизация образования — это основа модернизации России, мощный фактор преодоления ею затянувшейся стадии «догоняющего развития». Образование в современном мире — ключевое условие экономического роста, краеугольный камень высокого благосостояния, стратегический ресурс устойчивого и динамичного развития нации. Однако отечественному образованию предстояло «догнать» саму страну, качественно изменившую за последние десять лет свое политическое и социально-экономическое устройство.

Прежде всего требовалось создать многие нормативно-правовые и организационно-экономические механизмы, чтобы в полной мере мог быть реализован Закон РФ «Об образовании». Не случайно ряд ключевых идей проекта модернизации образования восходил именно к нему: возможность выбора, многообразие и вариативность; нормативно-бюджетное финансирование; академическая и хозяйственно-экономическая самостоятельность учебных заведений; повышение статуса и усиление государственной поддержки работников образования и др.

Кроме того, предстояло преодолеть последствия глубочайшего социально-экономического кризиса 1990-х годов, который поставил эту отрасль на грань выживания, а педагогический корпус — за черту бедности.

Не менее сложны были задачи модернизации в части собственно обновления образования, преодоления все более нарастающего его отставания от потребностей развития страны. Здесь эти задачи приобретали максимальную общенациональную значимость. Ибо страна находилась на перепутье, где определялось — будет ли образование фактором стагнации или экономического роста и благосостояния общества, ресурсом конкурентоспособности и национальной безопасности страны.

Второй из вышеуказанных аспектов модернизации российского образования делал ее проведение особенно трудным. Кризис не только резко затормозил позитивные процессы в образовательной сфере, но и во многом вывел эту сферу за рамки государственных и общественных интересов. Образование, по существу, оказалось брошенным на произвол судьбы и было вынуждено заняться самовывживанием, все более абстрагируясь от реальных потребностей жизни и запросов страны.

В результате государственная образовательная политика редуцировалась до ведомственной политики, обслуживающей преимущественно интересы отрасли, а не страны; вместе с тем и само общество в условиях социального кризиса оказалось неспособным должным образом воздействовать на сферу образования, стать действенным субъектом образовательной политики.

Этот разрыв в системе «государство — образование — общество» имел по меньшей мере три серьезнейших негативных последствия. Во-первых, он обрек систему образования на экономическое оскудение и сделал ее полузакрытой структурой, нацеленной

в основном на самообслуживание и самовоспроизводство. Во-вторых, превратил сферу образования в зону наибольшей социальной напряженности — учительские забастовки в общем показателе российских стачек в конце 1990-х годов постоянно превышали 90–95 %. И в-третьих, он привел к существенному снижению эффективности и качества образования, к его оторванности от реальных потребностей современной России.

В оторванности от потребностей страны и состояла на рубеже веков основная коллизия российского образования, которую и призвана была разрешить его модернизация. Она должна была преодолеть то состояние нашей системы образования, которое вполне характеризовалось одним словом — неэффективность.

Существовавшая отечественная система образования выстраивалась в принципиально иную эпоху — на переходе страны от аграрной к индустриальной стадии развития; кроме того, она формировалась при принципиально ином политическом режиме — тоталитарном. Таким образом, в широком цивилизационном плане отмеченная выше основная коллизия нашего образования на рубеже веков состояла в противоречии между образовательным реликтом индустриально-тоталитарной эпохи и потребностями развития новой, современной России. Модернизация должна была преодолеть это противоречие, обеспечить новое, современное качество образования, выстроить эффективную систему с действенной экономикой и управлением, соответствующую запросам жизни и потребностям развития страны. При этом она имела две фундаментальные особенности (и две новые задачи), диктуемые входжением и общества, и образования в принципиально новую стадию развития.

Во-первых, на новом этапе общественной жизни и собственной истории образование стало важнейшей социально-политической, социально-гуманитарной сферой, призванной обеспечить входжение молодого поколения в общество свободных граждан. Ибо Россия на исходе XX столетия впервые попыталась встать на путь демократии, которая высвобождает силы народа и открывает неисчерпаемые ресурсы развития страны.

Во-вторых, в нынешних условиях образование стало в прямом смысле важнейшей экономической отраслью. Оно играет все более решающую роль в накоплении и развитии человеческого капитала, который в развитых странах мира составляет 64 % валового национального продукта, оставляя на долю физического капитала 16 % и на долю природного фактора — 20 %. (В России, напротив, 72 %

ВВП — природный фактор, 14 % — физический капитал и 14 % — человеческий¹.)

Однако летом 2004 года в ходе пересмотра социального законодательства и подготовки пресловутого закона № 122 «О монетизации льгот» ранее принятые финансово-экономические обязательства перед сферой образования были существенно скорректированы в части, например, ежегодного отчисления на нее 10 % от национального дохода; защищенности образовательных бюджетных статей; освобождения образовательных учреждений от налогов; права регионов вводить свои налоги и сборы на нужды образования; введения детских пособий; упрочения материально-технической базы образования и пр.

В последнее время в образовательной политике господствующим стал взгляд на образование как на сферу услуг, естественно, предполагающих «платность» этих самых услуг. Однако во всем мире вот уже более двухсот лет бесплатным (для населения) называют образование, за которое платит государство — за счет средств налогоплательщиков. Именно такое общепринятое понимание бесплатного образования закреплено в Конституции Российской Федерации.

В результате такого «услужливого» подхода мы сегодня оказались перед лицом социального кризиса. Те, кто считают образование «услугой», «товаром», не только извращают его гуманистическую природу, но и выхолащивают саму социальную суть образования как всеобщего, самоценного блага. Между тем общеизвестно, что образование — не только ключевая педагогическая, но и базовая социальная категория.

В собственном педагогическом плане — это обучение, воспитание и развитие личности, способной к самообучению, самовоспитанию, саморазвитию, к нравственному, духовному и гражданскому выбору и ответственности за этот выбор, к осознанию национальной идентичности и глобальных проблем современного мира, к профессиональному самоопределению и самостоятельной деятельности в условиях динамично меняющейся жизни для достижения самореализации и процветания страны.

В социальном плане это одно из наиболее социально значимых благ, фундамент и основное средство приращения человеческого капитала нации.

В социально-политическом плане — главнейший инструмент формирования гражданских ценностей и гражданского сознания, ста-

¹ Независимая газета. 2005. 23 марта.

новления гражданского, демократического общества.

В социально-экономическом плане — источник и основной ресурс экономического роста страны, ее благосостояния и конкурентоспособности.

В цивилизационном плане это основа преемственности культур и цивилизаций, мост, обеспечивающий сегодня переход к новому состоянию общества — «обществу знания» и, соответственно, к «экономике знания».

Вот почему во всем цивилизованном мире общества и государства, которые стремятся к экономическому прогрессу и социально-политической стабильности, заинтересованы в развитии образования едва ли не более, чем отдельно взятая личность.

Суть образовательной политики состоит в выработке и реализации социальной идеологии и социальных приоритетов нации в сфере образования. Эта идеология и эти приоритеты определяют в итоге цели, характер, специфику национального образования в трех его основных ипостасях — как социального института, как системы образования и как образовательной практики.

Наши неофиты рынка, в силу либо социальной незрелости, либо отсутствия внутренней культуры, не могут понять этих достаточно простых истин. Почему бы не прислушаться к мнению людей, живущих в рыночной реальности много дольше и плодотворнее и знакомых с культурой не понаслышке. Еще в 1999 году бывший премьер-министр Франции Лионель Жоспен на всемирной конференции по высшему образованию в Париже говорил: «Я отвергаю меркантильную концепцию, согласно которой развитие образования должно определяться только требова-

ниями рынка. Рынок для нас является реальностью, в которой мы живем и действуем. Но он не может быть горизонтом общества. *Не ради рынка утверждается демократия* (курсив мой. — Э. Д.). Как и все европейцы, я приверженец признания решающей роли государства — как гаранта равенства возможностей — в финансировании образования». Вся Европа, весь цивилизованный мир всемерно поддерживают образование не только достойным финансированием (доля расходов на образование в ВВП там вдвое больше, чем у нас — 7–9 %), но и разветвленной системой налоговых льгот и преференций. В рассуждениях же Министерства образования и науки РФ о необходимости «повышения инвестиционной привлекательности системы образования» об этом нет ни слова.

Что касается социальной составляющей реформы, то расширение платного образования, противоречащее и мировой образовательной практике, и Конституции РФ, превратит его в инструмент социальной селекции. Как подчеркивал научный руководитель Центра стратегических разработок М. Дмитриев, «при такой дискриминации в доступе к качественному образованию возникает порочный круг воспроизводства бедности из поколения в поколение. Дети бедных родителей не в силах вырваться из бедности просто потому, что не имеют возможности приобрести необходимые знания»¹. В этом плане задача образовательного сообщества — отстоять в образовании коренное, более того, исконно русское требование социальной справедливости, не превратить эту реформу в средство социальной дестабилизации и интеллектуальной деградации страны, а сделать ее действенным фактором развития образовательного, человеческого потенциала нации.

В. М. ОРЕЛ,

*советник РАН, академик Российской академии естественных наук,
главный редактор журнала «Вопросы истории естествознания и техники»,
доктор экономических наук*

НЕОБХОДИМО СОХРАНИТЬ КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ

Уважаемые коллеги! В истории цивилизации вызовы, которые сейчас принято называть глобальными, были нередки. Если рассматривать историю нашего государства, то наиболее заметным разрешением глобального вызова была эпоха Петра I, который осуществил опять-таки «глобальный» проект преобразования России, включавший и создание Академии наук. Это была необхо-

димая мера, так как полным ходом шла научная революция. Сейчас происходит утечка умов из России, а тогда шел обратный процесс, и иностранные ученые смогли организовать систему образования, создать научную культуру в России. На организацию Академии наук Петр I выделил 24 тысячи

¹ Московские новости. 2004. 3 сент.

рублей — по тем временам сумма значительная, однако на содержание царской конюшни было затрачено 100 тысяч рублей. Подобная диспропорция между расходами на науку и структуры, обслуживающие власть, к сожалению, сохраняется и даже увеличивается.

В заключение хочу напомнить, что одним из вариантов решения глобальных проблем

Дмитрий Сергеевич Лихачев считал сохранение культурной среды и в связи с этим ввел термин «экология культуры». Он писал: «Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической эволюции. Убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культуры». Думаю, что к этому призыву нашего патриарха мы должны внимательно прислушаться.

К. А. КЛЕЙН,

директор по маркетингу компании «Ксерокс Евразия»

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ КОМПАНИИ «КСЕРОКС ЕВРАЗИЯ»

Уважаемые господа! Как человек и гражданин, я очень благодарен судьбе и организаторам Международных Лихачевских чтений за возможность услышать сегодняшние выступления. Как представитель корпорации, которая поддерживает это мероприятие, хочу поблагодарить за приглашение участвовать в нем.

Я хотел бы пояснить, почему, на мой взгляд, это событие является уникальным. Мы живем в эпоху глобализации, и западные тенденции все сильнее на нашем рынке, в нашем образовании, в нашей политике и т. д. И, как мне кажется, наилучшие результаты возникают тогда, когда то новое, что приходит, оптимальным образом пересекается, смешивается и сплавляется с культурной традицией и с тем опытом, который существует в стране. Именно на этих стыках рождаются чрезвычайно интересные мысли и новые направления научного подхода, научной мысли. Нам, как компании, которая работает во многих странах мира — и в каждой стране

по-своему, — очень близок такой подход, причем именно в России мы добились самых впечатляющих показателей в течение последних лет. И, возможно, самым важным фактором, который влияет на наши результаты, является то, что мы стараемся сочетать традиции западного менеджмента и наш опыт, наши знания, российскую культурную традицию.

Мне очень приятно, что мы являемся партнером Университета, который, как мне кажется, представляет собой один из самых ярких примеров такого же оптимального, нетривиального сочетания традиций российского и западного образования. Я хочу пожелать вам с пользой и удовольствием участвовать в остальных заседаниях этой уникальной конференции, хочу пожелать организаторам продолжать это благое начинание в течение многих лет и хочу пожелать нам с вами, как гражданам России, чтобы те решения, те замечательные мысли, которые были и будут здесь сформулированы, реализовались и вошли в нашу жизнь.

М. МАТЮЛЬ,

руководитель Информационного центра Германской службы академических обменов в Санкт-Петербурге (Германия)

НУЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Уважаемые господа! Я представляю Германскую службу академических обменов — самую крупную организацию в Германии, которая занимается академическими обменами студентов, аспирантов и ученых. В последнее десятилетие мы успешно работаем в России, поддерживая и финансируя более 240 университетских партнерств.

Я могу сравнить начало 1990-х годов, когда я жил в Москве как студент, и сегодняш-

нюю ситуацию в стране — многое изменилось, и не только в худшую сторону, есть достижения и перспективы. Думаю, что нельзя быть слишком пессимистически настроенным, а нужно пользоваться возможностями, которые предоставляют другие страны в области высшего образования, в партнерских программах. При их помощи можно создать межвузовские структуры, чтобы помочь российскому высшему образованию.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Руководитель

О. Т. БОГОМОЛОВ, академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор

Ученый секретарь

М. Б. АЛЕКСЕЕВА, заведующая кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

Ответственный секретарь

В. К. ВОРОБЬЕВ, доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук

Участники обсуждения:

С. А. БОГОЛЮБОВ, заведующий отделом аграрного и экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель председателя редколлегии «Журнала Российского права», доктор юридических наук, профессор;

Ф. А. БОГОМОЛОВ, профессор Нью-Йоркского университета, президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества;

В. Н. БОЛЬШАКОВ, академик РАН, первый заместитель председателя Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология»;

В. И. БЕЛОУС, заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор;

А. П. МАРКОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшего образования РФ;

И. Н. ПАНАРИН, профессор Дипломатической академии МИД, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук;

Г. Ф. ФЕЙГИН, доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук;

В. В. ШЛЫКОВ, профессор Академии права и управления Министерства юстиции России, кандидат экономических наук;

В. Е. ЧУРОВ, заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, депутат Государственной Думы РФ, профессор кафедры экономики СПбГУП

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Процесс глобализации идет, но глобальных конфликтов, грозящих какими-то тяжелыми последствиями я не наблюдаю. Имеют место локальные конфликты и внутренние противоречия в самой глобализации, но квалифицировать их как глобальные конфликты, по-моему, было бы не совсем справедливо.

Что касается определения самой глобализации, то большое количество публикаций по данному вопросу предлагает нам самые разные трактовки. В моем представлении — и здесь я солидарен с рядом английских ученых — это объективный процесс углубляющихся и расширяющихся взаимосвязей и взаимовлияния стран и народов в различных

областях общественной жизни, прежде всего в экономике, в политике, культуре, науке, образовании, причем акцент мне хотелось бы сделать на слове «взаимосвязь».

Иногда вопрос ставится так: сегодня все говорят о глобализации, однако процесс интернационализации общественной жизни, производства, экономики, обмена отмечался марксистами еще в середине XIX века. Но, во-первых, марксистские термины в западной литературе, как правило, не приживаются, и, во-вторых, в конце XX и тем более в начале XXI века объективный процесс интернационализации приобрел новые качественные черты и количественную характеристику. Сегодня треть всей производимой продукции, и не только товаров и услуг, предназначается не для внутреннего потребления в странах, а для обмена. Но принципиален обмен даже не товарами, а информацией и правами собственности. Обороты акций и валюты на международных рынках и биржах в сотни раз превышают обороты самих товаров. Это совсем другая степень взаимосвязи и взаимозависимости государств, но не только таким образом проявляются новые качественные характеристики, которые точнее всего отражают понятие глобализации. Имеют место глобальные проблемы — экологические, медицинские, социальные, которые нельзя решить силами одной или двух стран, так как они требуют объединения усилий. Возникли новые институты, регулирующие взаимные отношения не только в экономике, но и в политике, культуре, во всех остальных областях. Речь не идет о каком-то надгосударственном правительстве, однако эти институты призваны гармонизировать интересы разных стран и налаживать между ними сотрудничество.

Процесс глобализации всеохватывающий, но наиболее интенсивные процессы взаимной зависимости, взаимовлияния, переплетения хозяйственной, экономической и прочей жизни наблюдаются в развитой части мира. И есть периферия, которая тоже втянута в эти процессы, но еще далеко не в такой степени, как страны «золотого миллиарда». Поскольку глобализация — это объективное явление, она предоставляет (или должна предоставлять) всем странам огромные преимущества благодаря и новой технике, и новым средствам коммуникаций, и процессу либерализации, который идет в мире. Многие страны, даже не имея фундаментальной науки, благодаря доступу к информации пользуются всеми преимуществами научного прогресса.

Однако нельзя не учитывать внутренних противоречий, которые свойственны процессу

глобализации. В частности, между устоявшимися представлениями о практике реализации национального суверенитета и организации общественной жизни на государственной основе, с одной стороны, и институтами, регулирующими интернационализацию, которые отнюдь не призваны заботиться обо всех гражданах планеты, — с другой. Или противоречие между национальным суверенитетом, который гарантирует стране сохранение каких-то ее наиболее существенных преимуществ, возможностей, интересов, и процессом подтачивания этого суверенитета из-за транснационализации производства, банковского дела и т. д.

Таким образом, пока глобальные процессы не регулируются с учетом и на основе общих интересов, их преимущества достаются тем странам, которые являются главными игроками на международной арене. И поэтому глобализация сегодня имеет, по существу, либеральную американскую модель. Чтобы не быть голословным, поясню, какие плюсы получают Соединенные Штаты от участия в мировой экономике. США сегодня самый крупный должник, его общий долг перед всеми странами мира составляет около 3 трил. долларов. Из этой суммы 60 млрд долларов вращаются у нас, внутри страны, кроме этого, мы держим более 150 млрд долларов резервов в американской валюте. Другие страны тоже держат свои резервы в долларах, плюс вкладывают капитал в американскую экономику. Только ежегодный дефицит платежного баланса США сегодня превышает 500 млрд долларов, то есть американская экономика ежегодно потребляет товаров и услуг на 500 млрд больше, чем производит. Это возможно в условиях той системы международных отношений, в которой доллар является главной, ведущей валютой мира. Безусловно, это не всем нравится, и антиглобалистское движение набирает обороты. Объективный процесс отменить невозможно, тем не менее антиглобалисты выступают против тех форм и методов глобализации, в которых она сегодня протекает, прежде всего — против явной неравномерности распределения преимуществ глобализации.

И. Н. ПАНАРИН: — Я являюсь специалистом по информационным войнам и в своем выступлении остановлюсь на рассмотрении информационных аспектов глобализации.

Огромная сумма внешнего долга США говорит о том, что модель глобализации, которую Соединенные Штаты навязывают миру,

является, по сути, их средством самовыживания, соответственно, в ее поддержку созданы мощные информационные «кулаки», идет самая настоящая информационная экспансия. Проблема России заключается в том, что администрация президента Буша открыто провозгласила сферой жизненных интересов бывшее пространство СССР и Ближний Восток, о чем свидетельствуют события, которые происходят в последние годы на территории бывшего СССР. В частности, в Андижане события развивались по схеме нападения на Ингушетию 22 июня 2004 года, но действия узбекского руководства в отношении СМИ были очень правильными — они отключили внешние источники телевидения, прежде всего ВВС, CNN и так далее, и тем самым конфликт был локализован буквально в течение суток. Мы помним трагедию в Беслане, откуда три иностранных телекомпании — CNN, ВВС и «Sky News» — вели прямые репортажи. На Евразийском форуме была организована специальная секция, посвященная Беслану, где в основном шли дебаты о количестве погибших заложников. Таким образом, нам хотят не помочь вырваться из круга существующих проблем, а, наоборот, — обвинить власть и заблокировать те правильные шаги, которые предпринимаются руководством. Какие требования нам предъявляют? Прекратить восстанавливать патриотизм в России, обеспечить свободу и независимость СМИ и т. д.

Сегодня американцы с помощью мощных информационных инструментов навязывают однополярную глобализацию. Так, в Интернете 62 % всех информационных ресурсов американские, то есть в основном идет обмен информацией и знаниями в интересах Соединенных Штатов Америки и в какой-то степени Британии. Россия, на мой взгляд, является главной жертвой этой экспансии, потому что, помимо финансового кредитования американской экономики, ликвидированы практически все просветительские и патриотические телепрограммы; на нашем телевидении не увидишь передач о таком замечательном явлении, как ваш Университет. Я хотел бы процитировать господина Д. Львова — с огромным интересом ознакомился с его лекцией, изданной у вас: «Теперь на нас свалилась третья беда, с моей точки зрения, еще более опустошительная: когда дураки указывают дорогу». Так вот я хотел бы обратить внимание, что эти дураки у нас во власти оказываются не случайно, таков инструмент сознательной целенаправленной деятельности наших геополитических против-

ников, которые продвигают этих людей. Если бы талантливые, умные интеллектуалы-экономисты оказались во главе наших экономических структур, тогда мы действительно могли бы пользоваться всеми преимуществами глобализации, о которых уже говорилось.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Как соотносятся этика и экологическое законодательство? Что такое этика, думаю, нашей гуманитарной аудитории объяснять не надо, хотя дискуссии по поводу нравственности, моральных и этических ценностей не смолкают. Что касается законодательства, то сейчас принято большинство проблем решать с помощью закона, поэтому позволю себе напомнить, что законодательство — это правила поведения, обязательные для исполнения, принятые уполномоченным на это специальным органом, и за нарушение этих правил должна наступать юридическая ответственность. Как соотносятся этические, моральные, нравственные ценности и законодательство? Нравственность, мораль, этика у разных слоев общества разная, и по отношению к экологии у разных граждан этические ценности заметно различаются. Так, правоохранительные органы сталкиваются с большими трудностями при закрытии загрязняющих окружающую среду предприятий. Все против загрязнения, но когда работники предприятия узнают о возможной потере работы, то активно возражают против его остановки. Или, например, водители грузовиков, которые вывозят отходы, пытаются всякими правдами и неправдами увеличить количество поездок, поэтому сбрасывают мусор в ближайшую канаву, однако становятся очень активными и бдительными, когда посторонний человек возле их дачного участка устроит такую же мусорную кучу.

Законодательство, в отличие от этики, не может разделяться по слоям населения, оно обязательно для всех. Почему, казалось бы, аксиоматическое утверждение о том, что природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, подвергается сомнению? Некоторые субъекты Федерации, в частности приволжские республики, отразили в своих конституциях положение о том, что все природные ресурсы, находящиеся в пределах этих республик, являются их собственностью. Конституционный суд РФ недавно вполне определенно высказался по этому поводу: имеются в виду народы, проживающие

на соответствующей территории, то есть в пределах Российской Федерации. Природные ресурсы не являются собственностью напрямую, но основой жизни и деятельности людей — однозначно. Другим моральным постулатом, занесенным в законодательство, является право каждого на благоприятную окружающую среду. Хотя этому закону уже более десяти лет, судебные иски граждан по поводу их проживания в неблагоприятной среде и, следовательно, нарушения законодательно установленных прав, очень немногочисленны.

Говоря о правах, мы, безусловно, должны говорить и об обязанностях — не только государства, но и граждан. И в российском законодательстве есть положение о том, что каждый должен охранять окружающую среду и природные богатства.

Что касается критики действий правительства, хочу сказать следующее. Интеллигенция, конечно, изначально призвана быть в оппозиции к власти, и нельзя в связи с этим не вспомнить мудрые слова, сказанные одним юристом 45 лет назад, о том, что наука перестает быть наукой тогда, когда она перестает говорить власти «нет». Но, говоря «нет», я думаю, и в экологии, и в рассмотрении глобальных проблем следует видеть альтернативы, которые нам предлагаются. Дальновидность в области сочетания этических, моральных основ и законодательства должна быть присуща нам всем, чтобы наше общество двигалось вперед и развивалось в благоприятных экологических условиях.

В. В. ШЛЫКОВ: — Согласен с вами, что этика для различных специальных групп различна, а закон един для всех. Тем не менее я полагаю, что и законодателям, опираясь на такое понятие, как «беловоротничковая» преступность, следует отразить это в законах. Речь идет о юридической ответственности корпораций за экологические преступления, они наносят намного больше вреда, чем отдельные граждане. Каково ваше мнение по этому поводу?

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Законодательство для всех одинаково, независимо от цвета воротничка. Но в дополнение к вышесказанному приведу еще один пример. Недавно был дополнен Кодекс об административных правонарушениях, и теперь судья единоличным решением может закрыть предприятие. До этого существовала довольно дли-

тельная процедура: Министерство природных ресурсов на основании собранных материалов должно было через прокуратуру обращаться в суд.

Разумеется, это наши внутренние проблемы, но они — ключ к решению глобальных.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Возможно — но не всегда. Одни страны подписали Киотский протокол, другие не подписали, а Киотский протокол — это попытка решить проблему потепления климата на нашей планете коллективными усилиями. Американцы, например, утверждают, что у них все в порядке, поэтому им подписывать Киотский протокол не обязательно.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Киотский протокол позволяет России — это как раз имеет прямое отношение к теме сочетания этики и международных соглашений, законодательства — излишки нашего незагрязненного атмосферного воздуха выгодно использовать. Такова информация к размышлению — как соотносятся глобальная проблема потепления климата, загрязнения атмосферы углекислым газом и возможность каждой страны, сэкономив на своих «законных» загрязнениях, продать свою квоту соседним странам.

В. Н. БОЛЬШАКОВ: — Первый прогноз, касавшийся развития человечества, был сделан в XVIII веке. Тогда основным видом транспорта были лошади и мулы, и наибольшее опасение вызывало — в связи с потребностями в них человечества — именно увеличение количества этих животных. Предполагалось, что, во-первых, к 1900 году они съедят всю растительность, а во-вторых, навоз покроет планету слоем толщиной в полтора метра. Этот прогноз мало чем отличается от современных, связанных с проблемами загрязнения.

Два года назад по инициативе Президента РФ В. В. Путина была принята так называемая экологическая доктрина Российской Федерации. Изначально было предложено 22 варианта — Академией наук, различного рода общественными организациями, партиями, причем некоторые из них полностью противоречили друг другу. Единственное, в чем все проявляли единодушие, — надо бороться за охрану окружающей среды и за человека. В конце концов был разработан приемлемый

вариант, который согласуется и с некоторыми общими экологическими вопросами.

Что касается Киотского протокола, то группа ученых во главе с Ю. А. Израэлем, который всю свою научную жизнь занимается проблемами загрязнения природных сред, не видят у России особых преимуществ. Малое количество вредных выбросов в атмосферу связано с тем, что промышленность находится в упадке и практически не учитывается загазованность от автотранспорта. Как только все силы бросят на удвоение ВВП, не исключено, что не нам будут платить, а мы будем вынуждены платить. Сложится ли ситуация подобным образом — сказать трудно, но не подлежаит сомнению, что глобальные, национальные и экономические проблемы тесно взаимосвязаны и останутся в ближайшее время одними из самых острых и сложных.

В первой половине 1990-х годов все занимались экологией — в вузах открывались кафедры, набирались студенты по соответствующим направлениям и специальностям, однако бум, к сожалению, прошел, так как оказалось, что решение любой, даже незначительной, экологической проблемы требует громадных затрат.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Мы говорим о глобализации, взаимовлиянии, взаимопроникновении, взаимопереплетении общественной жизни разных стран — то есть об интеграционном процессе. В то же время в мире растет число самостоятельных государств, на которые распались прежде единые Советский Союз, Югославия, Чехословакия. Почему это происходит? Распад государств вызван неким заблуждением, возобладанием чувств над здравым смыслом или все-таки у этого процесса дезинтеграции есть какие-то объективные основы и корни? Разумеется, возможны объяснения чисто идеологические: имеется общий язык, принадлежность к какому-то этносу — почему бы ни обрести государственную самостоятельность? В Африке целый ряд самостоятельных государств нежизнеспособны, потому что без поддержки извне не могут обеспечить своим гражданам нормальное развитие. Думаю, и на постсоветском пространстве тоже возникли государства, не вполне жизнеспособные с точки зрения нормального развития и производительной силы, и самой нации и народа.

В. И. БЕЛОУС: — Пока существует этнос, никакой глобализации не будет. Это одна

из легенд, которую придумали господа из Соединенных Штатов. Сколько народов проживают на их территории?

И. Н. ПАНАРИН: — Если в России, по данным переписи, проживает 120 этнических групп и народностей, то в США — 500, и они это тщательно скрывают, потому что на первом месте среди этнических групп немцы — 60 млн, англосаксов всего лишь 22 млн. Никакого единого этноса — американского народа — не существует, о чем-то подобном можно говорить, пока имеется относительная социальная стабильность.

Если же говорить о нежизнеспособных государствах, то они создаются сознательно американцами с целью навязать глобализацию по американской модели, иначе Соединенные Штаты не смогут обеспечить диктат доллара, и в итоге — свое существование как государства.

В. Е. ЧУРОВ: — У меня три замечания вопросительно-утвердительного характера. Первое — мы, наверное, должны разделять все глобальные проблемы на два вида. Одни человечество может попытаться решить или, по крайней мере, скорректировать, другие от него не зависят. Речь идет о воздействии внутри и вне Солнечной системы, о процессах, происходящих в земном ядре. Пока мы не обладаем инструментами вмешательства в них, а на самом деле они могут все наши споры достаточно быстро завершить.

Второе замечание. Как практикующий политик, могу утверждать: дробление и появление национальных государств на карте мира за последние десятилетия отлично от процесса появления национальных государств в прежние века. На каждом континенте есть доминирующая страна, в Южной Америке это Бразилия, в Северной Америке — Соединенные Штаты, а точнее НАФТА — североамериканская зона свободной торговли (North American Free Trade Agreement) — Канада, США, Мексика, фактически это уже единое государственное образование. В Европе это Евросоюз. Проблема же Африки заключается в том, что ни мы, ни американцы пока не можем определить, какая страна доминирует на этом континенте — Нигерия или ЮАР.

И третье замечание: последние десятилетия показали, что теория Г. Киссинджера об управляемых конфликтах полностью несостоятельна, то есть ни в одном реальном

конflikте, который американцы пытались устроить по этой схеме, они не получили ни политических, ни экономических, ни прочих дивидендов. Например, из распада Югославии основную выгоду извлек Евросоюз.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Меня несколько смущает постановка вопроса некоторыми участниками круглого стола. Если мы отрицаем объективность глобализации как всеохватывающего процесса, то, собственно, нет и предмета для дискуссии. Но я, как экономист, могу сказать, что отрицать экономическое взаимопроникновение и взаимовлияние — значит не замечать очевидные факты и цифры. Уже то обстоятельство, что мы держим доллары в качестве резерва, — не что иное, как проявление глобализации. То же самое касается и культуры, где особенно интенсивно идет процесс взаимопроникновения, причем он начался много раньше. Европейская культура так или иначе влияла на развитие российской, и Россия тоже оказывала воздействие на европейскую культуру — отрицать это невозможно. Наши выдающиеся музыканты и певцы гастролируют по всему миру — разве это не процесс глобального переплетения культур и связей? Вопрос в другом. Никто не хочет потерять национальную самобытность, и должно быть единство многообразия.

А. П. МАРКОВ: — Глобализация — процесс не новый. На мой взгляд, христианство — глобализация в чистом виде, причем это самый успешный проект: идеология изгоев спустя два-три столетия была распространена на огромных территориях, и десятки, а потом сотни миллионов людей приняли эту систему ценностей. Соответственно, второй аналогичный проект глобализации — ислам. Поэтому сегодня ничего нового, кроме терминов и спекуляций вокруг этого явления, нет. Действительно, идет экспансия прежде всего духовных, культурных ценностей, потому что все экономические, интеграционные, информационные процессы понятны, они видимы. Другой вопрос: каких? Посмотрите, что происходило за шесть-семь веков до появления христианства. В недрах мощной, сильной языческой культуры стала формироваться энергия маятника, который качнулся в противоположную сторону, — и от язычества ничего не осталось. Аналогичный процесс идет и сегодня. Я хотел бы обозначить противоположный полюс, который, на мой взгляд,

питается энергией глобализации. Предположить, что это национализм? Если говорить о крайнем векторе этого противоположного полюса, уместны другие слова и символы. Для меня таким визуально-образным символом стала поездка нашего президента на юг Челябинской области в местечко Аркаим. Это символ, который «раскручивается» новыми правыми: отрицание христианства, его уподобление чуме, выхолостившей духовную и физическую энергию народа. Итак, противоположную тенденцию, которую я имею в виду, можно назвать фашистской идеологией, или, если смягчить акцент, почвенным движением. Такова негативная тенденция, и миссия гуманитарной культуры, гуманитарного образования, наверное, состоит не в том, чтобы минимизировать возможные беды. Глобализация — это, безусловно, источник силы, которую можно обуздать, вероятно, только мудростью, но у меня нет веры в то, что удастся выработать новую или скорректировать имеющуюся систему ценностей.

Какой человеческий тип продвигает сегодняшняя система глобализации? Если убрать термин «глобализация» и рассматривать процесс в категориях маятникового движения, то примерно две с половиной тысячи лет назад маятник качнулся от полюса языческой, гедонистической культуры с сильной индивидуальностью и культом чувственности, силы, здоровья, красоты в противоположную сторону. На мой взгляд, он уже дошел до своей крайней точки и теперь движется обратно, то есть в основе идеологии современного глобализма лежит человеческий тип, который был в центре языческой культуры. Этого человека мы видим в любом рекламном ролике, любом художественном фильме. Самое интересное, что он концептуально обоснован в идеологии постмодернизма, которая абсолютно поддерживает идеологию глобализации. Основным термином постмодернистской философии является деконструкция, разборка — страны, личности, истины, объективности. Вторым же по значимости — реабилитация как бы исторически неоправданно униженных категорий: зла, безобразия. Получается, что такой антропологический тип, для которого нет истины, объективности, нравственности, — симпатичен, более того, ему нечего противопоставить, потому что ресурсы для идентичности в рамках мировых религий, особенно христианства, на мой взгляд, очень сильно истощены, почти исчерпаны. Вспомним Нагорную проповедь Христа, ее этический идеал, и честно себя спросим: а хотел бы я, чтобы моего ребенка ударили по одной щеке, а он

потом подставил другую, чтобы он был страдающим, нищим? Здесь налицо резонанс и идеологии глобализма, и очень понятных человеческих желаний жить в сытости, радости, богатстве. Однако мы знаем, к чему приходят все языческие культуры: от пантеизма, от всебожия к человекобожию, а потом на вершине, там, где был человек, появляется другое существо — антихрист или сатана. Итог печальный: если нет того, что определяет смысл человеческой жизни, то человек разрушается вне этой системы координат. На мой взгляд, основной причиной возрождения мощной стихии идеологии, связанной с почвой и кровью, является системный кризис идентичности на социальном, культурном и личном плане, и ресурсов для выхода из этого кризиса я не вижу. За сменой культурных эпох последует конец истории.

Относительно агентов глобализации: по утверждению самих американцев, то, что сделала реклама с рядовым членом их общества, — самая настоящая катастрофа. Поэтому не следует обвинять народ Соединенных Штатов, они сами являются жертвой. Многомиллиардные суммы вкладываются в рекламную кампанию, которая сегодня не продвигает предметы потребления, но творит нового человека, новый тип личности.

В. В. ШЛЫКОВ: — Визит Президента РФ В. В. Путина в Аркаим можно считать ключевым событием, связанным с будущим выходом России из кризиса. Аркаим — точка гармонизации евразийского пространства, никакого отношения к фашизму она не имеет, оттуда древнеарийцы и протославяне двинулись в Индию и Иран. Обратимся к событиям в Андижане, куда был направлен удар антиросийских сил. Андижан — это родина Бабура, внука Тамерлана, покорителя Индии и создателя империи Великих Моголов, в 30 км от Андижана находится город Кува — это столица древнего Ферганского царства с сорокатысячным населением, на его территории найдены самые древние памятники буддизма. Таким образом, буддизм в ядре Ферганской долины, и этнически японцы и корейцы считают себя выходцами оттуда. И именно по этому ядру был нанесен удар после визита Путина в Аркаим.

Православие пришло на Русь гораздо позже, до XVII века существовало двоеверие, совокупность древнеарийской и христианской идеи. К тому же на евразийском пространстве всегда существовал славяно-тюркский союз.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Одно из определений глобализации, данное Гжегожем Колодко, звучит так: это исторический процесс либерализации, интеграции рынков товаров, капиталов и труда, которые прежде функционировали в определенной степени изолированно, в единый мировой рынок. Что качественно нового появилось, по сравнению с интеграцией и интернационализацией? Сегодня есть лишь тенденция, происходит становление единого хозяйственного миропорядка. То есть экономические контакты, международное разделение труда — это одно, и совсем другое, когда мировая хозяйственная система становится гомогенной, глобальной. Мне кажется, что для этой качественно новой стадии имеются три предпосылки, которых не было раньше. Во-первых, предпосылка технологическая. В разных точках земного шара очень разные условия для хозяйственной деятельности, поэтому для того чтобы хозяйственное устройство было гомогенным, развитие технологий должно находиться на очень высоком уровне — что, собственно, есть в наличии.

Вторая предпосылка — экономическая. На ранних этапах человеческой цивилизации достаточно было развиваться в рамках региона, и по сути история древнего мира — это история относительно изолированных регионов: Египта, Греции, Рима, Индии, Китая. То есть до эпохи великих географических открытий человечество плохо представляло, как выглядит его среда обитания. Сегодня уровень экономического развития таков, что все ресурсы, которые есть на земном шаре, должны вовлекаться в производство, а это, безусловно, возможно только в условиях глобального хозяйственного миропорядка. Кроме того, существует и глобализация потребления, то есть создается такой механизм, который обеспечивает возможность движения товаров из любой точки земного шара туда, где они могут потребляться. Мы можем сколько угодно говорить о своеобразии национальных культур и традиций, но тем не менее и у нас в России ездят на «Мерседесах» и отдыхают на дорогих курортах, то есть люди хотят потреблять опять-таки в разных точках земного шара. И, соответственно, есть объективный интерес к тому, чтобы товары и услуги свободно перемещались. Поэтому я думаю, что глобализация это не только реализация интересов одной из стран, допустим Соединенных Штатов, но объективная закономерность.

Третья предпосылка — культурная, и я хотел бы отметить следующее. Мы живем в

условиях множества этносов, это объективная реальность. Разные этносы и культуры очень трудно унифицировать, однако сегодня они настолько тесно переплетаются, что культурная глобализация возможна не в ущерб сохранению культурных традиций.

Я не согласен с тем, что глобализацию можно свести к реализации интересов одной страны, потому что в нынешних условиях страны сильно различаются и по уровню экономического развития, и по культурным традициям. Поэтому, понимая глобализацию как становление единого миропорядка, нельзя не признать, что мы еще очень далеки от него.

Обращаясь к вопросу, какие перспективы открывает глобализация для той или иной страны, нужно избегать эмоциональных оценок вроде: «зачем России нужна глобализация», «американцы хотят глобализацию». Необходима продуманная методология исследования проблем, оценки перспективы той или иной страны в процессе глобализации, и в рамках такой методологии важны два аспекта — количественный и качественный. Количественные параметры — это внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции и операции на международных финансовых рынках. Глобализация проявляется в развитии внешней торговли, в становлении относительно гомогенного торгового миропорядка — здесь надо вспомнить о роли ВТО. Преимущества имеет та страна, которая является конкурентоспособной настолько, что ее производители получают дополнительные рынки сбыта и не боятся иностранных конкурентов. Россия, несомненно, испытывает глобализационный дефицит, так как мы в силу отсутствия конкурентоспособности, прежде всего в обрабатывающей промышленности, имеем одностороннюю структуру внешней торговли, то есть экспортируем сырье и импортируем готовую продукцию, отсюда — сильная зависимость экономической ситуации в России от ситуации на мировых рынках сырья. Сегодня она для нас благоприятна, и мы имеем экономический рост, но насколько он устойчив, станет ясно только тогда, когда цены на нефть упадут.

Что касается прямых иностранных инвестиций, то можно говорить о теоретически обоснованных преимуществах их привлечения. Это возможность использовать внутри страны международные инновации, менеджерский опыт, создать дополнительную конкуренцию и получить преимущество от конкуренции. Но какая страна получает от этого выгоду? Экономика которой привлекательна

для прямых иностранных инвестиций. К сожалению, Россия не принадлежит к их числу. Более привлекательны страны бывшего соцлагеря, Прибалтика, не говоря о Китае, который по общему объему прямых иностранных инвестиций в прошлом году обогнал Соединенные Штаты.

Какая страна выигрывает непосредственно от глобализации финансовых рынков? У нее должен быть сильный финансовый сектор, способный выдержать обостряющуюся конкуренцию и одновременно привлекательный для вложения иностранного капитала. Это опять-таки не Россия, так что можно говорить о том, что в нашей стране существуют так называемые глобализационные дефициты, то есть наша экономика не может получить каких-то быстрых выгод от процесса глобализации. Но ни в коем случае я бы не стал из этого делать вывод, что нам следует дистанцироваться от глобализации и мирового рынка, так как это окончательно сделает нас неконкурентоспособными.

Таким образом, неучастие в процессе глобализации при всех его сложностях для любой страны, в том числе и для России, стратегически негативно. Поэтому, отмечая глобализационные дефициты России, нельзя не признать целесообразность продолжения принципиально взятого курса на либерализацию внешнеэкономической политики России. Однако между внутренним экономическим развитием страны и ее перспективами в процессе глобализации есть органическая взаимосвязь. К сожалению, нашу внутреннюю стратегию можно обозначить как «латание дыр».

О. Т. БОГОМОЛОВ: — В ходе нашей дискуссии мы еще не коснулись усиления миграционных процессов, что проявляется в национальном составе населения не только европейских стран, но и США. Можно говорить, что духовные ценности у каждой группы населения свои, и даже внутри страны своя этика, но, с другой стороны, есть нравственные императивы, которые стали всеобщими — например то, что спорные вопросы, конфликты следует решать мирным путем, не прибегая к оружию. Я вижу в перспективе сочетание национального суверенитета и интернационализации всей общественной жизни, передачу ряда функций международным организациям.

Вторая спорная тема касается конфликта между сторонниками либерализма не только в политике, но и в экономике, и теми, кто

считает, что должно быть сочетание либерализма и протекционизма, тем более что глашатаи либерализма — американская администрация и многие американские ученые-идеологи предлагают: «Давайте уберем все барьеры, в том числе и на пути движения не только капиталов, но и людей», но сами сохраняют очень серьезные барьеры на чувствительных для их экономики направлениях. Что делать России в этом случае? Конечно, сегодня нам выгоднее покупать «Эйрбасы» и «Боинги» (они экономичнее) как, собственно, и поступают наши авиационные компании. А собственное авиастроение, которое создавало лучшие образцы военной авиационной техники, гибнет. Я выступал с лекцией о глобализации в Рио-де-Жанейро, и мне аплодировали, когда речь зашла о национальном суверенитете и о том, что государство должно защищать интересы своей нации перед угрозами и вызовами глобализации. Китайцы десять лет договаривались, прежде чем подписали документ о вступлении в ВТО; возможно, нам надо пятнадцать лет, чтобы подготовиться к этому.

Разумеется, мы не можем избежать информационного обмена, не участвовать в международном обмене товарами. Но если только импортировать, например, автомобили, мы лишим своих квалифицированных рабочих и инженеров рабочих мест. Может быть, нам надо строить заводы в кооперации с крупнейшими мировыми автомобильными компаниями и создавать свои транснациональные корпорации в тех отраслях, где мы почувствуем себя сильнее. Мне кажется, должна быть выработана взвешенная позиция, чтобы не впасть в крайность — не «удариться» в национализм, отгородив себя от общемирового процесса глобализации.

Действительно, вопрос очень сложный: где грань? Как экономист, я могу сказать следующее: цель любой экономической политики — рост общественного благосостояния. Когда мир был расколот на две хозяйственные системы, плановую и рыночную, капиталистическую и социалистическую, идеологи находили аргументы в пользу обеих систем. Но к концу 1980-х годов стало ясно, что уровень удовлетворения общественных потребностей на Западе несопоставимо выше, чем в странах бывшего социалистического лагеря. Я убежден, что в этом главная предпосылка тех трансформационных процессов, которые позже стали происходить.

Если мы лишаем своих специалистов рабочих мест, соответственно, падает уровень их благосостояния — именно здесь оказывается

та грань, которую мы не можем преступить, и приходится отказываться от либерализма и заниматься больше протекционизмом. Если, предположим, эти люди могут работать в иностранных компаниях или их филиалах и таким образом увеличивать свое благосостояние, то, может быть, целесообразнее либеральная позиция. В конце концов, какая разница, где сделан тот или иной самолет, если мне в нем комфортно? Патриотизм незачем доводить до абсурда — «раз свое, значит хорошее, не надо мне “Боинга”».

Коснусь еще двух аспектов. Первый: термин «глобализация» тесно соседствует с другим — «регионализация», и здесь имеются разные точки зрения: говорят, что нет никакой глобализации, а есть интеграция в регионах: Европейский союз, НАТО, АСЕАН и так далее — разные интеграционные образования в разных точках земного шара, которые развиваются изолированно друг от друга. Другая точка зрения состоит в том, что регионализация — это элемент глобализации, способ интегрироваться в единое глобальное сообщество, сначала развивая интеграцию на уровне регионов, потому что так, естественно, проще.

Второй аспект: какова связь глобализации с трансформационными процессами — это решающая предпосылка глобализации, или ускоряющий фактор, или одна из форм ее проявления, ведь глобализация должна иметь какую-то экономическую основу.

Мы должны подойти к глобализации как ученые, специалисты и, не ограничиваясь отдельными примерами, постараться с помощью количественных показателей и обобщений высказать, что происходит в мире. Действительно, диктаторских режимов стало значительно меньше, а демократических или псевдодемократических, которые имеют тенденцию к дальнейшему совершенствованию, — больше.

Выводы можно сделать следующие. Главное, чтобы процесс глобализации приобретал формы и в нем действовали механизмы, которые не были бы односторонне выгодными для отдельных участников, а позволяли решать вопросы на более демократических началах. Я думаю, что тезис демократизации международных отношений, в том числе и экономических, сегодня является объективным и справедливым, хотя он и не реализуется, потому что пока сила решает многие проблемы, а отнюдь не закон и не учет интересов всех участников того или иного международного процесса. Сделать мировой порядок более справедливым — эта задача стояла в повестке дня ООН уже в 1970-е годы, была даже

принята резолюция о новом международном экономическом порядке, но потом о ней забыли и подняли флаг либерализации. На практике это оказывается выгодным только для сильных государств и не дает возможности создать собственную промышленность и укрепить ее корни в государствах, которые пытаются наверстать упущенное и встать на путь более быстрого развития. Тем не менее некоторым это удается — Китаю, Индии, Бразилии.

Наиболее сложный и противоречивый вопрос — как глобализация проявляет себя в духовной сфере. Сохранение национальной

самобытности, национальных корней очень важно, но вместе с тем нельзя упускать возможность освоить достижения других стран и сделать их частью своей культуры.

Итак, под термином «глобализация» скрывается характеристика нового качественного состояния в общении между людьми, нациями, народами. Новое качество связано с огромными достижениями технического прогресса, информационных технологий, ликвидацией барьеров на пути перемещения людей. Воспользоваться этими преимуществами, не нанося себе ущерб, нужно, и не следует призывать отгородиться от них.

В. И. БЕЛОУС,

*заведующий кафедрой современной отечественной истории
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
доктор исторических наук, профессор*

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Конфликты были и продолжают оставаться одним из важнейших факторов нестабильности и в современном мире. Однако в конце XX — начале XXI века, вследствие процессов глобализации, «размывания» национального суверенитета, крушения биполярной системы межгосударственных отношений они, как верно замечает М. М. Лебедева, «перешли на внутригосударственный уровень и все реже имеют классический межгосударственный характер... Конфликты стали плохо управляемыми, а поведение сторон и их исходы трудно предсказуемы»¹. Для Российской Федерации проблема конфликтов и способов их урегулирования особенно актуальна: с конца 1980-х годов и по сей день страна столкнулась с рядом конфликтов как внутри самой России (классический пример — Чечня), так и по периметру своих границ.

Среди множества факторов, провоцирующих глобальные, межгосударственные, региональные, внутригосударственные, локальные, бытовые конфликты одним из самых существенных является национальный (этнонациональный) фактор. В то же время ни западные, ни отечественные конфликтологи не придавали ему особого значения, лишь констатируя этот факт², за исключением, пожалуй, работ С. Хантингтона и отечественного исследователя Д. Г. Балухева³. Однако, как верно подчеркивает профессор А. Н. Сахаров, «... сама история, ее современные крутые изломы, особенно в еще «неустоявшихся» регионах мира, там, где продолжается исторический путь, уже пройденный в основном странами европейской цивилизации, все ощути-

мое склоняет цивилизационную «стрелку» в сторону национальных проблем... Все те общественные процессы, которые сегодня порой радуют как цивилизационные сдвиги в ранее беспробудно спящих средневековым сном социумах и регионах, а порой пугают своей непредсказуемой взрывной и необузданной силой, своими вырвавшимися на волю комплексами, как раз и являются зачастую процессами национальными, связанными со всем набором общественных мировых региональных факторов»¹.

И действительно, как показывает история, начиная со времен Великой Французской революции конца XVIII века и до наших дней национальный фактор в любых типах конфликтов играет заметную роль. Но особенно это проявилось в XX и в первые годы XXI столетия. Так, в глобальных конфликтах XX века — Первой и Второй мировых войнах наряду с геополитическими, экономическими, идеологическими факторами присутствовал и фактор национальный (этнонациональный): антиславянизм со стороны Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне, антисемитизм и антиславянизм со стороны Третьего рейха во Второй. В региональных конфликтах вырвавшийся на свободу этнонационализм, помимо иных факторов, способствовал разрушению Советского Союза, привел к кровавым событиям в Югославии и последующей ее ликвидации как государства, российско-чеченскому конфликту, противостоянию в вооруженной форме Армении и Азербайджана, правовому конфликту в Таджикистане и т. д.

Можно говорить о конфликтах на национальной почве на Ближнем Востоке (Израиль и Палестина), на Африканском континенте, в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (японский и китайский национализм). В настоящее время национализм управляет отношениями России и Грузии, России

¹ Политическая конфликтология. М.; Н. Новгород, 2002. С. 3.

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: эссе о политике свободы // Социальный конфликт: современные исследования. М., 1991. С. 6–21.

³ Рапопорт А. Истоки насилия: подходы к изучению конфликта // Социальный конфликт: современные исследования. М., 1991. С. 36–51; Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Политическая конфликтология. М.; Н. Новгород, 2002. С. 157–159; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Там же. С. 225–235; Балухев Д. Г. Конфликт, которого никто не ждет. Там же. С. 251–277.

¹ Сахаров А. Н. «Национальный вопрос» и российская цивилизация // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 5; См. также: Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. Там же. С. 31–54; Подберезкин А. Русский путь. М., 1999. С. 230–293.

и Украины, Грузии с Абхазией и Южной Осетией — и это только на межгосударственном уровне. Внутри России исследователи говорят о проявлениях татарского, башкирского, якутского, русского национализма (движение так называемых скинхэдов). На бытовом уровне мы вновь встречаемся с проявлениями антисемитизма и антирусизма.

Иными словами, национализм или, точнее, постсоветский этнонационализм представляет собой серьезную угрозу целостности страны именно потому, что провоцирует как минимум региональные и межрегиональные конфликты, причем конфликты системные. В. А. Тишков предлагает определить его как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик и на проистекающем из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему. Сформулировано не хуже и не лучше каких-либо иных определений. Думается, здесь нечто другое. А именно то, что К. Г. Юнг называл «архетипом» или «коллективным бессознательным», а Э. Фромм — «социальным бессознательным». Исходя из их концептуальных установок, национализм (этнонационализм) не является ни материальной субстанцией, ни даже более или менее стройной и непротиворечивой логической конструкцией. Как представляется, мы имеем дело с проявлениями чего-то иррационального, заложенного на уровне подсознания («архетип»), до поры до времени пребы-

вающего в латентной форме и лишь под воздействием неких факторов, возможно экономических, политических, каких-то других, взрывообразно врывающегося в реальность и провоцирующего конфликт в той или иной форме. Этнонационализм всегда имеет личностный характер и лишь затем превращается в разрушительный «феномен толпы», как отмечал С. Московичи¹. Таким образом, нет ни «хорошего», ни «плохого» национализма, ибо любой этнонационализм носит деструктивный характер. Другими словами — этнонационализм практически всегда является конфликтообразующим фактором как в международных, так и во внутригосударственных отношениях.

Возникает и еще один вопрос: каким образом можно урегулировать конфликт, в котором очевидно присутствие этнонационального фактора, а в идеале — как не допустить конфликта с участием этого фактора? Безусловно, нужны переговоры, тем более что теория и практика таких процедур давно разработаны². Но, думается, самым эффективным способом недопущения конфликта с участием этнонационального фактора является взаимопроникновение культур, а, следовательно, диалог между их носителями.

¹ Московичи С. Век толп. М., 1998.

² Козер Л. А. Завершение конфликта // Социальный конфликт: современные исследования. М., 1991. С. 27–35; Лебедева М. М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы // Политическая конфликтология. М.; Н. Новгород, 2002. С. 183–189.

С. А. БОГОЛЮБОВ,

*заведующий отделом аграрного и экологического законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, заместитель председателя редколлегии
«Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор*

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Обсуждение проблем этики, соотношения нравственности и права, науки юриспруденции, профессии юриста носит перманентный характер. И в этих, во многом «заезженных» темах всегда найдется что-нибудь новое, острое и современное.

Распространенные разговоры и дискуссии об этике и нравственности должны учитывать наличие разных представлений о добре и зле у разных слоев населения, классов, элит общества, причем каждая из этих групп по-

лагает свои представления о них приоритетными, наилучшими, наиболее правильными. А побеждают, по крайней мере на определенном этапе, те, кто обладает властью, силой, хитростью, кто способен свои этические и моральные воззрения и представления воплотить в праве, снабдить их аппаратом государственного принуждения и (или) массового убеждения.

Перефразируя философов середины XIX века, можно сказать, что «ваше право есть

возведенная в закон воля вашего класса, обусловленная материальными условиями жизни» и этическими, нравственными представлениями «вашего класса». Добавим, что несмотря на относительно устойчивый характер по сравнению с законодательством, этика и нравственность очень зависят от материальных условий жизни: сколько раз мы за последние десятилетия наблюдали резкое изменение представлений о справедливости и добродетелях у разного уровня функционеров, чиновников и олигархов в зависимости от изменения их служебного либо социального положения!

В области природопользования, казалось бы, должны существовать достаточно общие для всех представления о нравственном: природа — наша мать, наше общее богатство; надо ее беречь и для себя и для всех; аморальны те, кто ее загрязняет; их надо наказывать по всей строгости закона, и она еще недостаточна, и т. д. Большинство этих воззрений впервые стали нормами, принципами российского законодательства еще в 1960 году в Законе «Об охране природы в РСФСР»; кстати он оказался малоэффективным ввиду «перебора» этики, нравственности и «недоработки юридичности» в содержательном плане.

Немало этических, нравственных постулатов и в общепризнанных нормах и принципах, договорах и иных актах международного права, куда они частично перекочевали из российских законов 1960–1970-х годов, и откуда они в значительной мере снова включены в российское законодательство в 1990-х. Отметим три особенности соотношения этики, морали и права, свойственные, по видимому, не только экологическому, но и иным отраслям российского законодательства.

Во-первых, в природоохранном законодательстве заложены не только моральные, но и заведомо антиморальные (в общепринятом понимании) нормы. Например, в законе: планируются загрязнения окружающей среды, за которые предполагается взимание платы, и повышенное загрязнение с повышенной платой; регулируется проектирование предприятий, заведомо загрязняющих среду, с учетом экологической емкости региона; устанавливаются нормативы, сроки и виды загрязнений; подписанием Киотского протокола предполагается продажа невыбранных квот на загрязнения; допускается антропогенное доведение территорий до состояния экологического бедствия и т. п. Можно объяснить это уровнем научно-технического прогресса, невозможностью и нецелесообразностью его

остановки, но законом не запрещаются, а планируются, заведомо оправдываются загрязнения и чрезвычайные экологические ситуации. Иначе говоря, загрязнение природы узаконивается, подчиняется с помощью права экономическим интересам, и не всеобщим, а групповым. Представления о добре и зле в области природопользования таким образом усложняются и в определенной степени становятся неоднозначными.

Во-вторых, законодательство чутко отражает экономические настроения правящих элит, участвующих в формировании нормативной правовой базы отношений общества и природы, будь то завоз и захоронение радиоактивных отходов, приватизация лесов и лесных земель, экологические требования к импорту продукции и материалов, бесплатное отчуждение сельскохозяйственных земель, ослабление требований государственной экологической экспертизы, функционирование полноценных и полномочных природоохранных органов.

По общему признанию, происходит деэкологизация предусмотренного законом государственного управления, обусловленная сиюминутными экономическими интересами (а они всегда антагонистичны экологии, думам о благосостоянии настоящего и будущих поколений), погоней за прибылью сегодня и игнорированием того, что наступит завтра. Оптимизм, связанный с созданием в ходе административной реформы контрольных природоохранных органов, постепенно гаснет: прошедший год продолжил неразбериху в области формирования системы экологического контроля, разграничения функций природопользования между Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями, продолжающейся реорганизации природоохранных организаций и учреждений.

Экологические мотивы, забота о «птичках и цветочках», чистой воде и чистом воздухе и у граждан отступают на задний план по сравнению с другими более насущными материальными интересами и проблемами, а рассуждения об украденных у народа недрах, лесах и иных природных богатствах носят в основном обыденный, неконкретный, «кухонный» характер. Отдельной этической темой может стать неумелость, пассивность в реализации своих либо общечеловеческих моральных норм; национальная ли это черта, есть ли место этой проблеме в философии, теории права и государства, насколько она связана с правосознанием, системой иных социальных норм?

Связанные с этикой и нравственностью законодательные экологические решения варьируются в зависимости от преобладания тех или иных группировок в законодательных органах, силы и масштабов лоббирования их интересов. Площадь обособленных водных объектов, которые могут находиться в частной собственности, в последнее десятилетие то ограничивается, то не ограничивается; устанавливается то максимум, то минимум земель сельскохозяйственного назначения, которые могут быть у одного лица в одном регионе; приватизация лесных земель то предлагается, то запрещается законом.

В-третьих, даже у индивидуумов этические и моральные ценности различаются степенью адекватности общепринятым ценностям и неодинаковым подходом к подкреплению их реализации действием. Все граждане — за охрану природы, против ее загрязнения, но по-разному участвуют в мероприятиях по отстаиванию своих частных, переходящих в публичные интересов.

Большинство граждан требуют реализации прав на благоприятную окружающую среду, приостановки или закрытия наиболее вредных производств и предприятий, но вопреки их желаниям число закрываемых производств с каждым годом уменьшается. От загрязнений страдают в наибольшей степени проживающие вокруг граждане, но именно они выступают против закрытия предприятий, хотя эти предприятия, как правило, являются градообразующими, дают их работникам основной доход, а то и единственные средства к существованию.

Экологическое зло часто видится абстрактным, ассоциируется с далеко отстоящими во времени и пространстве феноменами, с требованиями ужесточения ответственности за экоцид и иные экологические правонарушения. Когда дело доходит до главного инженера конкретного предприятия, основного загрязнителя местности, этические и моральные взгляды меняются, и для него просят снисхождения, прощения, оправдания.

Известны многочисленные случаи равнодушия граждан к свалкам, к выбросу бытовых и производственных отходов: водители самосвалов, вывозящих мусор, рады его скинуть при малейшем ослаблении или отсутствии контроля над местами его складирования и захоронения, что является актуальной проблемой современных мегаполисов и экологического законодательства. Эти же водители весьма активны в борьбе со сбросами отходов под окнами своего дома.

Дискуссии об этике и нравственности, таким образом, весьма многоплановы и не имеют общего знаменателя ввиду различных этических представлений разных лиц об их критериях, даже основных. Теория права и отрасли права и законодательства связаны этой темой постольку, поскольку нравственные начала, принципы справедливости, гуманизма упомянуты в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, ч. 2 ст. 1 и ч. 2 ст. 6 Гражданского кодекса РФ, ст. 2 Трудового кодекса РФ, ст. 6, 7, ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ, в Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» и ряде других федеральных законов.

Для того чтобы право не потеряло своих признаков категоричности, обязательности, нормативности, надо продолжать обосновывать подходы к указанным проблемам и вырабатывать критерии нравственности, предусмотренной в указанных нормативных правовых актах, наполнять ее юридической определенностью, содержанием и правовыми последствиями. Без этого и экологическое, и иные отрасли права и законодательства не избежат размытости, эгоистичности законодателя, волюнтаризма правоприменителя.

В то же время нельзя допускать придания этическим воззрениям группы либо групп лиц характера обязательного законодательного предписания, который бы навязывал эти воззрения (которые могут быть ошибочными, сепаратистскими, неинтеллигентными) большинству остальных граждан. Законодательство призвано быть в основном итогом консенсуса в обществе, средством обеспечения правопорядка, как он понимается благоразумными, «добропорядочными» гражданами, а не коррупционерами или криминалом.

Основой российского законодательства, и особенно такого гуманного, каким является экологическое, уже служит некий примерный набор этических ценностей: надлежащие природные блага входят в прожиточный минимум, в «корзину» неотъемлемых прав человека. В законе сказано, что природа — общее достояние, основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; каждый может свободно владеть земельным участком, если это не наносит ущерба окружающей среде; каждый обязан сохранять окружающую среду, беречь природные богатства. Главное — обеспечить функционирование механизма неуклонного исполнения этих этических требований, закрепленных в законодательстве.

Ф. А. БОГОМОЛОВ,*профессор Нью-Йоркского университета,
президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества;***Ю. Б. МАГАРШАК,***президент MathTech, Inc., исполнительный директор
Международного комитета интеллектуального сотрудничества*

РОССИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ: ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ И ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

Наше государство переживает критический период своей истории. В последние годы Россия и ее многовековая культура оказались в опасности полного разрушения. Тем не менее страна устояла, пережив серию последовательных кризисов. И хотя положение остается крайне опасным, есть надежда, что она сможет выдержать и новые испытания. Для этого, однако, необходимо действовать на основе ясного понимания текущего положения страны, а также глубокого анализа возможного выхода из кризиса. Данная декларация является попыткой сформулировать некоторые принципы, выполнение которых необходимо для достижения этой цели.

В течение последних столетий Россия и ее наследник Советский Союз были среди самых активных творцов мировой истории. Была создана самобытная цивилизация мирового уровня, вобравшая в себя имперский дух страны, который отразился в ее культуре, науке и структуре общечеловеческих ценностей. Слом имперского вектора, являвшегося доминантой развития в течение столетий, обрушил страну, привел к революционному перекрою общества, сопровождавшемуся разделом страны, а также развалом реальной экономики, науки и культуры. Попытка встроиться в экономическую схему развитого капитализма оказалась удачной лишь отчасти, ибо она поставила общество на грань самоуничтожения. Возник опасный уровень поляризации населения: страна, находящаяся в конце первой сотни членов ООН по жизненному уровню, вышла на третье место по количеству миллиардеров.

Россия выжила, но кризис продолжает углубляться по ряду основных параметров:

- опасный уровень непрерывного сокращения населения;
- падение уровня культуры и науки (которая всего двадцать лет назад была второй в мире!);
- разрушение инфраструктуры;
- отсутствие веры в закон и конечное торжество справедливости;
- реальная угроза распада страны и гражданских войн.

Все это подталкивает страну к опасной черте. Однако современная ситуация имеет и положительные стороны. Важно, что кризис в России идет на фоне масштабных изменений практически во всем мире. Это делает ситуацию весьма неустойчивой, но дает шанс стране выйти из трудного положения.

Россия покончила с самоизоляцией, стала открытой страной и научилась отстаивать свои интересы в рамках жесткой системы правил современного капитализма, хотя и с временным успехом.

Благодаря ряду благоприятных факторов (например высоким ценам на нефть) экономика не подорвана и остаются возможности для маневра.

Россия была и остается одной из самых образованных стран мира. Имеется большой процент граждан, получающих высшее образование, престиж которого по-прежнему высок.

Многочисленная русскоговорящая диаспора стала составной частью мировой элиты науки, экономики и культуры. Образовалась глобальная неформальная сеть русскоговорящих сообществ. Они, как правило, хорошо вписаны в окружающий мир, но отчетливо выделяются в нем и не стремятся полностью с ним слиться. Имперский народ остается имперским и в рассеянии. Те связи, что оказались разорванными в пространстве бывшего Союза, продолжают жить за его пределами.

Уважение к российской культуре и русскому языку (идущее еще из XIX века) по-прежнему велико на всех континентах.

Изменение ситуации возможно, в частности, если удастся найти правильный способ гармонично согласовать развитие обеих частей современного русского мира: собственно Россию и русскоговорящее Зарубежье. После распада империи СССР возникла другая: **ВСЕМИРНАЯ ИМПЕРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**. Всемирная Русскоговорящая Ойкумена сегодня обладает умениями, знаниями и разносторонним опытом, которого нет ни в одной отдельно взятой стране. Русские люди чувствуют себя естественной частью традиционной европейской

цивилизации, и России не надо создавать класс европейски мыслящих людей, вкладывая гигантские суммы, как делают Китай и Индия — он уже существует.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Современное состояние страны, общества и ситуация в мире исключают возможность возрождения России на основе восстановления империи в традиционном смысле. С нашей точки зрения, движение в этом направлении приведет в тупик, где страна погибнет окончательно. Оборонный потенциал должен быть достаточным, но Возрождение России лежит в русле духовном, научном, технологическом, интеллектуальном.

2. Одним из важных аспектов преодоления кризиса должно стать существенное участие в этом процессе русского зарубежного сообщества, понимаемого достаточно широко. Для того чтобы обеспечить максимальное участие в процессе возрождения России всего русскоговорящего мира, надо, чтобы Россия рассматривала себя как Родину для своих граждан и как ХРАМ русского языка, русской культуры и русского типа мышления для всех, кому они дороги. Сверхзадача России XXI века — стать Храмом русской цивилизации.

3. В Советском Союзе уже появлялись ростки этой идеи. Но тогда они заглушались идеологией, согласно которой СССР был главным храмом всемирной абсолютной идеи. Храм РОССИЯ — это храм лишь одной из ведущих современных культур, он не антагонистичен другим культурам, его построение не противоречит созданию таких же структур другими народами. Его процветание обогатит и разнообразит всемирную цивилизацию. Ряд стран, адаптируясь к реалиям со-

временного мира, уже использует эту идею и этот подход, реализуя его иногда в гораздо менее благоприятных ситуациях.

4. Уничтожение имперского стержня не привело к гибели русской культуры, а напротив, помогло выявить устойчивость русской культуры, языка и русского способа мышления, их способность успешно развиваться в динамичном и конкурентном мире. Россия перестала расширяться территориально, но расширение ее интеллектуального влияния в мире благодаря успешной интеграции миллионов россиян в бизнес, технологии и науку всех экономически развитых стран не прекратилось, а многократно усилилось.

5. Во второй половине XX века — как это ни парадоксально — Россия оказалась последним оазисом европейской культуры XIX века с ее духом веры в неограниченную силу знаний, культуры и науки — веры, которая в странах Запада утеряна и которую они тщетно пытаются возродить. Гибель этой веры на европейском и североамериканском пространстве создает для России естественную глобальную нишу. В том же направлении ее подталкивает развивающийся глобальный кризис цивилизации потребления. Случилось так, что Россия оказалась наследницей Второго Рима — Константинополя — не только в религиозном плане. Вспомним хотя бы вселенский характер русской литературы, не имеющей в этом отношении аналогов в мире. Россия третьего тысячелетия может играть ту роль, какую играла во времена Рима Греция, — стать одним из центров духовной, а стало быть и научной, и технологической жизни Европы и всего мира. Это ниша, достойная великой державы.

Мы верим в российское возрождение. Мы верим в Россию.

А. С. БОЛЬШАКОВ,

и. о. заведующего кафедрой управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Современное понятие «глобализация» характеризуется все большим взаимовлиянием и взаимопроникновением экономик и культур государств, ускорением и интеграцией логистических и коммуникационных процессов между различными регионами планеты, субъектами и объектами хозяйствования, отдельными людьми. В условиях доминирования рыночной экономики, все большей мифологизации сознания

и подсознания на планете проявляются тенденции большей социализации человека, изменения его ценностных установок и индивидуального отчуждения. Деньги, вещи, коммерческий успех и предпринимательские способности, часто не согласующиеся с нормами морали и нравственности, ставятся человеком по значимости в жизни на первое место. Установки «если ты такой умный, почему ты такой бед-

ный», «сильный всегда прав», «победителя не судят» пользуются в современной цивилизации все большей значимостью. Общество все более привыкает к коррупции и различного рода сговорам как неизбежным спутникам современной цивилизации. Формула «демократия — плохое устройство общества, но все остальные хуже» вызывает у людей соответствующие поведенческие реакции.

Изменение ценностных установок провоцируется сильным влиянием современных инструментов воздействия — рекламы, телекоммуникационных средств, PR-технологий, различного рода услуг, не всегда согласующихся с гуманным предназначением человека. Индивид не успевает задуматься о своем предназначении, смысле и целях жизни, вечных проблемах, решаемых ранее в истории с помощью религиозных и мистических практик, различных философских и психологических систем, социокультурных традиций. Телевидение, видео- и аудиоразвлечения, дополняемые материальными агентами (алкоголь, никотин, наркотики) создают, как правило, у молодых незрелых людей иллюзию счастья.

На фоне снижения рождаемости в так называемых «экономически развитых странах», усложнения в них демографической ситуации и миграционных процессов из бедных стран возникает терроризм, межнациональные конфликты, высокая дифференциация в уровнях жизни. Все позитивное в православных, исламских, конфуцианских, даосских, буддистских и других традициях «продвинутыми» странами на практике отрицается или забывается. Католические и протестантские религиозные установки доминируют благодаря их адаптации к порочной действительности. Аборты, применение контрацепции, женское священство, однополые браки оправдываются многими иерархами католической и протестантской церкви. Свобода воли человека ставится ими выше, чем традиционные (консервативные в позитивном смысле слова) догматы церкви и божий промысел.

Отмеченные выше проблемы искажают восприятие действительности и, соответственно, качество жизни. Человек забывает, игнорирует или не понимает богатство прошлых традиций и духовных инструментов, таких как аскеза, бдение мыслей, различного рода таинства и др. Остановлюсь на них подробнее, так как именно они могут изменить восприятие человека, значительно повысить качество его жизни.

Аскетизм (*греч.* «упражнение, подготовка к борьбе») — древнейший элемент культурной, образовательной и религиозной жизни,

свойственный всем цивилизациям и мировым религиям. В раннем христианстве это путь духовного приготовления к спасению души через усердную молитву, отказ от суетных развлечений, строгое самоограничение в еде, подчинение своей воли воле духовного наставника (Православный энциклопедический словарь). Под аскетизмом в современном исламе и православии понимается не нищенское и отшельническое существование, как думают многие, в том числе и некоторые воцерковленные люди, а умение достичь силы духа, благодати, так необходимых людям в сложной и противоречивой жизни. Подобные цели преследует и буддизм (также и дзэн-буддизм), предлагая человеку отказаться от суетных, часто мифических целей и задач, культивировать в себе беззлобие, внутреннее спокойствие, гармонию, умение наслаждаться настоящим, а не целями и позовами будущего. Вот некоторые рекомендации, показывающие сущность аскезы: не переполняться радостью, достигнув чего-либо, и не печалиться, потеряв; к критике и похвалам относиться одинаково спокойно, не теряя душевного равновесия. Древние мудрецы говорили: добрыми делами и усилиями надо быть в этой жизни, а сердцем и душой — в вечности.

В современной жизни появились новые термины: интеллектуальный аскетизм, элитный аскетизм, комфортный аскетизм и др. Суть этих понятий сводится к одному: строя свою материальную или интеллектуальную жизнь, не переусердствовать, ограничивая себя в потребностях и целях, наслаждаясь сознательно созданными для себя ограничениями, не впадать ни в гордыню, ни в зависть, так как последние ощущения и установки могут привести человека к мифологизации собственного Я, что неотвратимо скажется на качестве его жизни. Что же в науке понимается под мифологизацией собственного Я? Мифологизация Я (от *греч.* *mithos* «сказание») — теоретический конструкт, служащий для объяснения возникновения шизофренической симптоматики, включение защитных механизмов в условиях непереносимого чувства вины, отступление Я перед неассимилированным содержанием. Происходит уход сознания от того содержания, которое не может быть ассимилировано из-за несовместимости с принимаемыми ценностями, например, когда в определенной ситуации в сознание проникает очень сильный побудительный импульс, не соответствующий этическим установкам индивида и поэтому вызывающий чувство вины. Индивид ощущает себя уже не автономным деятелем, но ареной для действия

чуждых сил. Его переживания теряют Я-качество, то есть становятся чужими, «сделанными». При этом отстранение от чувства вины происходит за счет идентификации с архетипическими, мифологическими образами. Я индивида как бы погружается в коллективное существование, свободное от вины. По своим механизмам это стоит близко к понятию проекции¹.

Мифологизация собственного Я часто приводит и к мифологизации всей истории. Вспомните, как формировалась «научная история» нашей цивилизации. Первоначальная устная традиция постепенно заполняла лакуны истории, прибавляя новые подробности в соответствии с потребностями аудитории. Очень часто факт становился фикцией, а фикция воспринималась как факт. Многие ученые до сих пор считают, что историю необходимо изучать как минимум через сто лет, когда уходят с земной арены эгоистичные интересы поколения, заинтересованного в той или иной трактовке фактов.

Обобщая научный, религиозный и социокультурный опыт человечества в отношении аскетизма, можно констатировать:

— аскетизм (аскеза) помогает человеку приобретать дополнительный духовный и волевой потенциал, новый смысл жизни (то, что в религиозных практиках называется благодатью — «благо даром»), способствует «бдению мыслей», помогает человеку управлять собой, своими мыслями, чувственной, интеллектуальной и эмоциональной сферой, самообразованием;

— в практике аскезы постепенно раскрываются новые ощущения человека, он избавляется от мифических, часто ненужных целей, наслаждается настоящим, а не фикциями и иллюзиями будущего, внедряемыми в наше сознание современными инструментами (телекоммуникационными средствами, рекламой, PR и др.);

— человек, практикующий аскезу, приобретает собственный смысл жизни, живет в им самим созданном мире, чувствуя себя вполне комфортно, радикально не завися от современных влияний внешней среды;

— аскеза способствует самообразованию человека, он начинает приобретать из опыта жизни новые знания, отличающиеся от знаний мифологизированных людей и мифоло-

гизированного собственного Я; эго человека уходит на второй план, не мешая ему.

Аскеза тесно взаимосвязана с «бдением мыслей» и таинствами.

«Бдение мыслей» — духовный инструмент, позволяющий человеку через контроль своих мыслей, желаний, побуждений вывести себя на новый уровень восприятия действительности и новую мотивацию. Термин пришел к нам из буддистских и дзэн-буддистских практик и традиций. Бдение мыслей взаимосвязано с аскезой и верой. Последнюю нельзя отождествлять со слепой верой в какую-то идею, систему взглядов и принципов. Настоящая вера формируется в человеке по результатам практического духовного или религиозного опыта, совершаемого в таинствах, а не только по результатам прочтения книг или других источников.

Таинства — практические систематизированные действия, совершаемые особыми людьми (священниками, пасторами, посвященными и др.) и ведущие к изменению восприятия человеком действительности, его мотивации, целей, ценностей, подпитывающие его психофизиологически и духовно. Природа этой подпитывающей энергии пока не изучена. Человек на практике убеждается, что получил некое благо даром (благодаря). Например, в результате таинства человек может избавиться от различного рода страхов, фобий, увидеть рациональный путь действий или решение проблемы. Никакая логика и наука пока не в состоянии до конца объяснить физику и метафизику обменных процессов, происходящих в результате таинств. Результат действия таинства ощущается реально, а не теоретически. Таинство — это не то, что производит человек, а то, что производится реально над человеком. Человек, реализующий таинство, — особый посредник (например рукоположенный в священники), у которого есть возможность передавать эту непонятую людьми энергию от Бога простому человеку.

Практикуя аскезу, бдение мыслей и таинства, человек начинает воспринимать свои чувства и эмоции как игру «белого и черного», «добраго и злого», «божественного и дьявольского», «аскетического и горделивого». Это помогает человеку не переусердствовать, не впасть в гордыню, лицемерие, зависть. У индивида постепенно меняется иерархия ценностей, мотивация, изменяется качество жизни. Приведем пример.

Допустим, что у некоего человека А на первом плане в жизни стоят материальные условия и деньги. При этом он считает себя вполне

¹ Winkler W. Th. Psychologie der modernen Kunst. Tübingen: Mohr, 1949; Idem. Zum Begriff der Ich-Anachorese bei schizophrener Erleben // Arch. f. Psychiatrie, 192, 1954; Idem. Dynamische Phenomenologie der Schizophrenien als Weg zur gezielten Psychotherapie // Z. f. Psychotherapie. 1957. 7.

состоявшимся, имеет достаточный психофизиологический потенциал, карьера и внешняя социокультурная среда его интересуют мало, не мешают ему, он в целом ими удовлетворен. Иерархия ценностей (их значимость обозначим буквой З, она может повторяться) для такого человека будет следующей (оценка по 5-балльной шкале):

материальные условия и деньги — 5;

самоактуализация — 4;

личная удовлетворенность (психофизиологический потенциал) — 3;

карьера — 2;

социокультурная среда — 1.

Предположим, что оценка своего состояния (О) у такого человека выглядит следующим образом:

удовлетворенность материальными достижениями — 4;

удовлетворенность самоактуализацией — 4;

удовлетворенность собственным психофизиологическим потенциалом — 3;

удовлетворенность карьерой — 1;

удовлетворенность социокультурной средой — 3.

Качество жизни для такого человека может быть оценено с помощью интегральной оценки:

$$ИО_A = (З_1 \times O_1 + З_2 \times O_2 + З_3 \times O_3 + З_4 \times O_4 + З_5 \times O_5) / (З_1 + З_2 + З_3 + З_4 + З_5) = (5 \times 4 + 4 \times 4 + 3 \times 3 + 2 \times 1 + 1 \times 3) / (1 + 2 + 3 + 4 + 5) = 3,3.$$

Теперь опишем человека Б, у которого материальные условия и деньги стоят не на первом месте — он считает, что их значимость можно оценить в 3 балла. На первом месте у него стоит самоактуализация (значимость оценена в 5 баллов), но достиг он по этому критерию 4 баллов (и стремится к пяти). На втором месте по значимости у такого человека стоит внешняя среда (4 балла), он стремится окружить себя соответствующими людьми и условиями труда. Достижения и удовлетворенность его по этому показателю можно оценить в 4 балла (достиг достаточно высоких результатов). На третьем месте по значимости, как уже было сказано, стоят материальные условия и деньги (3 балла). Достижения и удовлетворенность по этому показателю можно оценить также в 3 балла (он доволен малым). На четвертом месте по значимости стоит карьера (2 балла, интересует, но мало). Достижения и удовлетворенность по этому показате-

лю можно оценить в 4 балла, так как человек вполне удовлетворен имеющимся должностным статусом и работой. На последнем, пятом, месте по значимости стоит личная удовлетворенность, определяемая уровнем психофизиологического потенциала, оцененная в 1 балл. Человек считает, что слабый, но мудрый может прожить более содержательную жизнь, чем сильный «новый русский». Удовлетворенность своим потенциалом по этому показателю он оценивает в 4 балла. Интегральная оценка в этом случае будет:

$$ИО_B = (З_1 \times O_1 + З_2 \times O_2 + З_3 \times O_3 + З_4 \times O_4 + З_5 \times O_5) / (З_1 + З_2 + З_3 + З_4 + З_5) = (3 \times 4 + 5 \times 4 + 1 \times 4 + 2 \times 4 + 5 \times 5) / (1 + 2 + 3 + 4 + 5) = 4,1.$$

Из приведенного примера мы видим, что при изменении иерархии ценностей меняется самооценка и интегральная оценка качества жизни человека. При одинаковом психофизиологическом потенциале (личная удовлетворенность 3 балла у обоих), но при разных ценностных установках у более духовного качество жизни выше (интегральная оценка 4,1 балла), чем у материально зависимого (интегральная оценка 3,3 балла).

Оппоненты могут возразить, что к материальной зависимости человека подталкивают трудные материальные обстоятельства, сложные ситуации в семье и с близкими людьми. Человек в этом случае вынужден стремиться больше к «добыче» денег, чем к духовному развитию и самосовершенствованию. Если посмотреть шире, то человек часто вынужден заниматься нелюбимым делом ради материальных целей. Более того, материальные цели завоевывают человека, он становится зависимым от них, начинает воспринимать такую жизнь как нормальную. Как же разрешить эту непростую проблему и есть ли вообще решение? Анализ духовных источников показывает, что решение скрыто в древних понятиях «кротость» и «смирение». Одни индивиды осознают эту проблему и смотрят на нее относительно спокойно, философски, контролируя свои мысли и чувства, смотря на себя как на арену борьбы добрых и злых сил, «напрягая» себя и принимая тяготы как аскетический подвиг, как послушание во благо; другие же надрываются психологически и физически, часто впадая в зависимость от материальных агентов, создающих временную иллюзию счастья.

В. Н. БОЛЬШАКОВ,

*академик РАН, первый заместитель председателя Уральского отделения РАН,
директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН,
главный редактор журнала «Экология»;*

Ф. В. КРЯЖИМСКИЙ,

*заведующий лабораторией популяционной экологии и функциональной биоценологии
Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН,
доктор биологических наук*

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА — СИНТЕЗ ГУМАНИТАРНОГО И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Слово «экология», еще 30–40 лет назад едва ли говорившее что-либо широкой публике (за исключением ученых, прежде всего специалистов-биологов), в настоящее время вошло в употребление, причем толкования этого термина удивительно разноречивы. Для ученых это вполне определенный (то есть имеющий предмет и методы исследований) раздел науки о взаимодействиях живых систем между собой и с неживой (абиотической) средой. Современная экология далеко ушла от ее первоначального понимания (как науки о взаимоотношениях организма и среды), сформулированного еще в 1866 году Э. Геккелем, превратившись в синтетическое направление, использующее багаж многих наук, прежде всего естественно-научного направления. Однако центральной идеей такой (классической) экологии остается положение, что экологические системы разного ранга включают, по крайней мере, две составляющие — биотическую и абиотическую, и среди этих составляющих ведущая, активная роль (совершение работы по поддержанию стационарного состояния) принадлежит первой.

В непрофессиональной же среде экология чаще всего понимается либо как некоторая характеристика благоприятности среды обитания людей, либо как некоторая область деятельности, направленной, прежде всего, на охрану здоровья и благополучия людей. В свое время мы совместно с Х. П. Мартинесом Рикой, нашим испанским коллегой, директором Пиренейского института экологии, опубликовали в журнале «Экология» статью, в которой попытались оценить глубину и негативные последствия разрыва между научным знанием и его восприятием обществом¹. Главный вывод, который был тогда сделан, состоял в следующем: основные понятия экологии как науки, также как установленные ею закономерности функционирования экологических систем разного ранга, практически не

воспринимаются даже наиболее активной и образованной частью общества.

Природные закономерности если и принимаются на словах, то зачастую истолковываются превратно. Образно говоря, в современной ситуации общества часто предпочитает заниматься самолечением, требуя от науки даже не выписывать, а подписывать самодельные рецепты. Несогласованность обыденного восприятия экологии (понимания ее как области, направленной на защиту человека от вредных для него результатов его же воздействия на остальную природу) с научным во многом обуславливает разночтения в понимании того, что является собственно экологией человека. В настоящее время в определении предмета и подходов к экологии человека так же много неопределенности, как и в определении предмета и подходов к экологии вообще. Так, в нашей стране наиболее широко распространен взгляд, ограничивающий предмет экологии человека изучением воздействий на его организм факторов среды. Большинство открывающихся сейчас институтов, лабораторий и кафедр экологии человека следуют этой тенденции: они ограничивают исследования в области экологии человека рассмотрением гигиенических проблем, то есть взаимоотношений «организм-среда» (когда рассматриваются только биологические свойства организма человека). В крайнем случае учитывается лишь изменчивость индивидуумов при работе со статистическими выборками. О распространенности подобного подхода свидетельствуют содержание журнала «Экология человека», издаваемого под эгидой Северного государственного медицинского университета, работы Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А. Н. Сысина РАМН и много других работ «медицинского» направления. Не подвергая сомнению необходимость и важность рассмотрения проблем такого рода, равно как и то, что эти проблемы относятся к экологии человека, следует, тем не менее, констатировать, что если экологию человека ограничивать медико-гигиенически-

¹ *Большаков В. Н., Крилицын С. В., Кряжимский Ф. В., Мартинес Рика Х. П.* Проблемы восприятия современным обществом основных понятий экологической науки // *Экология*. 1996. № 3. С. 165–170.

ми рамками, то она получает довольно архаичное с современной точки зрения сугубо аутоэкологическое, «геккелевское» звучание.

В соответствии с другим крайним взглядом, распространенным главным образом в Западной Европе, экология человека — сложный междисциплинарный комплекс, включающий очень много равноправных составляющих, в том числе гуманитарного цикла¹. Подобный взгляд распространяется и в нашей стране². Утрируя ситуацию, можно сказать, что с такой точки зрения элементы экологии человека присутствуют во всех науках о Земле во всех гуманитарных науках и наоборот, экология человека должна использовать арсенал всех этих дисциплин. В этом случае определить предмет и метод экологии человека крайне трудно, если не невозможно. У людей, профессионально занимающихся общей (классической) экологией в ее современном понимании, подобный подход вызывает такое же неприятие, как и сугубо медицинский взгляд, поскольку экология как раздел науки теряет конкретные очертания и лишается собственного предмета и методологии.

Современная общая экология, будучи с неизбежностью системной наукой, подразделяется в соответствии со структурными уровнями тех объектов, с которыми имеет дело тот или иной ее раздел: экофизиология, популяционная экология, биогеоценология, и, наконец, глобальная экология³. Кроме того, экологическую науку можно структурировать и по систематической принадлежности живых (активных) компонентов экологических систем разного уровня (экология отдельной группы или биологического вида). Это, образно говоря, вертикальная и горизонтальная классификация экологии.

Ни у кого не вызывает сомнения, что человек — это биологический вид, занимающий вполне определенное место в зоологической классификации. Поэтому, следуя логике современной общей (классической) экологии, экология человека должна состоять из экологической физиологии, популяционной экологии, изучения роли человека в экосистемах и в биосфере. С такой точкой зрения солидаризируются и некоторые специалисты, не являющиеся экологами в традиционном, биологическом понимании, например антропологи⁴. Вероятно, по-

нимаемая в таком ключе экология человека нуждается, прежде всего, в выяснении общих с другими природными системами закономерностей функционирования систем разного иерархического уровня, включающих в качестве центрального элемента человека. Не менее важно также уяснить, в чем же состоит специфика экологических систем, включающих в качестве живой компоненты группировки человека разного ранга, их отличия от других экологических систем. Безусловно, такая специфика обусловлена прежде всего уникальным местом человека в сложной картине экологических взаимоотношений на планете. Подобный подход, не противопоставляющий человека остальной природе, а рассматривающий его как явление природы, порожденное историческим развитием жизни на Земле, неприемлем и требует усилий по преодолению обычного антропоцентрического менталитета. Однако попытки взглянуть на взаимоотношения природы и общества с точки зрения современной экологии как науки, выросшей, прежде всего, из биологии (учитывая специфическую роль человека на планете, реализуемую только через социально-культурную форму), представляются логически неизбежными.

С экологической точки зрения уникальность функциональной роли человека в современном мире заключается в том, что это единственный биологический вид, который широко применяет энергию и вещество резервных фондов биосферы, внося тем самым существенные изменения в биогеохимические циклы. Использование резервных фондов биосферы требует качественно иного (по сравнению с другими биологическими видами) уровня внутривидовой организации. В частности, такая организация (то есть социальная организация) связана с уникальной способностью людей к передаче информации в пространстве и времени (в частности от поколения к поколению) негенетическим путем. Эти две взаимосвязанные видовые особенности человека (использование вещества и энергии из источников, которые не освоены другими биологическими видами, и способность к передаче информации негенетическим путем) составляют с экологической точки зрения суть того, что называется культурой. Культура связана с трансформацией среды: человек, образно говоря, строит вокруг себя некоторую «искусственную» среду. Культура выступает как основная адаптация вида, осуществляемая не на морфофизиологическом, а на надорганизменном (социальном) уровне. Эта адаптация дает результат в виде высокой приспособленности, мерой которой в эволюционной экологии выступает удельная скорость роста численности.

¹ Хенс Л. Экология человека в Западной Европе. Там же.

² Прохоров Б. Б. Экология человека: учебник для студ. высш. учеб. завед. М., 2003. С. 320.

³ Bolshakov V. N., Kryazhinskiy F. V. Ecology of populations and communities // Our Fragile World. Challenges and Opportunities for Sustainable Development. V. 2. Oxford, 2001. P. 1313–1326.

⁴ Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М., 1993.

А. Л. ГАПОНЕНКО,

заведующий кафедрой общего и специального менеджмента Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые изменения, которые произошли в современном мире в последние годы, — это изменения в структуре стоимости произведенной продукции и в структуре капитала. Производство во все большей степени трансформируется от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг. В стоимости товаров и услуг все больший удельный вес занимают нематериальные компоненты — услуги управленцев, дизайнеров, бухгалтеров, консультантов, специалистов по информационным системам, продавцов, рекламных агентов и пр. Капитал многих современных организаций также изменился. Его основу стал составлять интеллектуальный капитал — знания, информация, опыт, организационные возможности, информационные каналы, которые можно использовать, чтобы создавать богатство, это понятие в последнее время все более широко используется в зарубежной и отечественной экономической литературе¹.

Способность экономики создавать и эффективно использовать интеллектуальный капитал все в большей мере определяет экономическую силу нации, ее благосостояние. Во многих организациях все большая часть полученного эффекта становится результатом применения специальных знаний, широкого обучения персонала и взаимодействия с партнерами и контрагентами. Открытость общества для импорта разнообразных знаний, идей и информации, способность экономики продуктивно их перерабатывать — вот от чего в первую очередь зависит успешное социально-экономическое развитие.

Интеллектуальный капитал во многом схож с физическим. Оба капитала возникают как

результат вложений ресурсов (денег, материальных средств, знаний, квалификации) в производство товаров и услуг. Оба приносят своему обладателю доход, подвергаются моральному износу, причём интеллектуальный капитал даже в большей степени (обесценивается и программное обеспечение, и любые знания). Оба нуждаются в «ремонте», то есть требуют затрат на свое поддержание.

Между ними наблюдаются и различия. Физический капитал имеет материальную природу, его можно потрогать, пощупать, увидеть. Интеллектуальный капитал — нематериальная природа, поэтому его иногда называют невидимым активом. Величина интеллектуального капитала не уменьшается в процессе использования (то есть не амортизируется). Более того, интеллектуальный капитал подчас теряет свою стоимость именно оттого, что он не используется.

Интеллектуальный капитал состоит из человеческого, организационного и потребительского капитала. **Человеческий капитал** — та часть интеллектуального капитала, которая имеет непосредственное отношение к человеку: знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, их моральные ценности, культура труда. **Организационный капитал** имеет отношение к организации в целом: это процедуры, технологии, системы управления, техническое и программное обеспечение, структура, патенты, бренды, культура организации, отношения с клиентами. **Потребительский, или клиентский капитал** складывается из связей и устойчивых отношений с клиентами и потребителями. Одна из главных целей формирования потребительского капитала — создание такой структуры, которая позволяет потребителю продуктивно общаться с персоналом компании.

Все три вида интеллектуального капитала (человеческий, организационный и потребительский) функционируют не сами по себе, а в постоянном взаимодействии. Поэтому недостаточно инвестировать в каждый из них по отдельности. Они должны поддерживать друг друга, создавая синергетический эффект, и тогда происходит перекрестное влияние одних видов активов на другие. Более того, интеллектуаль-

¹ Stuart T. A. Intellectual Capital: The New Wealth of Organisations. L., 1997; Rethinking the Future. L., 1997. Quinn, J. B. Intellect Enterprise. A Knowledge and Service Based Paradigm for Industry. L., 1992; Cope M. Know your value? Value what you know. L., 2000. Knowledge Horizons: the present and the promise of knowledge management. Boston, 2000; Интеллектуальный капитал — стратегический потенциал организации: учеб. пособие / под ред. А. Л. Гапоненко и Т. М. Орловой. М., 2003; Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004: На пути к обществу, основанному на знаниях. М., 2004; Интеллектуальный капитал: состояние, проблемы, перспективы. М., 2004.

ный капитал не аддитивен. Его в принципе нельзя разложить на составляющие так, чтобы сумма их оценок была равна общей оценке всего интеллектуального капитала организации. Взаимодействие разных составляющих носит сугубо нелинейный характер. Так, например, не всегда одного человеческого компонента достаточно для формирования мощного интеллектуального капитала. Для этого необходимо компетентность работников дополнить соответствующими элементами структурного капитала в виде оргструктуры, информационных технологий, управленческих процедур и т. д.

Современная фирма — производитель не столько товаров, сколько знаний. Организации в целом становятся обучающимися, что подразумевает не только обучение его отдельных работников, но и приобретение устойчивых навыков совместных действий. Инновации все в большей мере становятся источником вновь созданной стоимости.

Организации и компании в современных условиях начинают учитывать в своей деятельности тот факт, что наиболее ценным капиталом, которым они располагают, являются знания и опыт работающих у них сотрудников. Они пытаются найти способы и пути использования знаний и богатого опыта своих сотрудников как внутри организации, так и за ее пределами, включая взаимоотношения с клиентами и акционерами.

Все чаще высокие результаты деятельности организаций обусловлены удачно найденными решениями в сфере управления интеллектуальным капиталом. Это управление направлено в том числе на то, чтобы идеи, возникающие у работников, разделялись другими работниками фирмы, чтобы постоянно

генерировались новые решения актуальных проблем данной организации.

Традиционное отношение к распространению знаний и ноу-хау обычно ассоциируется с патентами, лицензиями и связанными с ними процедурами ограничения передачи знаний. Идея интеллектуального капитала, напротив, связана с открытой и широкой передачей данных, знаний и ноу-хау внутри организации. В связи с этим управление интеллектуальным капиталом направлено, прежде всего, на создание инфраструктуры передачи знаний и легко передающихся форм информации. Для этого необходимо сформировать специальную культуру организации, способствующую формированию нового знания.

В современном обществе интеллектуальный капитал становится основой богатства. Именно он определяет конкурентоспособность экономических систем, выступает ключевым ресурсом развития. В процесс создания, трансформации и использования интеллектуального капитала включаются коммерческие предприятия, государственные и общественные учреждения и организации, то есть все субъекты рыночных отношений.

Несмотря на то, что интеллектуальный капитал является ведущим фактором экономического роста компаний, регионов и стран, традиционная экономическая теория и управленческая практика продолжают делать главные акценты на физических активах и материальных продуктах труда. Новые подходы к развитию фирм и организаций требуют переноса акцента управленческих воздействий на интеллектуальный капитал, применения новых подходов и методов управления как на макро-, так и на микроуровне.

Ю. Н. ГЛАДКИЙ,

член-корреспондент РАО, вице-президент Русского географического общества, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор географических наук, профессор

«АНТИЛИБЕРАЛЬНАЯ» ПРИРОДА ПРОТИВ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ДЕМОКРАТИИ

Ссылки на «северность» географического положения российского государства и порождаемые ею «напасти», накладывающие жесткие ограничения на развитие отечественной экономики, давно стали общим местом. Колоссальные издержки России в сравнении с подавляющим большинством высокоразвитых государств связаны, в частности, с защитой от холода и вечной мерзлоты: с повышенным расходом энергии на обогрев зда-

ний в производственной и коммунально-бытовой сферах, увеличением объема используемых конструкционных материалов, производством теплой одежды, обуви и т. п. Дополнительные средства требуют строительство и поддержание в надлежащем порядке дорожно-транспортной сети, разрушаемой замерзающими грунтовыми водами, укрепление инженерных сооружений из-за обильных снегопадов, обледенения и деформаций металла, вызываемых

перепадом температур. Немалые убытки государство терпит в связи с ликвидацией ежегодных последствий ледостава и ледохода, паводков, снежных лавин и т. п. Природная уникальность России заключается, прежде всего, в том, что она наиболее холодное северное государство мира. Тот факт, что Саха-Якутия — один из мировых полюсов холода — получает летом почти столько же тепла, сколько и расположенный много южнее Париж, мало о чем говорит: индикатором климатической специфики России служит вовсе не июльская, а январская изотерма (+2 °С в Париже и около -35 °С в Якутске).

Для оценки экономических издержек, которые несет Российская Федерация из-за экстремальных климатических условий, можно использовать показатель температуры на душу населения (ТДН), который рассчитывается на основе средних январских температур, взвешенных относительно распределения населения (-12,6 °С в РФ и -8,9 °С в Канаде). Парадокс состоит в том, что в течение XX века ТДН в России и Канаде смещались в противоположных направлениях: у нас показатель становился все более «негативным», в то время как в Канаде он «улучшался» в результате концентрации населения и промышленности в местах с наиболее благоприятным климатом. Россия становилась холоднее, поскольку миллионы человек насильственно или добровольно переселялись в Сибирь и другие холодные регионы. На протяжении всего XX века Россия развивалась против мирового «тренда», концентрируя производительные силы и население на севере, в то время как благоприятные для хозяйствования регионы оставались в запустении. В условиях действия рыночных механизмов многие овеянные романтикой социалистических новостроек территориально-производственные комплексы и предприятия горнодобывающей промышленности России, возникавшие буквально на «краю света», из-за своей фантастической капиталоемкости, а то и убыточности вряд ли были бы сооружены вообще. Конечно, некоторые из них создавались в ответ на внешнюю угрозу (взять хотя бы Печорский угольный бассейн с колоссальной себестоимостью угля, подлежащий в условиях рынка неизбежной консервации).

Мало продуманные и в высшей степени расточительные способы вовлечения в хозяйственный оборот богатых природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока невольно подталкивали страну к формированию на российских просторах специфической социально-экономической системы, по всем принципиальным характеристикам отличной от той,

что параллельно создавалась в условиях Западной и Центральной Европы.

Не следует подозревать меня в «антисибирских пристрастиях», и тем более — в отказе в патерналистской помощи коренным народам. Напротив, интенсивное хозяйственное освоение достаточно узкой полосы Южной Сибири (вдоль Транссиба) и Тихоокеанского Приморья, а также выборочная эксплуатация природных ресурсов на вахтовой основе (без основания городов и крупных поселков) вряд ли привели бы к случившейся деформации социально-экономической системы России. Речь идет о другом — огромная доля валового внутреннего продукта, столетиями создававшегося в России, «выгорала в костре морозных зим» на необъятных сибирских пространствах, в то время как благоприятные для хозяйствования регионы оставались в запустении.

Оказывая прямое или опосредованное влияние на материальное производство, природная специфика России воздействовала на всю сферу социальных и политических отношений, духовную жизнь общества, этнические традиции. Обратившись к истории взаимодействия природы и общества России, можно найти немало примеров, классическим является пространственное и временное распространение в царской России форм феодальных укладов. В специальной литературе отмечается связь даже между природными условиями и закономерностями проявления крестьянского недовольства, народными бунтами (по-видимому, их главной причиной являлась интенсификация крестьянского труда во время страды, когда помещики требовали большего количества барщинных дней, чем в холодное время года). И сегодня географическая среда нередко детерминирует развитие различных форм собственности (в частности фермерских хозяйств), становление рыночных механизмов в отдельных сферах экономики, в том числе на транспорте (если транспортные тарифы будут формироваться на сугубо рыночной основе, то пересечь страну с запада на восток смогут очень немногие, не говоря уже о неминуемом банкротстве подавляющего числа сибирских товаропроизводителей, себестоимость продукции которых в значительной степени будут определять транспортные издержки).

Естественные условия РФ оказывают опосредованное воздействие на организационные основы федерализма и местного самоуправления. Так, в новых условиях многие северные регионы еще очень долго не смогут выдержать испытания рынком. По этой причине для России более приемлема кооперативная (а не конкурентная, как в странах Запада) модель бюд-

жетного федерализма с концентрацией перераспределительных процессов в федеральном центре, отражающая «тонкий» механизм сбалансирования интересов территориально разобщенных субнациональных и субтерриториальных единиц Федерации. В свою очередь кооперативная модель бюджетного федерализма — дополнительный аргумент в пользу назначения губернаторов (что, как считают многие, идет вразрез с принципами демократии). Будучи расположенной в одной

природной зоне, «маленькая» Россия вряд ли столкнулась бы с подобной проблемой.

Тысячи крепких уз связывают народы России с окружающей средой. Этническое сознание видит в территории почву, на которой этнос вырос, которая его вскормила, и не случайно с характеристиками природных особенностей России и их роли в формировании этнического самосознания начинается свой знаменитый труд по истории России С. М. Соловьев.

В. Н. ЛУКИН,

заместитель начальника Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат исторических наук, доцент

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И РИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТРАНЗИТНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ

В научных дискуссиях, обращенных к теме «гражданское общество и демократия», особое место занимает приобретающая глобальный характер проблема демократической консолидации в странах, вступивших на путь демократических преобразований. Демократическая консолидация рассматривается как процесс укрепления и сохранения демократии, что предполагает изучение соответствующих факторов и рисков. Наиболее важными из факторов являются: социоэкономические (валовой национальный продукт; показатели индустриализации — валовой национальный продукт в процентном соотношении и удельный вес рабочей силы; уровень университетского, общего и начального образования; уровень урбанизации; уровень развития торговых связей); факторы политико-культурного и этнического характера (соотношение представителей различных этнолингвистических групп, представителей ислама, католицизма, православия; толерантность, доверие, эгалитаризм, склонность к компромиссу); факторы, отражающие реальную экономическую ситуацию (уровень инфляции, реальный рост валового национального продукта); факторы институционального и политического характера (система власти и т. п.).

В современной компаративной политической науке в рамках системно-структурного анализа можно выделить традицию исследования проблем политической стабилизации, связанную с изучением рисков. В центре внимания здесь находится вектор, противоположный консолидации: риски политической по-

ляризации, а также причины возникновения и институционализации социальных и политических разломов (расколов, расхождений и конфликтов), определяемых как политические кливеджи.

Политическими кливеджами принято считать относительно стабильные паттерны политической поляризации, выступающие, в свою очередь, основой расхождений, несоответствий и конфликтов в соотношении аттитудов и предпочтений в формирующемся гражданском обществе¹.

Компаративный анализ реальных политических процессов демократизации в странах Африки позволил ряду исследователей высказать предположение о вспомогательной роли этничности, а также ситуативности этнических кливеджей, способствующих процессу поляризации в обществе в тех случаях, когда неизбежны социополитические расхождения, возникающие ввиду дефицита имеющихся ресурсов.

Политические кливеджи отражают в определенной мере этнические, религиозные и статусные (классовые) различия. Вместе с тем политизация социальных различий определяется политическими факторами, связанными прежде всего с проведением государством политики по исключению попыток тех или иных структур или групп гражданского общества

¹ Rae D. W., Taylor M. The Analysis of Political Cleavages. New Haven, CT: Yale University Press, 1970; Emizet K. Political Cleavages in Democratizing Societies: The Case of the Congo (former Zaire) // Comparative Political Studies. 1999. Vol. 32. № 2. P. 187.

контролировать институты государственной власти, в то же время допуская возможность такого контроля со стороны других¹. Кисангани Эмизет в связи с этим отмечает, что типичной реакцией на такую политику (*state policies of exclusion*) предстает активизация сил гражданского общества, которая предполагает «различные стратегии воздействия на государство. Эти стратегии включают уход от рыночных отношений и участие в теневой экономике»².

Проведение такой политики сопряжено с рисками распространения влияния теневой экономики, контрабанды и коррупции, способствующих возникновению и усилению дисфункций формирующегося гражданского общества, снижению потенциала и возможностей воздействия на проводимую государством политику.

Получила дальнейшее развитие институциональная традиция сравнительного анализа уровней политической стабильности президентской и парламентской демократий. К таким разработкам можно отнести исследование Ж. А. Чейбуа, систематизировавшего данные о процессе демократизации в 133 странах мира за период 1946–1996 годов, в том числе в 23 странах Латинской Америки, и показавшего недостаточность применения данного императива для объяснения политической стабильности (нестабильности) в обществе³. Однако его анализ не выходит за рамки институционализма. Автор предлагает в качестве детерминант нестабильности латиноамериканских президентских демократий иные, но все те же институциональные факторы, в частности, наличие или отсутствие обстоятельств, позволяющих президенту осуществлять взаимодействие с парламентом без легитимной поддержки и др⁴.

¹ *Emizet K. Rebels vs. Democrats in Power: How to Establish Regional Security Cooperation in Central Africa // International Journal on World Peace. 1998. Vol. 15. P. 51–83.*

² *Emizet K. Political Cleavages in Democratizing Societies... Ibid. P. 194.*

³ *Cheibub J. A. Minority Governments, Deadlock Situations, and the Survival of Presidential Democracies // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 3. P. 248–312.*

⁴ *Ibid. P. 284, 304.*

Проблема поддержки демократии выступает, пожалуй, ведущим направлением современных компаративных исследований, выполняемых на основе неинституционального подхода.

Что касается проблемы демократической консолидации, осмысливаемой через призму институционального анализа факторов, рисков и тенденций поддержки гражданским обществом институтов демократии в целом и процесса институционализации соответствующей партийной системы, то она, в частности, нашла отражение в работах Р. Дикса, Х. Стоктона, С. Мейнуоринга и др. Они провели анализ на материале стран Латинской Америки (Колумбия, Уругвай, Аргентина, Чили, Венесуэла, Коста Рика, Мексика, Парагвай, Эквадор, Боливия, Бразилия, Перу) и Юго-Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея). Несомненное прикладное значение имеет обоснованный авторами индекс партийной институционализации, включающий в числе основных индикаторов показатели развития общественной поддержки политических партий¹. С помощью индекса партийной институционализации Хансом Стоктоном обосновано положение «о нелинейности отношения демократической институционализации и консолидации, а также решающем значении в этом смысле проведения партиями политики по установлению прочных связей со сферой социальных солидарностей и организованных интересов, представленной рабочими и студенческими группами, другими общественными ассоциациями и организациями»².

¹ *Dix R. H. Democratization and Institutionalization of Latin American Political Parties // Comparative Political Studies. 1992. Vol. 24. P. 488–511; Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Issues in Democratic Consolidation / S. Mainwaring, G. O'Donnel, and J. Valenzuela Eds. Notre Dame, MI: University of Notre Dame. P., 1992. P. 3–45; Mainwaring S., Scully T. R. Building Democratic Institutions: Party System in Latin America. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995; Stockton H. Political Parties, Party Systems, and Democracy in East Asia: Lessons from Latin America // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34. № 1. P. 94–119.*

² *Stockton H. Ibid. P. 103.*

Т. Г. КИСЕЛЕВА,

академик РАН, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

...Много сил и времени отнимала у меня от науки борьба в защиту русской культуры.

Д. С. Лихачев

Мы вынуждены признать тот факт, что XXI век, к сожалению, не стал веком всеобщего благоденствия и согласия. Одной из глобальных проблем современности является рост терроризма, ставящий под угрозу все достижения мировой цивилизации и само существование человечества.

Фундаментализм, национальная, расовая и религиозная нетерпимость на фоне резкого экономического обнищания одних стран и обогащения других и страшное последствие религиозного фанатизма — мировой терроризм стали реальностью современного мира. Эти процессы происходят на фоне духовного кризиса и забвения гуманистических идеалов, под лозунгами плюрализма мнений и идей, низвержения духовных иерархий. Место свободы заняла всеобщая вседозволенность. Но разрушение нравственных основ общества не проходит бесследно.

В целом существенные изменения современного мира связаны с тем, что цивилизация отошла от прежнего вертикально-иерархического принципа формирования культуры и ментальности к новому, горизонтально-плюралистическому. Все активнее процесс глобализации мировой экономики, проходящий на фоне внедрения современных технологий, которые несут человечеству как новые возможности, так и опасности. В частности, одной из угроз, существующих в настоящее время, является угроза применения оружия массового поражения, которым обладают страны с реакционными режимами.

Сохранение цивилизационной идентичности традиционной культуры в новом информационном обществе является насущной задачей для мирового сообщества. Развитие национальных культур связано с преодолением негативных тенденций глобализации. Бережное отношение к историческому наследию, к культурным ценностям ведет к сохранению целостности мировой культуры. Чем больше возможностей открывает перед человечеством техногенная цивилизация, тем взвешенней должны быть социальные действия, тем в большей степени необходим учет культурных достижений и традиций других народов.

Проблема терроризма тесно связана с духовным кризисом современного общества, с забвением национальных, религиозных традиций и ценностей, их искажением или незнанием, с разрушением нравственных основ народной культуры. Но можно задаться и таким вопросом: может ли общество, в котором 80 % населения находятся на грани бедности и социальной отверженности, быть благополучным? Можно бесконечно долго говорить о духовном кризисе как причине терроризма, но в нем ли причина столь деструктивных и дестабилизирующих эффектов?

На наш взгляд, кризис в духовной сфере разворачивается одновременно с социальными и экономическими кризисами. Создание в России социально ориентированного общества — единственный путь выхода из политического и экономического кризисов, наблюдаемых в России. Терроризм лишь следствие этих процессов.

По мнению Президента РФ В. В. Путина, причиной терроризма является неравенство в обществе, он призвал не просто «сбивать плоды с дерева терроризма», а «добираться до его корней». Каков же выход из этой ситуации? В первую очередь, это обеспечение достойного уровня жизни граждан России — финансирование социальной сферы, образования, культуры, воспитания. Политика должна быть социально ориентированной, иначе она входит в противоречие с основами народной жизни. У россиян не западный менталитет, и культура России подтверждает коллективистскую направленность русской души. Необходимо убрать социальные корни терроризма, социальную базу, на которой он процветает. Это нищета, беспризорность, неграмотность, отсутствие жизненной перспективы, бесконечная война в Чечне, плодящая и воспроизводящая террористов новых поколений.

Сложная ситуация в России усугубляется, по мнению А. Я. Флиера, «в связи с фактически деградировавшей прежней системой социальной структуры общества, сломом прежних путей каналов осуществления социальной мобильности населения, трансформацией прежних элит и не наладившейся системой их воспроизводства,

а также еще практически не сформировавшейся новой структурой социальных страт?»

Терроризм может быть преодолен лишь совместными усилиями общественных и государственных институтов, а также мировым сообществом в целом.

Человечеству в XXI веке традиционные культуры представляются более мирными и спокойными. Мировые войны, феномен тоталитаризма отождествляются в общественном мнении только с современностью. Цивилизованный мир, мир культуры имеет свою «ахиллесову пяту» — уязвимость, незащищенность при столкновении с варварством и жестокостью.

Терроризм — это варварство XXI века. В гуманитарном знании существует весьма распространенная максима: идентификация проблемы — это уже половина ее решения. Слово «терроризм» зародилось во время Великой Французской революции, когда невинные граждане стали жертвами политических репрессий и были отправлены на гильотину. Не это ли пережила наша страна — репрессии, переселение народов, депортацию интеллектуальной элиты? Террор — это насилие, но имеющее конкретную цель — устрашение. В борьбе с терроризмом культура раскрывает одну из важнейших своих сущностей — просвещение. Просветительская задача культуры состоит в том, чтобы доказать людям: «наши силы неисчислимы — нас победить нельзя!»

Понять, что такое терроризм, можно только на фоне относительного спокойствия мирной жизни. Угроза насилия и его применение в собственных интересах — вот суть современного терроризма. Существование терроризма в современном мире объясняется тем, что идеология примата индивидуального над общественным не могла не обернуться катастрофой. Не вызывает сомнения, что и впредь террористы будут оправдывать свои действия, используя искаженные символы легитимности, мифы о своей правоте, создавать легенды о своей неуязвимости и скорой победе. Но для нас важно объяснить людям, что все, что говорят террористы, — всего лишь грубая ложь. Террористы часто заявляют о законности своих акций, называют себя «солдатами», используют военную терминологию в названиях своих организаций, любят говорить о политических правах, устраивают суды, выносят смертные приговоры. Задача социально-культурных институтов — раскрыть весь цинизм подобных акций и заявлений. Солдат, воин — это не тот, кто убивает, а тот, кто защищает, тот, кто жертвует своей жизнью, спасая жизнь другого. Миссия культуры — воспеть этот солдатский подвиг, воспитать уважение к герою и в то же время разоблачить, показать всю низость и коварство террористической пропаганды.

Т. В. МУСИЕНКО,

начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор

МИКРОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Противоречия и неопределенность, непредсказуемость развития структурно раздвоенного мира (bifurcated world), процессы политической фрагментации и развитие современных информационных технологий содействовали тому, что стало возможным появление особой части в этом сложном мультицентричном фрагментированном мире, которая дала толчок быстрому развитию терроризма и террористических организаций как акторов мировой политики. Все более очевидным становится парадокс глобальной демократизации, когда, с одной стороны, усиление неправительственных организаций и неформальных сетей содействует созданию и установлению в современном мире глобального гражданского общества, с другой — этот процесс сопровождается усилением изоционности действий тер-

рористических организаций, преследующих совсем иные, деструктивные цели. С глобальным демократическим политическим процессом начала 1990-х годов и процессом фрагментации мира связывается сегодня возникновение глобальных террористических сетей, например сети Аль-Каиды, развернувшейся более, чем в 20 странах мира¹.

Уолтер Лафебер связывает эскалацию терроризма с триумфализмом США как одного из ключевых акторов современной мировой

¹ *Crelinstein R. Terrorism and Counter Terrorism in a Multi-Centric World: Challenges and Opportunities // The Future of Terrorism / Eds. Max Taylor and John Horgan. L. etc.: Frank Cass, 2001. P. 177–178; La Feber W. The Post September 11 Debate Over Empire, Globalization, and Fragmentation // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. № 1. P. 1–6.*

политики. Весьма осторожно оценивается перспективность американской стратегии обеспечения общей безопасности на основе борьбы с международным терроризмом с опорой на концепцию контртерроризма. Дискурс безопасности настолько сложен, что не может быть ограничен тем или иным узким смыслообразующим значением.

Период глобализации отмечен появлением принципиально новой концепции безопасности — концепции человеческой безопасности (the Concept of Human Security: HS). Канада, Норвегия, Япония стали мировыми лидерами, первыми инкорпорировавшими концепцию HS в качестве основы официальной политики своих государств на мировой арене¹.

Уже в начале 1990-х годов обозначился переход от государствоцентричной концепции национальной безопасности к мегауровневой концепции общей безопасности и микроориентированной концепции человеческой безопасности как основы современной мировой политики. Такой микроориентированный подход нашел отражение в программных документах ООН. В самой концепции HS в фокус внимания был помещен аспект безопасности человеческой жизни и достоинства личности. В ней определились четыре сущностные характеристики: универсальный характер, взаимозависимость всех компонентов, превентивный характер мер по обеспечению HS, концентрация внимания на интересах людей, личности.

Модель ООН включает семь параметров безопасности человека. Это экономическая, политическая, общественная, личная безопасность, безопасность окружающей среды, питание, здоровье.

Джордж Неф предлагает альтернативную классификацию компонентов HS, состоящую из пяти параметров: экология и окружающая среда, экономика, общество, политика, культура. Джордж Маклин обосновывает многоуровневую концептуальную модель HS, в которой индивидуальная безопасность учитывает характеристики непосредственного окружения личности, ее общественные связи, а также более широкое окружение (внешнюю среду)².

¹ King G., Murray Ch. J. Rethinking Human Security // Political Science Quarterly. 2001–02. Vol. 116. № 4. P. 586–590.

² Ibid., P. 589, 591; Nef J. Human Security and Mutual Vulnerability: The Global Political Economy of Development and Underdevelopment / 2nd ed. Ottawa: International Development Center, 1999; MacLean G. The Changing Perception of Human Security: Coordination National and Multilateral Responses: The United Nations and the New Security Agenda. United Nations Association in Canada. 10 March. 2001. (<http://www.unac.org/canada/security/maclean.html>).

Гарри Кинг выдвигает концепцию HS, предусматривающую четыре основные стратегии обеспечения безопасности человека в глобальном мире: а) стратегия оценки рисков (risk assessment), б) стратегия превентивных действий (prevention), в) стратегия защиты (protection), г) стратегия компенсации (compensation)¹.

Исследователями разрабатываются межсетевые модели обеспечения безопасности (Legal Inter-Network for Terrorism), исходящие из того, что управление терроризмом должно опираться в целом на концепцию человеческой безопасности, учитывающую как бихевиоральные, так и институциональные аспекты стратегии HS. Майкл Дартнелл полагает, что глобальное управление терроризмом возможно через создание международных сетей, легитимно ограничивающих распространение терроризма на всех уровнях (международном, национальном, общественном, региональном, личном). Институциональная составляющая межсетевой модели противодействия терроризму предстает сложным комплексом соглашений, направленных на противодействие особым типам поведения (behaviors), сопровождающегося применением насилия; на защиту личной безопасности (individuals); на установление контроля за использованием материалов, представляющих опасность для жизни человека (materials), таких как биологическое и химическое оружие, ядерные материалы, взрывоопасные вещества и токсическое оружие².

Джин Натсон обосновывает положение о существовании психологических факторов, сдерживающих террористическое поведение на микроуровне, упоминает об «имплицитных (скрытых) правилах игры» (implicit rules of games), сдерживающих действия террориста, в частности, в случаях, когда речь идет о применении насилия³.

Уолтер Лакуэр, будучи склонным рассматривать терроризм не как идеологию или политическую доктрину, а как метод насилия или угрозы насилием, используемый для создания и распространения панических настроений, способных привести к политическим изменениям, выделяет в качестве отличительной черты нового глобального терроризма

¹ King G., Murray Ch. J. Rethinking Human Security // Political Science Quarterly. 2001–02. Vol. 116. № 4. P. 604–608.

² Dartnell M. A Legal Inter-Network for Terrorism: Issues of Globalization, Fragmentation and Legitimacy // The Future of Terrorism / Eds. Max Taylor and John Horgan. L. etc.: Frank Cass, 2001. P. 197–208.

³ Knutson J. The Terrorist' Dilemmas: Some Implicit Rules of the Game // Terrorism: An International Journal. 1980. № 4. P. 195–222.

прежде всего фанатизм, который играет центральную роль в исполнении террористических миссий самоуничтожения и имеет как психологические, так и культурные корни¹.

Характерно, что реалистическое крыло террологов также склонно придавать существенное значение психологическим и отчасти идеологическим аспектам терроризма. А. Мерари полагает перспективной разработку курса мотивации (motivation) террористического поведения и обосновывает два основных направления анализа: изучение идео-

логии, оправдывающей применение насилия со стороны тех или иных социальных групп, и определения психологических стимулов и побуждений, толкающих людей на насильственные действия¹.

Все более очевидной становится необходимость разработки научно-исследовательских программ изучения терроризма, учитывающих современные достижения и тенденции развития микроуровневых исследований поведения личности в рамках психологического, социологического, микрополитического подходов.

¹ Laquer W. Left, Right, and Beyond: The Changing Face of Terrorism // How did this Happen? Terrorism and the New War / eds. James F. Hoge Jr. and G. Rose. N. Y.: Public Affairs. 2001. P. 71–82.

¹ Merari A. Terrorism As a Strategy of Struggle: Past and Future // The Future of Terrorism / eds. M. Taylor and J. Horgan. L.: Frank Cass, 2001. P. 52–65.

И. Н. ПАНАРИН,

профессор Дипломатической академии МИД, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук

РОССИЯ И США ПОСЛЕ БРАТИСЛАВЫ

Церемония официального вступления в должность избранного на второй срок 43-го президента США Джорджа Буша-младшего стала 55-й инаугурацией в истории страны. Говоря об инаугурационной речи президента, следует подчеркнуть, что если в 2001 году для развития темы свободы и демократии потребовалось 431 слово, то в 2005 году — уже 1564. Причем собственно слово «свобода» было использовано 27 раз.

Процитируем некоторые положения речи Буша. «Политика Соединенных Штатов заключается в том, чтобы поддерживать и развивать демократические движения и институты во всех странах и культурах ради конечной цели — искоренения тирании во всем мире. Мы будем и дальше настойчиво доводить до каждого правителя и каждого государства мысль о необходимости выбора — морального выбора между политическим угнетением, которое всегда несправедливо, и свободой, которая неизменно справедлива. Мы будем подталкивать к реформам правительства других стран, доводя до их сведения, что наши отношения будут тем успешнее, чем умереннее они станут обращаться со своим народом. Диктаторам следует усвоить, что политические права не должны быть вынужденной уступкой; они должны быть гарантированы свободой выражать свой

протест и участием граждан в управлении страной».

Таким образом, инаугурационная речь Буша, и его выступление в Конгрессе США 2 февраля 2005 года, позволяют сделать вывод, что основой новой доктрины Буша станут технологии информационной войны. Развернется активный экспорт демократии по-американски в страны СНГ (в том числе и Россию — Конгрессом США уже выделено 43 млн долларов на поддержку российской демократии) и Азии.

Каковы же инструменты, необходимые для осуществления новой доктрины? США намерены активизировать работу в области публичной дипломатии и информационной деятельности за рубежом. Об этом заявила Кондолиза Райс в сенатском комитете по иностранным делам, на слушаниях по утверждению ее кандидатуры на пост Госсекретаря США. Предполагается увеличить финансовые расходы на внешнеполитическую пропаганду. Госпожа Райс определила и главные объекты массированного информационно-психологического воздействия: это страны СНГ и Ближнего Востока. Она подчеркнула, что в качестве главы американского внешнеполитического ведомства намерена тесно взаимодействовать с входящим в структуру правительства США Советом по иностранному ве-

панию, отвечающим за радио- и телевизионное вещание на зарубежные страны. А на просторах СНГ вслед за Грузией и Украиной готовятся новые «разноцветные» демократические революции: сначала в Киргизии и Молдавии, затем в Казахстане, а потом и в России. Следовательно, в ближайшие годы информационная экспансия США будет только усиливаться.

«Если мы хотим победить в “войне идей”, нам придется вести соревнование на игровой площадке намного успешнее, чем мы это делаем в настоящее время», — подчеркнула госсекретарь. Таким образом, новая Администрация США провозглашает курс на активизацию информационной войны.

Интересно, что Райс не выдвигает ничего нового, а лишь повторяет мысли американского президента Р. Рейгана. После прихода к власти он особо акцентировал растущее значение СМИ на международной арене. Так, в своей речи в британском парламенте 8 июня 1981 года он заявил, что «исход борьбы, развернувшейся в мире, будет зависеть не от числа бомб и ракет, а от победы или поражения стремлений и идей».

Встреча в Братиславе лишь подтвердила вышеуказанный вывод. Она уже закончилась, но пока не очень понятно, каков ее окончательный результат. Скорее всего, она стала лишь промежуточной, в отличие от исторической встречи на Мальте (М. С. Горбачева и Дж. Буша-старшего), в ходе которой был «психологически подавлен» лидер СССР и потом последовал распад Организации Варшавского Договора, а затем и СССР.

Антироссийская часть американской политической элиты, руководствуясь логикой «чем хуже России, тем лучше для США» и «тройных антироссийских стандартов», организовала мощное информационное давление на Владимира Путина. Информационная стратегическая атака началась с критики усиления вертикали государственной власти в России, продиктованного реакцией на серию кровавых терактов, включая Беслан. Но почему-то США не тревожит концентрация власти на Украине в руках господина Ющенко, который самолично назначает губернаторов. Помня о деле ЮКОСа, американцы не хотят замечать ситуации с «Криворожсталью» и начала процесса передела собственности на Украине. Наоборот, Украина объявляется «витриной демократии», несмотря на нарушение юридических норм в ходе избирательной кампании (третьего тура голосования не было еще ни в одной стране мира, а изменение правил проведения выборов

непосредственно в ходе выборов противоречит документам ОБСЕ и ООН).

Русофобы в Конгрессе и американских масс-медиа пытаются навязать России некий «единственно правильный» стандарт демократии, не реализуемый ни в США, ни в странах ЕС. Например, в Италии и Испании, членах ЕС, местным законодательством вообще запрещено присутствие в стране на выборах иностранных наблюдателей, да и США на свои выборы их практически не допускают. Однако эти факты не вызывают озабоченности у западных масс-медиа. Значит, дело не в демократии, а в геополитике. Никому на Западе не нужна сильная Россия.

Большая часть нападков, с которыми российскому руководству приходилось сталкиваться в последние месяцы, была продиктована явным стремлением остановить усиливающуюся в результате высоких цен на нефть Россию. Антироссийская часть американской политической элиты организовала целую серию антипутинских публикаций в ведущих западных СМИ и дошла до циничных и оскорбительных сравнений лидера великой державы с Б. Муссолини, А. Гитлером и С. Хусейном.

Еще один коллективный демарш накануне братиславской встречи Путина и Буша предприняли «десятки политических и общественных деятелей мира» — именно так были представлены люди, подписавшие открытое письмо президенту США. В документе выражается озабоченность в связи с «эрозией демократических свобод в России». Москву обвиняют в «дестабилизирующем влиянии на свое ближнее зарубежье» (в качестве примера приводятся Грузия, Молдавия, Украина и Туркмения). Хотя гораздо больше фактов вмешательства США в события в странах СНГ. Письмо заканчивается призывом к Бушу «публично бросить вызов президенту Путину по всем вышеозначенным вопросам». Среди авторов послания самая известная фигура — бывший советник президента США по национальной безопасности, известный русофоб Збигнев Бжезинский. И это не случайно. Именно он сравнил В. Путина с Б. Муссолини в сентябре 2004 года в авторитетнейшем американском издании «Уолл стрит джорнэл» (тираж — 2,6 миллиона экземпляров). При изучении списка подписантов также бросается в глаза обилие польских фамилий — как представителей польской диаспоры в США, так и политологов из самой Польши. Той самой Польши, находящейся на дне экономической пропасти, из которой ей

уже никогда не выползти: внешний долг страны за последние 10 лет либеральных реформ увеличился в 8 раз (115 млрд долларов), а безработица достигла уровня 20 %.

За два дня до саммита в ходе поездки по европейским странам Буш призывал Россию «сохранять верность демократии» и продолжать демократические реформы, отмечая, что «в некоторых случаях российские власти не дают свободу действий определенным участникам журналистского сообщества», очевидно, забыв о многочисленных увольнениях по политическим мотивам американских журналистов. А уже в Братиславе до начала саммита Буш выступил с речью перед элитой Словакии, в которой позитивно отозвался о переменах на Украине и в Грузии, а также провозгласил новые цели экспорта демократии по-американски — Молдавию и Белоруссию. На пресс-конференции Владимир Путин и Джордж Буш явно ощущали себя по-разному. Буш трижды повеселил своими высказываниями аудиторию. Путин выглядел напряженным и не шутил вообще.

В Братиславе Джордж Буш, поинтересовавшись, как в России обстоят дела с демократией, услышал от Владимира Путина жесткие слова: «Россия сделала выбор в пользу демократии уже 14 лет назад, сделала этот выбор самостоятельно, без какого-то давления извне, сделала в своих интересах и для себя, для своего народа, для своих граждан. Этот выбор окончательный, и возврата назад нет и быть не может, — подчеркнул Путин. — Гарантия демократии в России — это выбор самого российского народа. Никаких гарантий извне этим процессам никто дать не может». Для нашего президента это был момент истины. Он его выдержал, хотя полгода находился под мощным информационно-психологическим давлением западных СМИ и внутренних политических противников.

Самым употребляемым словом саммита, как и ожидалось, стало слово «демократия». Главным заявлением встречи Джордж Буш назвал слова Путина о том, что поворота от демократии в России не будет. Таким образом, начатая американцами стратегическая информационная операция по обеспечению давления на Россию по проблемам демократии в общем удалась. Ее целью было системным информационным давлением добиться от России геополитических и экономических уступок.

Как известно, о сути любого явления можно судить по его последствиям. Учитывая, что истинный смысл встречи двух президентов как

всегда оказался за кадром, увидеть результаты встречи в Братиславе можно будет лишь по дальнейшим шагам двух стран в ближайшие месяцы.

Напомню о том, что Россия больше других государств мира сделала для появления независимого американского государства. Во время освободительной войны американцев с Великобританией (1775–1783) российская императрица Екатерина Великая отказалась послать в Америку по просьбе англичан русский экспедиционный корпус для подавления восстания против английского короля. А во время Гражданской войны в США (1861–1865) две русские эскадры в течение трех лет находились в Нью-Йорке и Сан-Франциско, обеспечивая защиту американских берегов от возможного вооруженного вмешательства английского флота на стороне южан. Госсекретарь США Уильям Сьюард говорил в далеком 1860 году: «В отношении России дело ясное. Она располагает нашей дружбой в предпочтении всем другим европейским державам просто потому, что она всегда желает нам добра и оставляет ведение наших дел на наше усмотрение». Тогда, в XIX веке, Россия была гораздо более мощной державой, чем США. Но великая Россия всегда проявляла снисходительность и терпимость. В XX веке высшим достижением российско-американских взаимоотношений было боевое сотрудничество в годы Второй мировой войны. В 1942 году президент Ф. Рузвельт в послании Конгрессу США писал: «Мужественное сопротивление русского народа является огромной помощью всем народам, сопротивляющимся нацистской военной машине. Это сопротивление полностью нарушило нацистские планы и развеяло миф о непобедимости нацистов». Сошлемся на мнение помощника и друга Ф. Рузвельта Г. Гопкинса: «Мы знаем, что мы и Россия являемся двумя могущественными нациями в мире как по людским, так и по сырьевым ресурсам. Мы знаем или считаем, что интересы России в той степени, в какой мы можем их предвидеть, не дают основания для серьезных разногласий между нами во внешних делах. Мы знаем, что мы взаимосвязаны в экономическом отношении. Мы знаем, что с русскими легко иметь дело». Это мнение разделялось и большей частью деловых кругов США во главе с активным сторонником нашего сотрудничества, президентом Торговой палаты США Э. Джонстоном. Предполагалось, что около трети внешнеторгового оборота США приходилось бы в послевоенные годы на нашу страну. Однако впослед-

ствии, после смерти Ф. Рузвельта, Вашингтон избрал другой курс, который на длительное время затормозил и отбросил назад позитивное развитие отношений между нашими странами, которое наметилось после Второй мировой войны.

Вышеперечисленные исторические события подчеркивают важность личных отношений лидеров наших стран для улучшения диалога и взаимоотношений.

В последние годы участились личные контакты между лидерами России и США. Хотелось бы, чтобы эта тенденция развивалась и укреплялась. Однако необходимо, чтобы партнерство двух великих держав на основе хороших личных отношений их лидеров было равноправным. Для эффективной работы по осуществлению равноправного партнерства с США России необходима незамедлительная реформа системы внешнеполитической пропаганды и информационного противодействия. Пока она на порядок уступает американской модели по всем параметрам — организационному, финансовому, кадровому и т. д. Тем более что Дж. Буш предлагает Конгрессу США увеличить в новом, 2006 финансовом году финансирование публичной дипломатии на 21%, а Национального фонда демократии — на 30%. Именно этот фонд был главным организатором победы В. Ющенко на Украине. Консультантом этого фонда является А. Ильясов, бывший министр иностранных дел Чечни (при А. Масхадове). Россия уже два года требует выдачи Ильясова по обвинению в терроризме. Однако США предоставили ему политическое убежище и высокооплачиваемую работу в фонде, финансируемом Конгрессом.

В качестве первых шагов реформы системы внешнеполитической пропаганды России предлагается следующее:

1. Введение поста советника Президента России по вопросам внешнеполитической пропаганды и информационного противоборства. Советник должен координировать деятельность Управлений Администрации Президента России, занимающихся проблемами информации и международных отношений.

2. Создание Государственной комиссии России по публичной дипломатии (по американской модели). В ее составе могут быть: советник Президента России по вопросам

внешнеполитической пропаганды и информационного противоборства, руководители информационно-аналитических управлений Администрации Президента России, секретарь Совета Безопасности, министр иностранных дел, министр информации и культуры, руководители комитетов по международным делам Госдумы и Совета Федерации, руководители ведущих общенациональных СМИ, деятели науки и культуры, представители политической элиты России.

3. Незамедлительное подчинение МИД России радиостанции «Голос России» и информационного агентства РИА НОВОСТИ. В дальнейшем на основе созданной структуры целесообразно сформировать российский ЮСИА (внешнеполитический медиахолдинг в составе МИД России), учитывая, а во многом и копируя американский опыт.

4. Создание неправительственных организаций России, действующих на территории стран СНГ, ЕС, США (подобно тому, как в России действуют многочисленные американские неправительственные организации, финансируемые правительством США).

5. Немедленное приведение в соответствие с заявленными внешнеполитическими приоритетами России ее государственной информационной политики. Так, выступая 12 июля 2004 года на совещании российских послов, Президент России В. Путин определил внешнеполитические приоритеты России: на первом месте СНГ, на втором Европа. 19 января 2005 года, на пресс-конференции по итогам 2004 года, министр иностранных дел России С. Лавров подтвердил эти приоритеты. Однако в информационной политике государственных СМИ они не реализуются, наоборот, в информационных сообщениях российских СМИ (прежде всего телеканалов РТР и ОРТ), приоритет отдается другим регионам мира — Ближнему и Среднему Востоку. А информация о проблемах СНГ, Европы (например, о том, что в Косово с 1999 года разрушено 200 православных храмов и изгнаны 250 тысяч сербов) отсутствует.

6. Обеспечение коммуникационного баланса (одинаковых по объему информационных потоков Россия — США и США — Россия).

7. Активное внедрение российских кинофильмов, спектаклей, мультфильмов в информационное пространство США.

Т. Н. ФЕДОРОВА,

заместитель начальника научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского
и.м. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии,
кандидат исторических наук, доцент

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Становление единого взаимосвязанного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира сопровождается утратой самодостаточности традиционных национально-государственных форм человеческого бытия и формированием нового его качества, сущностной характеристикой которого является всеобщность. Глобализационные процессы, в полной мере развернувшиеся в последние десятилетия XX века, означают формирование под воздействием интеграционных процессов глобального человеческого сообщества, называемого сегодня мегаобществом¹. Этот процесс отражает потребность утверждения приоритета общечеловеческих ценностей, демократической культуры.

Научная дискуссия о континуитете культуры была инициирована в 1980-е годы выходом в свет работы Г. Алмонда и С. Вербы². Самым содержательным откликом на заявленную проблему стали исследования Г. Экстейна³, посвященные вопросам изменения культуры. Именно Г. Экстейн обратил внимание на необходимость изучения политической культуры как некоего производного от всей совокупности социально-политических отношений, присущих обществу, норм социальных отношений и форм причастности граждан к делам государства.

Научные дебаты по проблемам политической культуры активизировались с появлением «теории изменения ценностей» Рональда Инглехарта⁴. Ученый основывает свой анализ на двух посылах. Допускается, что социальные базисные ценностные приоритеты детерминированы состоянием и уровнем социально-экономического развития общества. Рассматривая вопрос о факторах, определяющих ценностные приоритеты в обществе, Р. Инглехарт выдвигает гипотезу: наивысшей ценностью является

именно то, чем общество сравнительно недостаточно обеспечивает своих граждан. В ранних работах им предпринята попытка генерализации соответствующих данных и их анализа на основе выдвинутой гипотезы, дополненной извлечениями из концепции иерархии человеческих ценностей А. Маслоу. В последующих работах Р. Инглехарт все дальше дистанцируется от этой концепции и прорабатывает собственную гипотезу о дефиците возможностей для удовлетворения социально-политических потребностей как факторе, определяющем приоритеты в системе ценностных ориентаций общества. Вторая гипотеза Р. Инглехарта исходит из концепции социализации и выявляет факторы, определяющие ценностные приоритеты личности. Исследователь высказывает предположение, что ценностные приоритеты отражают социально-экономические условия, в которых происходило становление личности до ее взросления. Далее Р. Инглехарт обосновывает идею о том, что именно процесс социально-экономического развития и модернизации западных индустриальных стран вызывает трансформацию системы ценностных ориентаций и, соответственно, набора ценностных приоритетов в обществе. В результате изменения ценностных ориентаций и приоритетов формируется постиндустриальная система ценностей.

Концепция перехода от материальных к постматериальным ценностям специфична в своем практическом применении для изучения преимущественно развитых западных обществ, характерной особенностью которых является возрастание интереса личности к качественным аспектам жизни, таким как экология, права женщин, защита прав потребителей и т. д. Специфические характеристики концепции делают возможным проведение разработок по выявлению воздействия ценностных ориентаций в отношении качественных показателей жизни на политические приоритеты и действия граждан постиндустриальных обществ. На первый план выдвигается сопоставительный анализ систем ценностей сложившихся демократий и ценностей стран, вступивших на путь демократизации. Обосновывается положение о конвергенции ценностей и распространении в демократических странах мира постматериальных ценностей.

¹ Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 31–57.

² Almond G., Verba S. The Civic Culture Revisited. Boston: Little, Brown, 1980.

³ Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1966; Eckstein H. Political Culture and Political Change. American Political Science Review, 84, 1990. P. 253–258.

⁴ Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977; Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989.

Еще одной формой воплощения в исследовательской практике тезиса о постматериальных ценностях стал подход, в соответствии с которым внимание фокусируется на контрастирующих с ценностями сложившихся демократий ценностях тех стран Восточной Европы и Восточной Азии, которые вступили на путь демократических преобразований. Была предпринята попытка распространить основные положения постматериалистической концепции на исследование названных выше обществ. Вместе с тем Р. Инглехарт сформулировал основные положения постматериализма исходя из того, что постматериальные ценности являются следствием высокого уровня экономического и политического развития, в направлении к которому страны Восточной Европы и Юго-Восточной Азии лишь начали движение. Это обстоятельство должно предопределить перспективу и содержание политического курса названных стран. По мнению Рассела Далтона, следует ожидать, что общественность и политические элиты стран Восточной Европы и Восточной Азии будут делать больший акцент на материальных социальных целях, которые в свое время были доминантой политики западных демократий¹. Кроме того, нации, вставшие на путь демократизации, особое значение будут придавать развитию институциональных форм представительной демократии: они могут ориентироваться на то, чтобы избежать появления институциональных форм демократии прямого участия, защищаемых в развитых индустриальных странах. В связи с этим Р. Далтон делает предположение о дивергенции социальных целей развитых индустриальных демократий и демократий, возникших в странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии. Страны обеих категорий одинаково характеризуются усилением демократии в обществе, но различаются уровнем развития демократии и способами ее функционирования.

Альтернативой тезису о дивергенции (расхождении) ценностей Р. Далтона является тезис Р. Инглехарта о глобальной конвергенции ценностей. Более взвешенной все же представляется позиция Р. Далтона — он считает разумным использование такой дефиниции, как «конвергенция ценностей», лишь в смысле определения ориентации на поддержку либеральных и демократических ценностей,

нашедших воплощение в западных политических традициях.

Новейшее компаративное культурологическое исследование взаимосвязи ценностей политической культуры, демократии и направленности процессов глобализации и модернизации, проведенное как кросснациональное исследование политических культур 43 стран мира и процесса изменения ценностей в условиях модернизации и глобализации за последние десятилетия (World Values Surveys: WVS), еще раз подтвердило более ранние наблюдения и выводы теоретиков модернизации о том, что наличие или отсутствие подсистемы поддерживающей культуры (Supportive Culture) является ключевым фактором, объясняющим стабильность или неустойчивость общественной системы в целом¹. Само определение культуры как «субъективного компонента стратегии общества в преодолении вызовов окружающей его среды, включающего в себя ценности, аттитюды, ориентации, навыки и знания людей» подчеркивает функциональное значение политической культуры для обеспечения безопасности и выживания общественной системы².

Ренессанс в области исследования политической культуры, как видим, связан с новейшим периодом глобальной демократизации, который возродил научный интерес к этой проблеме и восстановил былую значимость вопросов, связанных с осмыслением проблемы конгруэнтности (соответствия, тождества) культуры и политической системы, определив и новую проблематику в исследовании политической культуры. В блоке этих проблем выделяется вопрос о взаимосвязи институциональных и культурных изменений в обществе. Политические институты и фундаментальные основы политического режима достаточно постоянны, в связи с чем исследование взаимодействия и взаимовлияния перемен, происходящих в институциональной и культурной сферах, чаще всего затруднено. Однако события новейшего периода, связанные с трансформацией политических режимов и систем в целом ряде стран Восточной Европы и в России, открыли новые возможности для изучения проблемы конгруэнтности (тождественности) процессов трансформации системы политических институтов и политической культуры в условиях глобализации.

¹ Dalton R. *The Green Rainbow*. New Haven: Conn.: Yale University Press, 1994; Dalton R. *Citizen Politics in Western Democracies*. 2 d. Edn. Chatham, NJ: Chatham House, 1996.

¹ Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, 1997.

² Ibid. P. 55.

А. М. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,

*член-корреспондент РАН, директор Института прикладной астрономии РАН,
доктор физико-математических наук, профессор*

НАУКА И ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА

Наука — относительно молодое явление. В начале XVII века великий Галилео Галилей построил телескоп и открыл горы на Луне, спутники Юпитера, фазы Венеры, пятна на Солнце, а также, экспериментируя с медными шарами — фундаментальный закон свободного падения тел в гравитационном поле Земли, так называемый принцип эквивалентности. Можно сказать, что в это время сформировалась наука в современном смысле — как совокупность теоретических моделей и экспериментальных способов их проверки, а схоластическая наука, развиваемая в университетах в соответствии с принципом, выдвинутым Фомой Аквинским — «наука — служанка богословия», — начала сдавать позиции. Наука создала интеллектуальную базу для западной технологии, триумфальное шествие которой началось в конце XVIII века. Особую роль в развитии этого процесса сыграла эпоха Реформации, которая привела к господству рационального взгляда на природу и общество и заложила основы того, что сегодня принято называть, отчасти романтизируя это явление, «западной свободой», в том числе свободой исследований.

Россию этот процесс обошел стороной, так как здесь интеллектуальные достижения Возрождения и Реформации были не только не известны, но и принципиально не осваивались из-за греко-византийской традиции абсолютного недоверия к католикам и, тем более, к протестантам, а также из-за энергичного неприятия всего светского. Лишь в 1725 году, в результате создания по инициативе Петра I Российской Императорской академии наук, рациональное знание было реабилитировано и признано необходимым для государства и общества. Как это ни парадоксально, но мотивацией для овладения достижениями западной науки, как отметил Арнолд Джозеф Тойнби, являлось желание России обезопасить себя от завоеваний и насильственной ассимиляции со стороны Запада. Итак, российская наука, хотя и на сто лет позже европейской, начала приобретать современный облик.

Вплоть до начала XX века события в мире науки и техники развивались весьма неторопливо, и заметные изменения в том, что принято называть научно-техническим прогрессом, происходили на интервалах времени, сравнимых с историческими эпохами и существенно превы-

шающими жизнь одного и даже нескольких поколений. Однако в XX веке, особенно во второй его половине, ситуация радикально изменилась. События, меняющие действительность, следовали одно за другим, переносились за десятилетия население планеты из одной культурной и технологической эпохи в другую. И сейчас рядом живут люди, которые одними из первых увидели телевизионную картинку (конец 1930-х гг.), те, кто помнит первый взрыв атомной бомбы (1945 г.), запуск первого искусственного спутника Земли (1957 г.), полет Юрия Гагарина вокруг Земли (1961 г.), первые шаги Нила Армстронга по поверхности Луны (1969 г.) и, наконец, те, для кого все эти события являются фактами далекой истории и кто основную часть знаний получает с помощью глобальных информационных сетей. Оценивая это время, следует заметить, что 90 % естественно-научных знаний, которыми сейчас располагает человечество, было получено за последние 30 лет, и те же 90 % общего числа ученых и инженеров за всю историю цивилизации — наши современники.

Итак, если говорить о второй половине ушедшего века и о нынешнем веке, то практически все, что нас окружает и обеспечивает наше физическое и духовное существование, напрямую связано с научной и научно-технической деятельностью. Это вызвано тем, что XX век в целом был насыщен многочисленными открытиями, не только радикально изменившими физическую картину мира, но и оказавшими решающее влияние на его технологический облик. Целый ряд открытий (в основном в области физики) сыграл принципиальную роль в этом процессе. В первую очередь стоит отметить развитие квантовой механики и квантовой теории поля, специализацию естественной и искусственной радиоактивности и деления ядер тяжелых элементов, осуществление цепной ядерной реакции, построение теории атома, ядра и стандартной модели элементарных частиц, формирование теории сверхпроводимости и сверхтекучести, изобретение радиоприемника, открытие голографии, лазерно-мазерного принципа и транзисторного эффекта, создание полупроводников и микрочипов.

Вне всякого сомнения, природа бросала и до сей поры продолжает бросать множество

вызовов науке. Однако я хотел бы кратко коснуться трех сюжетов, которые связаны с вызовами науке со стороны общества. Первый из них обусловлен стремлением понять, почему мы, человечество, оказались в этой части Вселенной и каковы цели, поставленные перед нами. Этот вопрос содержит значительный идеальный компонент и связан с тем, что мыслящий человек, начиная с первого homo sapiens, всматриваясь в звездное небо, быстро оценил гигантские масштабы окружающего его космического пространства. А далее, чем глубже он познавал мир, тем отчетливее осознавал свою уникальность и тем чаще задавал себе вопрос о смысле своего пребывания во Вселенной, о смысле своего бытия.

Как известно, современная цивилизация обладает не только сложными техническими системами и высокоразвитыми технологиями, обеспечивающими настоящие и ближайшие будущие практические потребности людей. Она характеризуется также многочисленными и разнообразными вторичными мирами, наличие и содержание которых не связано с проблемой выживания. Среди них есть более значительные: религия, философия, искусство, право, и менее значительные: деньги, награды, спорт, мода, реклама. Ни от одного из них человечество не готово, а возможно, и не способно отказаться. Как совместить фантастическую и по большей части творческую активность людей в этих областях с отчетливым пониманием того, что Вселенная, масштабы которой на 26 порядков больше масштабов человека, абсолютно безразлична к самому факту существования человеческой цивилизации; что процессы, происходящие в космосе, способны хладнокровно прекратить ее существование. Один из путей решения этого вопроса намечают идеи антропного принципа. В соответствии с ними Вселенная, с одной стороны, управляется такими законами, которые позволили ей менее чем за 14 миллиардов лет эволюционировать из довольно примитивного состояния радиационной стадии в сверхсложную структуру с галактиками, звездами и планетными системами. С другой стороны, Вселенная так тонко подстроила свои фундаментальные параметры, что в ней, хотя бы на одной планете, смогли начаться биологические процессы, возникли жизнь, разум и цивилизация. Последовательные рассуждения в этой области можно рассматривать в качестве попытки построения физической модели того, кого верующие люди называют Творцом.

Обратимся ко второму общественному вызову. Ушедший век придал уверенность в том, что возможности современной науки безгра-

ничны и для нее нет ничего недоступного. Вместе с тем в конце XX — начале XXI века в части общества стали формироваться представления об окружающем мире, его прошлом, настоящем и будущем в терминах, более присущих средневековому, нежели современному мышлению. Происходящее стало подтверждать высказывание Блаженного Августина о том, что «в каждом веке есть свое средневековье». К слову сказать, в особой степени это явление стало типичным для современной России, где в результате смены общественного строя образовался идеологический вакуум, который заполнили представители различных религиозных конфессий и организаций. В итоге стало происходить то, что имело место в России на стыке XIX и XX веков, когда народное сознание, впрочем, как и сознание правителей, было сильно мифологизировано — и те и другие жаждали не знаний, а знамений, и те и другие верили не ученым, а различным священнослужителям и толкователям, «старцам» и «божьим людям».

Вера в Бога — тонкое, индивидуальное чувство, у разных людей оно порождается различными причинами и в ряде случаев позволяет им ответить на те вопросы, на которые в настоящее время не дают ответов ни наука, ни философия. Действительно, как говорил Людвиг Витгенштейн, «мы чувствуем, что даже когда даны ответы на все возможные научные вопросы, то наши жизненные проблемы еще даже не затронуты». Таким образом, индивидуальное религиозное чувство, жестко не связанное с религиозными догмами, достаточно свободно совмещается с восприятием научной картины мира. По этой причине многие выдающиеся ученые были религиозны и, более того, идея, что мир поддается рациональному пониманию, служила некоторым из них доказательством того, что мир был сотворен Творцом. Для богословов же религия всегда представляла и представляет собою чрезвычайно жесткий каркас, который в подавляющем большинстве случаев уже невозможно согласовать с современными достижениями науки. Поэтому, сталкиваясь с угрозой со стороны научного метода, религиозные деятели либо сокращают до минимума фактическое содержание верований, либо признают, что откровения были частичными, либо утверждают, что человеческий разум имеет малое отношение к вере. Их положение усугубляется тем, что даже в рамках мировых религий имеется много религиозных течений и, следовательно, много ересей, в то время как существует лишь одна мировая наука. В этой ситуации некоторые, и прежде всего, наиболее

влиятельные из них, начинают действовать административными средствами, пытаясь получить поддержку власти, которая, как правило, использует религию для решения собственных проблем, в том числе и для манипуляции общественным сознанием. Этим они нарушают тот общественный договор с Церковью, который был достигнут еще в период Реформации и согласно которому знание должно находиться в ведении науки.

Так или иначе, все это требует от науки, с одной стороны, напряженной работы над теми вопросами, которые вызывают острый общественный интерес, а с другой — не менее напряженных усилий по ознакомлению общества с научными достижениями, то есть по его просвещению. При этом следует помнить, что наука при правильном ее изложении сможет не только удовлетворить естественный человеческий «аппетит к удивительному», но и обеспечить рациональные и идеальные основания для ответа на вопрос о смысле жизни.

Еще один общественный вызов науке порожден тем, что растущая сложность производимых ею технических и технологических составляющих современного общества предъявляет все возрастающие требования к образованности людей, и особенно жесткие требования к компетентности власти. К сожалению, уровень человеческого невежества значительно выше, чем кажется большинству из нас. Эта ситуация в настоящее время опасна тем, что большая часть общественных систем развивается так, что подавляющему большинству людей отведена роль исполни-

телей, уверенных в том, что у представителей власти есть ответы на все вопросы, а власть с уверенностью, иногда даже искренней, претендует на знание этих ответов. Вместе с тем власть без конца экспериментирует с наиболее доступным ей материалом — человеком, который очень часто либо невежественен, либо внушаем, либо зависим, принимая решения, которые порождают или могут породить локальные и глобальные угрозы человечеству. В этой ситуации власть использует науку лишь для идеологического обоснования своих идей и решений, как правило, формально эксплуатируя обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание великий Джеймс Максвелл: «Так велико уважение, которое внушает наука, что самое абсурдное мнение может быть принято, если оно изложено языком, который напоминает какую-нибудь известную нам научную фразу». В России, где беспристрастное слово ученого традиционно обладает святостью и даже рассматривается в поворотные моменты как благодать, этот простейший прием дает власти возможность поддерживать идеологические основы общества.

Однако очевидно, что нам рано или поздно придется сделать выбор между цивилизацией как правлением политических лидеров, демагогически обещающих все и, как правило, не понимающих большую часть того, о чем они говорят, и между цивилизацией как глобальным правлением знатоков-экспертов. Я уверен, что на этот общественный вызов наука обязана и сможет дать адекватный ответ.

В. В. ШЛЫКОВ,

*профессор Академии права и управления
Министерства юстиции России, кандидат экономических наук*

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В общем виде опасность можно представить как объективно существующую возможность негативного воздействия на социальный организм, в результате которого ему может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательную динамику или параметры. И наоборот, безопасность есть состояние защищенности.

Обеспечение условий безопасного существования государства является необходимым элементом построения его внешней и внут-

ренней политики, что, в свою очередь, предполагает защиту государством как своих интересов, так и интересов общества и личности. В научных исследованиях подсистема частных составляющих национальной безопасности описывается в виде механизмов реагирования на частные угрозы и включает в себя следующие составляющие: геополитическую, военную, технологическую, демографическую, криминологическую, экономическую, социальную, политическую, экологическую, правовую, интеллектуальную, информационную и

ряд других. Нам бы хотелось добавить к ним и культурологическую составляющую. Данное предложение делается на основе анализа адекватности ответов государства на существующие и потенциальные угрозы и вызовы его безопасности.

Представляется, что политика государства в области культуры не может ограничиваться положениями, прописанными в пункте 2 статьи 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре и сводиться к деятельности по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Она должна носить упреждающий характер и формировать имеющимися у культуры средствами личность, способную отзываться на нужды и потребности государства как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. С позиций демографии это рождение второго и третьего ребенка в семье, развитие института усыновления, толерантное отношение к мигрантам. В плане противодействия терроризму — духовное развитие личности и терпимость к представителям других конфессий. В антикриминогенном отношении —

прекращение прославления преступников, уничтожение «романтического ореола» вокруг их жизни. Список можно продолжать, но суть заключается в том, что писатели, драматурги, кинорежиссеры и другие представители творческой интеллигенции должны получить от государства творческий и социальный заказ на создание произведений, побуждающих к его созиданию, укреплению, а не к разрушению.

Не принижая важности решения проблемы безопасности во всех областях и сферах деятельности государства, необходимо подчеркнуть базисную роль культуры как сферы постоянной творческой деятельности по распространению мирового и отечественного культурного достояния, преимущественную направленность на культурное обогащение и отдых, развитие личности, привитие и удовлетворение духовных потребностей в рамках, установленных законом¹.

¹ См.: Шлыков В. К вопросу о классификации организаций культуры // Культура: управление, экономика, право. 2004. № 3. С. 25.

Круглый стол

РОССИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Руководители:

Ж. Т. ТОЩЕНКО, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук;

Р. Ш. ГАНЕЛИН, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук

Ученый секретарь

Г. А. ПРАЗДНИКОВ, заведующий кафедрой философии СПбГУП, кандидат философских наук, профессор

Ответственный секретарь

А. В. КАРПОВ, доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат культурологии

Участники обсуждения:

Р. Ш. ГАНЕЛИН, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук;

С. Н. ИКОННИКОВА, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

Н. М. ИНИОШКИН, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, доктор философских наук, профессор;

М. С. КАГАН, доктор философских наук, профессор;

Г. А. ПРАЗДНИКОВ, заведующий кафедрой философии СПбГУП, кандидат философских наук, профессор;

Т. Б. СИДНЕВА, проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, доцент;

Ж. Т. ТОЩЕНКО, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук;

Н. И. ФАТИЕВ, профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Обсуждение проблем культуры, духовной жизни, общественного сознания — того, насколько в человеке сливается его оценка и понимание настоящего и какую часть в этом настоящем занимает прошлое и будущее, представляет несомненный интерес. Духовная жизнь общества, его культура, да и жизнь вообще всегда в той или иной мере включает три момента — настоящее, прошлое и будущее. На основании этого знания вырабатывается представление о цен-

ностях, ориентирах, целях, которыми руководствуется человек в своей духовной жизни. Выскажу в достаточной мере спорное утверждение, что, по большому счету, настоящей духовной жизни у нас нет. Я могу это подтвердить данными социологических исследований, которые показывают, что у людей нет этих ориентиров. Разумеется, цели у людей имеются, но среди них преобладают утилитарные: как заработать, каким образом решить те или иные насущные жизненные про-

блемы. При оценке реальной ситуации недовольны практически все, даже успешные люди имеют очень серьезные претензии к тому, что происходит в обществе, и не только в экономическом плане.

Отсутствие ориентиров замещается прогнозами и обращением к прошлому. Каким видят будущее жители России? В конце 1980-х — начале 1990-х годов, то есть пятнадцать лет назад, 80–85 % россиян с оптимизмом смотрели вперед, отвергая постылое советское прошлое и возлагая надежды на будущее. Сейчас же почти 90 % признаются в том, что их надежды не оправдались. Я разделяю мнение своих коллег в том, что недовольство, разумеется, связано с бедностью, ущемленностью прав, однако не только с этими проблемами, но и с утратой надежд. Характерным является ответ на вопрос, к кому можно обратиться за помощью, оказавшись в прожективной ситуации. В советское время ориентация была на общественные, административные, политические организации: партком, профком, комсомольскую организацию, администрацию предприятия. Сейчас 70–75 % отвечают: «Мы можем надеяться только на близких». Человек остается наедине со своими проблемами, поэтому сейчас в значительной мере «светлое будущее» померкло. Мне кажется, что высокий рейтинг нашего президента связан с тем, что сузилась база ориентации на все другие структуры. Хотя уже достаточно отчетливо наблюдается падение его рейтинга.

Что касается прошлого, то оно начало приобретать исключительно положительные черты. Конечно, человеческая память избирательна, и по прошествии некоторого времени (а также при решении проблем) остается то, что человека вдохновляло. Поэтому бум ориентации на прошлое имеет определенное оправдание и может быть даже ответом на происходящее в России. Преувеличение значения каких-либо, пусть даже героических, эпизодов истории нашей страны является своеобразной реакцией на то, что нет настоящего, а ожидаемое будущее отдаляется.

В результате человек начинает сознательно уходить от проблем общественной и духовной жизни, замыкается в своих переживаниях, занимается исключительно личными делами. Это проявляется на выборах, когда в ряде регионов количество голосующих «против всех» превышает иногда количество тех, кто отдает предпочтение одному из кандидатов. Это также проявляется в различных националистических акциях, в участии

в них молодежи — у молодых людей *должна* быть ориентация. Меня, в частности, поразил тот факт, что практически 40 % студентов (а это люди, которые советскую власть практически не застали) положительно оценивают И. В. Сталина. Как относиться к данному факту? Я рассматриваю его как реакцию на происходящее сейчас, как поиск опоры в прошлом. Когда мы говорим о модернизации, следует обязательно рассматривать и названный мной фактор традиции, потому что опора на прошлое может превратиться в догматизм и тормозить процесс модернизации, процесс качественных изменений.

Р. Ш. ГАНЕЛИН: — Остановлюсь на отношении к прошлому, на развитии исторической науки. После Октябрьской революции наступает торжество безбрежного интернационализма, и история России, равно как и история других стран, практически прекращает существование. Преподаватели заменяют курс истории России такими дисциплинами, как история социализма, история рабочего движения. Слово «патриотизм» становится ругательным, и происходит, как мне представляется, реакция на теоретическую и историографическую атаку со стороны реальной действительности: Брестский мир, Советско-польская война и война за установление советской власти на Украине были не только классовыми битвами, но и войнами за сохранение или несохранение этих национальных территориальных образований в составе бывшей Российской империи. Впрочем, безграничное распространение интернационалистской идеологии, как это ни парадоксально, встретило сопротивление в наркоминделе, где работали истинные интернационалисты. Так продолжалось до 1930-х годов — в 1934 году произошло заседание политбюро с участием 20 историков. Никаких протоколов не осталось, но сохранились дневниковые заметки Сергея Алексеевича Пиантковского, историка Октябрьской революции. На том заседании Сталин выступил с критикой учебников, в частности — учебника истории. Вмешался Бубнов, нарком просвещения: «Товарищ Сталин, вы ошиблись. Учебник истории народов СССР — так назывался этот курс». Сталин: «Нет, это учебник истории СССР. Русский народ всегда присоединял все другие народы, к этому он заново приступил и сейчас».

В это время также началась «патриотизация» исторической науки и преподавания, основанная на восхвалении событий прошлого, — то, что мы считали идеологической подготовкой

к войне и то, вокруг чего в какой-то мере построена знаменитая суворовская теория лежачего. 27 июля 1939 года Карл Шнурре, директор экономического департамента германского МИДа, пригласил в пивной ресторан Астахова и Бабарина, поверенного в делах и помощника полпреда, и прочитал им лекцию по русской истории, сказав, что немецкие политики довольны тем, что в советской пропаганде так яростно осуждаются псы-рыцари, воспеваются победы над ними Александра Невского; теперь они убедились, что не Коминтерн правит страной, а политбюро, поэтому надо заключать пакт. Так что эта «патриотизация» идеологии имела и оборотную сторону, но, может быть, именно она и была лицевой.

Что касается модернизации, то позволю себе обратиться к мемуарам недавно умершего Евгения Григорьевича Эткинда. Он в довольно категоричной форме, имея в виду литературоведение, языковедение и историческую науку, поясняет, что все то, что идет сейчас в Россию под флагом модернизации, — результат запрета в 1920–1930-х годах так называемого формализма, структурализма и т. п. Эткинд пишет, что если бы их не запрещали, то они бы в битвах друг с другом сами себя истребили, но получилось так, что ими был обретен, помимо всего прочего, и ореол страдальчества. Предприимчивые современные западные исследователи «приватизировали» их — и в результате постмодернизм и прочее рассматривается многими как последнее слово современной науки.

М. С. КАГАН: — Проблема взаимоотношений модернизации и традиционализма, как мне кажется, пронизывает всю историю человечества. Можно без особых усилий показать, как она решалась в Древней Греции, в античной философско-филологической мысли. Что касается истории России, то я думаю, что принятие христианства и взаимоотношение христианства и язычества было первым ярким примером данной проблемы, потом были петровские реформы, еще позднее — полемика западников и славянофилов. Октябрьская революция и то, что происходило у нас в 1920–1930-х годах — попытки решения той же проблемы. Все это естественно и закономерно, потому что не было бы человеческого развития, если бы все оставалось без модернизации, то есть изменения и совершенствования существующего, и был бы хаотичный скачок от одного состояния к другому, если бы отсутствовала связь с прошлым.

Что происходит сейчас? Никогда еще не создавалась с такой остротой проблема взаимоотношения глобализма и антиглобализма, ибо глобализм — это и есть основное направление модернизации в наше время. Самый свежий пример — наше отношение к Болонскому процессу, когда все традиции, которые существовали в истории высшего образования (в России это особенно болезненно ощущается), подчиняются глобализации системы. Глобализация вызывает резкое сопротивление, о чем, в частности, свидетельствуют результаты голосования по поводу единой европейской конституции.

В какой мере происходящее в нашей стране подчиняется общим законам глобализации, которые сегодня для человечества, в общем-то, являются условием выживания? Что означает это для нас сегодня, и не только в плане высшего образования? Современная особенность проблем модернизации заключается, с одной стороны, в связи модернизации и глобализации с условиями выживания человечества, а с другой — в том, как, собственно, идет процесс глобализации. Непродуктивно ставить вопрос о соотношении глобализации и антиглобализации абстрактно, отвлеченно от тех конкретных сфер культуры, в которых протекает процесс. А у нас, к сожалению, прослеживается именно эта тенденция: применительно к духовной жизни проблема ставится так же, как рассматривается развитие науки и техники. Физико-математические законы становятся нормой, и, следуя им, люди решают проблемы гуманитарного, культурного сектора. Сегодня огромное значение имеет выявление специфики развития гуманитарной сферы, культурологической мысли, где процессы глобализации должны протекать совершенно иначе с точки зрения управления ими.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — Я прочитал все документы Болонского процесса, начиная с Великой хартии университетов, и сделал следующий вывод. Болонский процесс — это утверждение того понимания образования, к которому пришла его философия: образование — это в первую очередь формирование личности, а также базовый процесс в культуре. В изученных мною документах подчеркивается, что не только нельзя унифицировать национальные школы, но именно через уникальное богатство разных национальных образовательных школ может сформироваться европейское образование. То, как трактуется Болонский процесс в реформах нашей школы (говорю с полной ответственностью) никак-

го отношения к изначальным документам не имеет — утилитарно, прагматически, инструментально, как обслуживание профессий.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Нам предлагаются какие-то перестройки бумажного характера, связанные с кредитами, часами, бакалавриатом и т. д. На самом деле имеются в виду два чрезвычайно важных момента, которые позволяют несколько иначе, не формально, посмотреть на процесс объединения университетов. Во-первых, утверждение гуманистического духа, открытость, междисциплинарность университетского образования дают возможность перехода к изучению различных дисциплин, обучения на разных факультетах, создания собственного учебного плана. Эта особенность университетского образования, его гуманитарность независимо от специализации даст нам возможность говорить о некотором уходе от узкопрагматической направленности, на которую ориентирует Министерство образования и науки РФ. Во-вторых, мобильность студента и преподавателя предполагает и двусторонность: почему бы не быть российскому европейцу? Почему только мы должны знать языки, получая образование за границей, — пусть и они приезжают учиться в Россию.

Глобализация часто воспринимается как финансовые потоки, единая валюта, визовые режимы, модернизация образования, но на самом деле она затрагивает судьбы всех людей. Наша страна огромна, она не ограничивается Садовым кольцом и Невским проспектом, и каждый человек, где бы он ни жил, одинаково ценен. Но когда и какая глобализация дойдет до ее границ? Антропологический вектор глобализации, касающийся личностных качеств, судьбы человека, должен беспокоить нас в первую очередь. А нас озадачивают отчетностью, документацией и прочим, что, в общем-то, является бюрократическим, а не гуманистическим изобретением.

Н. М. ИНЮШКИН: — Провинция старается вписаться в пространство глобализации, но в России это сделать очень затруднительно. Не потому, что не хватает подключений к Интернету в сельской школе или в районном центре, хотя и это нельзя сбрасывать со счетов. Получается комплексная проблема, несущая в себе характерное для нашего времени стремительное изменение информационного поля, когда человек не успевает усвоить информацию, которая, так сказать, «ва-

лится» на него. В провинции это обрастает своей спецификой, и не только технологического характера. Мы говорим о Болонской конвенции, о проблемах организационного плана на уровне науки, образования, а я скажу об уровне восприятия объема культуры, который поступает к провинциалу: не от глобализации зависит то, что сегодня житель областного, районного центра, села не имеет возможности послушать оперу, увидеть спектакль. Уже больше десяти лет к нам, в Пензу, не приезжают на гастроли ни оперные, ни драматические театры.

Для средств массовой информации сегодня провинция — это прежде всего трагические происшествия: взрывы, криминал и пр., а обычная культурная, духовная жизнь человека, которая все равно есть, остается за кадром телевизионного репортажа. Самодостаточность столичной культуры налицо, и некоторое равнодушие к тому, что происходит в провинции, тоже имеет место. В границах одной страны мы существуем как Китай и Тайвань. Мой земляк Василий Осипович Ключевский когда-то сказал: «В России центр на периферии. Обижаться на это столичным людям, не обижаться, но это суть объективная истина».

Р. Ш. ГАНЕЛИН: — Проблема в том, что нынешние чиновники понимают модернизацию каждый в пределах своей отрасли. Профессор Инюшкин говорил о трагедии пензенских музыкантов, которые не видели в Пензе качественного музыкального искусства. Но ведь и им приехать в Москву или в Петербург тоже стало невозможно. Поэтому всякий государственный замысел должен носить (как бы скверно это не звучало, но иначе не скажешь) комплексный характер.

Н. И. ФАТИЕВ: — Хантингтон, если не ошибаюсь, метко назвал догоняющую модернизацию «макдональдизацией». Собственно говоря, в этой метафоре содержится очень многое. Сама идея «Макдональдса» очень проста — усреднить кулинарные традиции. Процесс, который, к сожалению, идет сейчас на культурном пространстве нашей страны, тоже можно назвать усреднением. Макдональдизация ведет к усреднению и потере интеллектуальных ориентиров в сфере непосредственной деятельности — на уровне, в частности, характера аргументации или доказательства для опровержения, что наблюдается в процессе защиты докторских и кандидатских диссертаций.

Проблема состоит еще и в том, что при усреднении ментальности нормальный человек теряет способность к анализу, он некритически воспринимает то, что подается соответствующими службами и СМИ.

Т. Б. СИДНЕВА: — Современная культура среди многих других проблем сегодня проходит испытание звуковым потоком, который представляет собой пеструю мозаику разного рода информации, обращенной к слуху человека. Это и стили, и жанры, и техники, и различные технологии звукоизвлечения. На этом звуковом пространстве музыка, традиционно понимаемая как вид искусства, занимает очень малую долю. Оценивая сегодняшнюю ситуацию в России, известный композитор и музыковед Владимир Мартынов определяет главную тенденцию культуры как тотальную симуляцию пространства музыки и превращение пространства музыки в пространство производства и потребления. И действительно, сегодня мы можем наблюдать симуляционное пространство, более широко развернутое, нежели собственно музыкальное. Достаточно вспомнить скандально известную премьеру в Большом театре «Детей Розенталя», обросшую скандалами, многочисленными откликами во всех без исключения ведущих газетах. Но характерный факт — в большинстве статей не упоминалось имя композитора и, пожалуй, только «Музыкальное обозрение» опубликовало большое интервью, из которого стало ясно, что музыка в этой опере тоже присутствует. И, кроме того, скандального в ней ничуть не больше, чем интересного — с музыкальной точки зрения.

Если вернуться к Владимиру Мартынову, я не согласилась бы с ним в определении сегодняшней звуковой ситуации как пространства симуляции. Современная звуковая среда в российской культуре многоаспектна, антиномична. Есть и академизм хорошего толка: и сегодня проводятся полноценные, достойные фестивали. Я не могу согласиться с коллегой из Пензы и причислить Нижний Новгород к провинции. Только что у нас закончился грандиозный фестиваль хоровой музыки, который включал и концерты, и мастер-классы, и конкурс, победителем которого стал студент из Кемерово. Сегодня наши музыканты, в том числе и нижегородские, приглашаются на мастер-классы в престижные учебные заведения Европы, Америки, отправляются туда на гастроли. Как правило, среди победите-

лей международных конкурсов присутствуют российские музыканты, и не обязательно из столиц. Однако и в академической сфере имеется множество проблем. В концертных залах, оперных театрах, особенно не столичных, иногда случается, что на сцене людей больше, чем в зале. Почему так происходит? Конечно, утрачена просветительская функция, которую брали на себя музыковеды, критики, журналисты. Нижегородская консерватория реагирует соответствующим образом, и мы открыли новые специальности, чтобы подготовленные нами журналисты могли, как когда-то Светлана Виноградова, комментировать музыкальные произведения и воспитывать публику.

Сегодня студийная запись отличается от концертной. При целостности, открытости и непосредственности звучания концертные исполнения уступают студийным. Об этом, кстати, говорил в упомянутом мной интервью Леонид Десятников, который в том числе и этим объяснял утрату слушателя. Воспитанному на стереозвучании идеальных дисков, хорошей аппаратуры молодому человеку непривычно слышать стертую партитуру в «живом» исполнении. Но это тоже проблема, которая, увы, но решена в поп-культуре, основанной на «неживом» звуке. Обратим внимание, что звук как носитель языковой единицы тоже претерпевает необратимые изменения, звук «живого» инструмента, богатый обертонами, сегодня очищается, выхолащивается и унифицируется в аппаратуре.

Массовая продукция сегодня тоже неоднозначна, есть естественная среда повседневности, которая близка каждому человеку независимо от его образования и профессии, но классическая музыка, академическая традиция несет в себе более сложную структуру эмоций, нежели повседневная. В связи с этим напомним высказывание Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». Мне кажется, это ключ к пониманию того, какой сегодня должна быть музыка и почему мы должны рекомендовать и молодому поколению, и взрослым слушать академическую музыку. Зачем, если можно обойтись массовой продукцией, которая в изобилии присутствует на экранах телевизоров и в иных средствах звукопередачи? Дело в том, что мы воспринимаем музыку полноценно и можем отличить имитацию от оригинала только тогда, когда знаем весь спектр музыки, когда знакомы с разными эмоциями, структурированными в музыке.

Своеобразной проблемной зоной в звуковом пространстве становится сегодня му-

зыкальное образование. Как известно, полноценного музыканта можно воспитать за 17–19 лет, это не скороспелый продукт, но сегодня чиновники, которые, видимо, неправильно прочитали Болонскую декларацию, увидели в ней, что в музыкальное образование тоже нужно внедрять двухуровневую систему, тогда как в России уже много десятилетий существует трехступенчатая система: музыкальная школа, музыкальное училище и консерватория. А что такое бакалавриат применительно к музыкальному образованию? Это полуфабрикат, который на музыкальном рынке не будет востребован, потому что это неполноценный специалист.

Мы не ценим того, что имеем. Немногим более десятилетия назад существовало несколько консерваторий, несколько академий и институтов культуры и искусства, которые держали уровень высокого профессионального музыкального образования. В последние годы любой вуз может открыть (и открывает) музыкальные факультеты, музыкальные училища для того, чтобы выжить, и это тоже бедствие, потому что снижаются критерии образования. Но мы не молчим, и будем надеяться, что уникальное российское образование, которое воспитывало и продолжает воспитывать таланты, не будет уничтожено.

Материалы к круглому столу

В. Г. АФАНАСЬЕВ,

*заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского
горного института им. Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Слово «благотворительность» как нельзя лучше соответствует сути явления — в самом деле, что может быть благороднее, чем оказание той или иной помощи нуждающимся людям? Однако прежде чем перейти к обсуждению проблемы, отметим, что в разное время это понятие имело разный смысл. Так, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля дает такое определение: «Благотворительный *о человеке*: склонный к благотворению. Под этим обычно разумеют: готовый делать добро, помогать бедным; *об учреждении, заведении*: устроенное для призрения дряхлых, увечных, хворых, неимущих, или ради попечения об них». Похожее определение дается в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Благотворительность — проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь к неимущему».

Прошло еще двадцать лет, и в другом энциклопедическом словаре, издаваемом товариществом братьев Гранат, в 1911 году появляется следующая развернутая формулировка: «Благотворительность как форма помощи, в отличие от обязательного общественно-государственного призрения, носит факультативный характер. Она явилась ответом на непосредственные запросы жизни... Благотворительность и является самым элементарным, непосредственным и добровольным актом помощи, которую оказывают неимущим частные лица и общество».

После прихода большевиков к власти уже в первом правительстве, образованном 25 октября 1917 года появился Наркомат государственного призрения для оказания различной помощи инвалидам войны, которых в условиях военного времени было достаточно, а также их семьям, старикам, несовершеннолетним. Кроме того, в его функции входили вопросы охраны материнства и детства. 27 апреля 1918 года наркомат получил новое название и стал называться Наркоматом социального обеспечения. Помимо первоначальных функций ему было поручено взять на себя решение всех вопросов,

связанных с пенсиями и пособиями. Изменение названия не было простой формальностью, а означало новую политику большевиков по социальным вопросам.

А как же благотворительность? Каково было отношение государства и общества к ней? Ответ на эти вопросы мы находим в справочной литературе. Обратимся к первому изданию Большой советской энциклопедии (БСЭ), которая начала выходить с 1927 года. Итак, «благотворительность представляет собой явление, свойственное лишь классовому обществу... постоянным и неизбежным явлением благотворительность оказывается в капиталистическом обществе, социальная структура которого обуславливает хроническое пребывание определенной части общества в состоянии бедности и нищеты. Именно поэтому при капитализме в наиболее ярком виде проявляется социальная сущность благотворительности». В этом же издании читаем, что «социальному строю СССР чуждо понятие благотворительности. В СССР в государство организован именно тот класс, который при капитализме является главным объектом буржуазной благотворительности».

Во втором издании БСЭ, вышедшем вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в самый разгар наступления сталинизма в области идеологии, отмечается, что «благотворительность — помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества некоторой части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы... Для буржуазии благотворительность не только средство обмана и еще большего порабощения масс, но и орудие дополнительной наживы. Миллионеры США, переводя свои капиталы в фонды благотворительных обществ, имеют возможность укрывать свои капиталы от обложения подоходным налогом и налогом на наследство».

В 1970-е годы этот подход не претерпел существенных изменений. Так, в восьмом издании «Словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, вышедшего в 1970 году,

содержится, по сути, старая формулировка: «Благотворительность — в условиях буржуазного общества — оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости. Частная благотворительность — одно из средств маскировки природы буржуазии». Примечательно, что в третьем издании БСЭ, которое выходило в те же годы, при всем огромном потоке информационного материала для раскрытия понятия «благотворительность» не нашлось места, как будто такого явления вообще не существовало.

Оценивая период до 1917 года, не следует впадать в крайности: с одной стороны, не стоит приуменьшать традиции, размах и благородство благотворителей; с другой — незначем и преувеличивать. Один из самых авторитетных специалистов в этом деле Е. Д. Максимов, автор ряда интересных монографий, в 1895 году подчеркивал: «В нашем отечестве... дело общественного призрения не представляет никакой системы; мало того, оно не имеет ни единого органа, на обязанности которого лежало бы управление по делам призрения. С одной стороны, три ведомства: учреждений императрицы Марии, Императорского человеколюбивого общества и Министерства внутренних дел, действуя без всякой связи между собой, не считая деятельности по благотворению, находящейся в ведении Синода, военного министерства и других; с другой стороны, множество частных благотворительных обществ и учреждений возникает и действует совершенно случайно... Понятно, что при таком числе «ведомств» и отсутствии общего центра дело призрения не имеет соразмерности ни в действиях своих, ни в средствах, ни, наконец, единства в целом».

В условиях обновленной России наряду со многими восстановленными традициями значительно возрос интерес к благотворительной деятельности. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации, освещающие деятельность воссозданных разнообразных благотворительных организаций, фондов и обществ. Как и в былые времена, они призваны оказывать действенную помощь в области культуры, науки, образования, спорта и других сферах, а также в материальной и духовной поддержке многих нуждающихся. Известно, что бескорыстное

возрождение благотворительности активно поддерживал настоящий интеллигент и гуманист современности академик Д. С. Лихачев.

Значит ли это, что в данной области не существует никаких проблем, а милосердие и человеколюбие будут автоматически развиваться в продолжение лучших традиций нашего народа? Во-первых, как и во времена столетней давности, в этом благородном деле чрезвычайно слабо прослеживается согласованность, координация, обмен опытом не только на всероссийском, но даже на региональном уровне. Как ни странно, но при наличии огромнейшего числа периодических изданий, повествующих о чем угодно, нет специализированного издания, посвященного проблемам благотворительности. Имеющиеся публикации, как правило, носят исторический характер, о современной благотворительной деятельности рассказывается мало.

Во-вторых, в серьезном совершенствовании нуждается действующее налоговое законодательство, которое, с одной стороны, должно стимулировать благотворительную деятельность, с другой — сделать ее прозрачной и контролируемой. Такой подход позволит привлечь в эту сферу значительные дополнительные средства, а также избежать всевозможных предубеждений в отношении проводимой работы.

В-третьих, требует серьезного осмысления и творческого применения как богатейший опыт российской благотворительности прошлого, так и, что особенно важно, современный опыт передовых западных стран.

Наконец, следует подумать о таком направлении, которое было распространено в России до 1917 года и широко и результативно используется на Западе, — получение доходов состоятельными людьми в виде процентов на вкладываемые денежные средства. Такой опыт получил широкое распространение в образовании и других сферах.

Таким образом, положительно оценивая возрождение благотворительности в новой России, у нас есть все основания полагать, что творческое и рациональное использование имеющихся резервов позволит ей играть все более заметную роль, действуя в интересах подавляющего большинства населения.

В. В. ГРИБ,*главный редактор объединенной редакции ИГ «Юрист»,
вице-президент Российского союза юристов, кандидат юридических наук*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ЮРИСТА: ЛИЧНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Профессиональная деятельность юриста имеет специфические особенности, что предъявляет высокие требования к его деловым и личным качествам. Знание социальных норм, стойкий иммунитет к правовому нигилизму и антимирали, высокая правовая культура, гражданская позиция — без этого не может быть современного юриста. Помимо этого необходимы интеллектуальные качества (развитое логическое мышление, хорошая память), характерологические (преданность делу, честь, совесть, ответственность, неподкупность, принципиальность, гражданское мужество, справедливость, инициативность, настойчивость, добросовестность), коммуникативные (общительность, чуткость, уравновешенность), развитая самооценка (самокритичность, чувство достоинства). Следует также учитывать объективные (государственно-правовая система, экономические, политические, социальные, правовые взгляды, распространенные в обществе) и субъективные факторы (важнейшим является правовое воспитание, образование) — они взаимодействуют, взаимозависимы.

Профессиональное правосознание юриста предполагает уважительное отношение к праву и закону. Речь идет о понимании права как ценностного носителя, регулятора социального контроля. Умение соотносить такое правопонимание с конкретной нормой права позволяет говорить о практической реализации уважения к праву в профессиональной деятельности юриста. Необходимый компонент профессионального правосознания юристов — установка на активное правомерное и профессионально значимое поведение. Она включает готовность юриста к активному использованию своих профессиональных прав с целью защиты граждан, их прав и свобод; готовность к справедливому, ответственному и сознательному исполнению профессионального долга, стремление к совершенствованию права в соответствии с общечеловеческими морально-правовыми ценностями.

Глубина правосознания помогает принять правильное решение после исследования всех обстоятельств дела и отразить только достоверные. По действиям юриста можно сделать вывод о глубине его познаний в области пра-

ва и о специальных знаниях, обуславливающих верную оценку фактов.

Внутреннее убеждение юриста характеризуется интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферами, включенными в правовую идеологию и правовую психологию его правосознания. Правосознание дает возможность ориентироваться во всех правовых и фактических аспектах юридических проблем, где волевой момент внутреннего убеждения отражает уверенность и непоколебимость специалиста в принимаемом решении. Это очень важно, так как от деятельности юристов зависит жизнь и судьба многих людей. Например, любое наказание может применяться только при полной уверенности судьи в достоверности фактов, положенных в основу принятого решения. Малейшие колебания, сомнения в достоверности и справедливости тех обстоятельств, от которых зависит мера наказания, должны исключаться; если нет полной уверенности в достоверности фактов, не может идти речь о назначении наказания.

Наиболее высокие требования к личным и профессиональным качествам предъявляются именно в профессии судьи. Это вызвано спецификой профессии — высокой ответственностью за принятие решений, которые в конечном счете влияют на формирование правовой культуры в обществе, на отношение граждан к праву и правосудию в целом.

Образование, опыт, профессиональное мастерство юриста лишь тогда приобретают подлинную ценность, когда сочетаются с нравственной зрелостью и образцовой культурой поведения. Особенностью профессиональной деятельности юриста является то, что его служебные функции осуществляются при строгом следовании требованиям закона, права.

Профессиональная нравственность юриста неотделима от общественной морали и представляет собой ее частный случай применительно к юриспруденции. Нормы профессиональной деятельности юриста — составная часть общей системы морали; эти нормы выражают принципы справедливости, гуманности, служения закону. Юрист как личность формируется при условии его стремления к нравственному самосовершенствованию, сохранения преданности своему делу, чувства мо-

ральной удовлетворенности работой, обязательном наличии морального «стержня» в повседневном поведении.

Профессиональная этика юриста опирается на регулятивные возможности морали во взаимодействии с правом, находит выражение в различных кодексах (Административном, Уголовном, Гражданском, Уголовно-процессуальном, Гражданско-процессуальном и т. д.).

Сегодня, в обстановке крайне сложных процессов в политической, экономической, правовой сферах деятельности, юрист нуждается в твердой духовной опоре на что-то неизменное, непреходящее и добровольно принимаемое за устойчивые нормы и принципы. На фоне устаревших политических, идеологических и даже правовых стереотипов люди все чаще обращаются (в силу различных мотивов) к такому наиболее устойчивому феномену, как нравственный идеал. Юристу обращение к нравственному идеалу помогает более точно ориентироваться в морально-психологической обстановке, верно квалифицировать свое поведение, действия других людей, проникать в систему их мотивации, подвергать критическому пересмотру устаревшие взгляды. Сопоставление своего непосредственного восприятия противоречивых явлений современной правовой практики с опытом, накопленным в деятельности по защите прав и свобод граждан, позволяет объективнее оценивать профессионально-нравственные проблемы.

Большое влияние на формирование юридической этики оказывают корпоративные и про-

фессиональные организации юристов, в частности Совет судей России и субъектов РФ, федеральные и региональные адвокатские палаты. Все большую роль в настоящее время играют общественные объединения юристов, которые помогают минимизировать профессиональную деформацию любого специалиста; научно доказано, что профессиональной деформации подвергается любой специалист, занимающийся своим делом всю жизнь. Прокурор — это всегда прокурор, и его постоянная настороженность может превратиться в болезненную подозрительность. У адвоката свои особенности, у судьи — свои. Сближение представителей разных специализаций под флагом общественной организации, безусловно, помогает подняться над негативными явлениями, присутствующими внутри тому или иному ведомству.

Нередко вопросы этического характера возникают в практической деятельности правоведа в связи с принципом презумпции невиновности, который имеет большое моральное значение, основываясь на признании достоинства человека, его права на полноценную жизнь. Обвиняемый не считается виновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке — это предостерегает юристов, связанных с рассмотрением конкретного дела, от произвола, обвинительного уклона в расследовании обстоятельств дела.

От этики взаимоотношений юридических работников друг с другом, с гражданами зависит дальнейшее развитие принципов правовой государственности в нашей стране.

А. А. ГУСЕЙНОВ,

академик РАН, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, доктор философских наук, профессор

ТРИ СТАДИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИКИ

Новейшие тенденции в области морали и этики, в частности такие ее существенные проявления, как отказ от философски обоснованных нравственных программ и переход к конкретностям прикладной этики, можно, на мой взгляд, правильно понять только в том случае, если рассмотреть их сквозь призму общесоциологической логики развития этической мысли. В европейской этике достаточно очевидным образом выделяются три стадии, которые характеризуются качественно различным пониманием самого предмета этики. Первоначально она выступает как учение о нравственных добродетелях. На следующей стадии ее преимущественным предметом становятся принципы нравственности. На тре-

тьюей стадии этика из учения о нравственности трансформируется в ее критику.

Понимание этики как учения о добродетелях впервые было обосновано и едва ли не с исчерпывающей полнотой теоретически оформлено Аристотелем. Философ выделил в человеке особую группу качеств, которые относятся к его этосу (характеру, нраву) и отличаются от качеств тела и ума. Эти качества (или добродетели, поскольку добродетель означает добротность, наилучшее состояние чего-либо) он назвал этическими, а науку о них — этикой.

Этические добродетели, согласно Аристотелю, являются выражением своеобразия активно-деятельного начала в человеке. Душа

человека (под душой понимается то, что дает телу жизнь) имеет сложное строение, состоит из разумной и неразумной частей. Этические добродетели возникают на стыке этих частей, представляют собой область их пересечения, взаимодействия. Они не свойственны ни богам, ни животным, ибо первые лишены аффектов, а вторые — разума. Этические добродетели выражают собственно человеческое начало в человеке, правильный строй души, когда разумная и аффективная ее части соединены между собой таким образом, что первая господствует, а вторая следует ее указаниям подобно тому, как сын слушается отца. Они фиксируют разумно-деятельную природу человеческой души в ее совершенном выражении.

Если свойства тела (как, например, аффект страха) и качества ума (как, например, память) предзаданы человеку, то этические добродетели являются прижизненными образованиями, формируются в процессе сознательной индивидуально-ответственной деятельности. Они связаны с деятельным стремлением человека к высшему благу, которое Аристотелем в полном согласии с общепринятой установкой античного сознания конкретизируется как счастье. Этические (нравственные) добродетели выражают способность человека совершать правильный с точки зрения стремления к счастью выбор в многообразных жизненных ситуациях, ход и результат которых решающим образом зависят от его выбора. Они складываются в привычные устои души, которые, будучи приобретенным результатом поведения, становятся одновременно его основой, решающим образом определяя направление, смысл практической активности индивидов в той части и мере, в какой это зависит от них самих. От того, как человек поступает, зависит, какой строй души он имеет.

Общее определение добродетели, даже конкретизированное применительно к различным сферам жизнедеятельности и выступающее в качестве отдельных добродетелей (как, например, мужество, щедрость и др.), не решает проблемы идентификации поступков. Поступок каждый раз совершается в особых, только ему свойственных условиях, замкнут на того индивида, который его совершает. Не существует и в принципе невозможен такой набор свойств (сколь бы конкретным он ни был), который мог бы считаться надежным критерием, позволяющим удостовериться добродетельность того или иного поступка. Так, например, мужество есть нравственная мера по отношению к страху смерти, справедливость — аналогичная мера в распределении выгод и

тягот совместной жизни. Эти определения сами по себе важны, они могут быть уточнены, что Аристотель и делает, отличая мужество от других очень похожих на него типов бесстрашия или выделяя разные виды справедливости. Но они в принципе не могут быть уточнены до такой степени, чтобы ответить на вопрос о том, быть ли мужественным или справедливым *этому* индивиду в *этих* обстоятельствах, применительно к *этим* людям. «Те, кто совершает поступки, всегда должны сами иметь в виду их уместность и своевременность», — утверждает философ. Критерием добродетельности поступка в конечном счете является сам добродетельный индивид. Но и про добродетельного индивида мы не можем сказать ничего более конкретного и точного, кроме того, что это есть индивид, который совершает добродетельные поступки.

Добродетели как привычные состояния души, устойчивые навыки прямо соотносены с практикуемыми в полисе и санкционируемыми привычками и нравами. Если нравственным является выбор, осуществленный на основе правильных суждений, то сами эти суждения являются правильными тогда, когда они ориентированы на принятые в полисе достойные образцы поведения, учитывают советы мудрых людей. Разумно-взвешенный выбор есть, в определенном смысле, совместный выбор. Как бы то ни было, отождествляя добродетель с добродетельным индивидом, Аристотель не изолирует последнего от полиса, а целиком погружает в него. И этика для него — это прежде всего политическая наука, к тому же главная. Добродетельные индивиды и опутывающие их нормы поведения, касающиеся всех возможных форм общественной активности, — две взаимообусловленные стороны, определяющие предметность этики как учения о добродетели.

Понимание этики как учения о добродетелях, в рамках которого нравственность отождествлялась с нравственными качествами индивидов и соответствующими им привычными образцами публичного поведения, было обобщением нравственной практики традиционного общества. Нравственный потенциал традиционного общества решающим образом определяется тем, что в нем общественные отношения имеют форму личных зависимостей. Цементирующей основой традиционных обществ являются индивиды, добродетельность которых состоит в том, что они вбирают в себя клишированные формы поведения, веками устоявшиеся нравы, выступают гарантией их прочности.

Ситуация (в том, что касается нравственных оснований и механизмов общественной жизни) существенно изменилась с переходом к посттрадиционному обществу, которое в одной идейной традиции именуется буржуазным, в другой — индустриальным, в третьей — современным. Общественные отношения разрывают форму личных зависимостей и структурируются соответственно собственной логике: приобретают вещный характер. Общество расширяется до размеров, неизбежно придающих отношениям индивидов анонимно-функциональный характер. Несущей конструкцией общества являются уже не индивиды, а рациональная организация, направленная на эффективное функционирование и (что в рамках нашего рассуждения особенно важно) не зависящая от смены лиц. Более того, освобождение от непосредственного диктата моральных норм, своего рода нравственное дестабирирование становится одним из существенных предпосылок эффективности тех или иных сфер жизни.

Одними из первых эту новую этико-нормативную ситуацию осмыслили Н. Макиавелли и А. Смит, первый применительно к политике, второй — к экономике. Макиавелли показал, что политика в форме национального государства не может состояться без того, чтобы решиться на действия (ложь, предательство, убийство и т. п.), которые по логике и нормам морали считаются совершенно недопустимыми. Смит раскрыл внутреннюю связь рыночной экономики с акцентированными эгоистическими интересами втянутых в нее лиц. Новизна ситуации состоит в том, что и политика, и рыночная экономика обнаруживают свою нравственную значимость в целом как институты, а не в отдельных индивидуализированных действиях.

Специфичной для этики Нового времени и более точно формулирующей нравственную программу этой эпохи стала линия размышлений, которая находилась в оппозиции к этике добродетелей и рассматривала нравственность как совокупность основоположений (правил, принципов) поведения. Она получила развернутое и в своем роде совершенное воплощение в этике Канта. Учение Канта для этики принципов столь же показательное, как учение Аристотеля для этики добродетелей. Этика Канта ориентирована не на уникальность индивидуальных ситуаций морального выбора, а на обязательства, которые сохраняются при всех обстоятельствах и применительно ко всем разумным существам. Не поведение конкретного индивида в конкретной ситуации, не долг перед этим человеком, Пет-

ром или Иваном, а долг человечества (человечности), воплощенный в нравственном законе и явленный с той безусловностью, которая одному этому закону только и свойственна — вот что является собственным предметом этики, по Канту. Человек обладает нравственным достоинством не сам по себе, не в эмпиричности своего единичного существования, а только в связи и в контексте всеобщего нравственного закона.

Кант начинает свою знаменитую этическую конструкцию с самоочевидности морального сознания, согласно которому закон тогда имеет моральную значимость, становится основой обязательности, когда он сопровождается абсолютной необходимостью. Нигде в мире и даже за его пределами, говорит он, нет ничего, что обладало бы такой абсолютностью и могло бы считаться добром без ограничения, кроме доброй воли. Добрая воля является таковой в качестве чистой воли, когда она свободна (чиста) от всего эмпирического, условного, от всяких расчетов на пользу. Добрая воля сама по себе обладает абсолютной ценностью. Когда в этом качестве она становится мотивом, она выступает как долг. Долг и есть единственный нравственный мотив, состоящий в уважении к нравственному закону. Добрая воля и долг коренятся в разуме и держатся на нем до такой степени, что это — единственное, что было бы невозможно вне разума, в то время как всех других целей природа могла бы достичь и иными путями, в обход разума. Понятия доброй воли и разумной воли тождественны. Если бы человеческая воля испытывала воздействие лишь со стороны разума, то нравственность вообще не была бы проблемой в том смысле, что она была бы ее естественным состоянием. Однако на нее влияют также склонности, и потому нравственный закон доброй воли для человека приобретает принудительную (точнее самопринудительную!) форму категорического императива. Всеобщая формула категорического императива гласит: «Поступай по такой максиме, которая в то же время может сама сделаться всеобщим законом».

Нравственный закон — закон прямого действия. Он представляет собой не только всеобщее основоположение нравственности, но и единственное в этой всеобщности основание нравственных решений. Между ним и нравственным поступком нет никаких промежуточных посредствующих звеньев. Заложенное в долге требование совершать поступки из одного лишь уважения к нравственному закону означает, что поступки в их конкретном материальном содержании выводятся из

сферы компетенции морали и отдаются на откуп другим регулятивным механизмам, имеющих дело с поступками в их внешнем выражении. Этика долга в кантовском понимании может быть только интенциональной, этикой убеждений. Из нее исчезает поступок в его особенном содержании и единичном проявлении как действие конкретного индивида. Кант это ясно понимает. Может быть, говорит он, в мире никогда не было ни одного примера поступка, совершенного ради долга. В тех же случаях, когда поступки сообразны долгу, то есть не противоречат ему, хотя и совершаются в силу склонностей, всегда остается сомнение относительно их нравственной ценности. Отсюда — знаменитая формула противостояния долга склонностям, ибо, согласно Канту, только такое противостояние, когда действие совершается, несомненно, вопреки склонностям, может считаться признаком, удостоверяющим мотив долга.

В этике Канта нет места поступку в конкретном содержании — это уникальный, быть может, единственный случай морального философа, который не апеллирует к каким-либо историческим моральным образцам. Стоики видели доказательство добродетели в том, что существовали такие люди, как Сократ, Антисфен, Диоген. Кант же видит доказательство долга в том, что нет и, может быть, никогда не существовало его бесспорных свидетельств.

И Кант, и Аристотель исходят из ситуации поступка. Поступок как разумный акт может быть описан в форме силлогизма, где общей посылкой является его основоположение (правило, принцип, субъективно полагаемое основание), частной посылкой — особые обстоятельства, в которых он совершается, выводом — решение или сам поступок (в узком смысле слова). Аристотель считал самым существенным в поступке особые, частные обстоятельства. Кант связывает нравственный ответственный выбор не с конкретной материей поступка, а с его общим основоположением. Так как этика Аристотеля рассматривает особые обстоятельства поступков, а этика Канта — их общее основоположение, то и в том, и в другом случаях силлогизм поступка оказывается неполным, причем до такой степени, что обоснованного вывода, то есть содержательных поступков в собственном смысле слова, нет ни у Аристотеля, ни у Канта.

Отличие от этики Канта (как, впрочем, и этики Аристотеля), рассматривавшего этику как выражение и продолжение морали, видевшего ее задачу в том, чтобы прояснить, обобщать, систематизировать, обосновывать исти-

ны морального сознания, этика после Канта и в той части, в какой она встала в оппозицию к нему, изменила свой предмет, точнее, характер отношения к нему. Перестав быть учением о морали, она стала критикой морали. Ее основной пафос был направлен на разоблачение, дешифровку, дискредитацию универсалистских, абсолютистских претензий морали как величайших иллюзий и обмана.

С точки зрения марксистского учения универсализм морали считался предназначенным для того, чтобы камуфлировать корыстные интересы эксплуататорских классов и придавать им форму всеобщих интересов. Категорические требования морали рассматривались в качестве отчужденной формы сознания и способа духовного закабаления трудящихся. Ницше видел в морали изощренное выражение рабской психологии, ее бессилия и лицемерия. Маркс и Ницше, в особенности Ницше, были, пожалуй, самыми последовательными критиками морали; они считали, что мораль достойна не возвышающей ее теории, а разрушающего действия.

Другие специфичные для новейшего времени философские учения тоже не принимали всерьез идею автономии морали, подвергая сомнению ее собственные представления о себе. Так, аналитическая этика показала, что моральные суждения не имеют гносеологического обоснования, а следовательно, и права выступать от имени истины. Прагматизм включал мораль в целе-средственное, инструменталистское видение мира, не признавая исключений, на которые она претендует тогда, например, когда утверждает свою самоценность и рассматривает себя в качестве организующей основы целе-средственного способа человеческой деятельности.

Философская критика морали получила своего рода завершение в современных интеллектуальных опытах, имеющих неопределенное название постмодернизма. Здесь анти-нормативистский пафос доведен до отрицания эвристической и коммуникативной ценностей самих общих моральных понятий добра, зла, долга и др. Отрицание всеобщности моральных оценок доходит до отрицания языка классической философии, усматривающей за внешней хаотичностью мира его внутреннюю закономерно упорядоченную гармонию. Язык европейской философии, выработанный Платоном и Аристотелем, сложился около двух с половиной тысяч лет назад в ходе поиска ответа на сформулированный Сократом вопрос о том, откуда берутся и что означают моральные понятия блага, добродетели, справедливости. Есть своего рода последователь-

ность в том, что сегодняшнее признание эфемерности моральных понятий сопряжено с отказом от языка, для обоснования реальности которых он был изобретен.

Хотя философская критика морали во многих отношениях была плодотворной и привела к важным открытиям, тем не менее ее итог, состоящий в отрицании самого языка теоретической этики, нельзя признать удовлетворительным, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, то, что этика считала и считает иллюзией и фальшью морали, а именно, ее абсолютистские претензии, остается несомненной данностью морального сознания в его массовом и повседневном проявлении. Люди, несмотря на все уверения и доказательства философов, полагают, что добро и зло существуют, а различия между ними имеют первостепенное значение. Если даже моральный абсолютизм является видимостью, они не хотят отказываться от этой видимости, подобно тому как они вопреки истинам астрономии продолжают говорить о восходе и заходе солнца. Во-вторых, философско-этическая критика морали, которая велась для того, чтобы вернуть в этику поступок, и была оправдана только в свете этой задачи, цели не до-

стигла. Она не только не вернула в нее поступок, но и изгнала из нее мотивы.

Итог, к которому пришла этика в ходе собственной почти двухсотлетней деконструкции, можно истолковать как свидетельство того, что она оказалась перед необходимостью выработки нового понимания морали. Одна из важнейших задач, возникающих на этом пути, состоит, на мой взгляд, в том, чтобы вернуть в этику поступок, не отказываясь при этом от идей нравственного универсализма, то есть найти такие теоретические решения, которые бы синтезировали аристотелевское понимание морали с кантианским. В связи с этим особый интерес приобретает наметившийся в последние десятилетия поворот этики к прикладной тематике и смещение фокуса морального сознания в сторону новых проблем типа эвтаназии. Речь идет об открытых проблемах морали — открытых в том смысле, что они не имеют общезначимых, теоретически аргументированных и нормативно санкционированных оснований. Выработка таких оснований делегируется на уровень индивидуальных решений, в результате чего конкретный поступок выступает не как частный случай общего принципа, а как его источник.

Ю. С. ДАВЫДОВ,

академик РАО, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, действительный член Российской академии социальных наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук, ректор Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор

ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Для того, чтобы стать настоящим человеком, надо уметь служить не только своим интересам.
Эрнест Бойер

Слова, вынесенные в эпиграф, принадлежат американскому ученому. Это тем более показательно, что в США вся система воспитания строится на признании ценности отдельной личности. Данная система воспитания, если судить по положению США в мире, имеет свои достоинства. Но очевидно, что в современных условиях культивирование индивидуализма начало давать сбои, а выдвижение на первый план интересов общества и коллектива, ярко проявляющееся в Японии, демонстрирует гораздо лучшие результаты.

По мнению К. Мацуситы, человека, названного при жизни «гением менеджмента», афоризм «выживает сильнейший», имеющий хождение в США, недостойно подражания. И вот его духовное завещание: «Не хитри, будь чест-

ным; будь хозяином на своем месте; не живи вчерашним днем, постоянно совершенствуй свой познания; относись с уважением к окружающим; все время помни о внешнем мире, приспосабливайся к законам его развития; с благодарностью относись к тому, что имеешь и получаешь — мы все берем у общества в долг; не уставай вопрошать: на кого ты работаешь? Ответ только один — на общество». Чем не программа воспитательной работы в вузе?

Для человечества всегда были характерны жалобы на плохую воспитанность молодежи.

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана...»

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя

молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления. Ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна».

«Эта молодежь растленна до глубины души, молодые люди злокозненны и нерадивы, никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашей культуры».

Нельзя не признать, весьма современные характеристики. Но первое высказывание принадлежит Сократу (470 год до н. э.), второе — Гесиоду (720 год до н. э.), первому известному по имени древнегреческому поэту, а третья фраза написана на глиняном горшке трехтысячелетней давности, обнаруженном среди развалин Вавилона.

Подобные цитаты приводятся обычно для того, чтобы показать, что все не так плохо и образуется само собой. Таким подходом только и можно объяснить утверждавшийся в начале 1990-х годов принцип «воспитания»: «Дайте студенту свободу, ни в чем и никак его не связывайте и не ограничивайте. Пусть делает все, что угодно». Как пишет известный философ и социолог А. А. Зиновьев, стоит предоставить молодых людей самим себе — и «они сами заглушат всякие попытки интеллектуального развития общества в нежелательном для хозяев общества направлении».

Вакуума, как известно, в воспитании не бывает. В. А. Садовничий, выступая с докладом на IV съезде Союза ректоров России, подчеркнул: «Пользуясь безвременьем, в вузы со своими проповедями лезет огромное количество разных религиозных и им подобных сект и сомнительного свойства политических прощелыг. Криминальный мир активно проповедует собственные нормы морали и ценности. Корысть и самые низменные человеческие качества возводятся в добродетель. Финансирование подготовки практически всей исторической, да и вообще гуманитарной учебной литературы отошло в руки иностранцев».

Что мы имеем в результате? По данным отечественных исследователей, почти каждый шестой из молодых людей (15 %) считает возможным «взять силой то, что ему хочется». Только один молодой человек из десяти готов безоговорочно подчиняться требованиям закона. И, что особенно огорчительно, в иерархии ценностей, которым отдают предпочтение молодые люди, образованность, духовное богатство занимают только двенадцатое место из пятнадцати возможных.

Межведомственная программа «Студенчество России» (2004–2008) констатирует: «Формируется новый тип личности, ориентированный на

индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на свои силы, ценность капитала». Программа эти ценности бесстрастно приводит, отмечая следующее: «Студенчество чутко реагирует на изменения в жизни общества, формирует новую систему ценностей, которая диктуется рыночной экономикой». По существу, авторы Программы исходят из тезиса, который провозгласил первый Президент России Б. Н. Ельцин: «Стремитесь стать богатыми и заботьтесь о собственном благополучии, тогда все общество станет богатым, и все будут жить хорошо». Ж. И. Алферов отвечает на это: «Если каждый будет заботиться лишь о себе, то это получится, скорее всего, за счет других, то есть он просто начнет воровать», что и подтверждают приведенные выше данные социологических исследований, представленные К. Леоновым, председателем Молодежной межрегиональной организации содействия интеллектуальному развитию молодежи «Эрмитаж». Он же сообщает о том, что «молодые люди считают возможным вступление в брак по расчету» (30 %), «получение взятки» (20 %). Исследования, проведенные в студенческой среде А. В. Соколовым и И. О. Щербановой, свидетельствуют: только 20 % опрошенных стремятся предпочесть благо коллектива, сообщества; 55 % предпочитают собственное благополучие; принцип «не укради» выбрали 5–6 %; иметь чистую совесть хотят 35 %; менее половины (42 %) уверены, что человек «выше доллара». В приведенных результатах социологических исследований отчетливо выявляется дефицит традиционных качеств, издревле составляющих архетип русской культуры, как результат отката с начала 1990-х годов от воспитания.

Что это за качества? Представляется, что традиционная система ценностей, и в этом нужно согласиться с А. С. Запесоцким, включает: любовь к Родине, чувство долга перед страной, перед обществом; добросовестное отношение к работе, профессиональный долг, труд, дружбу, любовь и т. д. А. С. Запесоцкий говорит далее: «Эти ценности являются чрезвычайно важными и, мне хотелось бы думать, незыблемыми». Как оказалось, ценности эти поколебались, и задача воспитательной работы — изменить столь негативную ситуацию.

«Если мы посмотрим на ценности, — считает А. С. Запесоцкий, — которые официально провозглашались в социалистическую эпоху, то увидим, что они были очень близки к христианским ценностям». Это не совсем так, но они действительно не антиподы.

По целям и задачам «Моральный кодекс строителей коммунизма» направлен на формирование нового человека, регулирование

отношения людей к обществу и друг к другу по мере приближения к коммунизму. Десять заповедей Закона Божия даны были в ветхозаветные времена, чтобы «диких» и грубых людей удержать от зла. Заповеди блаженства даны христианам, чтобы показать им, какие душевные качества следует иметь, чтобы приблизиться к Богу и обрести святость, а вместе с тем блаженство, то есть высшую степень счастья, достигнуть которой можно в будущей вечной жизни. Таким образом, по содержанию «Моральный кодекс» — это систематизированный единый свод моральных принципов и основных норм нравственности, выражающий сущность нравственного воспитания членов развитого социалистического общества. Он содержит основные нравственные аспекты отношения личности к социалистическому обществу, социальным общностям людей, человека к человеку, к трудящимся всех стран. Десять заповедей Закона Божия ограничиваются тем, что запрещают делать то, что греховно. Они выражают закон строгой правды. Заповеди блаженства учат тому, как можно достичь христианского совершенства.

Если исключить слова «социалистический» и «коммунизм», то действительно:

- любовь к Родине;
- добросовестный труд на благо общества;

- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
- высокое сознание общественного долга;
- нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
- коллективизм и взаимопонимание;
- гуманное отношение и взаимное уважение между людьми;
- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- нетерпимость к национальной и расовой неприязни
- это те нравственные признаки, которых нам так недостает в настоящее время. Подкрепленные заповедями Закона Божия и девятью заповедями блаженства они могут быть положены в основу нравственного воспитания.

Очень важно, что в Законе РФ «Об образовании» в его последней редакции, воспитание и образование тесно связаны, недостает только вывода о том, что это — единый процесс. Как писал В. Даль: «Воспитывать в высшем значении — научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно».

Е. А. ЕРМОЛИН,

ректор Института истории культур, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, член Академии русской современной словесности

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

В России к числу чрезвычайно значимых «мест памяти» принадлежат со второй половины XIX века литературно-публицистические журналы. Журналы реализовывали основную функцию «мест памяти»: обеспечивали осмысленное существование людей здесь и теперь, создавали представления человека и общества о самом себе и о своей истории, причем эти представления могли быть разными. Однако нас сейчас занимает не своеобразие общественно-политических и философских позиций изданий, а их значимость для самоидентификации русского человека в отечественной культуре, а также проблема журналов (как составная часть проблемы литературы и русской культуры вообще) в контексте глобализации.

Основные наиболее значительные литературно-публицистические журналы в России XIX–XX веков осознавались средоточием

и вершиной духовной жизни под воздействием трех факторов.

Во-первых, на это повлияло устойчивое представление об экстраординарной роли в русской культуре интеллигенции (как особой социальной группы и как духовной элиты русского общества), местом творческой мобилизации и самореализации которой и были журналы.

Во-вторых, к развитию (и подчас доминированию) литературной составляющей журналов привел литературоцентризм русской культуры, связанный как с культом книги, так и с открытыми в новое время и реализованными в сфере словесности возможностями русского слова в качестве носителя духовных смыслов.

В-третьих, сыграло роль особое призвание русской журналистики, которая в недемократическом обществе становилась компенсирующим

инструментом, форпостом гражданственности и брала на себя миссию ответственного служения, сближавшую журналиста по самоосознанию и по общественным ожиданиям с интеллигентом и литератором.

Значение, которое сообщество ассоциирует с «местами памяти», не остается неизменным — так, они могут быть вытеснены из актуальных представлений, что в основном и случилось с литературно-публицистическим журналом на рубеже XX–XXI веков. Кризис традиционного восприятия журналов в современной России обусловлен кризисом самоопределения интеллигенции как социальной группы. В последнее время стали проблемой также основные целеполагания отечественной журналистики, подвергся эрозии традиционный статус журналиста.

Кризис литературных журналов — одно из выражений более общего кризиса, вызванного изменением статуса литературы в российском обществе. Резко сократилось число людей, способных участвовать в серьезном разговоре о проблемах жизни, о современном человеке. Литература перешла в разряд элитарных занятий (и творчество, и сотворчество — чтение). Вместе с нею стало уделом немногих важное, серьезное понимание и глубокое чувство жизни. Общество упростилось до прелитературной степени. Отсюда падение интереса к литературе, публицистике, критике и, как следствие, к журналам. По сути, мы переживаем критический момент упадка самобытного литературоцентристского культурного мира, заката одной из редких цивилизаций, в смысловом фокусе которой веками находилась книга. Отражением этого кризиса является, кстати, специфическое восприятие в России глобализации — как нивелира. Проблема здесь в смутном ощущении или ясном понимании того, что в распределении духовного труда человечества современная Россия не знает своего

места. (Прежде оно было связано с характерным именно для исторической России антропологическим максимумом, реализованным в аскезе отшельничества и юродства, претворенной в два последних столетия в аскезу ученого и писателя, художника.) В современном мировом глобальном полилоге у русской культуры нет почти ни одной содержательной реплики, все они остались в прошлом и звучат только оттуда. (Характерны в связи с этим поразительно скудные духовным наполнением перлы красноречия наших государственных мужей.)

Но будущее не предрешено. Современная культурная ситуация, поставив под вопрос традиционные смыслы и ценности русской исторической культуры, не принуждает выбросить их как неактуальный балласт. Мы лишь проблематизируем их в свободном рефлексивном поиске. Языковая связь с прошлым не может считаться окончательно потерянной, и дремлющая глубина духа, выраженная когда-то в литературе, еще может пробудиться, и пробуждается, наверное, в личном опыте. Обстоятельства диктуют и необходимость (желательность), и неизбежность воспроизводства традиционных способов культурного самоопределения и служения, связанных с литературой, с литературно-публицистическим журналом как их адекватной формой. Пожалуй, именно литература (в связи с ее новым пристанищем — Интернетом) способна дать смысл новому варварству, неумело примеряющему одежды великих предков. Можно надеяться, что, как не раз бывало в России, она станет местом духовного и социального прорыва, творческого строительства глобальной империи духа, вполне свободной от связей с физическим субстратом. Тогда и понадобится журнал — как среда концентрации актуальных смыслов и место объединения единомышленников. В этой перспективе в своих основных качествах журнал остается незаменимым.

В. С. ЖИДКОВ,

начальник отдела наук о человеке и обществе Российского фонда фундаментальных исследований, доктор искусствоведения, профессор

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Утверждение, что мир един и изучать его следует как целостную систему не принадлежит к числу недавно сформулированных — обратимся, например, к работе В. Соловьева «Русская идея»: «Мы должны рассматривать

человечество в его целом как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе,

через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества». Во второй половине XX века эта проблема из философского плана перешла в практический. Вот как ее сформулировал руководитель Римского клуба Аурелио Печчеи: «На определенном уровне развития проблемы начинают пересекать границы и распространяться по всей планете, невзирая на конкретные социально-политические условия, существующие в различных странах, — они образуют глобальную проблему».

В течение XX века в развитых странах происходили постепенные изменения в социокультурной, политической и экономической сферах, которые, приобретая к 1970–1980-м годам качественный характер, дали исследователям достаточные основания для того, чтобы начать разговор о возникновении такого явления, как глобализация. К этому времени человечество стало отчетливо осознавать, что проблемы дальнейшего развития цивилизации приобретают все более выраженный планетарный характер. Следовательно, решить их в одиночку не под силу ни одному государству, это возможно только на основе конструктивного международного сотрудничества.

Очевидно, что глобализация — это объективное явление современного мира. Она является доминирующим вектором развития, причем с большим позитивным потенциалом, заключающимся в неуклонном усилении процессов объединения человечества. Данное обстоятельство заставляет рассматривать планету в качестве единой системы — общего дома землян.

Что же такое «глобализация»? Это ситуация, когда в глобальных масштабах исчезают барьеры для перемещения информации, капиталов, товаров, услуг и рабочей силы. Таким образом, происходит трансгосударственный обмен ценностями, представлениями и предпочтениями, что существенно меняет образ мира, который, в конечном счете, усредняется в единой глобальной системе социокультурных представлений. С самых общих философских позиций это нельзя признать позитивным.

Несколько схематизируя ситуацию, можно сказать, что глобализация включает пять основных аспектов: информационный, политический, экономический, технологический и экологический.

Суть *информационного аспекта* — в бурном развитии каналов передачи информации как главном и определяющем факторе

цивилизационного развития. Правомерно в связи с этим утверждать, что расширение и интенсификация информационных связей является главным вектором социального прогресса.

Первой революцией в межличностных коммуникациях (после появления речи) стало возникновение письменности, когда информация отделилась от ее носителя — человека. Зафиксированную на глиняных табличках, скрижалях, папирусе или бересте информацию стало возможным перемещать в пространстве и времени. Но только в единичных авторских экземплярах.

Изобретение книгопечатания И. Гутенбергом сравнимо со второй революцией в информационном обмене. Теперь письменное сообщение стало тиражируемым, а потому доступным все более широкой аудитории современников и потомков.

Не менее революционными достижениями оказались сначала возможность передавать информацию по проволочным каналам, а затем — с помощью радиоволн. Оставался один шаг до телевидения во всех его вариантах: эфирное, космическое, кабельное, видео, Интернет и т. д. Прогресс очевиден, и сегодня мы стоим в самом начале длинного эволюционно-революционного ряда совершенствования способов передачи экранной информации. Именно эта информация, не знающая государственных границ, по преимуществу и стала базой процессов глобализации.

Прогрессивное развитие науки и техники и во многом с ним связанные глобальные политические, экономические и культурные изменения привели к тому, что наша планета оказалась опутанной сетью все более эффективных коммуникаций; таким образом, проблема выживания становится общей задачей человечества. В этом плане глобализацию в полной мере можно обозначить как мощный интеграционный процесс, охвативший современный мир и приведший к осознанию его целостности и взаимосвязанности. Все вышперечисленное свидетельствует о возникновении мирового информационного поля — международной системы производства, распространения и использования информации. Его прямое следствие — *глобализация культуры*.

Из информационного вытекает и *демографический аспект* глобализации, он состоит в усиливающейся интенсивности миграционных процессов. Ежегодный рост населения планеты на 100 млн человек обостряет дефицит ресурсов. Уже сегодня около 1 млрд человек в мире не получают полноценного питания, что провоцирует межнациональные

и межгосударственные конфликты. Сотни тысяч мигрантов пересекают границы национальных государств, конкурируя с местным населением в борьбе за рабочие места. Следовательно, неизбежен *политический аспект* глобализации — для решения планетарных проблем необходимо объединение усилий отдельных государств. А это означает постепенное ограничение суверенитета национальных государств путем создания международных политических организаций, наделяемых правом вмешательства не только в международные отношения, но и в их внутренние дела. Таковы, например, Международный суд, ООН с ее специализированными учреждениями, включая ЮНЕСКО и Совет безопасности, обладающий правом принятия санкций против национальных государств и даже проведения военных акций против них («принуждение к миру»). Характерное и наглядное проявление политического аспекта глобализации — международное право, международные соглашения (типа хельсинкских), документы о правах человека и т. п.

Экономический аспект глобализации заключается в том, что современная мировая экономика все в большей мере становится единым хозяйственным механизмом, элементы которого разбросаны по всем странам и континентам. Происходит дальнейшее общественное разделение труда, требующее координации во всех элементах. Инструментом такой координации становятся мощные транснациональные корпорации, представляющие собой гигантские экономические образования.

Технологический аспект глобализации состоит в быстром распространении по всему миру новых технологий, общезначимых достижений науки и техники, ставших неотъемлемым условием экономии времени и энергии, охраны труда и здоровья, повышения производительности труда и т. п.

Экологический аспект заключается в растущей угрозе уничтожения природной среды обитания человека и необходимости противостоять ей. Самые высокие технологии, создающие невиданные ранее возможности для повышения уровня жизни людей, нередко имеют следствием острые экологические проблемы. Выбросы ядовитых веществ, разливы нефти, радиационные загрязнения, парниковый эффект — эти явления не знают границ и все больше угрожают самому существованию человека. Для многих стран и народов все острее становится проблема чистой питьевой воды, которая, как утверждают специалисты, через пятьдесят лет станет самым ценным

природным ресурсом. За последние десятилетия с лица земли исчезли сотни видов животных и растений.

Безусловно, все аспекты глобализации взаимосвязаны и поэтому самым радикальным образом влияют и на сферу культуры. Планетарный характер информационных процессов делает неизбежным диалог культур, в результате которого формируется некое «ядро» общечеловеческой культуры, составленное из элементов, обобщающих исторический, культурный и религиозный опыт различных народов и государств. Теоретически в этом диалоге ни одна культура не может претендовать на право исключительного голоса или единственно верного мировоззрения. Между тем монополярная позиция индустриальных стран, и в первую очередь Соединенных Штатов, в производстве и распространении информации заставила исследователей говорить об «империализме средств массовой информации» и о «культурном империализме». Так что происходящая сейчас глобализация культуры в значительной мере представляет собой процесс навязывания всем народам западной культурной модели.

Все более очевидно, что в результате процессов глобализации мир, в котором нам предстоит жить в наступившем столетии, будет менее ярким и в меньшей степени окрашенным местными палитрами, нежели тот мир, который остался в прошлом. Многие обычаи, церемонии, ритуалы, формы поведения, которые в прошлом придавали человечеству фольклорное и этнографическое разнообразие, постепенно исчезают по мере того, как основная часть общества усваивает новые стандартные формы жизни.

И все же мир начала XXI века, как и много веков назад, все еще сохраняет цивилизационное и этнокультурное многообразие. В нем существуют десятки цивилизаций — западноевропейская (распадающаяся, в свою очередь, на французскую, английскую, испанскую и т. д.), североамериканская, китайская, индийская, латиноамериканская (тоже внутренне неоднородная), российская, африканская, арабская и другие, каждая из которых сложилась на оригинальной историко-культурной основе. Один лишь современный Восток представляет собой целый комплекс национально-историко-культурных ареалов, таких как ближневосточный арабо- и тюркомусульманский, средневосточный ирано-тюркомусульманский, среднеазиатский тюркомусульманский, восточно-азиатский буддистско-синтоистский, индуистско-буддистско-мусульманский и т. д.

В последние годы высказываются сомнения в том, удастся ли народам сохранять культурное своеобразие в современных условиях, не исчезнут ли необратимо, подвергаясь эрозии в условиях нарастающей стандартизации образа жизни, многие особенности национальных культур. В отличие от адаптации продуктов — кока-колы, жевательной резинки и джинсов, инокультурное влияние в музыке и литературе, кино и телевидении и так далее — явление отнюдь не безобидное, поскольку способно затрагивать жизненно важные фрагменты национальной картины мира. Художественные образы проникают через границы и таможи в область ядра национальной культуры, постепенно подвергая его непредсказуемым изменениям. Но хотя ни одна культура не способна динамично развиваться без взаимодействия с иными, непохожими на нее, культурами, у межкультурного взаимодействия есть и обратная сторона. Она состоит в том, что всегда может найтись более сильная, более агрессивная (доминантная) культура, которая в случае непосредственного межэтнического контакта путем прямого или косвенного давления вызовет в другой культуре радикальное изменение — в этом случае картина мира этой последней культуры полностью или частично замещается картиной мира этноса доминантного. Такой культурный контакт может привести к полной *ассимиляции* одной нации другой, слиянию одного народа с другим с полной утратой одним из них своей картины мира, а следовательно, своего национального самосознания, ценностных ориентаций, традиций, обычаев, религии и языка.

Взаимодействие с чужой культурой может иметь четыре результата:

— интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп сохраняет свою культуру, но одновременно устанавливает тесные межкультурные контакты;

— ассимиляция, когда одна из взаимодействующих групп теряет свою культуру;

— сепаратизм, когда группа, сохраняя свою культуру, отказывается от контактов с инокультурными группами;

— маргинализация, когда группа теряет свою культуру, при этом не установив тесных контактов с другой.

Глобализация культуры, ведущая к ее унификации, несет в себе риски не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом. Дело в том, что этнокультурное разнообразие в современном мире выполняет много жизненно важных функций,

и наиболее общая — преодоление социальной энтропии, предотвращение социокультурной однородности. В этой связи М. Говард отмечает, что «широко распространенное на Западе представление, что культурное разнообразие — некий исторический курьез, который быстро исчезает в результате экспансии всеобщей, ориентированной на Запад англофонной мировой культуры... является попросту неверным».

Системный подход убедительно подтверждает этот вывод. Действительно, давно установлено, что жизнеспособность сложных эволюционирующих систем зависит от их внутренней дифференцированности, своеобразия и богатства, заключенного в составляющих их элементах потенциала жизнеобеспечения. Один из основателей теории информации У. Р. Эшби назвал этот вывод законом необходимого разнообразия, в соответствии с которым система, чтобы выжить, разнообразию внешних воздействий может противопоставить только разнообразие своих реакций на эти воздействия, которое зависит от ее внутренней дифференцированности. Эту закономерность подтверждает и история. Известно, что чем примитивнее внутренняя структура общества, тем меньше у него шансов выжить.

Глобализм как выражение объективно-естественного процесса представляет собой нейтральное в ценностном отношении явление, которое само по себе не может быть признано плохим или хорошим. Известно, что любое общественное явление имеет свои исторические и национальные формы проявления, а участвуют в этом люди со всеми своими слабостями, фантазиями, предпочтениями и т. п. Поэтому реальное проявление глобализационного процесса определяется не только уровнем развития коммуникаций, промышленности или технологий, но и в значительной мере тем, чьими руками и с какими целями будут использоваться в самых разных областях те феноменальные достижения, благодаря которым и появились в XX веке потребность и возможность говорить о глобализации. Так что в анализ объективного процесса глобализации мы должны ввести субъекта глобализации. Как рыночная экономика в зависимости от субъективных факторов может быть либо «либеральной», либо «бандитской», так и глобализация — это не процесс, автоматически приносящий только благо. Она таит в себе как новые возможности социального прогресса, так и новые риски глобального характера.

Е. С. ЗИНЬКЕВИЧ,

заведующая кафедрой музыкальной критики и истории музыки Национальной музыкальной академии Украины им. П. И. Чайковского, доктор искусствоведения, профессор

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ В ЖАНРОВО-ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ (Новая жизнь забытой традиции)

После семидесяти лет насильственного отлучения от религии и церкви наше общество на всем постсоветском пространстве словно берет реванш: восстанавливаются уничтоженные и строятся новые храмы, открываются монастыри, работают иконописные мастерские, исполняется находившаяся под запретом духовная музыка, композиторы обращаются к религиозным темам, церковным жанрам. Институт церкви обретает все больший вес в жизни социума, религиозные праздники отмечаются на государственном уровне. Правда, в некоторых подобных акциях проглядывает сходство с типично политическими кампаниями, что в Украине осложнено поликонфессиональностью (только христианских конфессий — пять) и излишней политизированностью церкви. Однако в наше нелегкое время для большинства людей церковь, религия действительно становятся не просто новообретенной, но единственной опорой, дающей уверенность в неизменности моральных ценностей.

В современной украинской музыке «ситуация сакрализации» проявляется весьма отчетливо и очень разнообразно. С одной стороны, это создание духовных произведений на канонические тексты — как латинские (реквиемы, мессы, духовные кантаты), так и церковнославянские (литургии, хоры-концерты, хоры-молитвы). По своей интенсивности это «духовное движение» в творчестве украинских композиторов сопоставимо лишь с музыкальным официозом советского времени (произведениями, посвященными партии, В. И. Ленину, комсомолу). Так, за последние десять лет только впервые исполненных хоровых «сакральных» опусов насчитывается более 200.

Отмечу, что композиции очень неоднородны. В одних — стилизация церковных жанров, стремление к точному соблюдению канона; стилистика других вписывается в современные нормы музыкального мышления. Оставаю в стороне меру религиозности и искренности авторов этих музыкально-духовных композиций, ибо и здесь может идти речь о политической конъюнктуре.

Видимо, каждый конкретный случай должен рассматриваться отдельно, однако прошедший несколько лет назад Всеукраинский кон-

курс композиторов «Духовные псалмы» наводит на печальные мысли. Все мы помним конкурсы на лучшую комсомольскую песню, лучшее произведение о партии, вожде. Но конкурс псалмов?!.. Обращение к Всевышнему всегда было глубоко интимным делом. Не случайно церковь рекомендовала священные песнопения не только в храме, но и наедине с собой «в тайне, идеже не видеть, никто не слышит, но токмо един бог». Да и песнопения эти считались навеянными самим Всевышним, автор был орудием божественной воли. Вот почему (а не из соображений скромности) духовные произведения средневековых авторов были анонимны. То обстоятельство, что сочинитель духовного текста должен быть глубоко верующим человеком, даже не обсуждается, но по отношению к нашим конкурсантам вызывает большое сомнение. По каким критериям жюри должно судить эти конкурсные произведения? Как в обычных композиторских состязаниях, то есть как светские жанры? Или по принципу соответствия канону? Какому? И знают ли эти каноны авторы? Или по тому, насколько представленные на конкурс псалмы способствуют небесному восхождению, приближают к Богу?

Обратимся к другим тенденциям. Одна из них — «спиритуализация» светских, более того — инструментальных жанров, по своей природе внеположных православному канону. Таковы (даю только названия) «Три заповеди блаженства» для фортепянного трио, «Моление о чаше» для фортепьяно, «Покаянный стих» для скрипки и струнных, «Хвалите господу с небес» для фагота соло, «Ныне отпускающи» для камерного ансамбля и др. Все вышеперечисленное — образцы инструментального истолкования богослужебных текстов в их личном (авторском) восприятии, своеобразный опыт музыкальной (а не вербальной) герменевтической интерпретации. Среди них немало и молитвословий католической традиции, давно ставших «знаковыми» в музыкальной культуре: Ave Maria — это название встречаем у симфонической поэмы, камерных ансамблей разных составов; Kyrie eleison — у фортепянного квартета, De profundis — у фортепянной пьесы и т. д.

В этот процесс вовлечены практически все жанры, в том числе сценические, где наряду с операми вновь входит в обращение такой жанр, как мистерия.

Нельзя не отметить еще одну тенденцию — воздействие культовой традиции на формообразование, драматургию, структурно-композиционный план произведений, в которых не ставится задача стилизации или толкования священных сюжетов и молитвословий. В этих случаях используемые композиторами литургические «знаки» (смысловые, текстовые, жанровые, структурные) способствуют расширению смыслового пространства музыки до всечеловеческих горизонтов. А потому неважно, из каких конфессиональных контекстов заимствованы эти «знаки».

Ситуация сосуществования, перекрещивания, взаимодействия разноконфессиональных признаков весьма типична. Таков, к примеру, Каддиш-реквием Е. Станковича для чтеца, солистов, хора и большого симфонического оркестра, написанный к 50-летию трагедии Бабьего яра (1991). Его стихотворная основа — вольный поэтический пересказ еврейского каддиша (то есть плача), осуществленный поэтом Д. Павлычко. Станкович не использует здесь жанрово-композиционные формы классического реквиема, создавая его «светскую» версию. Однако определенные аналогии все же возникают. Некоторые части сопоставимы с *Dies irae*, с *Lux aeterna*. Присутствует в произведении и связь с еврейской религиозной музыкой — «Колнидре», которую исполняют канторы, наделенные особым даром импровизации. Или другое произведение Станковича — *Dictum* для малого симфонического оркестра (1987), его ассоциативный план связан и с католическим реквиемом, и с православной службой. Эмоционально-образная палитра симфонического повествования проявляется не только в том, что семантические узлы событийной линии вызывают аллюзии с соответствующими частями (*Requiem aeternam*, *Dies irae*, *De profundis*, *Lacrimosa*), главное — это идея восхождения от мрачной траурности к сфере света и радости. От *Requiem aeternam* к *Lux aeterna* и *Osanna*. Подобный эмоционально-психологический вектор (к финальному просветлению) характерен и для православной заупокойной службы. Параллели с ней возникают с первых же тактов *Dictum*'а, который открывается «колокольными» ударами оркестра, создающими эффект проводного звона — важного элемента похоронного обряда. Очередной эпизод переключает внимание с траурной процессии на оплакивание. В его семантике также

ощущается содержательно-жанровый слой православной литургии: антифонное чередование фортепьянного рефрена и «хорового» пения струнных подобно молитвенным прошениям ектеньи (возглашения дьякона — и ответные фразы хора).

Еще одно произведение Е. Станковича, в котором ритуал православного отпевания стал структурообразующим фактором, — «Панихида» (1992), посвященная жертвам голода 1932–1933 годов. Драматургическое развертывание «Панихиды» (15 частей *attacca*) можно уподобить параллельному монтажу в киноленте — с одновременным течением двух «сюжетов»: церковного действия (собственно заупокойной службы) и выхваченных памятью эпизодов страшной трагедии. Голос чтеца, как речь комментатора за кадром, усиливает эту аналогию. То накладываясь («наплывы», «наезды камеры»), то уступая друг другу «экран», оба сюжетных ряда существуют в разных измерениях. И эта разность топосов (замкнутое пространство храма и разомкнутое пространство истории), временных параметров (настоящее и прошедшее, «малое время» церковной службы и «большой круг» исторического времени, время-со-стояние и время событийное), эмоционально-психологических тонов (вознесенность над обыденностью и погруженность в ее трагическую реальность) и создает то поле трагедийного напряжения, в атмосфере которого «живет» произведение.

Станкович не ставит перед собой задачи точного воссоздания заупокойного богослужения, нет здесь и музыкальных заимствований. Но смысловая и психологическая тональность обряда и его некоторые композиционные и драматургические особенности сохранены. Используются канонические тексты и типичная для православной церковной практики двуххорность с антифонным сопоставлением хоровых массивов. Соответствует чину (его религиозно-философскому и образно-эмоциональному содержанию) логика молебна: от траурной отрешенности к светлой «Аллилуйе» (с растворенной в ней радостью грядущего воскресения) и гимнической лирике «Вечной памяти» последних номеров. Важно, что в прерывистую цепь хоровых молитвословий, формирующих «ритуальный ряд», Станкович включил ключевые, обязательные для обряда молитвы. Возникают и типичные «драматургические ситуации» церковного ритуала — с его акустико-звуковой и «персонажной» многоплановостью. Непривычно с точки зрения православной культовой традиции решены некоторые номера в эмоционально-образном плане.

«Сценарий» событийного ряда монтируется по принципу резких переключений — временных, жанровых, эмоциональных, что чрезвычайно динамизирует движение фабулы. Конденсатором трагической энергии становится седьмая часть, совмещающая обе сюжетные линии: соло сопрано (народный голос) с хором и оркестром. Мелодия песни укоренена в стилистике украинского фольклора с использованием разных его жанровых срезов — от лирической песни до плачей и голошений. Присутствуют в ней и полускрытые аллюзии к другим национально-стилевыми контекстам, благодаря чему тема не герметизируется в пределах конкретного сюжета «Панихиды», а обретает всечеловеческое и надвременное значение. Поэтому так органично воспринимается ее слияние с молитвой «Господи, помилуй». Они живут в едином интонационном поле, символизируя нераздельность индивидуального и соборного.

Векторная (сюжетная) драматургия сочетается в «Панихиде» с трехчастной симмет-

рией (зеркальная реприза, арочность). Хоровое «Аминь», открывающее произведение, несет двойную смысловую нагрузку. С одной стороны, это знак службы, уже идущей «за кадром». С другой — своего рода «символ истины», авторское подтверждение подлинности последующего повествования («аминь» в переводе — «истинно так»). И завершает «Панихиду» хоровое «Аминь» на рассеивающемся ре-мажорном трезвучии («размываемом» дополнительными тонами), замыкая таким образом «кольцо» и подчеркивая скрытую в симметричных повторах композиционную идею круга — символа вечности.

Приведенные примеры убедительно демонстрируют, что православная служба, насильственно исключенная (на долгие годы) из художественного опыта украинской музыки, ныне вновь осознана как национальная традиция. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на творческом потенциале украинской композиторской школы, открывшей для себя новые пути обновления, модернизации.

С. Н. ИКОННИКОВА,

заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Взаимодействие и взаимовлияние культур — всеобщая закономерность исторического и социального развития стран, народов и государств. Человек является непосредственным участником, активным деятелем этого процесса. Он создает ситуацию диалога, принимает или отвергает различные модели сознания и поведения, сравнивает и оценивает значение культурных событий в повседневной и праздничной жизни народов, заимствует и включает новшества в ткань своей жизнедеятельности. Так было всегда. Менялись приоритеты и динамика взаимодействия культур, ритм и сферы взаимных влияний, ценностные установки и предпочтения, но общий контур развития культур всегда сохранял следы контактов с ближними и дальними регионами. Межкультурные коммуникации могут быть явными и скрытыми, открытыми и закрытыми, прозрачными и призрачными, обозначенными пунктиром и «столбовой дорогой» сотрудничества народов.

Воссоздание исторической ретроспективы культурных контактов между странами и ре-

гионами — необычайно увлекательное направление научных исследований.

Глобализация оказывает существенное влияние на межкультурные коммуникации во всех сферах социальной и личной жизни современного человека. Мир становится более открытым и прозрачным, увеличиваются возможности социальной мобильности людей, смены мест работы и учебы, места жительства. Социологи отмечают, что приблизительно каждые пять лет человек переезжает в другие регионы страны и мира. Это означает, что меняется образ жизни, появляется иная среда общения, новые друзья и знакомые, сотрудники и коллеги. К этому следует добавить необходимость освоения нового культурного пространства, овладения иностранными языками, знакомство с памятниками искусства, отдыха в различных природных зонах. Все это меняет ментальность человека, расширяет горизонт познания, ломает устаревшие стереотипы, вызывает интерес к незнакомому и необычному.

«Антропологическое измерение» глобализации — перспективный проект научных и практических исследований. Важно представить не только экономические, геополитические, экологические аспекты глобализации, но и культурные, психологические, нравственные, эстетические, конфессиональные последствия, вызванные взаимодействием культур и цивилизаций в современном мире. Многие ученые отмечают «антропологическую неготовность» к ускоряющемуся темпу сближения культур. Тенденции глобализации отчетливо проявляются в сферах экономики, финансов, политики, но культурные аспекты пока не кристаллизовались достаточно четко. Человек живет «по-прежнему», по инерции, его жизненный мир не затронут бурными переменами, в сознании преобладают прежние стереотипы, идеологические оценки и газетные клише. Кроме того, имеет значение удаленность регионов от центра, где преобразования идут совсем в другой системе координат, на иных скоростях, другими темпами.

Известный политолог У. Бек отмечает, что в глобальном обществе риска судьбы людей становятся все более нестабильными, усиливается индивидуализм, преобладает расчет на собственные силы, происходит распад коллективных и личных связей, общезначимых ценностей. Возникает противоречие между расширением диапазона социальных контактов и сужением зоны человеческого сознания, которое остается в пределах прежнего опыта. Трудность новой ситуации состоит в неподготовленности человека к необходимости личного выбора, к обоснованию своих действий не приказом, а собственным интересом. Современный мир рвет коллективные отношения, заменяет их корпоративными связями, заставляет людей рассчитывать на удачу, находчивость, случайное совпадение. Наряду с этой тенденцией в сознании человека остается надежда на поддержку власти, социальной группы, семьи.

Расширение диапазона общения изменяет прежний характер социализации. Все большую роль играют механизмы имитации «чужого опыта», подражания новым стандартам поведения. Человек стремится преодолеть узкие рамки родительского опыта, использовать советы сверстников, «значимых других». Средства массовой коммуникации создают иллюзорный виртуальный мир роскоши, рискованных ситуаций, необычайных возможностей «богатой жизни», привлекательной и доступной. Стремление к достижению потребительского стандарта превра-

щается в массовую идеологию, постоянную гонку за лидером, оставляя за пределами сознания предупреждения о возможной материальной и духовной катастрофе. Все более усиливаются тенденции маргинализации, одиночества, кризиса доверия, разочарования в нравственных ценностях. «Новые бедные» постоянно пополняются выходцами из разных, в прошлом более или менее обеспеченных, социальных слоев, потерявшими всякую позитивную перспективу получения образования, постоянной работы, хорошего жилья. Для них характерна особая субкультура, нормы отношений и образ жизни, ограниченные интересы и круг общения. Нередко к «новым бедным» относят группы «гастарбайтеров», мигрантов, объединяющихся в этнические диаспоры. Они тоже образуют свою субкультуру, стремятся к компактному проживанию, имеют свои нормы и правила поведения, средства безопасности, нередко вступают в криминальные группировки. Продолжают возникать многочисленные молодежные группы, объединенные общим интересом, например к рок-музыке. Существуют сообщества наркоманов, беспризорников, склонных к преступному поведению.

Особый слой в условиях глобализации представляют «новые богатые», их часто называют «новыми русскими», так как здесь имеет знаковый смысл российская принадлежность. К ним относят «олигархов», бизнесменов, менеджеров крупных предприятий, банков, фирм, шоуменов, эстрадных звезд, деятелей транснациональных корпораций. Эта группа отличается замкнутым кругом общения, корпоративной культурой, престижными формами досуга и развлечений, элитарными видами спорта, ориентацией на стиль «хай-тек». В обществе установилось негативное, снисходительно-пренебрежительное, завистливое отношение к представителям богатой элиты, образ жизни которой становится все более удаленным и недоступным большинству граждан.

Между этими слоями существует «средний класс»: представители мелкого бизнеса, работники госбюджетной сферы, включенные в глобальную сеть экономических, информационных и профессиональных связей. Развитие этого слоя обеспечивает стабильность общества, но пока его положение неустойчиво. Соотношение в социальной структуре элиты и среднего класса неодинаково в разных регионах. Для многих из них характерна ориентация на перемещение в экономически более устойчивые страны Западной Европы и США.

Изменения в социальной структуре общества и тенденция глобализации обострили проблему культурной идентификации личности, осознания человеком своей принадлежности к нации, государству, обществу. В социальном пространстве множество пересечений, мозаичных субкультур, частных интересов, которые вытесняют общественные интересы на обочину. Исчезает общая картина жизнедеятельности общества, заменяясь частной и фрагментарной. На этой основе возникает психологическая дезориентация, утрата внутренних духовных ориентиров, распространение аномии, девиантного и преступного поведения, коррупции, безответственности и равнодушия.

Эта ситуация широко обсуждается в поисках выхода. Так, категория идентичности используется в качестве средства обретения духовной и душевной устойчивости личности, выработки общих ценностных ориентаций и самосознания. Формирование идентичности опирается на исторический опыт и культурное наследие нации, религиозные верования и обычаи, родной и межнациональный язык общения, художественные, научные и политические достижения. Именно на этой основе возникает чувство «мы» как осознание своей причастности к культуре общества. Социальный кризис разрушает структуру идентификации, расшатывает прежнюю систему ценностей. Идентичность — необходимое условие консолидации общественной и личной жизни.

Шведский социолог У. Ханнерс предлагает сценарий глобальной «культурной гомогенизации» на основе адаптации европейских стандартов жизни к местным условиям. Это создает ситуацию диалога и обмена культур, выравнивает стандарты потребления, нормы поведения, сферы занятости, духовные приоритеты и ценности. Стиль жизни, технические условия цивилизации, языки общения способствуют взаимопониманию народов. Однако при этом национальная культура приобретает значение «экзотического символа», привлекающего туристов. Рыночная экономика «врывается» в культуру, осваивает ее пространство, предлагая новые правила игры, стремясь извлечь максимальную прибыль. Это вызывает противоречивые последствия. С одной стороны, она создает финансовые возможности для охраны памятников культуры, способствует развитию искусства. С другой — поддерживает

главным образом зрелищные и массовые формы культуры, дающие финансовую прибыль. В этих условиях идентичность приобретает общие черты «гомогенизации культуры», присущие современной цивилизации, но национальные черты стираются или сохраняются как экзотика.

Иной сценарий предлагает политолог З. Бауман, отмечая активизацию агрессивного национализма и религиозного фундаментализма. В поисках идентичности возрождаются националистические ценности культуры, борьба за суверенитет и автономию. «Этничность становится одним из символических центров, вокруг которых формируются гибкие и свободные от санкций общности, конструируются и утверждаются индивидуальные идентичности». Американский политолог С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» предположил, что оживление национализма может усилить противостояние мировых цивилизаций, христианства и ислама, привести к неизбежной конфронтации и конфликту. Предложенные два сценария развития глобализации характеризуют крайние позиции и потому односторонни.

Более перспективным и гуманистическим направлением глобализации является развитие диалога между странами и народами на основе достижения согласия, распространения толерантности, взаимопонимания и уважения особенностей национальных культур, сохранения традиционных ценностей и освоения современных достижений мировой цивилизации. Как отмечает М. Чешков, «тенденция к нарастанию разнородности не ведет автоматически к распаду целого, поскольку вырабатываются механизмы и принципы соотношения разнородных частей глобального целого». Глобализация становится мощным фактором усиления межкультурных коммуникаций, стремления к диалогу культур, поиску новых форм общения и взаимопонимания. Идея диалога культур приобретает значение стратегии взаимоотношений мирового сообщества, выработки программы совместных действий. Конструктивный потенциал диалога состоит в обеспечении равноправия и равноценности культур Востока и Запада, Севера и Юга. Солидарность, справедливость и гуманизм определяют главные ценности диалога культур, утверждения достоинства личности и прав человека.

Л. П. КАЗАНЦЕВА,

профессор кафедры истории и теории музыки Астраханской государственной консерватории, доктор искусствоведения, член Союза композиторов РФ

ЛИЧНОСТЬ КОМПОЗИТОРА В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В центре сложившейся ныне системы музыкального образования лежит музыкальное творчество, пронизывающее все учебные дисциплины, все виды учебных занятий. Будучи вполне естественной, такая ситуация сопряжена, однако, с недостаточным вниманием к автору музыкального творения. Досконально изучая отдельные произведения и их совокупности, мы мало знаем о том, каким был человек, их сочинивший, каким характером обладал, какую жизнь прожил. Эти и подобные вопросы биография автора практически не охватывает, как правило, она сведена к регистрации событий жизни композитора. Положение усугубляется тем, что в сознании обучающегося складываются довольно слабые связи между творчеством и личностью автора, ему бывает трудно совместить многочисленные облики одного и того же творца. Представление о композиторе, допустим, Л. ван Бетховене, формируемое на занятиях по гармонии, порой никак не увязывается с тем, что являет собою Бетховен-полифонист, Бетховен — мастер оркестровки; оно также отличается и от тех «портретов», которые очерчиваются в курсах истории музыки, истории исполнительского искусства и т. д.

Как преодолеть атомарность, мозаичность представлений о личности композитора, придать им целостность и живость, позволяющую осознавать в творении личность, его создавшую? К решению этой проблемы возможно несколько подходов. Один из них — интенсивно обсуждаемая в последние годы перепланировка учебных курсов, направленная на интеграцию учебных дисциплин (см., например: публикации А. Демченко, Е. Трёмбевельского, Т. Франтовой, Л. Шаймухаметовой). Другой — введение предметов, позволяющих формировать прочные связи творчества и автора. К таковым можно отнести активно осваиваемые сейчас во многих регионах страны «Музыкальное содержание» (в ДМШ) и «Теорию музыкального содержания» (в музучилище и вузе). Личностный аспект музыкального искусства непосредственно включает не только такие фигурирующие в них темы, как «Авторское начало в музыке», «Музыкальное содержание в композиторском творчестве и исполнительской интерпретации», но и другие: «Музыкальная интонация», «Музыкальный образ». Наряду с этими радикальными новациями, необходимо укрепление в сознании обучающегося связи музыкального произведения с его творцом. Такой цели соответ-

ствует, например, большее насыщение курсов сольфеджио, гармонии и полифонии художественными произведениями, фрагменты из которых могут составлять материал для певческих и письменных упражнений, заданий на фортепиано; интонационно-смысловое освоение изучаемых в теоретических курсах элементов музыки (интервалов, ладовых систем, аккордов и гармонических оборотов, тембров, мелодических рисунков, видов фактуры и т. д.); при гармоническом, полифоническом, целостном анализе музыкальных произведений сравнение нескольких авторских редакций, высвечивающее направление творческого поиска композитора; использование эпистолярных, мемуарных и других материалов в ходе анализа отдельного опуса или творчества композитора.

Весомый потенциал заложен в изучении биографии творца. Нередко в учебных целях биография подается фактологически. Из нее учащийся узнает, в каком году и где композитор родился и умер, когда и куда переезжал, когда написал и исполнил наиболее значительные произведения. Однако каков его темперамент и характер, какие поступки ему свойственны, каков он в общении с близкими и незнакомыми людьми, как относится к своей славе или безвестности, насколько настойчив и так далее, — иными словами, какой он человек — эти и подобные вопросы остаются за пределами учебных дисциплин, обедняя представление о творце и его искусстве. Между тем признание С. Прокофьева: «Я не люблю пребывать в состоянии, я люблю быть в движении» и информация о том, что «Скрябин всегда был одет очень тщательно, элегантно, держался изысканно-вежливо, официально-светской безукоризненной корректностью устанавливая между собой и собеседником некую необходимую дистанцию», говорят не только о человеке-«обывателе» — они отражаются в музыке. Отсюда становится понятно, что чем полнее наши сведения о человеке, тем более емко и глубинно наше восприятие целостной творческой личности и более перспективно изучение ее творчества.

Воспитание отношения к авторской личности как к многосторонней целостности, отражаемой в творчестве, — процесс длительный и непростой. Современному музыкальному образованию еще предстоит искать и общие методологические подходы, и конкретные методические приемы и средства, чтобы добиться на этом пути успехов.

В. А. КАМЕНЕЦКИЙ,

*руководитель аппарата Федерации независимых профсоюзов России,
доктор экономических наук*

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА

Глупость данной эпохи — такой же ценный урок для следующих, как и мудрость.

С. Лец

Круглые столы с активным участием Гуманитарного университета профсоюзов, ежегодно проводимые в Санкт-Петербурге, можно рассматривать как значительное событие в сфере науки и культуры. Поэтому о чем и как говорится на этих форумах, само по себе очень показательно. Многие выступающие совершенно справедливо отмечают очевидные противоречия, характеризующие и менталитет российских граждан, и сферу образования, и сферу культуры: новую «культуру», отрицающую ценность знания, отсутствие преемственности поколений, рационализм как жизненную философию, противостоящую гуманитарному началу, соотношение образования и культуры и т. п. Нельзя недооценивать угрозу всему жизненному укладу нашей страны из-за явной утраты духовных ценностей, снижения культурного уровня, расцвета цинизма и беспринципности, с которыми мы встречаемся на каждом шагу. К этому следует добавить, что в сфере экономики Россия не только не отказалась от лицемерных и просто ошибочных положений, присущих советской системе, но заботливо сохранила их и даже приумножила.

Между тем реальная связь между экономикой и культурой явно недооценивается. Большинство перечисленных выше проблем, носящих внешне духовный характер, имеют под собой реальную экономическую основу. Экономика первична, независимо от того, как мы относимся к этому тезису. И если в обществе господствуют определенные экономические правила (насколько они обоснованы или справедливы, в данном случае значения не имеет), то именно им и вынуждено следовать подавляющее большинство членов общества, приспособившись к ним, подстраиваясь под них: если мои интеллектуальные способности не позволяют мне прокормить семью, то я, хочу того или нет, буду развивать в себе другие способности, которые дадут мне возможность это сделать. Стоит ли после этого удивляться снижению культурного уровня? Происходит то, что и должно происходить при существующей экономической политике.

Констатация фактов, конечно, необходима. Но более продуктивно выявление при-

чин, мешающих духовному развитию, а, следовательно, и определению мер, которые нужны для их устранения. К сожалению, именно этой стороне вопроса уделяется явно недостаточное внимание. Причем, как показывает опыт, это характерно для всей российской действительности. За примерами далеко ходить не надо. Президент провозгласил ликвидацию бедности в качестве главной задачи российского общества, от которой никто не может оставаться в стороне. Но правильна ли сама постановка вопроса? Ведь речь идет не о конкретном человеке, которому нужно просто «помочь», а об общественном явлении, закономерном и даже неизбежном при существующем экономическом раскладе.

В советский период массовая бедность была менее заметной за счет государственного нивелирования уровня доходов населения. Не поднимая общего уровня экономической деятельности и допустив резкую (возможно, оправданную экономически) дифференциацию доходов населения, мы неизбежно получили то, что имеем сегодня. Уровень доходов 30 % населения ниже прожиточного минимума, который сам по себе не может рассматриваться в качестве норматива. А если принять в качестве норматива средневропейский показатель, то хорошо, если уровень жизни 25–30 % населения можно характеризовать, согласно нашим меркам, как «достойный». Такое положение равнозначно гуманитарной катастрофе, и форум интеллектуальной элиты не вправе этого «не замечать» и не считать своей главной задачей поиск путей к исправлению этой ситуации.

Причины экономического кризиса, который стал хроническим явлением, очевидны. Именно о них и об их последствиях говорили и все участники круглого стола, правда, рассматривая их не как фактор экономического развития, а как самостоятельную проблему духовного развития. Я лично глубоко убежден в том, что недооценка духовного начала и переоценка роли имущественного капитала лежит в основе экономической стагнации, что, кстати, характерно для всего мирового сообщества.

В современном обществе нет недостатка в разговорах о значении духовного развития. Нередко используется и сочетание «человеческий капитал», понимаемое как важнейший фактор жизнедеятельности. Но, как говорят на Востоке, «сколько ни повторяй “халва”, во рту слаще не станет». Просто разговорами о важности духовного развития дела не поправить. Общественный образ жизни, характерный для современного человека, в решающей степени определяется системой законов и общественных институтов, влияние которых на мировоззрение современного гражданина нельзя недооценивать. Думаю, не ошибусь, высказав такую, казалось бы, парадоксальную мысль: развитие культуры нужно начинать с совершенствования экономической политики и законодательства.

Потеря духовности, снижение культурного уровня и примитивный прагматизм — прямой результат, следующий из положений российского законодательства и общественных институтов.

1. Интеллект человека или человеческий капитал с позиций российского законодательства — просто «фантом». Его существование официально не признается, его использование не учитывается и не вознаграждается.

2. Интеллектуальные и трудовые способности не признаются объектами собственности человека. На свои деньги человек имеет право собственности, а на свои способности — нет.

Чему же мы удивляемся, вздыхая о «бездуховности современной молодежи»? Она просто ориентируется на то, что внушает ей наша экономическая политика. А если попробовать оценить, сколько теряет наше общество в экономическом развитии из-за того, что интеллектуальный капитал основной массы населения остается невостребованным?

3. Не классовые предрассудки, а Конституция РФ разделяет наше общество на две неравные части. Основная часть (ей посвящена статья 37) — наемные работники, занимающиеся трудовой деятельностью. Это неполноценные граждане — о них нужно заботиться, их нужно «содержать» в порядке, как домашний скот или орудия и средства производства, их нужно «защищать», для чего и существует Трудовой кодекс. Меньшая часть, согласно статье 34, — это те, кто занимается не трудовой, а экономической деятельностью. Может быть, все те, кто не считает себя «быдлом», должны заниматься именно «экономической» деятельностью, которую Конституция противопоставляет трудовой? Тем более, что и труд рассматривается не

как первейшая обязанность члена общества, а как его «право»: хочешь — работай, не хочешь — не работай.

4. Статья 19 Конституции РФ, провозглашая «равенство перед законом и судом» (п. 1), одновременно допускает различные «формы ограничения прав граждан» по признакам имущественного положения (п. 2). Причем, записано это в такой форме, чтобы не бросалось в глаза. Еще бы, ведь возможность использовать свои способности (т. е. свой человеческий капитал) — это самое важное естественное право, которым обладает каждый человек. В СССР, где не слишком заботились о правах человека, на подобную формулировку не отважились.

Тезис Маркса «рабочая сила — товар», не будучи провозглашенным официально, проявляется в том, что «наемных работников», участвующих в трудовом процессе де-факто, не признают «участниками» (они свою рабочую силу продали). Но, поскольку в этом случае трудовой процесс остается вообще без участников, то участниками де-юре признают собственников имущественного капитала, хотя большинство из них к производственному процессу не имеет никакого отношения. Одновременно реальных участников юридического лица, создающих его продукцию и обеспечивающих выручку за нее (имеется в виду коммерческая деятельность), лишают права считаться собственниками этой выручки и участвовать в распределении дохода и прибыли. Где же негодование «правозащитников» по этому поводу? Нашими законодателями вкупе с интеллектуальной элитой сделано все, чтобы в XXI веке возродить экономическое рабство на «современном информационно-техническом уровне».

5. В сфере финансовой деятельности установлены «порядки», которые узаконили рыночные методы ценообразования финансовых услуг (величина дивидендов, биржевая котировка акций). В сочетании с инфляцией это позволяет осуществлять неэкономическое перераспределение дохода в пользу той категории граждан, на которую ориентирована статья 34 Конституции РФ.

Бездумно копируя финансовый инструментарий США, следует учитывать и борьбу, которая ведется в этой стране с «извращениями» в финансовой деятельности. Так, например, только в 2003 году десять инвестиционных банков (в том числе Bank of America) заплатили по требованию государства 3 млрд долларов за необъективную работу на фондовом рынке. Кстати, Еще Теодор Рузвельт заложил основы «государственного управления»

финансами. Вот его кредо: «Мы ни одному человеку не отказываем в богатстве, которым он обязан собственной энергии и дальновидности, если оно было создано с должным уважением к благосостоянию других».

Нельзя не отметить еще одну особенность, проявившуюся особенно заметно в российских условиях, причем наша интеллектуальная элита имеет к этому самое непосредственное отношение. Речь идет о приоритете позитивного права над естественным, который наши депутаты используют с энтузиазмом и размахом. Вопрос важен не только с точки зрения теории. Губительны его последствия для культуры, а особенно для экономики. Многие из них уже упоминались (непризнание способностей объектами собственности, непризнание участников участниками и наоборот, признание участниками неучастников и др.). Экономике считают «общественной» наукой. Даже если разделить науки на естественные и общественные, то экономика все-таки в основном естественная наука, так как весь процесс создания жизненных благ проходит в соответствии с естественными законами природы, часто вообще без участия человека (создание биомассы). Даже в сфере распределения, на которую, казалось бы, законы природы не распространяются, человек в своих действиях все равно не свободен. Так, например, он не может распределять больше того, что имеет. А между тем это любимое занятие наших законодателей, подталкиваемых показной «заботой о человеке». По словам А. Лившица, в компетентности которого сомневаться не приходится, первой российской Думой было принято различных льгот на 500 млрд рублей в расчете на год, большинством из которых невозможно было воспользоваться из-за отсутствия финансового источника. Не может законодатель «признать» субъектом собственности (то есть человеком) юридическое лицо; не может считать или не считать объектами собственности блага, которые обладают огромной ценностью для человека (его способности); не может строить экономические расчеты развития страны на антинаучном принципе «деньги делают деньги». Хотя именно на этом порочном принципе основана вся современная финансовая деятельность, включая создание в конце 2003 года накопительного фонда в системе пенсионного обеспечения.

Можно вспомнить еще многое из того, что находится вне сферы воздействия законодателя, но что он, тем не менее, настойчиво пытается «решать», не задумываясь о

бессмысленности таких действий. Но лучше подумаем, куда толкает современного члена общества все то, о чем было сказано. Под воздействием подобного законодательства и системы общественных институтов, сформировавшихся в России, у ее граждан формируется совершенно определенное мировоззрение.

Во-первых, они считают, что общественное устройство основано на обмане и несправедливости. Во-вторых, уверены, что в этом обществе человеческий капитал, духовность и прочие «эфемерные понятия» — балласт, мешающий нормальному существованию. Деньги — основа всего, и ради них не грех поступиться любыми духовными ценностями. В-третьих, рассуждают: плевать мне на интересы такого государства и такого общества, которые не только не создают мне условий, чтобы я мог содержать свою семью, но еще и препятствуют использованию моих способностей для того, чтобы сделать это без помощи общества. В-четвертых, говорят: раз общество специально создает условия для возникновения миллиардных состояний за счет облегчения карманов большинства граждан, то не грех и не платить такому обществу налоги. И так далее...

Кто виноват в том, что вся интеллектуальная надстройка нашего общества, в том числе и законы, и общественные институты, оказывается несостоятельной не только в морально-этическом плане, но и с точки зрения научной достоверности? Законодатель? Частично да. Но у народных избранников уйма помощников, корифеев экономики, права, социологии и, конечно, политики. За всем этим стоит и наша интеллектуальная и духовная элита.

Возможно, каждый человек в душе искренне возмущается всем происходящим, стараясь быть выше грязи, окружающей нас. Однако молчанием мы не поставим себя «выше». Молчание — знак согласия. Все вышеописанные законодательные нелепости, благодаря которым втоптаны в грязь человеческий капитал и духовность, на нашей совести. «Не замечая» этого, мы де-факто становимся проводниками в жизнь всего того, чем искренне возмущаемся на форумах.

Не потому ли мы много и охотно рассуждаем о негативных явлениях, которые представляют собой последствия определенных действий, но при этом обходим молчанием причины, их породившие? Конечно, вскрыть причины значит вызвать огонь на себя. Вопрос «Где же вы были раньше?» неизбежно

последует. Но если этого не сделаем мы сами, то это сделают за нас другие.

Последствия игнорирования роли человеческого интеллекта могут оказаться такими, что трудно себе представить. И дело не просто в ошибочных законоположениях. Интеллектуальная деятельность представляет собой единственный в природе вид деятельности, эффективность которой, то есть полученный результат, отнесенный к затратам интеллектуальной энергии, на 10, 15, 20 порядков выше, чем эффективность любого другого вида человеческой деятельности. Мировое сообщество располагает совокупным интеллектуальным потенциалом шести миллиардов человеческих особей. Но как он используется? Тратя огромные средства на получение энергоресурсов, человечество по необъяснимым причинам одновременно «принимает меры» к тому, чтобы не допустить использования интеллектуального потенциала, не сопоставимого по эффективности ни с каким другим видом энергии. Может ли общество существовать на основе таких взаимоисключающих принципов? И вправе ли человечество проводить такие опасные эксперименты по изучению на собственном опыте вопроса о пределах человеческой глупости? Еще Эйнштейн сказал, что глупость человеческая бесконечна.

Процесс общественного развития происходит по естественным законам, и системообразующая составляющая цели развития имеет как духовную, так и материальную основу. Прошло то время, когда развитие конкретного общества могла определять национальная идея. Однако это не исключает, а, наоборот, усиливает значение исторических корней, выражающихся в религии, культуре, национальных традициях и т. п. Эти моменты для

каждого народа индивидуальны, «священны» и представляют собой важные воспитательные и образовательные факторы.

Социально-экономическая цель развития сообществ, населяющих планету Земля, одинакова и определяется единством физиологических и духовных свойств, присущих людям. Эта цель существует объективно и может быть сформулирована как «максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества». Любая правящая элита, независимо от «расцветки», должна осознать, что ее задачей всегда является создание наиболее благоприятных условий для реализации этой цели, причем единственно возможным способом: достаточно создавать и экономически грамотно распределять (в меру участия).

Я начал с раздумий, навеянных предыдущими круглыми столами. Экономика и культура неразрывны, их объективное взаимное влияние происходит независимо от нашего желания. Мы привыкли считать, что экономика воздействует на культуру, создавая или не создавая для нее материальную базу. Жизнь показывает, что влияние гораздо глубже. Не только возможности экономики влияют на уровень культурного развития общества, но и сам культурный облик общества формирует потребности экономики в том виде, в каком они воспринимаются в данный момент. И от этого нам никуда не уйти.

В нашем доме — гнилой фундамент, и дом может развалиться, а это не лучшее время для разговоров об интерьере. «Давайте разрушать Бастилии раньше, чем их построят» (С. Лец). Уверен, что Дмитрий Сергеевич Лихачев поддержал бы нас именно в таком направлении наших мыслей и действий.

К. И. КАРАСЕВ,

*заместитель главы Администрации Читинской области,
доктор технических наук*

В. А. КОБЫЛЯНСКИЙ,

член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией по комплексному изучению человека Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ САМОБЫТНОСТИ РОССИИ

Глобализация как процесс все большего вовлечения различных стран в единый исторический поток носит объективный ха-

рактер, и никакими заклинаниями ее остановить невозможно. Однако она может иметь (и имеет) как позитивные, так и негативные

последствия. Причем негативные ее проявления в разных сферах современной общественной жизни способны во сто крат перекрывать ее позитивное воздействие.

Можно ли преодолеть негативные проявления глобализации? Если нет, то невозможно и сколько-нибудь достойное существование человечества и обеспечение его устойчивого и согласованного развития, невозможно утверждение ноосферы. Однако недостаточно просто приветствовать объективно идущий процесс глобализации независимо от тех или иных форм его проявления; мы вынуждены признать, что, например, утверждение ноосферы возможно лишь в условиях сознательно-управления процессом глобализации по линии оптимизации взаимодействия природы и общества (но не только по этой линии). Весь экономический и политический порядок, который стихийно сложился на планете к концу XX века, должен быть целенаправленно усовершенствован.

Идея глобализации, или, выражаясь несколько иначе, «нового мирового порядка», уходит в глубь истории. Еще Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» (1871) предупреждал об опасности утверждения на Земле одного культурно-исторического типа. Он говорил о гибельности такого пути для человечества, поскольку господство одной цивилизации, одной культуры лишило бы человеческий род необходимого условия совершенствования — элемента разнообразия. Данилевский отличал «общечеловеческое» как нечто абстрактно-общее, а потому бесцветное, от «всечеловеческого» как конкретно-общего, включающего все богатство национально-особенного. В силу того, что «общечеловеческое» лишено национального элемента, оно представляет собой всего-навсего «пошлость в полнейшем значении этого слова». С точки зрения Данилевского, всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной государственной системы, одного культурно-исторического типа — одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории.

Унификация путей развития стран и культур, сведение их многообразия к одному «общечеловеческому» знаменателю сродни самым опасным формам терроризма, оставляющего после себя социальную пустыню. Подобной унификацией уничтожается веками добытое

богатство как отдельных стран и народов, так и всего человечества.

Глубокое сожаление вызывает игнорирование влиятельными российскими кругами того обстоятельства, что путь России не должен быть простым повторением пути Запада. Особый путь развития нашей страны — это объективная необходимость, с которой нельзя не считаться. По некоторым данным, для поддержания достигнутого уровня благосостояния Японии достаточно использовать в год 3–4 тонны условного топлива на человека, России же — около 18 (сейчас у нас добывается шесть). В этих условиях игнорировать необходимость ее особого (коллективистского, соборного) пути развития — больше чем ошибка.

Самобытность России — не некое архитектурное излишество, от которого при желании можно легко отказаться, но фактор ее устойчивого прогресса, и особое значение он приобретает именно в условиях ее включения в общемировой процесс глобализации. Самобытность и стабильность страны — тенденции, которые не противостоят, а взаимообуславливают друг друга, образуя единое, нерасторжимое целое, способное в силу этого к саморазвитию.

В данном диалектическом контексте особое значение имеет традиционно ориентированное образование. И. А. Ильин с глубоким знанием дела заповедовал, что «в будущей России образование не должно отделяться от духовного воспитания... Образование само по себе есть дело формальное... Образование одной памяти и одного рассудка оставляет человека полуобразованным и, главное, беспринципным, придавая ему самомнения и изворотливости. Полуобразование уводит от духа и от Бога. Беспринципность ведет на службу к дьяволу». Внутренняя логика развития российского общества в условиях глобализации неизбежно потребует основательного возрождения традиционных ценностей народов России, приобщения русского человека к православной культуре и духовности. Главное — потребуются твердая (и одухотворенная) политическая воля, направленная на практическую реализацию глубоко продуманных и научно обоснованных, исторически и нравственно оправданных решений в пользу (а не вопреки интересам) России и ее народов, а также в интересах остального мира.

И. И. КАРЛОВ,

заместитель директора по научно-исследовательской работе —
главный хранитель Государственного Русского музея,
Заслуженный работник культуры РФ

МУЗЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

С каждым веком в искусстве растет ценность и значимость оригинальных и сверх-оригинальных (вплоть до эпатажных) начал творчества, увеличивается степень художественной свободы, преодолевается каноничность, сверхличная заданность. Тем не менее тяга и возврат к традиционности, к канонам старых мастеров становятся все более очевидными и массовидными. Это, безусловно, проявление вечного и великого закона «отрицания отрицания», так как «якобы возврат» к традиционности есть способ преодоления каноничности (канон задается, традиции выбираются), путь дальнейшего роста авторской самобытности. Обращение к «вечным» темам, архетипам способствует выявлению авторской индивидуальности в данной пространственно-временной области. Нередко граница есть способ усилить и подчеркнуть то, что она ограничивает. Поэтому каким бы архаичным и константным ни казалось пространство и время музея, таковые свойства этой системы есть необходимый стабилизирующий фактор, без которого постоянно обновляющиеся элементы содержания (экспонаты, картины) потеряют реперы своего существования во все ускоряющемся потоке событий и явлений искусства XXI века.

Пространство и время музея играют роль нотного стана и правил музыкального языка, в рамках которых существует все бесконечное многообразие музыки и без которых невозможна Великая Гармония.

Музей — инструмент эстетизации жизни современного общества, которое, внезапно вырвавшись из заповедника так называемой «коммунистической морали» с ее самодовлеющей нормативностью, нуждается в реморализации, но не фронтальной, директивной, а опосредованной через возвышенное и прекрасное.

«Человек до конца не воплотим в существующую социально-историческую плоть» (М. М. Бахтин). Это означает, что всегда существует неизбывная потребность человека соприкоснуться и воспринимать более широкий, чем в повседневности, спектр эстетических и моральных ценностей, что *может дать только художественный музей*. Причем в этой функции музей не может быть заменен (только дополнен) ни театром, ни кино, ни

телевидением, ни литературой, ни тем более собраниями репродукций или интернет-сайтами. Это происходит потому, что собрание художественного музея, проживающее в особом уникальном пространстве музея, представляет саморазвивающуюся (живую) систему нравственно-эстетических ценностей, в которую человек погружается, приходя в музей, так как пространство музея охватывает его, подобно пространству Храма. Пространство музея, равно как и пространство Храма, в большей или меньшей степени (в зависимости от личности посетителя) способно «очищать» душу человека от суетности, мелких страстей, приводить к катарсису за счет эффекта многомерной, объемной полифонии. У посетителя музея в результате духовного резонанса в сознании возникает некая синергетическая симфония, лейтмотивом которой выступает диалектическое единство трех фундаментальных ценностей человечества — красоты, добра и истины.

При восприятии же других видов художественно-информационного воздействия (театр, кино и др.), чтобы достигнуть описанного эффекта, требуются определенные усилия, воображение (которым не все обладают), особый психофизиологический настрой, ибо поток информации воздействует фронтально, «через одно окно».

В художественном музее особые синергетические свойства его пространства заставляют сразу погрузиться в комплексную систему ценностей без побочных отвлекающих моментов. Об этом же писал Н. Ф. Федоров: «Истинный музей есть музей всех трех способностей души, то есть он есть выражение согласия и полноты душевной, ибо он есть разум, не только понимающий, но и чувствующий... Музей не допускает отвлечения от всеобщего блага ни знания, или истины, ни искусства, то есть красоты. Сейчас нравственное, благое, истинное, прекрасное стали отвлеченными понятиями, тогда как они должны быть необходимо принадлежностью жизни, составлять самое существо человека».

Музей — родник и заповедник культуры, ибо невозможно устранить культуру и интеллект из духовной жизни человека, сведя ее либо к виртуальному лубку web-культуры,

либо к «нутряным», чисто инстинктивным постижениям. Как увидеть новым взглядом сирень, если позабыть о том, что «здесь уже побывал Кончаловский, трогал кисти и щурил глаза» (А. Кушнер)? Молодежные субкультуры наглядно демонстрируют, что когда мы пытаемся миновать континуум классической культуры и по наитию запечатлеть «мир как таковой» (кичась при этом high-tech-продвинутостью), мы лишь возвращаемся на низший уровень. Жизнь не равна себе — она изменяется по мере того как усложняется и преобразуется культурой в виде духовной преемственности, расширяющей содержательную вместимость мира органических и символических ценностей человека.

Пространство музея предполагает взаимопроникновение реальностей. Форма сама по себе бестелесна, как число, но именно поэтому она точна — на пределе развоплощенности рождается приближение к абсолютной идее и строгость высшей Гармонии. Некая плоть входит во что-то бесплотное, на грани своего развоплощения обнаруживая уже иную, как бы воскресшую плоть тех сущностей, в которых она умирала.

Картины представляют собой вполне зримое, объемное бытие вещей, ушедших в свое отражение, или тень, или память, или абстрактную фигуру, в символ, в предчувствие, — и там нашедших себя с большей очевидностью, чем то текучее бытие, из которого они изошли. Это акт, о котором Г. В. Ф. Гегель писал, что плоть сжигает себя как Феникс и возрождается вновь, сливаясь с Абсолютным Духом. В музейном пространстве изображенное на картинах тонет в глубине своей сущности, эта сущность всплывает на поверхность и является нам. Умирание равно воскресению. Вряд ли зрителю «супрематического квадрата» К. Малевича придет мысль о том, что это символ небытия, тени формы, переходящей во тьму бесконечности и одновременно отражающей весь континуум многообразия сущего, если эту картину поместить, например, в зал для банкетов.

Картина, написанная художником, — отражение его бытия, сознания, горестей и соблазнов. Картина, помещенная в музей, — это инобытие вышесказанного. Так же как, по Гегелю, телесность, материальность инкарнированной идеи постепенно прорастает индивидуальным, мировым духом и затем вновь обретает инобытие в системе Абсолютного Духа, всякая индивидуальная духовная ценность может заиграть всеми сияющими гранями только в оправе системы пространства музея.

Справедливо писал Максимилиан Волошин: «Творческий акт — нисхождение Духа в материю. Он мучителен и радостен, потому что он — крестное нисхождение Бога в материю. Мечта воплотилась, пребывает в теле своем. <...> Задача искусства лежит не в том, чтобы быть зеркальным отражением своей эпохи, а в том, чтобы в каждый момент преобразовать, просветлять и творить природу прекрасного. <...> Точно многогранное зеркало русские художники и поэты поворачивают всемирную историю, чтобы в каждой грани ее увидеть фрагменты своего собственного лица».

Пространство музея задает определенный режим, устойчивость за счет погружения в мир божественных чисел гармонии (Пифагор, Платон), придавая тем самым своего рода нормативную сакральность экстатической, порой необузданной творческой свободе художника.

Произведение, созданное вне традиции, не имеет «языка», поэтому смысл его зыбок, невнятен, а в предельном случае вовсе отсутствует (как у любого набора звуков, произведенного не по правилам данного языка, вне законов фонетики, морфологии, синтаксиса).

Драгоценный камень должен быть огранен, отшлифован и помещен в оправу, гармоничную его свойствам. Лишь тогда появляется истинная драгоценность, возникшая из невнятного мутного минерала. Красивый от природы голос певца должен быть «поставлен», звучать хотя бы с минимальным, но инструментальным сопровождением, в зале с соответствующей акустикой. Самая гениальная картина не может восприниматься таковой вне специального художественного пространства. Ибо без такого специфического пространства теряется не просто драгоценная эстетическая «оправа», но и, что не менее важно, пиетет, даже нравственный трепет зрителя при встрече с великим, возвышенным. Здесь со всей полнотой и сложностью возникают требующие особого исследования в рамках искусствознания и музееведения проблема взаимоотношений и взаимодействия частных собраний и музеев, проблемы художественных аукционов и т. п.

Безусловно, к проблеме соотношения традиций и процессов модернизации относятся и проблемы технической модернизации музейного дела. Они насущны, многообразны и решаются в наших художественных музеях с той или иной степенью глубины и интенсивности. Но в любом случае мы руководствуемся принципом «Не навреди!»

Л. С. КЛЕЙН,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, Почетный доктор Высшей антропологической школы Молдавии

КУЛЬТУРА, ПЕРВОБЫТНЫЙ ПРИМИТИВИЗМ И КОНЦЛАГЕРЬ

Первой опубликованной в академическом сборнике работой Д. С. Лихачева стала статья о воровской речи «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935) — в ее основу легли впечатления от пребывания в лагере на Соловках. Занимаясь археологией и филологией и проглядывая этот сборник, я не обратил на нее особого внимания: меня тогда не интересовала ни криминальная среда, ни ее жаргон. Через полвека после Лихачева угодил в тюрьму и лагерь я. В то время господствовал принцип «в Советском Союзе нет политических заключенных», и всем арестованным так называемой «Ленинградской волны» начала 1980-х (университетским преподавателям — кроме меня это были Азадовский, Рогинский, Мейлах, Мирек и др.) дали сугубо уголовные статьи и направили в общеуголовные лагеря.

Как археологу-преисторику мне бросилась в глаза ужасающая примитивность мышления и поведения уголовников и поразительное сходство этой среды с первобытным обществом, которое я много лет изучал по археологическим остаткам и этнографическим параллелям. В таком случае, решил я, нужно использовать предоставившуюся возможность для изучения феномена первобытности в новом ракурсе — пусть это будет моя семнадцатая научная экспедиция. Конечно, в трудных условиях, но ведь и прежние были нелегкими.

Я мучительно вспоминал, что где-то читал об особой примитивности воровской речи, но, каюсь, ни автора, ни названия статьи не мог припомнить. У меня примитивность речи в лагерной среде заняла место в общем перечне сходств уголовного сообщества с первобытным миром. А список получился внушительным: я насчитал 14 признаков.

На первое место я поставил жестокие обряды инициаций — в тюрьме и лагере они называются «прописка». Далее я отметил табуированность многих слов и действий (в уголовной среде — «понятие»), татуировку (наколку), которая имела такое же символическое значение и была столь же функциональна, как в первобытном обществе, обозначая статус и состояние человека. В моем перечне упоминаются также трехкастовая структура общества («воры», «мужики» и «чушки»); выделение вождей с их боевыми дружинами; сбор дани; вера в магию и приметы; примитив-

ность речи (куцые фразы, экспрессивность речи, бедный словарь, несколько бранных слов выражают сотни понятий); демонстративный культ матери («не забуду мать родную»).

Как и в первобытном обществе, в тюремно-лагерной среде господствует обостренная чувствительность к соблюдению сексуальных норм и мужского достоинства; первобытному значению родственных связей (в лагере они, естественно, невозможны) соответствует территориальная консолидация. Как и в первобытном обществе, существует постоянная возможность распада, хаоса, свирепого самоуправства, кровавых неурядиц — все это называется «беспредел», для предотвращения которого существует неписаный «воровской закон». В первобытном обществе это так называемое «обычное право» — неписаная система норм и обычаев, фиксированная в мифологии. У преступников также есть своя мифология, воровской фольклор.

Еще в тюрьме я задумался над тем, каковы причины этого потрясающего сходства: первобытное общество — и наша современность, через головы множества поколений, через толщу эпох. И пришел к определенным выводам, которые стал записывать и аргументировать наряду с наблюдениями — то есть начал писать книгу. Условия были не самыми удобными для работы, в камере (прежней одиночке), где я провел год и месяц, на 8 квадратных метрах размещалось 12 человек, и, кстати, творчество администрацией не позволялось, но я выпросил разрешение заниматься иностранными языками (самообразование поощрялось) и под видом упражнений в английском, немецком и французском стал на этих языках вести свои записи и продолжил их в лагере¹.

Для объяснения сходств я мог бы обратиться к юнговскому феномену архетипов сознания, но, в сущности, он ничего не объясняет, а лишь констатирует, называя те же явления другими словами. Каким образом могли психологические установки первобытного общества дожить в сознании людей до нашего

¹ В 1988–89 году мои очерки были опубликованы под псевдонимом в журнале «Нева», они легли в основу книги «Перевернутый мир», которая сначала вышла на немецком языке в Германии (1991), затем в 1993 году на русском в Петербурге.

времени и почему они проявились в этих условиях и в этой среде? Широкое распространение лагерных песен и жаргона, то есть первобытных «пережитков», вне лагеря объясняется, возможно, не только огромным количеством прошедшего через лагерь населения, но и какими-то установками сознания, засевшими в головах еще с первобытности.

Следует вспомнить, что нынешний вид человека (*Homo sapiens sapiens*) сформировался не в эпоху цивилизации. Когда спрашивают студентов, какие этапы прошло формирование физического облика человека, обычно называют питекантропа, синантропа (более сведущие добавляют *homo habilis*), неандертальца, кроманьонца... Кроманьонец — это и есть *homo sapiens sapiens*, только ископаемый. Иными словами, кроманьонцы это мы. Различия между кроманьонцами и современными людьми незначительны и могут быть приравнены к расовым. То есть любой кроманьонец, родись он в нынешнем обществе, вырос бы вполне современным человеком (чего нельзя сказать о неандертальцах), а любой из нас, попади он при рождении в кроманьонскую эпоху, смог бы стать нормальным кроманьонцем.

Но формирование любого вида животных проходило в порядке его приспособления к среде обитания (законы дарвинизма остаются в силе), а формирование человека, пока цивилизация не успела ослабить воздействие природных законов, проходило и в порядке его приспособления к культуре. Значит, кроманьонец сформировался хорошо приспособленным к той культуре, которая существовала на заре стабилизации его как вида — около 100 тысяч лет тому назад, по современным подсчетам, в верхнем палеолите. Это была культура развитого первобытного общества.

Здесь мы сталкиваемся с феноменом различия темпов биологической и социокультурной эволюции человека. В соответствии с общей дискретностью мира, та и другая скачкообразны. Но темпы смены этапов у них разные. Для биологической эволюции нужна смена многих и многих поколений, накопление интервалов между рождением человека и рождением его ребенка, и эта смена не ускорила, даже замедлилась. Социокультурная же эволюция основана на передаче культурной информации, а эта передача не нуждается в таких жестких интервалах и происходит все быстрее. За те сто тысяч лет, которые прошли со времени последнего скачка биологической эволюции, создавшего кроманьонцев, социокультурная эволюция пре-

одолела множество ступеней — перешла от палеолита к мезо-, а затем неолиту, потом к бронзовому и железному веку, от собирательского хозяйства к производящему, прошла по всем этапам цивилизации, по всем эпохам истории — а следующего скачка биологической эволюции нет. Человек все еще обладает теми психофизиологическими задатками, которые хорошо отвечали потребностям первобытного общества, но давно (и все больше) не соответствуют требованиям современности.

Мы приспособлены жить на природе небольшими общинами и охотиться на крупную дичь, а вынуждены существовать в колоссальных скоплениях себе подобных, в каменных ящиках, разглядывая не мамонтов вдаль, а крохотные закорючки на бумаге вблизи. Первый признак дезадаптации — очки, второй — излишние выбросы адреналина в кровь. Естественная агрессия природного охотника не находит удовлетворения. Стуженность обитания вызывает постоянные стрессы. Пьянство, наркотики — многие люди явно стремятся вырваться из сознательной жизни, из культуры, которая их не устраивает. «Неудовлетворенность культурой» — так назвал свою известную работу Фрейд. Хулиганские выходки ради озорства, безмотивные преступления приводят юристов в остолбенение. Человек страдает недугами, которых практически нет у диких животных: сердечно-сосудистыми, нервно-психическими, раком. Болеют ими только люди — и домашние животные! Самоубийства, истребительные войны совершенно чужды животному миру.

Как же человек с этим справляется? Все, что он имеет и что позволяет ему жить в среде, которая совершенно не соответствует его природным данным, наработано КУЛЬТУРОЙ. Культура создала специальные компенсаторные механизмы для выпуска излишней энергии, для выбросов адреналина: многолюдные зрелища — гладиаторы, коррида, петушиные бои, бокс, футбол, хоккей, далее игровой спорт и физкультура (физическая культура!). Система запретов и норм, регулирующих поведение, позволяет ограничить разгул сексуальных, территориальных, имущественных и иных столкновений интересов колоссальных масс людей, живущих на тесных пространствах; искусство и литература формируют мир идеалов и символов, делающих соблюдение этих норм внутренней потребностью человека.

А что происходит, когда по тем или иным причинам в семьях или других сообществах

образуется дефицит культуры? Тогда человек становится дикарем, высвобождаются те его инстинкты, которые у обычных современных людей скованы культурными нормами, и человек с дефицитом культуры нарушает эти нормы и связанные с ними юридические законы. А если такие люди собраны в группы, то в этих группах автоматически возрождаются нормы и институты, которые ближе к первобытному обществу, потому что подобных норм и институций требует (и после некоторых опытов находит) не обработанный культурой коллективный разум.

В чистом виде (без описания наблюдений) эти выводы были сделаны мною в статье «Мы кроманьонцы: Деадаптация человека к современной культуре» (конференция «Смыслы культуры», 1996 г.).

Однако не все со мною согласны. Наиболее сильные возражения высказаны талантливым антропологом А. Г. Козинцевым в статье 2004 года «О перевернутом мире (историко-антропологический комментарий к книге Льва Самойлова)». Козинцев начинает с обзора эволюции лагерной системы в России за 130 лет. «Наша задача, — пишет он, — облегчается тем, что четыре автора — Достоевский, Чехов, Солженицын и Самойлов — описали нам четыре хронологически последовательных момента этого процесса, разделенные интервалами по три-пять десятилетий. Разумеется, их труды — лишь наиболее крупные вершины среди огромного массива литературы о тюрьме и каторге в нашем государстве. Но и они оказываются вполне достаточны для оценки масштаба происшедших изменений». Рассмотрев четыре вехи — «Мертвый дом», Сахалин, ГУЛАГ и «Перевернутый мир», — Козинцев отмечает резкое отличие двух первых от двух последних. В первых не было той лагерной системы (ЛС), которая как раз и сопоставима с некоторыми установками первобытного общества. Между тем, дефицит культуры был там даже более разительным, чем в ГУЛАГе и «Перевернутом мире» «финального социализма».

«Итак, — заключает Козинцев, — откуда же взялась ЛС? Разумеется, из прошлого. Но не из палеолитического, а из гораздо более близкого — предреволюционного. <...> По-видимому, к главным причинам зарождения и последующего усиления ЛС следует отнести либерально-прогрессивные, а затем и леворадикальные тенденции государственной политики вообще и либерализацию лагерных порядков по отношению к уголовникам в частности».

В оценке значения «либерально-прогрессивных» и «леворадикальных» тенденций государственной политики я, пожалуй, соглашусь с Козинцевым, но в неожиданном для него ракурсе. Дело в том, что он не подметил одной особенности советских этапов развития лагерной системы по сравнению с дореволюционными, — а именно она может объяснить отсутствие на дореволюционной каторге тех первобытных порядков, которые возродились в советских лагерях, а оттуда проникли в тюрьмы. До революции каторга была нацелена только на наказание (возмездие за прегрешения) и устрашение. Поэтому самоорганизация каторжников практически отсутствовала. «Одиночка» в тюрьме, кандалы и цепи на каторге создавали вокруг наказуемого барьер изоляции. В советской же пенитенциарной системе возобладала (и не только декларативно) установка на перевоспитание преступников, а перевоспитание в соответствии с ленинской теорией «культурной революции» (воспитание коммунистического человека) и педагогической теорией Макаренко мыслилось коллективным трудом. Поэтому всячески поощрялась самоорганизация заключенных в коллектив, а уголовники (по сравнению с «классово чуждыми» политическими) считались «социально близкими» и потенциально коммунистическими тружениками.

При этом упускалось из виду, что культура не наживается нахрапом, что самоорганизующийся в лагере коллектив — это не совет вдохновленных социализмом педагогов, а гигантская воровская банда, труд же заключенных — не радостный и творческий, а подневольный и по всем социальным признакам рабский. Воры не могут обучить честности. Рабы не могут привить кому бы то ни было ощущение радости от труда. Поэтому вместо предполагаемых школ перевоспитания преступников возникли великлепно работающие курсы усовершенствования воров и бандитов. Возникающие в лагерях коллективы воздействуют на молодежь именно в этом направлении. Ясно, что в таких условиях самоорганизация и должна была привести к проявлению инстинктов, которые сдерживались культурой. Агрессии, эгоизма, ксенофобии, охотничьей солидарности малых групп — тех самых инстинктов, которые когда-то естественно выражались в первобытных структурах и формах поведения, а сейчас, высвободившись и взаимодействуя с неотесанным умом, вырабатывали те же самые или очень схожие формы поведения и аналогичные структуры, то есть схожую по важным параметрам с первобытной, архаичную, атавистическую, но, конечно, культуру.

Разговор об уголовном мире и его сходстве с первобытным обществом наводит Козинцева на мысль о биологической природе человека. Ему представляется, что я считаю вора и дикаря естественным состоянием индивида, а современного человека — искусственно окультуренным вариантом.

«Вопрос о естественном состоянии человека ...бесмыслен..., — возражает он. — Обезьяна по природе — обезьяна, но человек по природе — не человек. Он вообще никто. Человек он только по культуре. Он рождается на свет, не будучи запрограммирован ни на какую эпоху — ни на родовой строй, ни на рабство, ни на крепостничество, ни на социализм, ни на капитализм. От природы он не добр и не зол, не воинствен и не миролюбив. Он может стать и дикарем, и профессором. Кем угодно. Как ребенку безразлично, какой язык усваивать, так и человеку с еще несложившейся поведенческой программой безразлично, кому верить — жрецу, священнику, комсомольскому секретарю или пахану. Уходит одна мораль — приходит другая. Вакуум заполняется не биологией, а другой культурой. В данном случае слово “культура” следует понимать в самом широком смысле: бескультурье — тоже культура, хотя и плохая. Но “никакой культуры” не бывает, как не может быть никакой погоды».

Я и не говорю о «никакой культуре» — но о «дефиците культуры», об отсутствии «современных культурных норм», в некоторых случаях о «бескультурье» — именно в том смысле, который имеет в виду и Козинцев («тоже культура, хотя и плохая»). Да и Козинцев говорит о «еще не сложившейся поведенческой программе», а поведенческая программа — это и есть культура.

Вопрос о естественном состоянии человека не бессмыслен, он только менее важен, чем вопрос о его культуре. «Человек по природе — не человек»? Сказано красиво, но неточно. Человек и по природе выше всех других животных, он готов к усвоению любого языка и любой культуры. И с тем, что его природа не имеет значения, я не могу согласиться. Каждый учитель знает: дети бывают злые и добрые, умные и глупые, одаренные и бездар-

ные. Да, каждый может стать профессором, но каким? К сожалению, многие профессора — из этих «каждых». И с тем, что человек не запрограммирован ни на какую эпоху, я не согласен. Как и всякое животное, он запрограммирован биологически на ту эпоху, в которой сформирован его вид. Для человека это палеолит. К прочим эпохам ему придется адаптироваться, и в этой адаптации огромную, решающую роль играет культура. Конечно, природа всегда программирует с избытком, это резервы для адаптации, но нужна именно культура, чтобы их мобилизовать и использовать.

Та культура, которая создана и ежегодно стихийно воссоздается в лагерях, а оттуда с угрожающей настырностью распространяется на всю страну — плохая культура, архаичная, агрессивная и жестокая. Это первобытное, дикое общество, которое, как раковая опухоль, находится внутри нашего современного общества, распространяя метастазы. Одна из них — дедовщина в армии. Единственный способ избавиться от смертельно опасного ракового процесса — это уничтожить сам механизм его воспроизводства: упразднить систему концлагерей. Лагеря невозможно реформировать, улучшить и радикально исправить. Они никогда не станут очагами перевоспитания преступников, ни при каких подправках не перестанут быть рассадниками криминала.

Ни в одной развитой стране нет такого архипелага, все обходятся другими пенитенциарными системами. Есть более либеральные системы — со штрафами и домашними арестами преступников, есть достаточно жесткие — содержание преступников в тюрьмах, в одиночных камерах. Но концлагеря — это один из грандиозных экспериментов социализма, и эксперимент провалившийся. Если эксперимент не удался раз, виноват экспериментатор, три — теория. Эксперимент с лагерями провалился сотни раз. Он унес миллионы жизней, а воровская и бандитская мораль отравляет страну. Пора с этим кончать. Уверен, что Дмитрий Сергеевич Лихачев обеими руками подписался бы под этим выводом.

В. Г. ЛУКЬЯНОВ,

*профессор кафедры культурологии СПбГУП,
доктор философских наук*

САМОБИТНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НАСЛЕДИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обращаясь к проблеме самобытности, Н. А. Бердяев подчеркивал, что русскую самобытность «не следует смешивать с русской отсталостью». С его точки зрения, «темный Восток, удерживающий ее на элементарных стадиях, Россия должна в себе победить». Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием. Наиболее самобытной «будет грядущая, новая Россия, а не старая, отсталая Россия. Подлинное национальное сознание может быть лишь творческим, оно обращено вперед, а не назад». Несколько иную позицию занимал И. А. Ильин, который полагал, что «отсталая в плане цивилизации, Россия всегда оставалась самобытной в своей культуре и творчески развитой страной». Не существует некоей единой «общеобязательной западной культуры», перед которой все остальное «темнота» или «варварство»; Запад «нам не указ и не тюрьма»; его культура отнюдь не идеал совершенства. Как подчеркивал Г. П. Федотов, «более глубокое погружение в источники западной культуры открыло для всех — еще не видевших — великолепную красоту русской культуры».

Исходя из этого, русские религиозные философы видели задачу русского народа в развитии самобытной духовной культуры. Как отмечал Ильин, перед нами стоит задача «творить русскую самобытную духовную культуру из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи». Аналогично этому Бердяев подчеркивал, что особый тип русской души «уже выработан и навеки утверждён». Поэтому «русская культура и русская общественность могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии. Но русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе».

Проблема самобытности культуры в XX веке оказалась актуальной не только для России, но и для всех стран, вступающих на путь модернизации. В материалах ЮНЕСКО самобытность трактуется как «жизненное ядро культуры» и ставится вопрос о необ-

ходимости сохранения культурного многообразия на нашей планете. Таким образом, в размышлениях о самобытности русской культуры религиозные философы затронули одну из центральных культурологических проблем современности. Следует подчеркнуть, что в настоящее время принцип сохранения национальной и цивилизационной самобытности общества в ходе модернизации окончательно закрепился в научной теории (Б. С. Ерасов). Как же рассматривали феномен самобытности отечественные мыслители?

«Русскость русского духа» И. А. Ильин связывал с явлениями внутренней духовной жизни человека, используя для их характеристики такие термины, как «душевно-духовный акт», «заряд духовного темперамента», «сердечное созерцание», «живое созерцание», «русский дух», «поющая русская душа», «душевный уклад человека» и др. Опираясь на современную терминологию, можно интерпретировать это представление как попытку дать всестороннюю характеристику этнической (национальной) картины мира. Действительно, каждый этнос формирует собственную картину мира, поэтому русский человек и отличается своеобразием мировосприятия, мироощущения и мировоззрения. Если исходить из того, что картина мира является интегральной типологической характеристикой культуры и что каждый этнос отличается от другого своеобразием ее элементов и структуры, то становится понятно, что «русскость русского духа» связана с неповторимостью, уникальностью картины мира русского человека, стержнем которой выступают духовные ценности. Видимо, это и отображает термин «самобытность».

Уточняя свою позицию, И. А. Ильин отмечал, что национальную задачу следует верно понимать, «не искажая ее и не преувеличивая». Мы должны заботиться не об оригинальности, а о «предметности нашей души и нашей культуры»; оригинальность же приложится сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Быть русским означает не только говорить по-русски. Это означает «воспринимать Россию сердцем, видеть любовь

ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик».

Задача, поставленная нашим выдающимся соотечественником, сегодня как никогда актуальна. Известно, что эрозия или даже утрата картины мира, присущей социальной общности, может обернуться подрывом основ ее этнокультурной идентичности. Фактически Ильин справедливо утверждает необходимость сохранения этнокультурной идентичности русского человека, которая опирается на три разных, но взаимосвязанных измерения в историческом бытии этноса (О. Генисаретский):

— участие в культурном разнообразии благодаря собственным специфическим чертам;

— участие в межкультурном взаимодействии, что выражается в способности данной культуры влиять на другие и, в свою очередь, испытывать их влияние;

— самоидентичность этноса (нации), которая достигается через преемственность его культуры.

Этнокультурная идентичность предполагает взаимосвязь и взаимодополнительность всех трех представленных измерений этноса. В ситуации, когда вместо трех фактически остается одно измерение (да и то — «усеченное»: сегодня именно наша культура испытывает мощное влияние со стороны других культур), остро встает вопрос о самоидентичности и преемственности национальной культуры. В связи с этим весьма актуально утверждение Ильина о том, что «любить свою родину совсем не значит отвергать *всякое* иноземное влияние; но это не значит и *наводнять* свою культуру *полою водою иноземщины*. Есть творческая мера в духовном общении и взаимодействии народов; и мера эта лучше всего обретается живым, расцветающим творчеством самого народа». Поэтому, например, вестернизация кинопроцесса в современной России остро ставит вопрос о необходимости выработки определенного этикета по отношению к собственной культуре. Фактически к этому и призывал философ — не заимствовать ду-

ховную культуру других народов и не подражать им, а «творить свое и по-своему: русское по-русски». Опыт стран, прошедших путь от общества традиционного типа к современному (например Японии), показывает плодотворность бережного отношения к духовным ценностям собственной культуры, и это — оптимальный путь модернизации, перехода к обществу современного типа. Ибо, как отмечал Ильин, основной животворный и неисчерпаемый источник народного жизнотворчества — наша история и культура, не потому, что мы лучше или хуже других народов, а потому, что мы другие.

Сегодня, к сожалению, речь не идет о полноценном участии нашей культуры в межкультурном взаимодействии: отечественный зритель оказывается во власти штампов массовой культуры (зарубежной и отечественной), истинные же ценности американской, французской, немецкой и других культур часто оказываются вне его восприятия. Только отечественная кинематография, ориентированная на российский менталитет, способна вызвать у зрителя чувство идентичности со своей культурой, с судьбой своего народа. На наш взгляд, национальный кинематограф (как и в целом искусство) должен взять на себя этнозащитную функцию — воспроизводство и поддержание культурного своеобразия этносов, проживающих на территории современной России. В связи с этим актуальны слова И. А. Ильина: «Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказаться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... И все это выговаривается русской идеей».

Как отмечал Н. А. Бердяев, то, что обычно называют «европеизацией» России, «неизбежно и благостно». Однако менее всего этот процесс означает то, что мы станем похожи на немцев, англичан или французов. Отрицание России и идолопоклонство перед Европой — явление очень русское и одновременно восточное, азиатское. Именно «крайнее русское западничество и есть явление азиатской души». Западный человек не идолопоклонствует перед своими культурными ценностями — он их творит; и нам следует творить культурные ценности. Творческая самобытность свойственна европейцам; в этом

и «русский человек должен быть подобен человеку европейскому». По мысли Бердяева, призыв забыть о России и служить человечеству — пустой. Реальность «всечеловечества» зависит от реальности России и других национальностей». Россия — великая реальность, и она входит в другую реальность, именуемую человечеством, и «обогащает ее, на-

полняет ее своими ценностями и богатствами». Нельзя не согласиться с утверждением философа: «Россия — творческая задача, поставленная перед человечеством, ценность, обогащающая мировую жизнь. Человечество и мир ждут луча света от России, ее слова, неповторимого дела. Всечеловечество имеет великую нужду в России».

М. Ю. МОРОЗОВА,

декан факультета экономики и менеджмента Ковровской государственной академии, доктор философских наук, профессор

ОТ ИДЕИ МЫСЛИТЕЛЯ ДО ВЕРОВАНИЯ НАРОДА

Каким образом теоретическая конструкция мыслителя превращается в верование большинства (народа)?

Коллективное верование — целостное сложное идеальное образование, включающее: объективную составляющую — семантическую конструкцию, созданную социальным субъектом на базе имеющихся теоретических построений исходя из общественно-исторических условий его существования; субъективную — социально-психологическую — составляющую, определяемую типом восприятия социальным субъектом содержания коллективного верования как безусловно общезначимого, достоверного; при этом модель желаемого будущего представляется реализуемой силами самого социального субъекта. Смысловое поле коллективного верования обуславливает эмоциональные переживания и интенционально-волевую активность данного субъекта.

Носителем коллективного верования выступает общность, которая является целостным субъектом в единстве чувственности, мышления и деятельности, активно взаимодействующим с миром. В состав коллективного верования входит и рациональное, и нерациональное знание; они органично дополняют друг друга.

Коллективное верование носит синтетический, конструктивный, конвенциональный характер. Творческая, активная, познавательная деятельность социального субъекта складывается из базисных мыслительных операций отражения, экстраполяции, интерпретации, репрезентации, а также атрибуции в значении достраивания до целостного образа. Наиболее эффективными формами хранения, воспроизводства и репрезентации содержания

коллективного верования выступают схемы, прототипы, стереотипы, скрипты (или сценарии), символы.

В структуре коллективного верования представлены две основные подсистемы: мировоззренческая и эмоционально-волевая. Мировоззренческая подсистема включает два взаимосвязанных компонента: аксиологический и социомодель. В составе аксиологического компонента выделены следующие составляющие: система центральных ценностей, включающая группу положительных смысловых значимостей и противоположную ей совокупность негативных «антиценностей», и конструируемые на ее основе представления об образе положительного героя, общественном идеале и результатах ретроспективной трансформации. Второй компонент мировоззренческой подсистемы коллективного верования представлен социомоделью. Это целостная система; в ее основе лежит принцип бинарности, в соответствии с которым распределены, упорядочены образы социальной картины мира. В структуре социомодели выделены две противостоящие друг другу группы: одна из них символизирует «добро», а другая — «зло». Центральной частью всей социомодели, а также структурообразующим ядром символа «добра» является «образ себя (мы)». Он является основным носителем системы позитивных смысловых значимостей. Символ «добра» представлен также «образом покровителей» и «образом друзей», которые комплементарны, конгениальны «образу себя (мы)». В качестве символа «зла» выступает негативно окрашенный «образ иного» или «образ врага (противника, оппонента)». Он является, как правило, носителем «антиценностей». Композиция иерархии семантических

значимостей и образов социомодели представляет собой смысловой центр коллективного верования.

Эмоционально-волевая подсистема — необходимая составная часть коллективного верования. Позитивные или негативные (со)переживания социального субъекта обусловлены смысловым полем коллективного верования. В его семантическом пространстве закрепляется и сохраняется информация, вызывающая у социального субъекта сильные и глубокие чувства. Эмоционально окрашенное смысловое пространство коллективного верования связано с волевой активностью социального субъекта, что означает его целенаправленную готовность и стремление действовать в соответствии с содержанием коллективного верования.

Основной причиной формирования нового коллективного верования является возникновение противоречия между новыми общественно-историческими условиями существования социального субъекта и устаревшим, ранее господствовавшим верованием. Новое верование может приобрести доминирующий характер только в том случае, если отражает интересы, потребности, стремления большинства социальной общности.

В развитии коллективного верования от становления и статуйирования в качестве доминирующего в духовной сфере социального субъекта и до его краха выделяется пять этапов.

Первый этап формирования теоретического прототипа потенциального коллективного верования характеризуется следующими чертами:

— он создается мыслителями в форме философской, теологической системы;

— его семантическое поле превосходит по структуре и отчасти содержанию ценностно-мировоззренческую подсистему потенциального коллективного верования;

— создатель теоретического прототипа, позитивно оценивая его и глубоко веруя в его истинность, часто сам выступает и в роли талантливой популяризатора своих идей, но он не в состоянии предугадать судьбу своего учения.

Второй этап превращения теоретической конструкции мыслителя в «живую веру» осуществляется при наличии волевого лидера, как правило, из числа маргиналов, который, проникнувшись идеями теоретика, посвящает свою жизнь и деятельность их воплощению в реальность. Такой лидер отличается способностью стать харизматическим вождем; интерпретировать идеи теоретичес-

кого прототипа, преобразуя его в «живую веру»; убеждать окружающих в истинности своего верования; организовать сплоченную, энергично действующую группу единомышленников.

На третьем этапе формируется, создается секта-партия, верование и деятельность которой характеризуются следующими чертами:

— ядро секты-партии составляют неконформисты, «инакомыслящие», не вписавшиеся в современное общество;

— интерпретируя идеи теоретического прототипа и развивая мысли вождя, они конструируют верование меньшинства, которое, как и «живая вера» лидера, но в гораздо большей степени, превосходит ценностно-мировоззренческую подсистему потенциального коллективного верования. Более того, оно содержит и ярко выраженную эмоционально-волевою составляющую;

— семантическое поле верования меньшинства отличается рядом черт: оно содержит экзистенциальные актуальные проблемы и предлагает способы их решения, становится догматическим верованием, включает утопические, мессианские идеи, интерпретирует прошлое, формирует этику долга, нормы аскетического стиля жизни, высокой требовательности к себе, конструирует идеал героя. Кроме того, в социомодели обозначается яркий «образ врага», которому объявляется бескомпромиссная война;

— она идентифицирует себя с харизматическим лидером, испытывает сильные позитивные и негативные эмоции по поводу содержания его верования, проявляет волевою целенаправленную активность; в результате создается сплоченное, энергично действующее меньшинство единомышленников;

— исполнением предписания «вера без дел мертва»; последовательностью, настойчивостью, уверенностью, твердостью стиля поведения; нетерпимостью к разногласиям в своей среде, радикализмом намерений и действий против господствующего верования и его носителей.

На четвертом этапе секта-партия развивает деятельность в двух основных направлениях:

— трансформирование верования меньшинства в верование большинства в процессе их адаптации друг к другу;

— завоевание меньшинства большинством, то есть секта-партия активно воздействует на массы, приспосабливаясь к их требованиям, психологии, специфике социальной перцепции, в свою очередь большинство трансформирует верование меньшинства, то

есть происходит процесс их взаимной адаптации.

На пятом этапе в кризисный период развития социальной жизни коллективное верование терпит крах, происходит его деканонизация, оно уступает место новому коллективному верованию.

Таким образом, в процессе становления коллективного верования принимают участие мыслители, харизматический лидер, секта-партия и масса-большинство.

Коллективное верование как социально-духовный феномен является неотъемлемой и всенепременной основой, несущей конструкцией любого социального организма. Отсутствие единого коллективного верования означает пребывание общества в кризисном

состоянии, которое не может быть бесконечным. Оно завершается либо формированием полномасштабного нового устойчивого коллективного верования, либо, при нереализации потенциального верования в господствующее, — катастрофой, распадом общества и государства. В настоящее время в России отсутствует доминирующее коллективное верование: существуют лишь «осколки» прежнего, актуальные для части населения, а также различные потенциальные прототипы нового будущего коллективного верования.

В силу этого изучение проблемы коллективного верования и роли интеллигенции в его становлении и развитии представляется исключительно своевременным и актуальным и в теоретическом, и в практическом плане.

Г. П. ОВСЯНКИНА,

*профессор кафедры мультимедиа СПбГУП,
доктор искусствоведения*

МУЗЫКА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: В ЧЕМ ЕЕ СМЫСЛ?

Стремительная динамика развития музыкального искусства в новейшее время не имеет ничего общего с эволюцией прошедших двух столетий, результатом которой стали выдающиеся взлеты музыкального гения, прежде всего немецкая полифония, венская классическая школа, западноевропейский и русский романтизм. По сравнению с предыдущими эпохами для музыки новейшего времени характерно резкое изменение выразительного языка. Те перемены, которые произошли в музыке в XX веке, наблюдаются в искусстве раз в несколько столетий. Музыку новейшего времени отличает небывалое число стилей и направлений, породившее «плюрализм музыкального языка» (Е. Ручьевская), который свидетельствует о смятении, неустойчивости человеческого духа, а может быть и о кризисе искусства, что отмечал Б. Чайковский. Произошел пересмотр иерархии средств музыкальной выразительности, породивший гиперзвучность, вызвавший эмансипацию диссонансов и возрастание роли ритма как выразителя телесного, мускульного начала. Появились композиторские техники на основе посттональной организации. Созданы новые музыкальные инструменты, прежде всего электронные. Нередко парадоксально трактуются музыкальные жанры, порой наблюдается отказ от жанра. В результате возник небывалый разрыв между академическим

искусством и музыкой быта. Сформировалась и обрела тотальное значение масс-культура, образовавшая самодостаточный, доминирующий музыкальный пласт, и т. д.

Как все новшества отразились на музыкальном содержании, точнее, не являются ли они результатом изменений именно в сфере содержания музыки? То, что музыка обладает специфическим содержанием сегодня, в отечественном музыкознании почти не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует бурное развитие теории музыкального содержания и проблем музыкальной семантики (см. работы В. Холоповой, Л. Казанцевой). Попытаемся очертить сферу смысловой новизны, которая появилась в музыке новейшего времени.

Издавна прерогативой музыкального содержания было обращение к Богу, воплощение духовных процессов, особенно лирических, богатейшая гамма человеческих эмоций и мыслей-размышлений, добрый смех. Изобразительная сфера касалась прежде всего образов природы, красоты внешнего мира. Музыка воплощала в первую очередь добро и была символом гармонии.

В XIX веке наметился интерес к образам зла («Фантастическая симфония» Г. Берлиоза, «Мефисто-вальс» Ф. Листа, «Ночь на Лысой горе» М. П. Мусоргского и др.). В XX столетии, особенно в новейшее время, увлечение

«бесовщиной» и разного рода негативными явлениями приобрело катастрофический размах. Приведем, например, высказывания одного из столпов послевоенного авангарда Д. Кэйджа: «Моя музыка приближает, скорее, к разрушению, чем к созиданию, к аду, чем к раю, к уродливому, чем к прекрасному». Г. Свиридов, много размышлявший о судьбе культуры, особенно русской, писал, что «в XX веке в искусство пришли... бездуховность, цинизм, повышенный интерес к низменному, глумление над добром». Эти явления, по его мнению, тотально захватили и музыкальное содержание.

Сегодня по-новому прочитываются крылатые пушкинские строки: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал». Музыка новейшего времени все менее пробуждает «чувства добрые». Позитивное, духовное, прекрасное занимает в ее содержании значительно меньшее место, нежели в музыке предыдущих эпох. А освободившееся информационное пространство захватывается другим. Этот процесс охватил музыкальную культуру Европы и Северной Америки. Он усугубляется катастрофическим убыванием национального элемента. В данной ситуации особенно сложна и трагична

судьба русской музыки. Высокое духовное начало, стремление «пробуждать чувства добрые» более тысячелетия были ее основным предназначением. Свыше семисот лет, с момента принятия христианства, православное (богоугодное) пение являлось ведущим пластом профессионального музыкального искусства, квинтэссенцией которого стал знаменитый распев. Даже облик (внешний и нравственный) певчего должен был нести печать святости. Не случайно резким гонениям подвергалось скоморошество как выражение мирского, далекого от Бога.

Если принять во внимание гипотезу, декларируемую К. Сельченком, что «музыка не столько предвосхищает те или иные общественно-политические и социокультурные сдвиги, сколько формирует их, вызывает к жизни, как бы катализируя процессы развития народов и цивилизаций», то не является ли этот резкий поворот в сфере музыкального смысла в новейшее время предупреждением о духовной деградации человека и одновременно настоятельным призывом осознать, какие образы являются основой музыки, что она должна выражать? Выход за пределы образных приоритетов музыки, видимо, наказуем.

И. И. ОСИНСКИЙ,

*заведующий кафедрой философии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ),
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;*

М. И. ДОБРЫНИНА,

*директор гуманитарного колледжа Бурятского государственного
университета, кандидат философских наук*

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Провинция — это периферийные области страны, представляющие собой отдельные социокультурные системы со своеобразным менталитетом, отличным от столичного. Провинция — не только территориально-географическое понятие, но и культурно-историческое образование, духовное пространство со своим стилем духовной жизни.

Наиболее крупная провинция России — Сибирь. В Сибирский федеральный округ входят Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский и Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Читинская области, где проживает более 20 млн человек. Сибирская провинция — это крупные города (столицы респуб-

лик и областных центров), средние населенные пункты и многочисленные села.

Значительную часть населения округа составляет интеллигенция, то есть лица, функционально занятые сложным умственным трудом и обладающие общепризнанными культурно-нравственными качествами. По отношению к центру страны это провинциальная интеллигенция, в особенности та ее часть, которая сосредоточена в небольших городах и сельской местности. Данную социальную группу составляют в основном лица, имеющие высшее полное и неполное, а также среднее специальное образование. В 2002 году в Сибирском федеральном округе среди занятого населения насчитывалось 2015,6 ты-

сячи человек с высшим и неполным высшим образованием, из них 255,2 тысячи являлись жителями сел. Численность лиц со средним специальным образованием составляла 2988,1 тысячи человек, в том числе 605,2 тысячи — сельские жители.

Интеллигенция Сибири — крупный интеллектуальный потенциал России, включающий высококвалифицированных специалистов различных отраслей знания. Но дело не только в ее численности. Это социальная группа, которая характеризуется рядом специфических особенностей, связанных с природно-климатическими условиями жизни, территориально-пространственной и историко-культурной идентичностью, способом формирования населения, отношением с центром, спецификой традиций, образа жизни, региональным патриотизмом. Не случайно жители Сибири называют себя сибиряками, вкладывая в это определение, как справедливо отмечает А. О. Бороноев, особый характер, традиции и структуру ценностных отношений и тем самым выделяя себя среди населения страны. По мнению Ф. Болонева, сибирякам присущи такие свойства, как «широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, уживчивость с местным населением, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого, предприимчивость и сноровка в работе. Названные черты (а они подтверждаются и другими исследователями) в той или иной мере присущи и интеллигенции; будучи провинциальной, она выступает хранительницей традиций, надежным консервантом накопленных ценностей, национальных особенностей духовной жизни. Это объясняется близостью сибиряка, как и человека любой другой провинции, к природе, его связью с ней, более спокойным, чем в городе, размеренным ритмом жизни, традиционностью ее уклада, большей укорененностью начал национальной жизни, открытостью, непосредственностью во взаимоотношениях между людьми, сосредоточением народных промыслов, фольклора, этнокультуры. К тому же многие интеллигенты сибирской провинции имеют крестьянские корни, тесно связаны с народным бытом, традициями, родной природой. Их образ жизни, духовные ценности — те же, что и у основной массы населения. Провинциальная интеллигенция, впитывая элементы национальной культуры, выступает их носителем, валоризатором и транслятором. Она выполняет миссию передачи ценностей национальной культуры от поколения к поколению.

В наши дни, когда часть столичной интеллигенции, ориентированная на западные ценности, преданно служит денежному мешку, навязывает народу чуждые его менталитету представления, нормы и идеалы, роль национальной интеллигенции объективно возрастает. Кто сегодня способен ослабить, нейтрализовать тлетворное, развращающее, зомбирующее воздействие некоторых центральных средств массовой информации? Думается, что это способна сделать интеллигенция, особенно ее гуманитарная часть, в союзе с патриотически и демократически настроенными представителями столичной интеллигенции. Именно она, провинциальная интеллигенция, в массе своей бережно, заботливо относится к традиционным основам жизнедеятельности своего народа.

Сегодня некоторые авторы утверждают, что в России интеллигенция исчезает, превращаясь в интеллектуалов, и не за горами то время, когда о российской интеллигенции будут писать и говорить в прошедшем времени. Очевидно, некоторым прозападно ориентированным прорицателям хотелось бы видеть Россию без духовных, социальных и нравственных выразителей чаяний народа, его стремлений и нацеленности на создание свободной и благополучной жизни для всех и для каждого. Подобные пророчества были и в прошлом. Но интеллигенция продолжала существовать, быть носителем духа народа, его коллективного разума.

Бескорыстное служение людям, преданность своей профессии — характерная черта провинциальной интеллигенции. В свое время Н. В. Шелгунов писал, что провинциальные учителя — это гордость народа, люди, обладающие «страстной любовью к своему делу, настойчивостью и даже упрямством в достижении цели, ими двигал не казенный формализм, не служебная исполнительность, а благородная, одушевляющая сила... И может быть, ни на каком другом поприще жизнь не выдвинула столько беззаветных энтузиастов, которые, несмотря ни на какие лишения, толчки и неприятности, всецело охвачены любовью к ближнему, отдают все свои силы, чтобы внести свет в темный мир заброшенной русской деревни». Забота о народе, преданность своему делу присущи провинциальной интеллигенции не только в дореволюционный период, но и в годы советской власти, и в настоящее время. Месяцами не получая зарплату, порой не имея элементарных условий для жизни, сельский учитель, врач, библиотекарь продолжают трудовую деятельность, неся свои знания, опыт, сочувствие людям провинции.

К сожалению, в настоящее время (как впрочем, и в прошлом) далеко не каждый провинциальный интеллигент обладает высоким уровнем нравственности. В процессе пестрых рыночных и других реформ существовавшие духовно-нравственные основы российского общества оказались подорванными. Именно в провинции под угрозой полного разрушения оказались главные сферы деятельности интеллигенции: наука, образование, культура, здравоохранение, искусство. В среде провинциальной интеллигенции на-

лицо проявление тенденции к социальной деградации и депрофессионализации, исчезновению интеллигенции из социальной структуры регионов.

Отрицательное воздействие на провинциальную интеллигенцию оказывает резкое сужение сотрудничества со столичной интеллигенцией, ее низкий жизненный уровень. Значительная часть специалистов лишена возможности реализовать свои профессиональные знания, опыт, творческие возможности.

С. А. ПЕДАН,

заведующий кафедрой отечественной истории Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор исторических наук, профессор

НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Нравственность, как известно, — один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений. Она «заключается в добровольном, самодеятельном согласовании чувств, стремлений и действий членов общества с чувствами, стремлениями и действиями сограждан, их интересом и достоинством, с интересом и достоинством всего общества в целом» (Философский энциклопедический словарь).

Следовательно, гармония единства человека и общества — эталон нравственности и гарант реализации индивидуальности каждого. Поэтому уровень качества цивилизации прямо пропорционален степени эталона нравственности, то есть количества людей (от 0 до 100 %), ставших личностями. По убеждению Л. Н. Толстого, это происходит тогда, когда человек освобождается от власти «плоти» и возвращается к самому себе как к духовному и нравственному человеческому существу — homo moralis.

К сожалению, данный фундаментальный принцип прогрессивной эволюции фактически не действует. Подавляющее большинство рожденных, как отмечал Ф. М. Достоевский, уходят в мир иной «пробными, недоделанными существами».

Ретроспективный взгляд на историю свидетельствует о дисгармонии человека и общества, гипертрофии индивидуального — либе-

рального, или коллективного — коммунистического начал. Протогармония коллективного и индивидуального, присущая кровнородственной общине при ее трансформации в соседскую (территориальную) организацию сельского населения, сменяется устойчивым неравновесием, некоторым доминированием коллективного: зарождаются коммунистическая и, как ее противоположность в лице индивидуального, либеральная традиции. Разложение и распад общины, возрастание роли государства и капиталистических отношений ведут к усилению либерализма. Заметим, что либеральные и коммунистические идейно-политические и экономические «теории», декларирующие максимальную свободу для всех, на практике оборачиваются свободой меньшинства и реальной несвободой большинства. Патология теории и практики либерализма и коммунизма под прикрытием религиозно-атеистического камуфляжа приводит к диктатуре власти во внутренних и внешних проявлениях: возникают абсолютистские монархии, империи, фашизм, тоталитарно-административный режим, парламентаризм, глобализм.

Для процесса модернизации в современных условиях страны представляет особый интерес бесценный опыт русской общины как носителя нравственных и культурных традиций. Славяно-русская община, продолжая тысячелетнее существование в условиях господства как феодального, буржуазного, так и

социалистического государства, своей внутренней организацией способствовала сохранению и поддержанию нравственного потенциала для 90 % населения России.

Высшим проявлением традиции, доминантой нравственности является патриотизм. В чрезвычайных обстоятельствах инстинкт самосохранения вынуждает усилить роль коллективного в интересах каждого. Фактически сохраняется гармония единства, которая особенно ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны. В лозунгах того времени: «Все для фронта, все для Победы!», «Один за всех — все за одного!», в дружбе народов СССР воплотились высокие нравственные традиции русской общины.

Единство и борьба либеральной и коммунистической традиций в отечественной истории носит драматический характер. Эпоха русского абсолютизма — извращенного либерализма — сменяется эпохой тоталитарно-

государственного коммунизма, а на рубеже второго и третьего тысячелетий на основе криминально-мафиозного, монопольного капитализма утверждается суперлиберализм — синтез либерализма и неолиберализма.

Положительный и отрицательный опыт борьбы либеральной и коммунистической традиций должен быть использован для возрождения России. Полагаем необходимым в этих целях перевести антагонистические противоречия в неантагонистические противоположности в интересах поступательного развития человека и общества.

Позитивную роль может сыграть и создаваемый нами планетарный университет «Гармония либерального и коммунистического». Его программная цель: на основе всестороннего развития и самосовершенствования каждого эволюционировать к «*Homo moralis sapiens*», к гармонии Человека, Общества и Природы.

Т. Б. СИДНЕВА,

проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, доцент

ЗВУКОВАЯ СРЕДА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Современная отечественная культура среди многих других проблем переживает сегодня испытание звуковым потоком, который по насыщенности превосходит все предыдущие периоды истории и представляет собой сложнейшее соединение разного рода информации, обращенной к слуху человека: это различные образцы массовой поп-продукции, авторская песня, джаз, рок, музейный и современный фольклор, классическая и новая музыка академической традиции. В данной ситуации речь должна идти не только о характерной для времени «мозаике зеркал» (по определению Г. Орлова) стилей, жанров, техник, технологий звукоизвлечения в музыке. Среди изобилия современной звукослуховой информации лишь очень малую часть можно назвать музыкой в строгом значении слова, в традиционном понимании ее художественно-видовых качеств. Практически невозможно сегодня обозначить границы музыки и *не-музыки*, поскольку в звуковом измерении культуры глобальному переосмыслению подвергается само понимание музыки. Поэтому и представляется необходимой более широкая постановка вопроса.

Звуковую среду культуры не следует понимать как фон, внешнюю атмосферу, сово-

купность условий, определяющих слуховое восприятие. Акустическая информация проникает глубоко в сознание человека с самого начала его жизни и становится своего рода естественным языком выражения чувств, эмоциональных состояний, мыслей, отражает потребность его самовыражения, оказывает серьезное влияние на образ жизни в целом. Сила воздействия звуковой информации подтверждает исходную, ключевую значимость миметизма, лежащего в основе создания, исполнения и восприятия музыки. Всеобщая массовизация, бытование, охватившее современное искусство, не случайно базируется на музыке. Ее «подражательная» природа позволяет многократно усиливать воздействие визуальной и вербальной информации — механизм, который в сфере производства и потребления нещадно эксплуатируется. Иногда поражаешься терпимости музыки, особенно ее классических образцов: П. И. Чайковский обслуживает рекламу чая, чипсов, водки, И. С. Бах, А. Вивальди, В. А. Моцарт в массовой среде более известны как творцы телефонных сигналов. Почему так притягательна в потребительской сфере высокая классика? Красота и гармоничность созвучий,

радость узнавания классических мелодий дают возможность подняться над бытом, повседневностью, в этих условиях продукты питания, предметы бытовой техники поэтизируются, приобретают своего рода «гарантию качества». Музыка, моделируя структуру эмоции, усиливает суггестию воздействия самых невероятных рекламных акций. Миметическая природа музыки, увы, не только в обращении к высокой классике, которая, кстати, приобретая незапланированные ее создателями новые условия существования, хуже не становится. Гораздо типичнее случай противоположный. Он проявляется в подражании примитивному, рутинному языку песенных клипов поп-звезд, их голосам, манере пения и далее — стилю одежды, поведению, образу жизни.

Негативное состояние сегодняшней звуковой среды отмечается большинством исследователей, публицистов, музыкантов. «Чтобы понять глубину кризиса культуры, достаточно включить телевизор» — это характерное для нашего времени суждение имеет много оснований. Композитор В. Мартынов также констатирует необратимые процессы в современном искусстве: «Большинство теперешних музыкантов вполне искренне полагают, что то, что они создают, исполняют или слушают, есть старая добрая ормузыка, и что они по-прежнему пребывают в старом добром пространстве искусства, в то время как на самом деле они уже давным-давно имеют дело с *opus-post*-музыкой и находятся в пространстве производства и потребления, то есть имеют дело с симулякрами и находятся в пространстве тотальной симуляции».

Действительно, вовлеченность музыки в постмодернистскую «игру без правил», снижение высокого, разоблачение тайного — все это самые пессимистические прогнозы. И все же, порицая заповенность культуры обыденными элементами, осознавая болезненную проблемность сегодняшнего ее состояния, симуляцию нельзя считать всеобщей парадигмой современной музыки.

Современная российская звуковая среда вряд ли сегодня может быть оценена и «продиагностирована» адекватно и объективно. И все же очевидно, что в ней сосуществуют традиция и ее отрицание, конструктивные и деструктивные явления, процессы интеграции и дезинтеграции. Сфера академической музыки кажется сегодня глубоко запрятанной в звуковом потоке. Однако это иллюзия. Не сопровождаемая шумными PR-акциями (поста-

новка «Детей Розенталя» на сцене ГАБТ — одно из немногих исключений), не имеющая необходимого материального обеспечения, академическая музыка (вопреки всем сложностям) продолжает полноценно существовать в концертах, на фестивалях, на CD, MP3, DVD-аудионосителях. Хотя продуктом всеобщего употребления она вряд ли может стать, поскольку требует от слушателя подготовленности к восприятию и необходимости встречного «труда души». В этом отношении наше время не уникально.

Неизменная часть звуковой среды — музыкальное образование — также переживает непростые времена. Известно, что качество подготовки музыкантов подтверждается победами на многочисленных конкурсах, востребованностью выпускников российских вузов в мире. В то же время мы становимся свидетелями разрушения уникальной трехступенчатой российской системы: музыкальная школа–музучилище–вуз — как следствия неверной трактовки болонской декларации.

Массовая музыка при всей очевидности ее негативных, пугающих черт сегодня находится под влиянием перемен. Исчезает наивно-доверчивый слушатель, возникают достаточно жесткие требования к профессионализму и — как следствие — рост востребованности таких специальностей, как звукорежиссура, эстрадное пение, электронная композиция, диджей и др.

Звуковое пространство в целом является наиболее подвижной сферой культуры, отражает состояние социокультурного процесса, служит индикатором его активности. Особенность ситуации в России заключается в том, что антиномии и разного рода полярности пронизывают буквально все уровни звуковой среды — от акустических продуктов потребительского мира до элитарных художественных экспериментов.

Размышляя о состоянии российской культуры, Д. С. Лихачев писал: «Русский народ — народ крайностей и быстрого и неожиданного перехода от одного к другому, а поэтому — народ непредсказуемой истории». И все же при опасности размывания границ добра и зла, щедрости и расточительства, национальной терпимости и самоуничтожения в российском менталитете всегда сохранялась способность, по словам И. Ильина, «таить в глубине неиссякаемые духовные силы», «незримо возрождаться в зримом умирании», что позволяет в далеко не идеальной современности видеть позитивные смыслы...

Н. А. СОЛОМОНОВА,

*профессор кафедры мультимедиа СПбГУП,
доктор искусствоведения*

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Музыкальная культура народов Дальнего Востока России в настоящее время представляет собой сложный полифункциональный феномен, сочетающий синкретический комплекс древнего аборигенного искусства, адаптированного к функционированию в контексте современности, традиционное славянское искусство, репрезентирующее музыкальные реалии переселенцев — русских, белорусов, украинцев и систему профессионального искусства, представленную всеми его институциональными видами. Развитие этномузикальных традиций Дальнего Востока является собой частный случай культурного синкретизма, возникающего на стыке различных цивилизационных парадигм.

Изменение исторических, социокультурных условий и образа жизни коренных народов, урбанизация, включение в сложную систему социальных отношений оказали огромное влияние на содержание традиционных жанров музыкального фольклора. Культурная модернизация способствовала на определенном этапе расчлененности форм времяпрепровождения у аборигенов, в отличие от их прежнего образа жизни, где не было разграничения времени на рабочее и нерабочее. Не существовало и четкого выделения их музыкального творчества в особый вид духовной деятельности по критерию его содержания или форм социального функционирования.

Культурная модернизация распространилась на многие жанры традиционного фольклора народов Дальнего Востока, в том числе и на сакральные обрядовые пространства. Мы коснемся вопроса переинтонирования (термин академика Б. В. Асафьева) фольклорных источников в творчестве Николая Менцера (1910–1997). Композитор не рассматривал народную мелодику как незыблемый в интонационном, ритмическом и структурном отношении материал, а развивал его, учитывая конструктивные особенности народной песни или инструментальной мелодии, обогащал приемами симфонического развития. Многие структурообразующие элементы музыки коренных народностей региона стали неотъемлемой частью музыкального языка композитора, что позволяет говорить о глубокой на-

циональной основе значительной части его произведений.

Основным формообразующим принципом произведений является вариантность; жанровость становится моментом сближения с фольклорными истоками: композитора, прежде всего, привлекают танцевальные жанры, которые впоследствии лягут в основу многих его сюит и симфонических миниатюр; с ними связаны значительные находки автора. К последним относится миниатюра «Оленьи гонки» (1970), написанная на основе двух чукотских народных мелодий.

Музыкальные зарисовки образов эскимосов запечатлены в увертюре «Он и Она», где использованы две эскимосские народные мелодии. Обе темы, обогащенные методами симфонического развития, послужили средством для создания обобщенных образов мужественных северян и нежных северянок. Неповторимая природа Чукотки, своеобразный быт ее жителей, яркое народное декоративно-прикладное искусство вызвали к жизни другие сочинения Н. Менцера: «Катока», «Чукотский марш», «Баллада о морских охотниках», «Симфониетта». В последней композитор творчески переосмыслил интонации народных песен эвенков, эскимосов и чукчей. Он расширяет выразительные возможности симфонического оркестра, вводя в него чукотские национальные музыкальные инструменты — варган (ванны-ярар) и бубен (ярар). В партитуре введены также синтезатор и женский голос (меццо-сопрано).

В «Концерте-симфонии» (1985) сочетаются черты концертной диалогичности и состязания с приемами симфонического развития, а также имеет место тяготение к вариантно-вариационным методам развития, характерным для «жанровых гибридов» (термин Г. Г. Григорьевой) отечественного симфонизма 1980-х годов. В основу главной и побочной партий первой части, как и второй, положены интонации ульчских и нанайских песен; третья часть, созданная значительно раньше, с изящно-пластичной партией солирующей скрипки, «личностным» характером высказывания, драматическим накалом и яркими кульминациями включает интонации главной партии первой части. И вместе с тем

методы развития тематического материала, включающие различные метроритмические смещения, мотивные вкрапления, разрушающие симметрию структуры, усиливают фольклорную природу тематизма, подчеркивая его импровизационное начало.

Произведения для симфонического оркестра 1960-х годов — «Ульчская сюита», «Танцевально-игровая сюита», «Нивхские сюжеты» — объединены типологическим единством замысла, образуют своеобразные циклы, основанные на национальных танцевальных жанрах, где следуют друг за другом фрагменты с разным тематическим материалом. В оркестр вводятся национальные музыкальные инструменты: нивхский варган — канга, ульчские погремушки — деорпу. Область тематизма расширяется и включает тематизм мелодико-фигурационный и темброво-гармонический. В произведениях ощутимо влияние Стравинского в плане использования различных приемов ритмического варьирования.

Композитор часто соединял две или более народные мелодии или интонации, органично вводя их в свой авторский материал: дискретный звукоряд скерцозной темы первой части сюиты «Нивхские сюжеты» основан на двух нивхских разножанровых мелодиях —

танца и песни-жалобы («Праздничный огонь», «Ой, ой, бедная девушка»). Это своего рода парадоксальный синтез, выявляющий латентные возможности полифункциональности фольклорных мелодий с помощью метода системных модификаций.

Основные приемы использования фольклорных жанров связаны на мелодическом уровне с цитированием песенных, инструментальных мелодий или их интонаций, когда фольклорный материал органично входит в стилевую систему композитора, который выбирает типичные мелодические обороты и встраивает их в свой материал; на жанровом уровне — с жанровым синтезом, то есть автор соединяет разные фольклорные жанры в одной созданной им теме, а также с жанровой трансформацией, когда композитор вводит интонационное или метроритмическое начало, не свойственное данному жанру.

Последователям Менцера еще предстоит найти ту формулу, которая бы более органично объединила дальневосточные культурные истоки с традициями европейской музыкальной культуры, и этот синтез должен являть собой гомогенную структуру, где внешние проявления фольклорной стилистики будут нивелированы.

С. В. СТАРИКОВ,

проректор по научной работе Марийского государственного университета (Йошкар-Ола), профессор

Д. С. ЛИХАЧЕВ О СТАРИННОЙ ОТКРЫТКЕ КАК ФЕНОМЕНЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ И УНИКАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Дмитрий Сергеевич Лихачев называл старинную русскую открытку конца XIX — начала XX века настоящим феноменом культурной традиции России. Особое значение он придавал художественным и видовым открыткам, считая, что по первым можно восстановить наиболее полную картину развития русской живописи, а по вторым — получить представление о том, как выглядели когда-то русские города.

В начале XX века в России было много художников-открыточников, в советские годы имена большинства из них оказались забытыми. Сегодня филокартисты России ведут исследования в этом направлении, изучая творчество художников и их полотна, сохранившиеся только на открытках. С 2004 года

в России издается специальный журнал для коллекционеров открыток «Жук» (Москва), где эти вопросы активно обсуждаются. Главный редактор журнала А. А. Шестимиров в 2004 году опубликовал альбом «Забутые имена: Русская живопись XIX века», где на основе художественных открыток воспроизведено более 800 иллюстраций, раскрывающих творчество как малоизвестных, так и недостаточно изученных художников.

Особую любовь Д. С. Лихачев питал к старинной видовой открытке. Он писал, что старая Россия ушла в прошлое, сегодня уже мало кто знает, как выглядели даже знакомые места сто лет назад. А открытка дает такую возможность. Это незаменимый уникальный источник в краеведческой работе. «Надо под-

готовить и издать полное собрание старых открыток, — писал Д. С. Лихачев. — Ведь они постепенно уходят. Время жестоко. Остаются единственные экземпляры в альбомах коллекционеров. Не потеряем ли мы это сокровище, еще промедлив?»

Сегодня можно определенно сказать, что это опасение не стало реальностью. С 1990 года в России выходит уникальная серия книг и альбомов под общим названием «Города Российской империи на старинных открытках». В уездных и малых городах России находились патриоты, которые стремились запечатлеть родные места для будущих поколений, выпускали серии открыток. Современные полиграфические возможности позволяют качественно воспроизвести виды городов, известных мест, типы населения России и все это издать. Вышли прекрасные альбомы о Москве и Петербурге, Ярославле и Казани, Иркутске и Саратове, Таганроге и Пскове. Автор этих строк в течение тринадцати лет коллекционировал открытки с видами своего родного города Царевококшайска (с 1928 года — Йошкар-Ола). Переписываясь с коллегами по увлечению, собрал все 20 открыток из серии «Город Царевококшайск», изданной в 1916 году братьями-торговцами Амфилохием и Александром Козлихиными. Немало времени и сил потребовалось, чтобы опубликовать книгу-альбом «Панорама старого города: Царевококшайск на старинных открытках и фотографиях» (Йошкар-Ола, 2002), которая вошла в вышеупомянутую серию. Эта работа оказалась очень востребованной — состоялось более десяти презентаций, и тираж в тысячу экземпляров мгновенно разошелся.

Сейчас по России движение филокартистов набирает силу. Их книги, альбомы, пуб-

ликации дают в руки педагогов, ученых уникальный материал — настоящий портрет императорской России. Открытка как источник создает огромные возможности для исследовательской, преподавательской, выставочной деятельности. В Йошкар-Оле только в 2004 году на основе нашей коллекции в Музее истории города, в Музее изобразительных искусств было проведено пять разных выставок старинных открыток — видовых, художественных, поздравительных, событийных, посвященных 420-летию основания г. Царевококшайска, 200-летию Императорского Казанского университета, 140-летию со дня рождения известного русского писателя, уроженца Царевококшайска Евгения Николаевича Чирикова, 450-летию основания и пастырского служения Казанской епархии, рождественской и пасхальной открытке в России конца XIX — начала XX века. В рамках краеведческих и православных чтений старинные открытки используются постоянно, вызывая многочисленные отклики в средствах массовой информации Республики Марий Эл.

В настоящее время идет работа над созданием таких альбомов, которые бы давали панораму некоторых регионов дореволюционной России — Урала, Поволжья, Европейского Севера, Сибири и других мест. Появляются каталоги открыток. С полным основанием можно сказать, что заветы Д. С. Лихачева выполняются. Историки, архивисты, искусствоведы, музейные работники все больше внимания уделяют старинной открытке, которая несет в себе уникальный информационный заряд, тепло человеческих рук, создает необычайные возможности воспитания истинного патриотизма, любви к своему Отечеству, о чем всегда говорил Д. С. Лихачев.

Ж. Т. ТОЩЕНКО,

член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук

ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Общественное сознание никогда не было равнодушно к оценке как прошлого, так и будущего. Но эти оценки всегда несли на себе печать настоящего. Именно под влиянием настоящего рисуются и осмысливаются картины прошлого, так же как и прогноз будущего не избавлен от симпатий и антипатий реально функционирующего общественного сознания.

Если попытаться классифицировать возможные варианты отношения к прошлому и будущему через призму настоящего, то наиболее часто встречаются такие сочетания: отвергаемое прошлое и одобряемое, приветствуемое будущее; одобряемое прошлое и отвергаемое будущее; в одинаковой степени негативная оценка прошлого и будущего; оптимистическое, хотя нередко и критическое,

отношение к прошлому и будущему. С точки зрения соотношения целей и средств здесь возможна другая классификация. Во-первых, имеется рациональный тип поведения, когда цели и средства в одинаковой степени обоснованы, одобрены, и осуществляются успешные попытки их согласованного использования и претворения в жизнь. Во-вторых, инновационный тип поведения предполагает положительное отношение к целям и отрицание ограничений в выборе средств, применяемых в реальной жизни. В-третьих, ритуальный тип (согласно Р. Мертону) сосредотачивает внимание на средствах достижения цели при отрицательном отношении к ним. В-четвертых, ретритизм как тип поведения означает отрицание и целей и средств, что ведет к уходу от реалий жизни (это особенно наглядно проявляется в поведении алкоголиков, наркоманов и самоубийц). И наконец, возможен такой тип поведения, который знаменует отказ от «старых» целей и средств с одновременной заменой их новыми целями и средствами, что проявляется в мятежах, восстаниях, переворотах, революционных переменах. Возможны различные сочетания этих типов поведения, но по сути названные варианты остаются основными. Все они, за исключением первого типа, рождают в духовной жизни парадоксальные ситуации, оценка которых показывает односторонность, ограниченность, а порой и ущербность каждого из них.

Под девизом «отвергнуть прошлое и построить лучезарное рыночное будущее» выступает сравнительно небольшая, но энергичная и амбициозная, напористая группа интеллектуалов, для которых советское прошлое — провал в российской истории, гибельный зигзаг в развитии страны, нарушение нормального хода социально-экономических процессов. По их мнению, советский период состоит только (или в основном) из ГУЛАГа, насильственной коллективизации, дефицитной экономики, организованного голода, уничтожения православия и ислама, нелепых проектов в народном хозяйстве и т. д. и т. п. Реакцией представителей этой группы на все их не устраивающее является эпатаж, сознательная демонстрация своей «непримиримости», а основным ключом к достижению очередного «светлого» будущего они считают не просто либеральную рыночную экономику, а рыночное общество. Российские ультрарыночники не хотят считаться даже с умеренными коллегами на Западе, как, например, видным политическим деятелем Франции Л. Жоспеном. Он, как и многие его коллеги, отвергает

рыночный фундаментализм, в рамках которого постоянно осуществляется «попытка распространения его регуляторов на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию» (Л. И. Абалкин).

Радикализм новых правых в их стремлении разрушить все «до основания» и решить назревшие общественные проблемы путем бескомпромиссного отказа от всего прошлого напоминает большевистские методы.

Те, кто отвергает прошлое, нигилистически к нему относится, в большинстве случаев действуют как холодный расчетливый механицизм, полностью игнорируя социально-психологические позиции людей. Они забывают о том, что знаменитая «протестантская этика» М. Вебера была необходима капитализму не потому, что поощряла обогащение любой ценой (для этого никакой этики не надо), а, напротив, потому, что вводила жажду наживы в определенные рамки, ограничивала ее жесткими моральными нормами» (Б. Кагарлицкий). Иначе говоря, в концепции проклятого прошлого и светлого будущего диктатура идеологии заменяется диктатурой чистогана, когда прав тот, кто имеет больше денег или власти (последняя тоже рассматривается как средство получения богатства). Это дополняется и личностными характеристиками многих, желающих «стереть» все прошлое и нарисовать прекрасное рыночное будущее: это цинизм, оголтелый индивидуализм, двуличность, зависть, выражающиеся в желании подражать американскому или западноевропейскому образу жизни.

В принципе в реальной жизни общества, отдельных социальных групп и общностей одновременно происходит отмирание, исчезновение тех или иных явлений, характерных для уходящей эпохи, и возникновение и укрепление новых тенденций, иных процессов, превращение некоторых латентных явлений в значимые события и преобразования. Однако противопоставление этих тенденций или абсолютизация одной из них ведет к формированию в сознании и поведении людей взаимоисключающих вариантов развития. Общей характеристикой такого отношения к духовной жизни является, с одной стороны, нигилизм по отношению к прошлому, а с другой — неумеренный, «щепящий» восторг по поводу ожидаемого «рыночного будущего», что ведет не к созиданию нового, а к разрушению существующего социального пространства.

Противоречивость, парадоксальность такого подхода к прошлому и будущему приводит к нарушению апробированной истории

логики мышления и развития. Это проявляется прежде всего в том, что его сторонники отказываются от здравого смысла и прагматизма и переходят на позиции абстрактных возможностей, которые якобы сулит предлагаемая ими концепция рыночности. Иначе говоря, рынок из средства, необходимого для решения экономических и социальных задач, превращается в цель, что автоматически делает его инструментом усиления социальной несправедливости и напряженности. Исповедующие этот подход практически игнорируют данные науки или используют их в качестве своеобразного фигового листка — если научная информация соответствует провозглашаемой заранее цели, то это одобряется, приветствуется; в противном случае данные можно просто «не видеть». Заодно можно обвинить ученых в отрыве от жизни, ошибочности исходных методологических принципов или неполноте и ущербности методики; суть претензий в конечном счете сводится к тому, что они мешают манипулированию общественным сознанием и откровенной демагогии.

Сторонники нигилизма де-факто и де-юре отказываются от традиций, не видят в прошлом позитивных моментов (особенно если это касается советского прошлого). Вполне естественно, что такой подход превращается в примитивные формы заискивания перед чужим образом жизни. Этот отказ от корней никогда не проходил бесследно. Наоборот, там, где новые реалии тесно переплетались с национально-специфическими традициями прошлого, успехи были более впечатляющими. Об этом свидетельствует опыт таких различных по политическим ориентациям экономик, как китайская и японская, успех которых во многом обусловлен умелым сочетанием назревающих общественных потребностей со спецификой национальных особенностей и менталитета. «Учет национальных особенностей той или иной страны, — говорил в мае 2000 года в МГУ на заседании Римского клуба член его исполнительного комитета, принц Йордании Аль Хассан бин Талал, — это традиционный подход, и он будет оставаться в инструментарии ученых до тех пор, пока будут существовать различия не только для мира, но и для отдельного человека».

Не менее парадоксально отношение новых правых к методам реализации поставленных целей. Полностью отрицается постепенность, всячески пропагандируется шок (даже не шоковая терапия) как средство осчастливления всех граждан. В этом смысле следует

напомнить слова нобелевского лауреата, немецкого писателя Гюнтера Грасса, который настаивал на том, что «у демократии должен быть темп улитки». Между тем заданный А. Чубайсом темп стремительного «создания собственника» привел к развалу народнохозяйственного организма, гигантским махинациям и воровству, обману и обнищанию большинства населения России. Результаты рыночных реформ в других странах неоднократно показывали, что успехи добываются не кавалерийской атакой, а упорным, длительным, кропотливым трудом, как это было в уже упомянутых Китайской Народной Республике и Японии, где модернизационные процессы осуществляли не торопясь, продуманно и постепенно.

В рамках описываемого подхода происходит профанация таких понятий, как «рынок», «свобода», «народ». У российских либеральных демократов идеи насаждаемого ими рынка ничем не отличаются от эпохи первоначального накопления капитала, когда реализуется свобода использования любых средств по захвату материальных ценностей. Народ же трактуется как средство достижения их корыстных целей, прикрытых очередным обещанием счастья, которого люди «почему-то» опять не понимают и не принимают.

На фоне сложившихся тенденций в общественном сознании, когда позитивная оценка ряда явлений и процессов советского прошлого сохранялась все 1990-е годы, в полной мере расцвел догматизм, отстаивающий «светлое» прошлое и отвергающий будущее. Его влияние широко распространено — не в меньшей мере, чем рассмотренного выше оголтелого нигилизма.

Догматизм, используемый в настоящем, также парадоксален. Но только эта парадоксальность проявляется в иных характеристиках, чем нигилизм, ибо последний отрицает все и вся, в то время как догматизм противостоит новому, нарождающемуся. В сознании догматически мыслящих людей абсолютизируются как позитивные все происходившие ранее изменения. Образно говоря, этот стиль мышления похож на ходьбу «вперед затылком» с головой, повернутой назад, в прошлое. У догматического мышления отсутствует видение перспективы, утеряно чувство нового, нет ощущения необходимости постоянных изменений, потребности в поиске иных, в том числе и нестандартных, решений. Будущее представляется тем же прошлым, только слегка подкорректированным в соответствии с новыми реалиями.

Догматики страдают примитивизмом жизненных ориентаций, упрощенчеством как в объяснении происходящих процессов, так и в своих действиях. Весь мир представляется им черно-белым, не допускающим полутонов, переходных моделей, а соответственно, и компромиссов, уступок, соглашений, договорного процесса. Такое понимание будущего воспринимается либо как возврат к прошлому, либо как продолжение настоящего, которое якобы не отвечает ни логике, ни интересам общественного развития.

В результате этот подход рождает парадоксы, к числу которых можно отнести одновременное существование идей интернационализации интересов и исключительности советского (российского) пути в истории, что, в конечном счете, порождает шовинизм. Такая логика рассуждений и поведения приводит к появлению своеобразного социально-политического кретинизма, ибо совместить процесс глобализации с одновременным возвышением только национальных интересов можно лишь при крайнем примитивизме мышления.

Парадоксальность, рождаемая идеализацией прошлого и отвержением будущего, воплощается и в попытках перенести критерии классового деления, сложившиеся в XIX веке, на новые реалии. Понятия «рабочего класса» и «крестьянства» в настоящее время размыты в первую очередь потому, что профессиональные признаки, как и признаки отношения к собственности, утратили прежнее значение. В этой ситуации «новые бедные» представлены самыми различными группами: интеллигенцией, служащими, значительным слоем пенсионеров, многодетными семьями, инвалидами.

Среди парадоксов этого типа мышления следует отметить преувеличение значимости социальных девиаций, которые трактуются, с одной стороны, как порождение современной стадии капиталистического (империалистического) развития, с другой — как резерв для революционного преобразования мира, как сила, которая противостоит «разрушительным» тенденциям рыночной экономики. Постоянно меняя плюс на минус и наоборот, люди данной формы сознания и поведения жонглируют фактами, личными впечатлениями и мнениями, произвольно выхваченными из жизни суждениями для доказательства только одного — невозможности трактовать будущее реалиями настоящего: лучше, если настоящее будет перечеркнуто, а будущее — основываться только на постулатах прошлого.

Социальная аномия является собой негативизм по отношению не только к настоящему, но и к прошлому и будущему. (Напомним, что аномия обозначает такое нравственно-психологическое состояние общественного и индивидуального сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, противоречием между провозглашенными ценностями и невозможностью их реализации.) Аномия порождает ценностно-нормативный «вакуум»: низкую степень воздействия социальных норм на индивидов, их неэффективность в качестве средства социальной регуляции поведения. Для новых предлагаемых или предписываемых норм характерна расплывчатость, неустойчивость и противоречивость.

Это состояние охватило значительные слои населения, сознание которых было разбуждено ожиданиями позитивных перемен, порожденными перестройкой во второй половине 1980-х годов, а затем подогрето событиями начала 1990-х, когда многим казалось, что новая парадигма развития, предложенная либеральными радикалами, кардинально изменит жизнь. Однако надежды людей в очередной раз не оправдались, что вызвало не просто фрустрацию — дезорганизацию общественного сознания, а именно аномию, то есть полное безразличие к любому общественному импульсу, независимо от его позитивной или негативной направленности. Парадокс данной ситуации заключается именно в том, что в условиях даже некоторых позитивных изменений большинству людей по-прежнему присущ глубокий пессимизм. Многие из тех, кто вроде бы благополучно вписался в рыночную экономику, глубоко неудовлетворены происходящими изменениями, глобальными сдвигами, которые касаются их как граждан страны.

Если у радикал-либералов в этих условиях в чести индивидуализм, а у радикал-патриотов — общинность, коллективизм, то социальной аномии не присуще ни то, ни другое. Людями овладевает растерянность, равнодушие, их поведение характеризуется замкнутостью, переходящей в отрешенность от проблем и забот окружающего мира, либо сужением круга интересов до семейных и групповых. Безразличие к любым политическим и социально-экономическим новациям выражается в отказе от участия в выборах или в голосовании против всех без исключения кандидатов, в отвержении любых общественных акций, членства во всех без исключения политических партиях и общественных движениях.

Данный тип мышления характеризует­ся отказом от «выяснения отношений» с прошлым, демонстрируя тем самым атрофию исторического сознания. Одновременно людям безразлично, что происходит с ними и со страной в настоящее время, ибо они осознают невозможность влиять на происходящее вокруг.

По данным многих социологических исследований, 70 % россиян, то есть абсолютное большинство, отдают предпочтение интересам семьи и близких, которые значительно опережают ориентации как на собственные личные, так и на общественные цели. Это, на наш взгляд, открывает для анализа интересный феномен: отход от общественной направленности интересов вовсе не означает сосредоточение только на личных делах, что свидетельствовало бы о доминировании индивидуализма в общественном сознании. Идет ориентация на интересы малой группы, контактного сообщества, семьи; связи внутри этих групп построены на началах, в которых преобладают идеи доверия, социально-психологической приемлемости, признания достоинств и уверенности в защите друг друга.

Появлению и распространению социальной аномии способствовало разрушение как массовой, так и «высокой» культуры, которая скрепляла жизнь десятков миллионов россиян, что лишней раз доказывает невозможность отделить так называемое официально одобренное от одобряемого неофициально. Хотелось бы этого глашатаям идей рыночной экономики или нет, но феномен «советской культуры» — не выдумка, а реальность, и не-

смотря на отрицание и отвержение этой культуры, она продолжает жить в сознании миллионов людей.

Кстати, аналогичные проблемы ярко проявились и после воссоединения восточных и западных немцев. Как справедливо утверждает Барбара Тальхайм, популярная исполнительница авторской песни в нынешней Германии и бывшая жительница ГДР, «восточные немцы в ФРГ — люди второго класса». В ГДР, как и в России, после свержения социалистического строя будущее рисовалось на основе заманчивых западных картин, показывавших прелести «свободного общества». Разрыв между иллюзиями и наступившей реальностью оказался шокирующим. Из потребности поскорее его сгладить вырастает тяга к сильному государству и даже к «сильной руке», а это питательная среда для националистических, ультрапатриотических и даже шовинистических настроений и проявлений.

В заключение следует подчеркнуть одно особо важное положение, вытекающее из социальной аномии: она может выступать и выступает основой отклоняющегося поведения, которое вызывается невозможностью достижения индивидуальных целей «законным образом». Для преодоления этого противоречия задействуются все средства, которые могут официально и не поддерживаться обществом, но цели, преследуемые ими, приветствуются и одобряются. Именно на этом и зиждется теневая экономика, культ богатства любой ценой, принцип «умения жить», ибо они в конечном счете могут быть оправданы обществом.

Ю. М. ШОР,

*профессор кафедры культурологии СПбГУП,
доктор философских наук*

ЦЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

При всей неоднозначности, противоречивости, многотрудности экономических, политических, социальных, национальных задач, стоящих сегодня перед Россией рано или поздно будет понято, что духовная составляющая — неперенный компонент их решения, и без духовного восстановления не будет подлинного возрождения России. Главное — не будет нового явления того уникального, осо-

бенного, что внесла и вносит Россия в мировую цивилизацию.

Почему опять идут яростные споры о том, какими путями идти России, Запад мы или Восток, почему вновь возрождается старая почвенническая парадигма, почему мы вновь взыскуем, в чем наша непохожесть на других? Не потому ли, что хотим лишней раз подчеркнуть: мы не такие как все, нас «аршином

общим не измерить»? Дело тут в другом. Мы ищем свои корни, потому что свое — вдохновляет, служит источником пробуждения творческих сил, заряжает энергией. Свое — источник веры, надежды, любви.

Искусство, религия, философия — три формы, которые Г. В. Ф. Гегель включал в состав Абсолютного Духа, — являют собой изначальное духовное богатство русской культуры. Русская православная духовность проработала исходные смысловые основания пребывания человека в мире, опробовала и испытала ситуацию исихазма — молчаливого, полного бесконечного содержания предстояния личности перед миром и Богом. Русское искусство с огромной силой художественной выразительности дало целостный портрет человека во всем многообразии его связей с миром и другими людьми. Русская философия, опираясь на интуицию религии и искусства, выстроила полноценные теоретические схемы человека и человеческой реальности.

Фундаментальна в русской философии интуиция цельного знания. Она означает, что постижение мира не может осуществляться по отдельности наукой, искусством, философией и религией — только вместе, в совокупности, в единстве всех этих сторон познания. Хотелось бы, чтобы концепция цельного знания органически вошла в школьные программы (впрочем, это пытались делать великие педагоги, например В. А. Сухомлинский).

Особо подчеркнем глубоко гуманитарный характер ценностей русской религиозной философии. Еще И. В. Киреевский утверждал, что мысль, порожденная одним умом, так же неполна, как и мысль, идущая только от чувства. Единство рационального и иррационального, интеллектуального и эмоционального — вот с чем выступила русская мысль, преодолевающая односторонний рационализм Запада. Особенно важно помнить об этом сейчас, в условиях технократического перекося совре-

менной цивилизации, господства прагматизма и утилитаризма. Гуманитарность русской мысли — не частная ее черта, не «специфическая особенность», а всеобщая характеристика, важнейшее неотъемлемое свойство.

В основе постижения реальности лежит не сам по себе рациональный акт. Русская философия глубоко прочувствовала: мысль не возникает в пустоте. Мысль подлинная — только часть целостного жизненного акта, только один аспект соединения с реальностью. Это блестяще показал в своих работах С. Л. Франк, продемонстрировав, что мысль является частью живой стихии, включающей все аспекты человеческого существования. Это и есть живое знание (в отличие, видимо, от знания мертвого, в дурном смысле схоластического), первичной клеткой которого выступает переживание. В отличие от знания только рационального, противостоящего предмету, живое знание сливается с предметом в едином стихийно-жизненном акте, включающем как интеллектуальное, так и эстетическое, нравственное, волевое, интуитивное, религиозное начала.

Русская мысль подлинно антропоцентрична и высоко ставит человека в мироздании, видит его в неразрывной связи с этим мирозданием, с Космосом. Важнейшим моментом является то, что мир при этом понимается как чудо, тайна, непостижимое, а человек — как существо, прозревающее в нем свою скрытую миссию. Вместе с тем русская мысль глубоко экзистенциальна, чутка к человеку, понимает его пороки и несовершенства, беды и страдания, она, по выражению Н. Бердяева, «печалуетя о человеке». Русская философия не рассматривает личность как «часть» общества — но всегда как равноправную с ним величину, могущую быть и выше социума. Все это не в последнюю очередь потому, что русская мысль вырастает на почве эстетического опыта, художественных миров Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Толстого, Достоевского, Чехова.

**ОБРАЗОВАНИЕ: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС
И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

Руководители:

О. Е. ЛЕБЕДЕВ, член-корреспондент РАО, проректор по научной работе Санкт-Петербургской государственной академии последипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор;

Н. Д. НИКАНДРОВ, президент РАО, доктор педагогических наук, профессор

Ученый секретарь

И. И. СОКОЛОВА, проректор по учебной работе СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь

Г. П. ЦЕЙТИНА, заместитель декана по научной работе факультета культуры СПбГУП, кандидат психологических наук, доцент

Участники обсуждения:

Ш. А. АМОНАШВИЛИ, академик РАО, руководитель Международного центра гуманной педагогики, профессор Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук;

В. К. БАЛЬСЕВИЧ, член-корреспондент РАО, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доктор биологических наук;

Е. О. ГАЛИЦКИХ, заведующая кафедрой новейшей литературы и методики ее преподавания Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор;

М. Б. ГЛОТОВ, заведующий кафедрой социологии и психологии Государственной полярной академии, доктор социологических наук, профессор;

Э. Д. ДНЕПРОВ, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

В. В. КРАЕВСКИЙ, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;

О. Е. ЛЕБЕДЕВ, член-корреспондент РАО, проректор по научной работе Санкт-Петербургской государственной академии последипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор;

Т. А. МАЗАЕВА, доцент кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств (Нальчик), кандидат искусствоведения

Маркус МАТЮЛЬ, руководитель Информационного центра Германской службы академических обменов в Санкт-Петербурге (Германия);

Барри МОРГАН, консультант Британского совета (Лондон, Великобритания);

Р. Б. МУХИН, проректор по учебной работе Московского гуманитарного института им. Е. Р. Дашковой, кандидат военных наук;

С. Д. НЕВЕРКОВИЧ, кафедра педагогики Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, член-корреспондент Отделения образования культуры;

Н. Д. НИКАНДРОВ, президент РАО, доктор педагогических наук, профессор;

И. Н. ПАШКОВСКАЯ, заведующая кафедрой социального менеджмента Санкт-Петербургского института технологии и дизайна, доктор педагогических наук, профессор;

Е. Ф. САБУРОВ, научный руководитель Института образовательной политики Государственного университета — Высшей школы экономики;

А. В. СУХАРЕВ, декан факультета психологии Государственной академии славянской культуры, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, главный редактор «Журнала прикладной психологии», доктор психологических наук, профессор;

В. В. ШАПКИН, директор Института повышения квалификации специалистов профессионального образования Санкт-Петербурга, доктор педагогических наук, профессор

Е. Ф. САБУРОВ: — Происходящие в нашей стране перемены касаются многих сторон жизни. Уже опробовано несколько разных модификаций политического строя. Изменился круг чтения, привычные зрелища потеснились и дали место новым. Расширился доступный мир отдыха, путешествий и общения. Однако наибольшие изменения произошли в той сфере, которую обычно называют экономикой. Это тем более заметно, что ранее господствующая идеология провозглашала себя именно экономической и ставила своей целью все нюансы человеческого общежития объяснять именно «экономическими законами».

Такие перемены ставят перед экономической наукой задачи не столько понимания экономических состояний и развития, сколько понимания «ломки» укладов, обнажения и обнаружения мотивов поведения. С одной стороны, это очень непростые задачи, но с другой — вряд ли кто-нибудь и где-нибудь еще имел возможность наблюдать такие процессы «изнутри». Насколько готова к этому экономическая наука России?

Современная экономика все меньше становится похожа на ту науку, которая называлась экономикой в XIX веке. На рубеже XIX и XX веков экономическая наука прошла через маржиналистскую революцию. Это было серьезное потрясение, которое повлекло за собой плодотворное развитие. Прежде всего, произошла глубокая математизация экономической науки. Исчез романтический флер, который в XIX веке прикрывал малограмотные экономические фантазии дилетантов в политике и философии. Глупости, творимые правительствами, конечно, еще могли пользоваться популярностью у обманутого населения, но не могли обольщать ученого-экономиста. Как в свое время физики осознали невозможность создания вечного двигателя, так теперь экономисты узнали подлинную цену планирования и создания всевозможных «новых порядков». Конечно, никогда не переведутся разработчики вечного двигателя. Наверное, у них будут свои поклонники, но наука этой проблемой заниматься уже не будет.

Пристальное внимание к понятию цены позволило Хайеку заявить: экономика — это наука о людских мнениях. Но если это так — а это, безусловно, так, — то следует отметить, что на формирование мнений влияет полнота информации, ее утаивание, каналы, по которым она распространяется и система контрактов (формальных и неформальных), которая связывает нас в единое, хотя и очень неровное, информационное поле. К сожалению, институциональные исследования, развернувши-

еся в этом направлении, не могут похвастаться большими научными достижениями, кроме, конечно, самой теоремы Коуза и понятия трансакционных издержек. Более интересными оказались подходы и результаты, связанные с классической микроэкономикой. Российская экономическая наука, задавленная идеологическим прессом «единственно верного учения», оказалась на периферии развития. Пожалуй, единственное, что успешно осуществлялось в России, — это экономико-математические исследования, что естественно. Наши зарубежные коллеги в это время сосредоточились на анализе человеческого поведения.

От экономистов требуют не столько исследований, сколько рекомендаций. Настырность и нетерпение людей можно понять. Они вовсе не хотят умирать с мыслью о счастье грядущих поколений. Тем более что это наше население уже проходило. Что может посоветовать нам в этом отношении современная экономическая наука?

В дальнейшем я буду говорить в основном об образовании. Прежде всего следует подвергнуть сомнению принятое понимание блага. Благо — это не то, что дается человеку, а то, что вырабатывается самим человеком. Сама по себе стиральная машина не является благом; это ресурс, используя который человек, в данном случае домохозяйка, обретает благо облегчения своего труда и высвобождения времени. С этой точки зрения образование является благом, но помощь, оказываемая учителем, лишь ресурсом, образовательной услугой. Таким образом, современная экономическая наука считает образование «субъект-субъектным» процессом в полном соответствии с современной психолого-педагогической наукой. Разница состоит в том, что экономист будет настаивать, что в таком случае выбор образовательной услуги принадлежит домохозяйству. Домохозяйство вовсе не обязано досконально разбираться в качестве и особенностях услуги. Люди готовы учитывать рекламу и идти вслед за модой. Но они хотели бы, чтобы у них был выбор.

С точки зрения родителей образование детей — вид наследства. Затрачивая часть своего дохода на образование детей, родители капитализируют его и передают детям. Следует отметить, что прежде всего речь идет о неденежном доходе. Родители прилагают усилия и энергию, жертвуют отдыхом, используют свои знания и связи для обеспечения детей наследством. В нашей стране уровень образования детей зависит в первую очередь от

уровня образования родителей, а не от их денежных доходов. С одной стороны, это грозит усилением стратификации, но с другой — показывает, насколько серьезно интеллигенция рассматривает образование как вид наследства.

Возвращаясь к разговору о ребенке, следует выразить сомнение, что он понимает образование как человеческий капитал. Об этом можно говорить, видимо, в полной мере только на довольно поздней стадии, когда человек уже выходит на рынок труда. Но мотивация ребенка в начальной школе скорее связана с желанием добиться признания своей взрослости. Борьба за признание в основной школе, похоже, лежит вовсе за пределами системы образования. Рынок признаний учащихся старшей школы и студентов мало изучен. Что предлагает человек? Что пользуется спросом? Какие ценности рождаются в процессе поиска компромиссов? Насколько сегментирован рынок признаний?

Рассмотрение образования с учетом поведения на рынке признаний необходимо, но недостаточно. Имеет смысл обратиться к самому механизму формирования «образовательного капитала», то есть способности человека перерабатывать предлагаемые ему образовательные услуги в собственно образование как благо. В этом смысле образование является аддиктивным благом и описывается, как приобретение благих пристрастий и привычек. Действительно, по мере роста и совершенствования «образовательного капитала» новое удовольствие от узнавания и научения требует меньших затрат, усилий и энергии, чем на ранних стадиях. Это совершенно противоположно формированию пагубных пристрастий, например, наркомании, где каждое следующее удовольствие влечет за собой все большее разрушение здоровья, увеличение дозы и неблагоприятные сдвиги в структуре расходов. Подход к образованию как к благому пристрастию помогает понять феномен «образования в течение всей жизни». Объяснение этого феномена лишь через требования рынка труда неправомерно. Посещение лекций, гуманитарных курсов, чтение литературы non-fiction имеют явную образовательную составляющую, доставляют удовольствие, но не вызваны требованиями рынка труда. Такой подход позволяет утверждать, что каждый квант образования должен вызывать удовольствие. Не так важна тяжесть или легкость усилий по его освоению, как конечное удовольствие. Иначе образовательный капитал не наращивается, так как образование не признается личным благом.

За пределами выступления осталась проблема институционального несоответствия системы образования и реальной образовательной траектории. Выпал вопрос о смысле основной школы, связанный с формированием такой специфической части человеческого капитала, как социальный капитал. Здесь следует отметить, что плачевная ситуация с договороспособностью и способностью к командным действиям становится проблемой для экономики России. Не нашлось места и разрыву между рынком образовательных услуг в профессиональном образовании и рынком труда, каким он представляется специалистам, привыкшим к планированию в гуманитарной сфере. Обойден вниманием феномен возникновения спроса на «общее высшее образование». Эти и ряд других не менее важных проблем нуждаются в экономических исследованиях.

Однако было бы «пагубной самонадеянностью», как говорил Хайек, считать, что можно вычислить и построить оптимальный «новый порядок». Приемлемый порядок создается в ходе взаимодействия индивидуальных волей и, будем надеяться, никогда не будет оптимальным, поскольку в нас заложено стремление к развитию. Особенно это относится к образованию.

Видимо, стоит усилить внимание к структуре спроса на образовательные услуги со стороны родителей и детей, поставить предложение в зависимость от выбора людей. Для этого необходим целый комплекс мер. Здесь и переход на различные формы нормативного бюджетного финансирования, введения контрактных отношений между образовательными заведениями и органами муниципального и государственного управления, распространение разумных и дифференцированных форм национального тестирования, создание нормативно-правовой базы договорных отношений внутри педагогических коллективов, переход от форм образовательных учреждений к образовательным организациям. Особая трудность заключается в том, что каждая из этих мер неэффективна вне всего комплекса. Система образования — это действительно система. Она преобразуется либо системно, либо никак.

Сегодня все эти мероприятия фактически осуществляются скрытым образом в части образовательной системы. Более того, существуют случаи слияний и поглощений в школьной системе. Создаются сетевые школы. Наконец-то какая-то, правда, пока еще весьма туманная перспектива появилась у сельской школы. Можно говорить о котировках брендов

не только у высшей, но и у средней школы. Однако скрытый характер перемен чреват, по крайней мере, двумя серьезными неприятностями. Во-первых, точечные изменения требуют повышенных транзакционных издержек. Неверно и недобросовестно называть это коррупцией. Это справедливая цена эксклюзивных услуг. Однако по своей природе эти издержки в значительной степени не влекут за собой повышения качества, но направлены на обеспечение исключительного положения. Во-вторых, так или иначе, оплатив свое исключительное положение, «передовой отряд» отделяется от «общей массы». Фактически единое образовательное пространство распадается, и начинают действовать механизмы сегрегации. Мы здесь не пионеры. В некоторых странах Латинской Америки процесс распада образовательного пространства зашел дальше нашего и граничит с национальной катастрофой.

Выбор у нас сегодня простой. Либо мы принимаем рациональные решения, требующие больших усилий по их реализации, либо, руководствуясь ленью и ностальгией по молодости, катимся назад под лозунгом «самого лучшего на свете образования».

Э. Д. ДНЕПРОВ: — Правильно ли я понял, что источник распада системы образования заключается в том, что школа недодает образования и вынуждена выстраивать какую-то другую систему?

Е. Ф. САБУРОВ: — Речь не идет о разделении на школы для богатых и бедных. В нашей стране школ для богатых очень мало, и они крайне неэффективны. К тому же нельзя говорить «недодает», потому что в каком-то смысле школа «передает», то есть требует запоминания совершенно ненужных вещей. Что касается родительской оплаты — население доплачивает школам за некоторый повышенный уровень только по тем сегментам, которые отличают нашу школу от европейской. Но я не думаю, что родители знают, каковы европейские стандарты. Значит это просто общественный запрос.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Вы не раз говорили, что экономика или экономисты об этом говорят то-то и то-то. Но ведь это предполагает, что экономика едина. На самом деле в экономике есть разные школы. Какую из них Вы имеете в виду? Это первый вопрос. И вто-

рой вопрос: Вы говорили, что образование — это благо, которое создает сам человек. Насколько мне известно, образование — это общественное благо (public good). Что такое общественное благо и что такое, в связи с этим, образование — благо, которое создает сам человек?

Е. Ф. САБУРОВ: — Что касается разных школ в экономике, то действительно, как и во всякой науке, в ней имеются разные школы, но экономики образования, гуманитарной экономики, о которой я сейчас говорю, в нашей стране до недавнего времени просто не существовало. Расхождения среди экономистов если и есть, то они касаются, например, Вашего второго вопроса: насколько образование можно считать общественным, насколько — частным благом? Когда говорят «public good», имеют в виду не то благо, которое вырабатывается, а то, которое предъявляется. Действительно, человек сам заинтересован в образовании, оно сильно влияет на доходы, и общество в целом заинтересовано в образовании, потому что уровень образования в обществе заметно влияет на благосостояние региона, страны.

Э. Д. ДНЕПРОВ: — Первое, что мы констатируем, — представлен взгляд одной экономической школы, либеральной в лучшем смысле этого слова, где образование понимается как индивидуальное и общественное благо. Другая экономическая школа, которая превалирует и в итоге определяет социально-экономический курс в образовании и в стране, то есть, по сути, существующая образовательная политика, считает образование: а) частным благом; б) именно услугой. И даже если определять услугу как помощь в получении образования, то господствующая образовательная политика считает, что эта помощь, поскольку она услуга, должна быть платной. То есть имеет место весьма своеобразный социальный переворот, точнее — настоящая социальная революция, когда социальная норма, то есть общественное благо, предлагается в качестве товара, за который надо платить. Если в этом заключается прогресс экономики и образования, то я бы не хотел быть свидетелем и участником такого прогресса.

Можно рассматривать существующий кризис образования, как кризис институциональный. В этом есть, действительно, большая доля правды, и этот кризис давно зрел —

с 1930-х годов, потому что система образования у нас выстроена вузоцентрически, вуз диктует школе свои требования. Но когда мы смотрим на этот кризис с точки зрения политики, то выясняется, что это отнюдь не институциональный кризис, точнее институциональный кризис как производная от образовательной политики, точнее от социально-экономического курса в области образования. Суть происходящего заключается в том, что мы присутствуем при явлении, достаточно уникальном в истории российского образования, когда кризис создается рукотворно, то есть образовательной политикой.

Итак, система распадается на две части. Как достаточно жестко и цинично сказал советник бывшего министра образования господин Пинский, надо привыкать к тому, что мы входим в ту стадию развития, когда у нас будет две системы образования — для богатых и для бедных. Всего этого либо не видит, либо не хочет видеть существующее Министерство образования РФ и те, кто занимаются образовательной политикой. Потому что когда распадается система непрерывного образования, ее надо созидать. Но если обратиться к приоритетам образовательной политики, там речь идет о создании только системы непрерывного профессионального образования, причем она опять выстраивается элитарно. Разрабатывали документ представители системы послевузовского дополнительного образования, и всю систему непрерывного профессионального образования они выстроили над вузом или, по крайней мере, с вузом. Не профессиональное среднее образование, не начальное профессиональное образование в системе непрерывного образования в предложенном варианте не входят. Таким образом, из рукотворного кризиса предлагаются весьма искусственные и технологические выходы. Из социально-политического кризиса не может быть педагогических, технологических выходов. Надо решать сначала социально-экономические, политические проблемы в образовательном плане, и только после входить в технологическое пространство.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Лично я считаю подход к образованию как к услуге глубоко ущербным. Это несколько вульгарное, на мой взгляд, распространение экономической теории на сферу образования — все равно что рассматривать человека исключительно как организм. Никто не отрицает биологический подход, но человек — это еще и душа, лич-

ность, это знания и умения и т. д. Мне кажется очень опасной абсолютизация возможности экономического подхода и распространения его на систему образования.

Одно из требований Всемирной торговой организации, в которую мы собираемся вступить, — чтобы Россия признала образование услугой, хотя по действующему законодательству Российской Федерации образование таковым не является. Обучение по школьной или вузовской программе у нас считается образовательной деятельностью. Причем действующее российское законодательство очень четко разделяет образовательную деятельность и платные услуги, и сохранение этого разделения в действующем законодательстве и дальнейшее распространение этого подхода на систему образования очень важно. Образование — это в первую очередь совместная деятельность обучающегося и обучаемого, а не чтение лекций в лектории общества «Знание». Министерство образования РФ сейчас пытается все больше и больше трактовать совместную образовательную деятельность учебного заведения и педагога, с одной стороны, и обучающегося — с другой, как платную образовательную услугу — даже за счет государства. В результате мы потеряем те лучшие составляющие нашего образования, которые действительно у нас пока еще существуют. Хотя я понимаю, что экономисты для решения своих экономических задач от чисто бухгалтерского уровня до управления макроэкономическими процессами должны учитывать то, что происходит в школе, вузе, дошкольных учреждениях, но это их локальная, профессиональная задача, которая, в принципе, не может быть поставлена в основу развития образовательных систем. Экономисты хотят, чтобы мы посмотрели на то, что у нас происходит глазами бухгалтера. По моему мнению, наши процессы намного богаче, серьезней и важнее, нежели их чисто экономическая составляющая. Безусловно, учебные заведения создают общественное богатство, и не случайно выдаются государственные сертификаты, государственные документы об образовании, государством выделяются субсидии, дотации, но за этим стоит тоже определенная система и понятий, и сущностей.

Является ли образование товаром? Безусловно, можно рассматривать его с точки зрения анализа текущих экономических процессов. Но — далеко не только товаром, это лишь одна небольшая составляющая достаточно значительного явления, которое должно анализироваться с различных позиций. Что касается институционального кризиса, то за

расслоением по качеству образования, безусловно, стоит расслоение по реальной платежной способности населения. Я согласен с академиком Днепровым, это рукотворный процесс, когда управляющими органами различные категории населения сознательно ставят в неравные условия. В результате бедные слои не могут получать качественное образование, и это реальная опасность для нормального развития государства.

Сегодня, по-моему, школа еще в очень большой степени продолжает готовить детей для жизни в условиях социалистического общества, хотя в нее уже пришли учителя, которые не имеют опыта общественной практики при социализме. Впрочем, еще есть учителя, которые формировались в сталинский, хрущевский, брежневский, горбачевский периоды — поэтому можно ли говорить о педагогическом коллективе школы? Вузы же, как мне кажется, готовят выпускников к тому, что за их воротами — бандитский капитализм образца 1993–1995 годов. То есть школы готовят для жизни в одном обществе, а вуз — для жизни в другом, а на дворе — третье, и рынок хочет уже чего-то совершенно другого. Поэтому развал и распад в образовании вызван еще и тем, что сегодня в стране нет учебно-воспитательной системы учреждений, которые работали бы и готовили бы для жизни хотя бы в одном обществе. Впрочем, если еще 3–4 года назад мне казалось, что мы движемся в сторону американского или западноевропейского общества (скорее последнего, из-за культурной общности и схожести менталитета), то сейчас складывается впечатление, что наша цель — общество латиноамериканского типа. Хочется надеяться, что это не Боливия, а хотя бы Бразилия. Ситуация очень серьезная, и я думаю, что мы не сможем работать как социально-педагогический коллектив и нормально готовить учащихся ко взрослой жизни до тех пор, пока не поймем, куда мы движемся и для какого будущего готовим наших выпускников. Школа это должна понимать за 15 лет, а мы — за 5 лет до взрослой жизни школьника.

Р. Б. МУХИН: — Я совершенно солидарен с Вами в том отношении, что образование — гораздо более тонкая и сложная субстанция, чем просто товар. И доказательством тому, на мой взгляд, служит то, что образование несет две функции — познавательную и воспитательную. Назвать воспитательную функцию товаром — кощунство. Товар, даже одного предназначения, имеет

разную стоимость. И как можно воспитать дешево или дорого гражданскую позицию, нравственность?..

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Я думаю, сделано было очень существенное замечание относительно того, что нельзя рассматривать образование только с какой-то одной позиции. Что касается вопроса о частном или общественном благе, если мы будем рассматривать образование исключительно как общественное благо, то на практике это может привести к тому, что будет доминировать мотивация долга, а последняя никогда не дает высоких образовательных результатов, и тогда образование само будет снижать свою роль как общественного блага. Для того чтобы в полной мере образование выступало как общественное благо, оно должно восприниматься как благо для обучающегося. За этим стоят уже не только социальные, экономические, но и педагогические проблемы.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Услугу можно понимать и как службу общества в интересах личности, тем более что в Законе РФ «Об образовании» речь идет о том, что образование — это процесс воспитания, обучения в интересах человека, общества и государства. Таким образом, образование существует прежде всего для человека. Когда же мы услугу начинаем приравнивать к товару, что абсолютно неправомочно, то тогда неизбежно следствие: услуга — значит плати, хочешь получать образование — плати. Это извращенная логика. На самом деле, если не пользоваться столь одиозным словом — «услуга», надо говорить о службе общества, государства в отношении человека.

Второе понятие, ставшее ключевым для нашего сегодняшнего заседания, — кризис. Это слово в словаре толкуют как «резкое изменение, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние». Но мы так долго находимся в «тяжелом переходном состоянии», что привыкли к нему и перестали различать степени кризиса. Бывает просто несовпадение цели и результатов, что закономерно вообще для любой широкой деятельности. Можно сказать, что обновление и содержание общего образования — перманентный кризис. Кратко говоря, концепция содержания образования как средство передачи культуры в целом противостоит концепции содержания образования как основы наук. Но существует и затяжной болезненный кризис, который по-

рождается изнутри — это преодоление инерции сознания, связанное с обновлением содержания образования. Еще одна степень — тот кризис, который может пустить под откос все остальное, в том числе и все предыдущие кризисы. Это — антисоциальная политика. Вот то, о чем главным образом и должна идти речь, причем необходимо принимать меры принципиальные и достаточно резкие.

А. В. СУХАРЕВ: — Проблема образования теснейшим образом связана с культурой, и не следует игнорировать то обстоятельство, что мы живем в эпоху кризиса культуры не только России, но и Запада. В России этот кризис имеет трехслойную структуру, потому что помимо внутреннего кризиса накладываются те элементы, которые к нам сейчас усиленно идут с Запада. Противоречие базового рыночного идеала, который сейчас навязывается, состоит в том, что этот рыночный идеал создает потребности и соответствующие услуги, то есть образование становится мозаичным, так же как и наша культура или этнокультура.

Культура имеет этническую функцию, то есть она либо объединяет народы, либо разъединяет. Этнические признаки распределяются по трем большим группам: климатогеографические, расово-биологические и культурно-психологические, включая конфессиональные. Проблема состоит в том, что все эти признаки — и климатогеографические, и собственно культурные, и конфессиональные, и какие-то привычки — так или иначе создают диссоциации. Но вопрос не в том, что они есть, а в том, что скорость этих диссоциаций катастрофически нарастает ввиду различных антропогенных влияний.

Этнокультурная мозаичность, находясь вовне, затем транслируется, интериоризируется в психику человека, и эта диссоциация создает условия для таких социальных недугов, как наркомания, психическая дезадаптированность, депрессия, социально отклоняющееся поведение. Эмоциональные проблемы, возникающие вследствие этнокультурной мозаичности, мешают усваивать знания в конкретных отраслях науки. Образование есть процесс наследования культуры (данная проблема сейчас рассматривается в культурологии, политике, психологии и, естественно, в образовании), и когда этот процесс осуществляется платно или осложнен какими-то проблемами, то мы получаем Маугли. Таким образом, образование можно определить как ви-

тельную потребность, такую же, как вода и воздух.

Если человек с детского сада воспитывается в этнокультурной мозаичной среде (то есть на «этнокультурной помойке»), то он эмоционально и нравственно не созревает, и, например, полученные им военные знания превратят его в бандита.

С. Д. НЕВЕРКОВИЧ: — Магистратура и бакалавриат втягивают нас в затратные экономические процессы. наших специалистов никто в Европе не ждет, а забирают только талантливых, нами подготовленных специалистов. Так, один специалист физико-математического направления государством США оценивается, как минус из своего баланса на подготовку специалиста — 800 тысяч долларов. Зачем нам магистратура, бакалавриат? Да, мы обязаны с первого шага молодого человека в образовательное учреждение задать ему модельное представление о будущей профессиональной деятельности и через межпредметные связи, педагогические технологии двигать его к нему и практически, и практико-ориентированно, к будущей профессиональной деятельности. Все, что наработано в наших образовательных теоретических концепциях — межпредметность, рефлексивность и некоторые другие принципы, превратит это просто в целостное восприятие будущей профессиональной деятельности, и тогда через высокие педагогические технологии естественно происходит модернизация производства в государстве.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Итак, затронута конкретная тема — Болонский процесс. И для нас, естественно, возникает необходимость определиться и попытаться ответить на вопрос: как скажется на судьбах российского образования его вовлеченность в Болонский процесс? Но, может быть, сначала мы выслушаем мнение относительно Болонского процесса нашего зарубежного коллеги Барри Морган.

Б. МОРГАН: — Как воспринимают Болонский процесс в Великобритании?

Политический контекст Болонского процесса состоит в том, что население Великобритании неоднозначно относится к Европейскому союзу — особенно много сомнений вызывает деятельность Комиссии Европейского Союза, которая стремится к тому, чтобы все

страны Союза были подведены к некоему единому стандарту. Международная стратегия Министерства образования в принципе приветствует Болонский процесс, но газета «Будущее высшего образования» ссылок на Болонский процесс не делает.

Университеты в Великобритании обладают очень высокой степенью автономии, в частности, это касается выдачи дипломов. Поэтому от них в большей степени, чем от правительства, зависит реальный переход на Болонский процесс. Я не думаю, что правительство предпримет меры для того, чтобы все университеты обязательно вступили в Болонский процесс. При этом, я думаю, до недавнего времени немногие в университетах Великобритании хорошо понимали его смысл.

В прошлом году был создан Союз по высшему образованию в Европе, который финансируют университеты страны и советы по высшему образованию. Задача этого Союза состоит в том, чтобы укрепить позиции высшего образования Великобритании в Европе и в Болонском процессе.

У нас в Великобритании имеется очень хорошая система контроля качества образования, и мы бы хотели, чтобы существовал и общеевропейский подход, причем, он обязательно должен быть прозрачным.

Как мы знаем, в Болонском процессе существует система накопления баллов-кредитов ECTS (European Credit Transfer System), которая зависит от продолжительности обучения. В настоящее время Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия пользуются системой кредитов; осталось провести работу по введению системы кредитов в Англии. В связи с этим, важно, чтобы Университеты приняли систему ECTS и как можно скорее одобрили выпуск соответствующего приложения к диплому. Сейчас мы определяем количество времени, которое следует затратить на обучение для получения степени магистра. Хотя мы еще в полной степени не договорились о том, как долго должно проходить обучение, мы считаем, что система подготовки специалиста в университете должна составлять три плюс два года, либо четыре плюс один, хотя сейчас эти цифры: три плюс один, таким образом в нашей стране обучение короче, чем в остальных.

У нас имеется так называемая интегрированная степень магистра, то есть без разделения на бакалавриат и магистратуру, обучение длится четыре года. Это можно считать своеобразным ответом на требования современного этапа развития научного и технологического общества, следствием того, что после трехлетнего бакалавриата для выпускников

вузов нет перспективы. Интегрированную степень мастера сейчас получают до 40 % выпускников в области точных наук и технологий и до 60 % выпускников инженерных университетов. Введение такой степени стало следствием желания работодателей.

Вступление в Европейское пространство высшего образования ставит перед университетами Великобритании ряд вызовов:

— в Великобритании прием студентов осуществляется в большей степени, чем в ряде других стран, на принципах отбора;

— в стране более развит рынок образовательных услуг в сфере высшего образования, при котором плата студентов за обучение составляет значительную долю дохода университетов;

— британские студенты весьма слабо владеют европейскими языками.

Главная проблема состоит в том, что европейское высшее образование весьма привлекательно для студентов всего мира, особенно в связи с тем, что во многих университетах преподавание ведется на английском языке. Это заставляет британские университеты вступить в международную конкурентную борьбу и может создать определенные финансовые трудности для образовательных учреждений.

Вместе с тем, вступление в Европейское пространство высшего образования открывает широкие возможности для британских университетов:

— создается потенциал для развития новых партнерских отношений и новых типов совместных дипломов;

— студенты и преподаватели будут более мобильны и получают дополнительные возможности для работы;

— признание решающей роли университетской науки откроет новые возможности для получения финансирования для научных исследований.

В целом, Великобритания положительно оценивает и воспринимает Болонский процесс и формирование единого европейского образовательного пространства и полагает, что этот процесс принесет определенные преимущества. Жизненно важно, чтобы процесс развивался на основе сотрудничества, взаимного доверия и обмена опытом в европейском масштабе.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Мы сконцентрировались на проблемах политических, социально-экономических, но преодоление системного кризиса в образовании связано с решением и психолого-педагогических проблем. Поэтому, наверное, имеет смысл рассмотреть те вопро-

сы, которые касаются внутренних преобразований системы образования, самого педагогического процесса, педагогической позиции тех, кто работает в образовании.

Ш. А. АМОШАВИЛИ: — Я не буду сейчас обсуждать гуманитарную педагогику, существующую ситуацию и т. д. Я просто хочу изложить свой вариант гуманно-личностного подхода к ребенку, гуманно-личностной педагогики, который сложился у меня благодаря знакомству с классической педагогической литературой. Я преклоняюсь перед классиками и считаю, что выше классики наша педагогическая наука не продвинулась. Классика как одна личность от Пантелеева до Сухомлинского, и пусть эта личность будет жить среди нас как живая сущность, а мы попытаемся вжиться в нее, чтобы вместе с нею думать, расти и вести дальше нашу педагогическую науку, педагогическое искусство и педагогическую мудрость в целом.

Я допускаю, что душа человека — бессмертная сущность, потому что я не могу этого доказать, а вы не можете опровергнуть, и я это принимаю, это постулат. Допускаю, что душа человека устремлена к вечному совершенствованию, восхождению, и это тоже вы не сможете опровергнуть, а я не смогу доказать. Земную жизнь я принимаю как отрезок пути восхождения души. И эти постулаты в текстах или подтекстах имеются в классическом наследии — кто-то об этом говорит открыто, кто-то умалчивает и даже скрывает, например Сухомлинский. Тогда кто же для меня ребенок? Я учитель, я воспитатель, я родитель, и если эти допущения принимаются как истина, тогда ребенок есть явление в нашей жизни. Я должен подойти к нему как к явлению, а не как к случайности, ребенок пришел в этот мир, потому что он нужен человечеству и самому себе тоже. Ребенок есть безграничная сущность в своих возможностях, и если мы ограничены в нашей педагогике — это наша беда, но сам ребенок имеет безграничные возможности, точнее, его дух. Ребенок несет в себе свое предназначение. Это не мистика, а реальность. Если будем обсуждать Пушкина, Достоевского, Вернадского и многих других выдающихся людей, то придет к выводу, что они так просто не могли родиться, они несли все это внутри себя изначально. Вот то, о чем я сейчас говорил, я принимаю четвертым измерением педагогического сознания — духовным измерением.

Как я должен идти к ребенку, с какой улыбкой, с какой строгостью, с какой лаской, с ка-

кой педагогикой или даже технологией? Хотя технология для этой педагогики — неприемлемое понятие. «Формировать духовный мир», «формировать личность» — так говорить нельзя, потому что ребенок изначально несет в себе личностные качества, мысли о знании. А если мы будем его формировать, значит — копировать себя в ребенке, тогда как надо возвращать заложенные в нем качества.

Если все это принимать, возникает необходимость пересмотреть нашу семантику. «Обучение», «воспитание», «учитель», «школа» — все эти понятия переакцентируются. Нам подал пример для этого Патриарх Московский и всея Руси, он сказал: «Школа есть от латинского *scale* и в переводе означает «лестница». Это дом радости, это лестница для восхождения души и духовности человека».

Хочу раскрыть еще одно понятие, чтобы вы поняли акцентологию гуманной педагогики, понятие акцентологии рождается именно в рамках гуманной педагогики. Слово «учитель» — величайшее понятие. Христос был учителем, Магомет, Будда были учителями, и я тоже называюсь учителем — у меня так в дипломе написано. В чем разница между мной и этими вещами мыслителями? Я себя разгадал именно через духовное зрение, через суть, которая изначально лежала в слове. Потом мы выкинули эту суть и заложили наш скудный опыт, и получается, что учитель есть предметник, носитель предмета, тот, который учит, разбрасывает знания. Кто хочет — берет, не захочет — не берет, и тогда получается, что школа, действительно, — товар. «Учитель» в переводе означает «душа, носитель света». Вот почему высшие мыслители и носители высших ценностей назывались учителями.

Отсюда вывод: или мне, учителю, надо подниматься до этого уровня и стать носителем не предмета, а света, и тогда я обойдусь без авторитаризма давления, или же унижить себя и стать просто предметником. Таковы ценности гуманной педагогики. Что еще к этому добавить? Сказать, что это педагогика «заоблачная»? Нет, это самая жизненная педагогика. Учителя хотят иную педагогику, духовную. В конце концов надо прийти к выводу, что окружающий нас мир творится нашим разумом, нашим духом. Не мир создает нас, мы создаем этот мир. Мысль, разум, сердце должны опережать все наши деяния. И если мы будем обсуждать экономику, значит и ее мы должны обсуждать с позиций духовности, тогда мы поймем, что образование — самая высшая ценность. Хотим могущественную Россию — люди творят Россию, хотим хорошую экономику — люди творят

экономику, хотим высшую нравственность — люди творят высшую нравственность. Если мы захотим — природа поможет, не захотим — природа отойдет от нас. Я даже склонен думать, что землетрясения, природные явления, может быть, и есть результат нашего дисбаланса с миром природы, которая стремится быть гармоничной, целостной, а мы упорно разрушаем эту целостность.

Т. А. МАЗАЕВА: — Кризис, который произошёл в нашем обществе, явственно показал: единственное, что может быть востребованным товаром, — это наше образование. И вузы стали приспосабливаться к этой ситуации. Мы имели прекрасное образование, которое могли предъявить миру как товар именно потому, что оно имело великолепное качество. Но дальше стали разрушать — причем очень целенаправленно — именно качество образования.

Качество образования во многом базировалось на развитии фундаментальной науки в вузе. И это тоже не осталось без внимания творцов рукотворного кризиса. Я представляю Северный Кавказ, где не только нет условий для развития фундаментальной науки в вузе, но есть другая крайность — в массовом количестве, безо всякого «заслона» издаются монографии, которые очень трудно назвать научными, они изобилуют недостоверными, неаргументированными и очень тенденциозными положениями. Сразу после опубликования эти «научные труды» становятся предметом изучения в студенческой аудитории.

Ни для кого не секрет, какова ситуация в нашем регионе, и так называемая фундаментальная наука становится фактором, способствующим нагнетанию социальной напряженности, и никто этому не противостоит.

В. К. БАЛЬСЕВИЧ: — Мне бы хотелось в рамках состоявшейся дискуссии затронуть еще одну проблему, которая осталась в тени. Мы говорим о качестве образования, подготовленного специалиста, но забываем о том, что качество этого специалиста во многом зависит еще и от того, насколько он социально активен, физически здоров, готов к преодолению сложностей современного мира и в состоянии ли свои параметры здоровья, крепости, надежности поддерживать и развивать. Великий петербуржец Петр Францевич Лесгафт называл физическим образованием то, что мы теперь называем физическим воспи-

танием. Мы ушли от этого термина, но я думаю, что придется к нему вернуться.

Человек сам должен создавать свое здоровье и уметь это делать, а нам следует профессионально его научить. Мы давно работаем над этой проблемой, и достигли определенных успехов. Нами разработана концепция спортивно-ориентированного физического воспитания, которое создает условия для гармоничного развития личности в условиях образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях. Мы ушли от старой парадигмы здоровьесбережения, так как согласно последним данным сберегать больше нечего, и развиваем новую парадигму здоровьесозидания, здоровьесформирования, что может быть обеспечено соответствующими педагогическими средствами. В наших условиях дети занимаются в системе физического воспитания не два часа, как это происходит везде, во всем мире, а шесть часов. Занятия осуществляются в форме тренировочного процесса, без которого невозможно формирование качеств организма человека, его способностей. Это позволяет человеку создавать то, что мы называем здоровьем.

Мы отказались от одинаковой для всех без исключения детей программы физического воспитания. Наши ученики могут выбирать приемлемый для них режим подготовки, обучения, тренировки, что обеспечивает наибольший успех. Приведу конкретные факты. В одной из сургутских школ ведется учет курящих, и девять лет назад таких был 21 %, через пять лет стало 8,3 %, а в этом году их осталось 1,3 %. Таков эффект специально организованного физического воспитания спортивной направленности, когда учащиеся сами выбирают себе режим спортивных занятий, осуществляют его в физиологически обоснованных нормах (а это не менее трех раз в неделю). Мало того, что благодаря этим мерам здоровье детей оказывается на самом высоком уровне, изменяются и поведенческие параметры: в этой школе у детей другие глаза, они по-другому смотрят на мир. Можно назвать это новой педагогической технологией, методикой, как угодно, но речь идет о новом содержании педагогического процесса, который определяется не только знаниями, хотя уровень знаний тоже значительно повышается благодаря улучшению того, что мы называем «экологией» ребенка.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — В нашей дискуссии намечился новый поворот. Если до этого акцент делался на проблемах, недостатках, ошиб-

ках, то сейчас мы получаем возможность обсудить и потенциал системы: что можно сделать здесь и сейчас, используя педагогические средства?

Е. О. ГАЛИЦКИХ: — Особенность формата круглого стола заключается в том, что нужно поддерживать общий контекст беседы и решать очень важные для всех и каждого вопросы. Поэтому в любой реплике обязательно должно быть три составляющих. Первая — отношение к тому, что ты услышал, вторая — твоя собственная мысль, которой ты делишься, и третья — та тенденция, которую ты предлагаешь дальше для обсуждения. В качестве первой реплики позвольте соединить сразу все три момента: вопрос о классике, вопрос о благе и вопрос о целях образования. Ответ мы можем найти у Плутарха: «Знатное происхождение есть благо, но это благо предков». (Помните, мы говорили о том, что образование родителей определяет образование детей?) «Богатство почетно, но это — дело счастья. Слава желательна, но непостоянна. Красота прекрасна, но преходяща. Здоровье ценно, но легко разрушимо. Сила завидна, но она разрушается старостью и болезнями. Образование — единственное, что божеественно и бессмертно в нас; и две вещи — лучшие в человеческой природе: разум и речь». Чем не цели нашего образования — разум и речь? Теперь вторая реплика: «Если хочешь помочь молодому — сделай вместе с ним. Если хочешь помочь старику — сделай вместо него, а если хочешь помочь дураку — сам дурак». Возникает вполне естественный вопрос: если наука помогает все время некомпетентному министерству, то тогда чем мы занимаемся и какова роль педагогической науки в формировании общественного мнения и определении качества развития образования? Третья реплика продиктована собственным педагогическим опытом. Конечно, качество образования в современных вузах определяется во многом личностью преподавателя. И университеты провинции находятся, конечно, в ситуации саморазвития. Если нет образовательной политики, что делать дальше? И поэтому образовательная политика творится на местах, и каждый вуз борется за выживание самостоятельно. И здесь все определяет преподаватель, его уровень интеллигентности.

А. В. СУХАРЕВ: — Согласно исследованиям, эмоциональная сфера, ее базовая осно-

ва закладывается до пяти лет, и это должно происходить в относительно гомогенных культурных условиях. Когда воспитана эмоциональность чувств, мотивационная динамическая составляющая, наступает черед нравственности. Без эмоциональной культуры нравственность невозможна. Нет нравственности — бессмысленно, даже вредно, давать сумму знаний. Тогда мы получаем то, что имеем сейчас.

В. В. ШАПКИН: — У российского образования нет кризиса, есть кризис государственного управления системой образования. Любой общественный порядок, в том числе экономический, держится на определенной институциональной системе, которая представлена формальными институтами: законами, приказами, нормами, положениями, и неформальными: традициями, обычаями, накопленной культурой и опытом. Действия нашего правительства этого абсолютно не учитывают. Бенджамин Дизраэли — премьер-министр Великобритании в 1884 году говорил, что любые изменения в обществе неизбежны, важно только, чтобы они принимались правительством с учетом традиций, а не по формальным признакам. Русский человек все может вытерпеть — и невзгоды и лишения, он не потерпит только одного: если его ребенок не сможет получить образование. А перевод образования, в том числе и общего, пусть и на частичную оплату приведет к общественному взрыву. Нарушается принцип доступности, заложенный в наших законах и Конституции. Давайте покажем правительству — нельзя пренебрегать менталитетом российской нации, нельзя действовать формально, вводя новые законы. Их изменить, кстати, очень легко, а неформальные институты меняются очень медленно.

Преклоняясь перед Шалвой Александровичем Амонашвили как великим педагогом, я не согласен с его генеральным тезисом. Образование — массовый процесс, массовые процессы не могут базироваться на индивидуальном мастерстве, поэтому технология здесь неизбежна. Тезис о необходимости восстановления здоровья наших детей, создании здоровой нации замечателен, но сегодняшняя структура и содержание среднего образования совершенно не оставляют места для такого перехода. Разговор о качестве образования становится бессмысленным, пока не определено, что есть образование, из чего оно состоит, каковы его структура и содержание. Можно говорить о качестве воспроизведения

фактических знаний о мире или социальной адаптации, или о качестве профессиональной реализации. Поэтому надо определиться, собственно говоря, для чего необходимо образование, какие цели должно преследовать.

Мир сегодня стоит на пороге серьезной революции в содержании образования. Традиционная парадигма образования, которая была нацелена на освоение молодым поколением накопленных человечеством фактических знаний о мире, сегодня отмирает. Знания: а) стали легко доступны; б) очень быстро нарастают в объеме; в) чрезвычайно быстро меняются, и по этой причине невозможно накопить какие-либо знания на всю жизнь вперед, это просто бессмысленно. Какие же цели могут сегодня преследоваться? Самые реальные — это «оспособить» человека к жизни в мире, то есть научить его способам взаимодействия с миром внутри и вне себя. И в этот набор способов взаимодействия с миром, безусловно, войдет и взаимодействие с самим собой, и взаимодействие с ближайшим окружением — семьей, взаимодействие с обществом в целом, с природой, культурой, искусством, наукой, техникой, наконец, взаимодействие со знаковыми, то есть формальными, системами, которые изучают многие отрасли науки. Это значит, что настало время отказаться от предметной структуры школьного образования и перейти к структуре, которая определяется областями взаимодействия человека с миром вокруг и вне его. Этих областей немного, я их все перечислил.

Обратимся к структуре нашей образовательной системы. Наша начальная, основная и старшая школы абсолютно ничем не отличаются друг от друга, а сейчас в данные рамки загнали и дошкольников. Это все предметное образование, меняется только набор предметов и совершенно не учитывается, что психология, физиология и прочие особенности людей разных возрастных групп различны, и их нельзя обучать одинаково. Я готов предложить несколько иную структуру, но прежде всего еще раз подчеркну целевые установки. Овладение способами взаимодействия с миром внутри и вне себя. Но мы с вами прекрасно понимаем, что если овладение способами не будет сопровождаться построением социально поддерживаемой системы ценностей, то человек способный — *homo habilis* — очень быстро превратится в *homo imoralis*. И по этой причине освоение способов взаимодействия с миром должно сопровождаться построением для каждого ученика его личной системы ценностей, которая соответствует ценностям того общества, в котором он жи-

вет. То есть речь идет о переходе на деятельностно-ценностную парадигму в образовании. И это общемировая тенденция, нам от нее никуда не уйти. Если мы будем топтаться на месте, без конца меняя стандарты, заменяя одни понятия на другие, урезая одни предметы и расширяя другие, то так и будем идти затылком вперед.

Соответственно, принимая другую образовательную парадигму, мы меняем структуру среднего образования. По-видимому, есть логика в том, чтобы оставить эти три уже существующие ступени, потому что это три возрастных градации школьного контингента — дети, подростки и младшие юноши, девушки. Но они разные, поэтому учить их надо разным вещам и по-разному. Начальная школа формирует комплекс учебных, шире сказать — общеучебных, компетентностей и создает мотивацию к основному образованию.

Слово «компетентности» я употребил не потому, что поддерживаю европейские тенденции в образовании. Я рассматриваю компетенции, как обобщенные способы деятельности, не зависящие от конкретной предметной области, в которой они применяются. И в этом смысле компетентности могут быть действительно серьезной целью образования. Не нравится это слово, давайте будем говорить об обобщенных способах деятельности.

В средней школе при изучении метапредметов: человек, семья, общество, природа, искусство, техника, наука, знаковая система формируется комплекс общих компетентностей деятеля, закладывается социально поддерживаемая система ценностей, одновременно создается мотивация к углубленному изучению группы узких научных или практических дисциплин, соответствующих личным интересам и возможностям ученика, если они не противоречат интересам и потребностям социума, в котором он живет. И, наконец, старшая школа позволяет углубиться в детали и тонкости выбранных предметных областей, совершенствуя предпрофессиональную и выстраивая профессиональную мотивации человека как зрелого гражданина общества.

Главное назначение начальной школы — научить человека учиться всю жизнь и раскрыть те способности, предпосылки, которые заложила в него природа. Что-либо формировать бессмысленно, надо найти то, что дал Господь Бог. Основная школа, делая акцент на способы взаимодействия с миром, помогает ребенку раскрыть его возможности, способности и применить их в тех предметных областях, которые ему наиболее интересны. Главная цель педагогов на этом этапе — на-

блюдение за ребенком и выяснение, какие способы деятельности наиболее адекватны его психике и типу личности, его душе, в каких областях они наилучшим образом применяются, с тем, чтобы помочь ему к старшей школе осознанно сделать выбор в пользу тех или иных узких дисциплин. Я категорически против сегодняшнего концептуального плана профильного обучения, когда профилей мало, а сами они широки. Я считаю, что профилей должно быть очень много, но они должны быть узкими. И профиль «вязание» или «ухода за ребенком» ничем не хуже, чем профили «математика» или «биология».

И, наконец, последнее: если меняется содержание, структура школы, должны принципиально меняться и образовательные технологии. Мир идет к интеграции, интеграция педагогических дисциплин тоже неизбежность, следовательно, необходимо менять структуру педагогического образования. Если мы все будем понимать, что представляют собой содержание образования и его цели, разработка новых технологий — следующая принципиальная задача. Только после этого имеет смысл заниматься проблемами качества.

М. Б. ГЛОТОВ: — Когда мы говорим о качестве, очевидно, имеем в виду три его составляющие: соответствие стандарту, соответствие функциональному предназначению, полезность того или иного продукта, товара или услуги. Образование тоже имеет три взаимосвязанных составляющих: просвещение, воспитание и обучение. Просвещение дает нам сознание, воспитание формирует наше мировоззрение, обучение дает нам возможность применять навыки, развивать свои способности. Новый стандарт касается только просвещения.

Если мы говорим о качестве образования, то следует исходить опять-таки из трех составляющих: качества подготовки специалиста, кадрового состава и учебно-методического и материального обеспечения. Соответственно, надо разрабатывать целый комплекс критериев. Таких критериев, кроме стандарта просвещения, сейчас нет.

Как можно оценить качество образования? Система, которую нам предлагает Болонский процесс — по количеству баллов — таит в себе очень большую опасность. Так, например, для технических вузов гуманитарная компонента будет исключена, потому что будут набирать баллы, стремясь стать профессионалами, забывая о том, что гуманитарная составляющая имеет огромное значение.

Существуют три основных способа оценки. Первый способ — это тестирование, я имею в виду в широком смысле слова. Второй — мониторинговые исследования, которые позволяют сравнивать качество мировоззрения или ценностных ориентаций обучаемых. Третий способ — связь с теми организациями, предприятиями, куда мы направляем специалиста, и их отзывы. То есть для решения этой проблемы требуется действительно системный подход.

И. Н. ПАШКОВСКАЯ: — Мы живем в определенной социально-образовательной ситуации, которая диктует нам свои условия. Какое государство мы строим? Какое образование должно быть, чтобы подготовить человека к жизни? Образование стало мощным фактором, который делит общество, стратифицирует его на богатых и бедных. Двадцать лет я проработала в Институте образования взрослых, где занималась проблемой прогнозирования развития образования. В 1984 году мы исследовали функциональную грамотность нашего населения — это умение читать, писать и считать. Тех, кто этого не умел, практически не было. Сейчас, когда у нас бездомных от одного миллиона (по данным наших властей) до шести миллионов (по данным нашей прессы), о какой грамотности, даже функциональной, может идти речь? Уровень развития государства определяется уровнем развития нашего образования и культуры нашего народа. Я с большим удовольствием слушала Шалву Александровича, спасибо ему за особое отношение к ребенку, потому что у нас сейчас образование дается по остаточному принципу. То, что можем дать, то и даем. А где возвышение человека? Где общая культура?

Наша высшая школа сейчас поставлена в определенную социально-образовательную ситуацию, и мы входим в Болонский процесс. Такова объективная реальность. И что нам делать? Давайте разделим студентов на бакалавров и магистров, подойдем к этому чисто формально. А где для тех и других рабочие места? И в чем же вообще разница? Мы разделим их на две ступени, и в магистры пойдут те, кто в состоянии платить больше за получение этой степени?

Многие образовательные стандарты — как и кем они написаны и где же вообще все то, о чем мы с вами говорим и к чему готовим выпускника? Курс на утилитарные знания или мы все-таки готовим человека развитого, способного к мобильности, к активности, к перестройке, способного изменять наше общее и самого себя?..

М. МАТЮЛЬ: — Я немного знаю о российском образовании, но многие проблемы, о которых сегодня говорили, мне очень понятны. Когда вы говорите о том, что европейская система образования каким-то образом влияет на Россию, то я хотел бы задать вопрос: каким образом Россия влияет на европейскую образовательную систему, на западную образовательную систему? Западная система образования очень изменилась за последние 50 лет. У нас произошли изменения во властных структурах, и теперь эти структуры проникают не только на уровень управления государством, но и внедряются в системы взаимоотношений между странами. И центр не всегда может диктовать то, каким должно быть образование. Правится нам это или нет, но функция образования меняется. Когда я начинал заниматься подготовкой учителей, то в центре внимания стояла проблема обучения ребенка. Сейчас же главной задачей образования становится обучение взрослых людей, после которого они могут найти работу. И, таким образом, отдается предпочтение некоторым дисциплинам над другими. Так например, философия не является сейчас важным предметом ни в университетах, ни в школе. И требования, которые предъявляются к образованию, в большинстве своем диктуются большими компаниями, которым нужны рабочие.

Действительно, сейчас образование становится тем товаром, который можно покупать и продавать. Независимо от того, изменяются ли в худшую сторону образовательные стандарты, важным является следующее: будет ли человек, получивший это образование, устроен на работу. Мне эта картина совершенно не нравится, но как социолог я должен наблюдать за этой картиной и говорить о своих наблюдениях.

В некоторой степени мы не знаем, что делать. Немецкие социологи говорят об обществе риска. И мы даем образование детям, чтобы они могли чувствовать себя комфортно в этом обществе риска, когда власть государства не является основной и доминирующей в мире. Изменились цели образования, они отошли от тех гуманистических идей, которые волнуют большинство из нас.

Э. Д. ДНЕПРОВ: — Мы переживаем действительно очень серьезный драматический момент, когда образовательная политика или, другими словами, социально-экономический курс правительства или власти в области образования несет угрозы и опасности не только

образованию, но и стране. Первое, что мы с вами зафиксировали, — это то, что социальные нормы и социальные блага превращены в товар. Отсюда — платность образования, о которой мы говорили и которая, по существу, есть огромная социальная ложь. Сколько существует образование, столько бесплатным называется для населения то образование, повторяю, за которое платит государство за счет средств налогоплательщиков. На протяжении двухсот лет это происходит во всем мире. Платное образование ведет к социальной сегрегации. Как только появляется сегрегация в образовании, оно становится фактором сегрегации или расслоения в самом обществе.

Если образование — услуга и товар, то это не только экономический, но и моральный утилитаризм. Зачитываю: «Качество образования проверяется не правильностью ответов ученика на уроке, а его умением в дальнейшем найти работу, которая принесет ему успех». При чем здесь господин Амонашвили с его духовной педагогикой? При чем здесь мы все с попытками духовной или гражданской самореализации? Только профессиональный успех. В этом плане самый успешный и самый образованный человек — это господин Абрамович. Выстраивается тоталитарная образовательная модель, где нужны только специалисты, не нужны ни люди, ни личности, ни граждане и т. д.

Власть загоняет не только образование в кризис, но оно загнало в кризис и управление своей административной реформой, которая, так сказать, зеркало и исток провального реформирования, ибо совершенно понятно, что неадекватное управление системой загоняет систему в тупик.

Итак, мы имеем на данный момент антигосударственную образовательную политику, потому что она наносит ущерб государству в широком смысле этого слова. Мы имеем антисоциальную образовательную политику, поскольку она наносит ущерб обществу. Мы имеем антинациональную образовательную политику, поскольку она несет ущерб нации и стране, так как в предельном понимании образовательная политика представляет собой социальную идеологию и социальные приоритеты нации в области или в сфере образования. Значит, нация здесь не при чем, здесь чужие приоритеты и чужая идеология. Тем не менее я убежден, что, несмотря на все вышесказанное, система образования выдержит и преодолет этот кризис, ибо, к счастью, она уже научилась работать вне зависимости от власти, как вне зависимости от власти уже учится жить наш народ.

Е. Ф. САБУРОВ: — Вы знаете результаты наших школьников по чтению, и это не только наша проблема. Я знаю, что и в некоторых европейских странах в высших учебных заведениях начали вводить предмет «Чтение», потому что люди просто не могут понять, что написано в документе. Это первая проблема нашей экономики — не слышат люди друг друга, не понимают, что говорят. Вторая, тоже связанная с образованием, — это проблема культурной идентификации. У нас отсутствует культурная идентификация, а национальная на уровне «баня, водка, гармонь и лосось» — вот она, Россия. Поэтому уехавшие от нас люди не возвращаются, и вся русская культура XX века не преподается — а это наиболее нужная вещь для национальной идентификации. Хочу напомнить, что все инвестиции в Китай производятся уехавшими из Китая людьми. Что касается русских, то самая главная задача — забыть, откуда ты приехал как можно быстрее.

Третья проблема, с которой мы столкнулись, — коллективизм как негативное явление, преодолена. Действительно, люди бездумно не пойдут за кем угодно, но атомизация уже имеет место быть и мозаичность, о которой здесь упоминалось, зашла очень далеко. Молодые люди настолько индивидуализированы, что не способны к командным действиям, «недоговороспособны» — не способны передать друг другу цели и поставить общие задачи.

Мы столкнулись с проблемой востребованности высшего общего образования, не профессионального, а высшего общего образования. В основном на себя эту функцию взяли педвузы, но, в принципе, многочисленные экономисты, юристы и все прочие — это тоже высшее общее образование. Работодатели говорят, что при современной системе умеющий обучаться человек обучается за три месяца тем навыкам, которые нужны ему на месте, но для этого ему нужно высшее общее образование.

В заключение я скажу следующее: образование — достаточно широкая вещь, но образовывается все-таки человек сам, на основании своих способностей, его не формируют. И это совершенно правильно, поэтому вопрос о цели и смысле образования — из разряда цели и смысла жизни. Действительно, мы даем

образование детям, не зная будущего — и всегда мы его не знали, мы отправляем их в «общество риска», как сказал наш английский коллега, это всегда так было и будет. Вопрос лишь в том, чтобы оснастить в дорогу как можно лучше.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Я действительно всегда был противником нелиберального подхода к образованию, и здесь дело не только в том, является ли образование товаром, услугой или нет. Важно то, что, когда мы говорим о бесплатном образовании, все понимают — за него кто-то всегда платит. Но речь идет о том, какую часть образования всем и бесплатно предлагает государство, беря деньги у налогоплательщиков, а что постепенно или сразу придется оплачивать родителям или самим учащимся. Тенденция такова, что эта, вторая часть, увеличивается. Я считаю, что это не соответствует тому уровню жизни, который у нас достигнут.

Когда началось падение качества образования и где истоки этого процесса? Его истоки (как и экономических проблем, и увеличивающейся доли платного образования) — в экономических решениях, подчеркиваю, не образовательных, а экономических решениях начала 1990-х годов. Поэтому дело не в том, что правительство некомпетентно, оно уверенно и целенаправленно продолжает курс, начатый очень давно. Мне кажется, сейчас правительство осознало, что оно превысило резерв доверия в экономико-образовательных вопросах, и я надеюсь, что решения, смягчающие сегодняшнюю остроту проблем, будут приняты. Если этого не произойдет, то перспективы развития образования представляются мне отнюдь не радужными.

Что касается Болонского процесса, то основную выгоду от него получают те, кто имеет хорошо развитую коммерческую систему подготовки специалистов. То есть больше всего выиграют Соединенные Штаты Америки и западноевропейские страны. Я не за то, чтобы не было Болонского процесса, а за то, чтобы вводить его постепенно, примерно два-три поколения должны вырасти не на специальных мерах, принятых государством, а в ходе поэтапного развития.

П. АХОСОЛА,

*директор Института профессионального образования взрослых
(EKAKS, Финляндия)*

О ЗАДАЧАХ СЕТЕВИКА, ТО ЕСТЬ СПАЙДЕРА КАК СВЯЗУЮЩЕГО ЗВЕНА СОТРУДНИЧЕСТВА

Данная статья появилась в результате работы автора в трансфер-группе отделения Теории и прогрессивных рабочих исследований функционирования университета г. Хельсинки в совокупности с занятиями в педагогическом институте Хелиа. Сведения, использованные в работе, взяты из сетевого журнала, который велся в течение года. На основании понятий развивающего взаимовлияния автор составил представленную в статье таблицу, в которой систематизировал задачи спайдера.

В процессе обучения мы постоянно сталкиваемся с основным вопросом, как передается знание. Является ли предметом вопроса непосредственное вливание знания в голову обучающегося, или же речь идет о какой-то совместной работе преподавателя, обучающегося и учебного заведения либо рабочего места. Точка зрения Энгстрема (2004): «Плохое обучение — это перенос в сознание обучающегося заранее заданных, готовых культурных штампов. При хорошем обучении к рассмотрению всегда предлагается что-то, не имеющее предварительной оценки, не облеченное в четкую форму». Ламберт, Хелле и Реунанен (2003) также указывают на процесс передачи знания: «What is transferred is not package of knowledge and skills that remain intact, but the very process of the transfer, ways to produce knowledge collaborately, and theoretically based new practices created through this collaboration».

«Зона ближнего развития не является каким-либо заданным готовым пространством либо точкой устремлений; это именно зона в буквальном понимании, зона, через которую ведут многочисленные пути. Зону ближнего развития можно описать как площадку, на которой взаимодействуют разнонаправленные силы, разделяющие ее на несколько наиболее очевидных основных участков, вариантов будущего развития. И заранее не известно, какой из них одержит верх, либо какое их сочетание найдет развитие в практике» (Энгстром, 2004). Важными факторами обучения являются процесс, трубы и сис-

тема взаимосвязей. Энгстром обращает внимание на то, что обучение менее всего напоминает движение по рельсам либо по проложенной трубе. Оно, скорее, походит на изменение дерева или куста в процессе эволюции. Развитие может двигаться по многочисленным направлениям, и это движение напоминает движение муравьев в муравейнике. Этот процесс можно охарактеризовать словом «роение».

Тойвонен (2004) описывает свою преподавательскую деятельность в роли спайдера по созданию сети следующим образом: «Создание сети — очень трудоемкая и часто незаметная работа. Преподавателей-спайдеров мы можем охарактеризовать как самоотверженных преподавателей, которые создают систему сотрудничества и поддержки. Подлинной мотивацией деятельности большинства преподавателей-спайдеров является стремление направить развитие своего учебного заведения по пути реально обучающей организации».

Ламберт указывает на термины, употребленные в произведениях о спайдерах и роли преподавателя Туоми-Грен — Энгстром (2003): медиатор, брокер, посредник или (торговый) посредник. Ламберт (2003), используя сравнения с пауками, указывает на их основную задачу как координаторов собирать воедино все инновационные процессы, проходящие в сети. Термин «спайдер» (паук) подразумевает соединение функций создателя сети, посредника в сотрудничестве и поддержании связей, координатора, то есть лицо, создающее и поддерживающее сеть и сотрудничество.

Предметом исследований автора являлось также использование понятий, определяющих развивающее взаимовлияние, как фактор более четкой систематизации процесса создания сети:

- пограничный объект (совместно выбранный объект развития);
- точка преодоления границы (выбранное социальное пространство, на примере которого рассматривается предмет);
- деятельность в пограничной зоне (совокупность сотрудничества);

— система функционирования (организации участников).

Как при создании сети наиболее удачным образом использовались понятия развивающего взаимовлияния. На основании экспансивного обучающего цикла и практической деятельности спайдера были определены его задачи, с помощью которых анализировался процесс создания сети. Конечной целью такого анализа являлось определение личностных и организационных объектов развития, необходимых для работы над дальнейшим развитием.

Задачи спайдера

В процессе преодоления границ и создания сети спайдер выполняет действия по преодолению границ.

Ламберт (2003) ссылается на систематизацию действий по преодолению границ, созданную Энгстромом:

- формулирование проблематики современной практики, вызов и парирование через границы;
- анализ современной практики через границы;
- совместное, поддерживающее обе стороны создание новых моделей, понятий, средств и технологических способов через границы;

— исследования и дискуссии о предлагаемых моделях, понятиях, средствах и технологических способах через границы;

— конкурентный отбор новых идей, понятий, средств или технологических способов, их адаптирование через границы, обсуждение их материальных и нематериальных ресурсов, обмен и продажа их через границы;

— рефлексирование и оценка форм выражения процесса через границы;

— закрепление результатов через границы.

Эти виды деятельности можно также считать входящими в круг задач спайдера. Задачей спайдера является достижение экспансивного обучения и дополнительная оценка через него мероприятий по созданию сети.

Опираясь на теорию, автор предлагает систематизировать задачи спайдера. Концептуально они приобретают форму после того, как создание сети осуществилось. Под слагаемыми данной системы можно понимать мероприятия, в которых внутреннее содержание понятий распознается и представляется наиболее полно.

Таким образом, в нижеприведенной таблице предложены задания спайдера, являющиеся его рабочим инструментом при планировании и анализировании процесса создания сети. Отдельные задачи спайдера содержат мероприятия, в которых распознается внутреннее содержание задачи.

Задачи спайдера	Мероприятия (всегда необходимо помнить, является ли технология достаточно эффективной и правильной, может ли она быть более эффективной, что именно я изучал, в чем состоит вопрос и почему именно в этом, можно ли поставить задачу более разумно, что именно представляет собой наша деятельность, какие она порождает проблемы, в каком направлении мы хотим изменяться и развиваться, как мы можем организовать наше сотрудничество наилучшим образом?)	Мероприятия по созданию сети
Потребность в интервенции выявление и начальное определение	Анализ системы деятельности, выявленная проблема, система целей, цикл обучения, культурно-исторический фон функциональной системы, оценка зоны ближнего развития, разработка действий по преодолению границ в письменной форме	
Объединение составных частей = интервенция (инициатива)	Поиск мест преодоления границ, выслушать объект = кого приглашают. Что еще необходимо? Нужен ли производитель инструмента?	
Поиск общего языка, термины	Прийти к согласию по поводу терминов: пограничный объект, место преодоления границы, деятельность в пограничной зоне, функциональная система. На каком языке стоит общаться?	
Предложение пограничного объекта	Более точное определение пограничного объекта с помощью вопросов: что должно являться продуктом? какой должна быть модель функционирования? Ее уровень целей	
Начало мероприятий по преодолению границ	Расширение взглядов на объект; появляются ли противоречащие друг другу понятия, споры? Появляются ли инновации, то есть отклонения от письменного плана, которые бы обнаруживали признаки экспансивного обучения	
Договор о дальнейшем сотрудничестве (система идей)	Деятельность по преодолению границ должна базироваться на постоянной основе. Достигается ли договоренность?	

Достижение проектного уровня функционирования	Определение процесса проекта/сотрудничества	
Достижение уровня дружеских отношений	Определение взаимодействия в парах (клиент — производитель)	
Достижение уровня производства	Сеть производителей, выполняющих совместную работу	
Достижение рабочего уровня функционирования	Модифицирование, основанное на запросах клиентов	

О создании сети и мотивации к этому стоит всегда думать как о мероприятии посещения магазина. Что я могу предложить, и то ли это, что нужно, в той ли форме, которую вторая сторона готова купить? С точки зрения обучения, спайдеру важно не забывать о том, что он является лицом, предоставляющим педагогическую поддержку. Таким образом, он, являясь наиболее подготовленным, не станет предлагать другим участникам заранее готовых решений, а предоставит им возможность принимать решения самостоятельно, что будет способствовать их росту. Это будет также благоприятно влиять на атмосферу сотрудничества и расширение круга связей и откроет большее пространство для творчества.

При подборе спайдером участников мероприятий по созданию сети стоит обращать внимание на выбор разных типов личности. На начальном этапе, когда обдумываются и устанавливаются масштаб и возможности сообщества, в группе может работать несколько спайдеров, закрепляя внутренние связи и возможности прокладывания новых центральных магистралей для преодоления поясов ближнего развития.

Так достигается более высокий уровень обучения, и появляются новые неожиданные результаты. Территории ближнего развития и возможности их преодоления не являются заранее сознательно запланированными при проведении мероприятий по созданию сети.

Участвуя в живом практическом общении с людьми, спайдер легко может отвлечь-

ся от своих задач — вводить в практику педагогические приемы. Таким образом, существует опасность выхода за рамки педагогической роли. Не стоит недооценивать понимание способности к трудовой жизни и желание научиться педагогическим закономерностям. Новое знание необходимо преподнести дозированно, подходящими порциями, снабжая его примерами из практики.

Проиллюстрировать значение общения можно примером из природы. Как раз недавно в одной телевизионной передаче из жизни природы были описаны способы связей и общения, являющиеся типичным поведенческим явлением пауков. Представители одного из видов пауков во время движения по паутине останавливались одновременно через регулярные промежутки времени в две секунды, для того чтобы определить, из какой области паутины поступают сигналы объекта. Как будто подчиняясь общему беззвучному приказу, они одновременно начинали движение, пока опять через две секунды не останавливались на мгновение. В программе задавался вопрос, каким образом происходит обмен информацией между пауками.

Таким образом, в соответствии с вышеприведенным примером мои личные и организационные потребности развития при создании сети направляются на более полный анализ функциональной системы, лучшее общение, более эффективное распознавание и понимание помех. В дальнейшем предприятия также необходимо брать в обработку на более раннем этапе.

В. К. БАЛЬСЕВИЧ,

член-корреспондент РАО, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), доктор биологических наук

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ИНТЕРЕСАХ УСИЛЕНИЯ ЕГО ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩЕЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Проблема здоровья населения России и многих других стран мира в настоящее время становится фактором национальной и интер-

национальной тревоги и стимулом поиска новых идей и путей ее разрешения. В обширной отечественной и зарубежной литературе

отчетливо просматривается попытка формирования новой парадигмы теории и технологий здоровьесформирования в противовес не оправдавшей себя в практике системы представлений о здоровьесбережении.

В научном и образовательном сообществе эти идеи и вытекающие из них проекты воспринимались пока без особого энтузиазма.

Помимо причин чисто философского, диалектического характера, являющихся отражением естественных трудностей процесса развития нового знания и новых технологических потребностей, всегда сопровождающих смену парадигм, в данной конкретной ситуации мы имеем дело с действительно очень серьезными обстоятельствами, препятствующими реализации новых походов к повышению эффективности физического воспитания в нашей стране. К их числу относятся:

— отсутствие национальной доктрины коренного преобразования государственной системы физического воспитания и спортивной подготовки детей, подростков и молодежи как обязательного условия физического и духовного оздоровления населения России, создания нового мощного стимула для формирования нового уровня культуры его жизнедеятельности на основе освоения ценностей здорового стиля жизни;

— отсутствие в стране материально-технической базы, способной обеспечить условия для полноценных физкультурно-спортивных занятий в системе массового физического воспитания обучающихся образовательных учреждений разного типа;

— отсутствие педагогических кадров, готовых без переобучения или дополнительной подготовки работать по новым технологиям физического воспитания;

— отсутствие диагностического оборудования и обученных кадров, способных обеспечить реализацию здоровьесформирующей функции физического воспитания;

— чрезвычайно низкий уровень информационно-образовательной культуры и соответствующих потребностей специалистов по физическому воспитанию, включая и управленцев сферы образования, физического воспитания, физической культуры и спорта.

Нетрудно понять, что преодоление вышеприведенных негативных характеристик состояния массового физического воспитания, осуществляемого ныне в государственных или находящихся под контролем государственных структур образовательных учреждениях разного типа, по существу возможно только на путях создания принципиально новой инфраструктуры национальной системы фи-

зического воспитания подрастающего поколения страны.

Системообразующим фактором, детерминирующим всю конструкцию проекта формирования инфраструктуры обновленной национальной системы физического воспитания является цель образования в области физической и спортивной культуры.

Исходя из современных представлений о феномене физической культуры, эту цель можно сформулировать как создание условий для овладения обучающимися в общеобразовательных учреждениях страны знаниями, умениями и навыками активного (деятельностного) использования базовых ценностей физической и спортивной культуры для формирования и совершенствования своего физического, психического и нравственного здоровья.

Государственно-управленческая установка на организацию условий, необходимых для достижения этой цели, может быть отражена в формулировках основных направлений и функций модернизированной, а точнее принципиально новой, инфраструктуры физического воспитания в общеобразовательных системах страны:

1. Создание организационно-педагогических условий привлекательности для детей занятий физическими упражнениями, играми и оздоровительными мероприятиями на уроках физической культуры.

2. Обеспечение соответствия обучающих и тренирующих воздействий на учебных занятиях по физической и(или) спортивной культуре особенностям возрастного развития моторики и психики обучающихся, их индивидуальным морфо-функциональным особенностям, физкультурно-спортивным склонностям и интересам.

3. Активное и системное использование новейших технологий физического и спортивного воспитания детей, подростков и молодежи.

4. Целенаправленное и приоритетное освоение обучающимися эстетических, нравственных, духовных и здоровьесформирующих ценностей физической и спортивной культуры и стимуляция положительного отношения школьников к предмету «Физическая культура».

5. Реализация обязательных занятий три раза в неделю по физической (спортивной) культуре с преимущественно тренирующей направленностью общим объемом от 200 до 270 минут.

6. Разработка принципиально новых проектов учебно-спортивных сооружений, обеспечивающих необходимые и достаточные возможности для реализации современных

научекоемых технологий массового физического и спортивного воспитания, оснащенных диагностическими и тренажерными комплексами и системами оперативного контроля состояния занимающихся, средствами информационной поддержки учебно-тренировочного процесса на занятиях по физической (спортивной) культуре.

7. Реструктуризация школьных, вузовских и других спортивных сооружений в структурах образовательных учреждений в направлении создания мощных межшкольных, межвузовских и других многоцелевых комплексов для использования несколькими образовательными учреждениями.

8. Реорганизация учебного процесса по физическому и спортивному воспитанию с направленностью на конверсионное использование в нем приемлемых для их целей элементов спортивной подготовки.

Учитывая масштабность критически необходимых преобразований систем массового физического воспитания детей, подростков и молодежи, следует планировать достаточно длительные сроки их реализации. Поэтому стратегия развития новой инфраструктуры должна предусматривать его многоэтапный характер.

На первом этапе в части обновления основных фондов материально-технического обеспечения массового физического воспитания необходимо предусмотреть проектирование различных типовых вариантов учебно-спортивных сооружений и их эксплуатацию в экспериментальных режимах в разных регионах страны.

Первый вариант такого элемента инфраструктуры мог бы предусматривать создание системы учебно-спортивных сооружений, рассчитанных на использование одним общеобразовательным учреждением. Главным требованием к таким сооружениям должна быть их универсальность, обеспечивающая возможность решения задач, прежде всего общей физической подготовки с использованием тре-

нирующих режимов двигательной активности. При этом важнейшими элементами данного сооружения должны быть: тренажерное, контрольно-диагностическое оснащение, видеотехника, компьютерное обеспечение учебно-тренировочного процесса, универсальные возможности трансформаций оборудования, конфигураций мест занятий и т. п. При определенных условиях этот вариант мог бы быть дополнен специально созданными возможностями проведения уроков физической культуры на местности (в лесу, парке, на открытой спортивной площадке и т. п.).

Второй вариант представляет собой многоцелевое спортивное сооружение, предназначенное для одновременного проведения занятий по 10–15 видам спортивной подготовки или других форм занятий физическими упражнениями (в том числе и в игровых формах). В таких сооружениях могут проводиться занятия с обучающимися из разных школ, а также из детско-юношеских спортивных школ. Они могут иметь вид многоэтажного спортивного сооружения или комплекса отдельных спортивных сооружений. И в том и в другом случае они могут быть дополнены плоскостными сооружениями в виде спортивно-игровых площадок, кортов, полей, беговых дорожек, секторов для прыжков и метаний, специально подготовленных кроссовых и лыжных дистанций, газонов для проведения тренировок на открытом воздухе. Так же как и в первом варианте, важнейшими элементами данного сооружения должны быть: тренажерное, контрольно-диагностическое оснащение, видеотехника, компьютерное обеспечение учебно-тренировочного процесса, а также предусмотрено пространство для их оснащения в будущем новыми элементами научекоемых технологий, предназначенных для массового физического воспитания и спортивной подготовки как одной из наиболее эффективных форм его модернизации и перспективного совершенствования.

Е. О. ГАЛИЦКИХ,

*заведующая кафедрой новейшей литературы и методики ее преподавания
Вятского государственного гуманитарного университета,
доктор педагогических наук, профессор*

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКА УНИВЕРСИТЕТА

Воспитание будущего профессионала как система содействия процессу самостоятельного развития способностей и готовности к высо-

кой культуре социальной самореализации личности молодого человека осознается учеными-педагогами как важнейшая функция

современного университетского образования. Наполнение процесса воспитания личностным содержанием возможно через развитие способности студента к самоорганизации, самообразованию, самовоспитанию. Повышение личной ответственности молодого человека за социальную реализацию своего предназначения и призвания предполагает стремление к духовному развитию, выбору своего мира ценностей и обращает нас к анализу понятия «интеллигентность» в условиях современного университета. Осознание гуманитарного смысла современного образования, идеального результата профессионально-личностного становления выпускника университета не может обойтись без размышления над содержательным наполнением сочетания «интеллигентный человек». Можно предположить, что именно это понятие определит то качественное изменение «образа» студента в процессе его профессионально-личностного становления в университете.

И. С. Якиманская считает, что психология нового столетия будет посвящена изучению, выявлению, становлению в человеке именно интеллигентности как особого отношения к миру людей и вещей, как осознанию духа, особых душевных качеств¹. Педагогические исследования последнего десятилетия дают возможность заключить, что проблема воспитания, становления человека интеллигентного в условиях гуманитарной среды высшего педагогического образования многогранна и актуальна. Интеллигентность и интеллигенция всегда создавали вокруг себя широкое проблемное поле вопросов: рефлексия по поводу творческих возможностей интеллигенции в России и ее роли в революции («Вехи», Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк), выявление интеллектуальной функции интеллигенции (У. Эко), происхождение термина и его эволюция в культуре и сознании народа (К. Г. Колтаков, А. А. Корольков), соотношение интеллигентности и образованности (Д. С. Лихачев), культурно-историческая роль интеллигенции (М. Мамардашвили), целостный, планетарный характер интеллигенции, статус интеллигентов как «властителей дум» (С. Великовский), связь интеллигенции и патриотизма (В. Распутин), «ответственное» употребление слова «интеллигентный человек» (В. Шукшин), характеристика университета как среды формирования человека культуры, современного интеллигента (Л. А. Вербицкая, В. Т. Лисовский, В. А. Садовничий, А. С. Запесоцкий).

Акцентируем наше внимание на вопросах о смысле и значении интеллигентности в университетском образовании. Может ли общество предъявлять столь высокий запрос к выпускнику университета? И может ли он в условиях «эпохи перемен», рыночной экономики, отношений конкуренции и образовательных услуг сохранить «звание» интеллигентного человека? Является ли интеллигентность критериальной интегральной характеристикой профессионализма, дающего право преподавателю университета учить и воспитывать других, передавать духовный опыт «от сердца к сердцу» (И. В. Гете)? И главное — создавать новый опыт, сохранять и творить человеческое в человеке, определять смысл «образования как встречу поколений» (В. И. Слободчиков), процесс самосовершенствования человека и общества? Своевременно ли рассматривать интеллигентность как этический идеал молодого человека, значимый в его будущем как ценность?

Можно считать, что термин «интеллигентность» переживает период интерпретаций, понимания, высвечивания новых смыслов, освобождения от «старомодности» и негативного к ней отношения. М. Мамардашвили устанавливал свой «философский камень» в основу представлений об интеллигенции, считая, что ее отличает умение смотреть на мир философски, разгадывать «неразборчивые письма нашей души». В призвании философ открывает точку опоры — воли и верности судьбе, своей «планиде», ответственности перед собой и людьми. Он остро ощущает ритмы времени в контексте повседневности, процесс отчуждения, «разрыв между высшими духовными потенциями общества и индивидуальным человеком проходит и по живому телу интеллигенции»¹. Его судьба тому подтверждение.

Интеллигент — это человек, сознающий себя, ищущий смысл своей жизни и призвание, способный к философской и профессиональной рефлексии. «Волна Сознания должна уметь обнаруживать другого человека, находить в нем свою границу, а затем, обогащенная опытом собеседования, со-переживания, со-страдания, образами, знаниями, культурными артефактами, возвращаться к своему владельцу как ресурс для его становления как Человека»².

Эту мысль разделяет Д. С. Лихачев: «Лишите человека памяти, избавьте его от всех

¹ Психология XXI века: пророчества и прогнозы // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 3–38.

¹ Анатомия интеллигенции // Литературная газета. 1996. 17 июля. С. 3.

² Голубева Л. Неразборчивые письма нашей души... // Альма матер. 1999. № 6. С. 43.

знаний, которыми он обладает, оторвите его от письменного стола и заставьте заниматься любой тяжелой работой, но если он сохранит умение понимать других людей, понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг чужих идей, произведений искусства, уклада быта, если он сохранит навыки умственной социальности, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни, — это и будет интеллигентность»¹. Д. С. Лихачев был убежден в том, что «образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового»². Гуманитарный смысл современного образования открывается педагогу мыслящему, неуспокоенному, вопрошающему, ищущему, обращенному к будущему и знающему прошлое, творящему в настоящем. Д. С. Лихачев видел «смысл человеческого существования в культурном творчестве всех», подчеркивал важность умения быть терпимым в интеллектуальной сфере общения, ставил акцент на необходимость постоянной внутренней работы над собой по сохранению духовных сил, лучшего, «добраго и прекрасного»: «Многие думают, что раз приобретенная интеллигентность затем остается на всю жизнь. Заблуждение! Огонек интеллигентности надо поддерживать. Читать, и читать с выбором: чтение — главный, хотя и не единственный, воспитатель интеллигентности и главное ее “топливо”»³.

Произошло феноменальное явление «загадочной русской души» — совпадение мысли, идеи с самим образом жизни ее автора, его обликом, он стал образцом интеллигентности рубежа веков, «властителем дум», «противостоящим»⁴ среднестатистическому обличку, поведению, состоянию духа. Осенью в Комарово у могилы Д. С. Лихачева я была поражена «облаком» цветов, которое просто закрыло могильный холмик. Люди помнят и любят человека, ставшего учителем целого поколения, служившего образованию своих современников и словом, и делом. В России индивидуальность как проявление яркой, самобытной, творчески активной личности, интересы которой связаны с судьбой Отечества, имеет специфический термин «интеллигентность».

Интеллигентность предполагает гармоничное единство индивидуальной свободы саморазвития, активности личности студента и общественно необходимым ее проявлением, ответственности за «судьбу Отечества», будущее своей страны.

Интеллигентность — интегральная характеристика человека, она определяет целостную оценку человека с позиции другого (со стороны виднее), поэтому «притвориться интеллигентным человеком нельзя»¹. Интеллигентность фокусируется в поступке, в «постоянном усилии быть человеком» (М. Мамардашвили), поэтому интеллигентность «измеряется» сделанным, пережитым, продуманным, написанным. Интеллигент не просто человек культуры, носитель и хранитель духовных ценностей, влюбленный в мир и его отражение в искусстве, но и творец культуры, он к самой жизни, ее процессу относится творчески.

Всегда с удовольствием зачитываю студентам обобщение К. Чуковского — итог жизни интеллигентного человека: «Когда Чехов умер, после него осталось не только 20 томов всемирно прославленной прозы, но и четыре деревенские школы, да шоссе на Лопасню, да библиотека для целого города, да памятник Петру, да посеянный на пустом месте лес, да два замечательных сада, около семи тысяч писем к нему, а скольких людей он вылечил как врач».

Интеллигентный человек интересен окружающим, это «умный человек с добрым сердцем» (Н. Бердяев), он открыт диалогу. Отсюда «интеллигентное владение языком, в котором доминирует здоровое консервативное начало»², стремление к точности, ясности, афористичности, образности, самобытности речи. В. М. Шукшин дает народную характеристику интеллигентного человека: «Хороший человек. Умный человек. Уважительный. Не мот, не пропойца. Чистоплотный. Не трепач. Не охальник. Работник. Мастер»³. Еще Владимир Даль в 1881 году записал, что «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей».

Было бы ошибочно ограничивать понимание смысла термина «интеллигентность» только акцентуацией ее позитивных проявлений. Отношение мещанства, невежества к неорди-

¹ Беседы с академиком Лихачевым // Сельская молодежь. 1986. № 10. С. 48.

² Лихачев Д. Заметки и наблюдения. Л., 1989. С. 480.

³ Там же С. 482.

⁴ Эко У. Быть интеллигентом в России — знак противостояния // Литературная газета. 1998. 13 мая.

¹ Лихачев Д. Заметки и наблюдения. Л., 1989. С. 483.

² Козырев В. А. Гуманитарная образовательная среда: языковая культура. СПб., 1999. С. 24.

³ Шукшин В. М. Монолог на лестнице // Шукшин В. М. Собр. соч.: в 5 т. Екатеринбург, 1995. Т. 5. С. 373.

нарности и индивидуальности агрессивно, и можно услышать в толпе ставшую крылатой фразу: «Мы университетов не кончали. Эх ты, интеллигент!». У этого отношения есть свои причины — отчужденность интеллигенции от проблематики реальной жизни, уход в познание, в книги, в свой язык «просвещенных». Я запомнила учительницу, которая очень открыто возмущалась, прочитав в газете слова «адепт и апологет», воспринимая их как личное оскорбление своего читательского достоинства. Поэтому так важно современному педагогу не уходить от вопросов «быта и бытия», находить «золотое сечение» между духовным и материальным, брать на себя ответственность за свои идеи, «быть деятельным участником своих истин» (А. А. Ухтомский). Интеллигентному человеку сейчас нужен не только ум, а мудрость, адекватная сложности современной эпохи, как «синтез исходной правды мировоззрения и философской рефлексии», так как для интеллигента важна настоятельность понимания Другого (*intellegens* означает «понимающий»)¹.

Выпускник университета, обладая интегральным стилем мышления, умеет соединять теорию и практику, учиться у жизни, осмысливать свой жизненный опыт, его уроки и ошибки. С точки зрения В. М. Шукшина, в интеллигентном человеке не только «неспокойная совесть, ум, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса

«что есть правда, гордость?», но главное — «сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное»¹.

Подчеркивая интегральный характер интеллигентности и обобщая размышления, выделим неразрывно связанные качества, составляющие сущность интеллигентного человека в его целостности: открытость диалогу с людьми и миром во времени истории и пространстве культуры; творческая активность, ответственное отношение к жизни и своей роли в ней; умственная самостоятельность; гармония интеллектуальных, нравственных и эстетических эмоций.

Задачи выпускника университета — хранить верность своему призванию, искать ответы на вечные вопросы, уходить от соблазна покоя и равнодушия, уметь осознавать и переживать встречу поколений как радость и событие, стремиться быть интеллигентным человеком, как бы сложно это ни было.

Завершить свои размышления о результатах профессионально-личностного становления будущих профессионалов в университете логично не выводом, а приглашением к диалогу. Может быть, интеллигентность — это все-таки талант, «редкий, особый дар человека, не отделяющий его от других людей, не возносящий над ними, но дающий человеку ощущение представительства за многих и многих людей, за целый народ — представительства перед историей, совестью, истиной...»².

¹ Сагатовский В. Н. *Философия развивающейся гармонии*. СПб., 1999. Ч. 3.

¹ Шукшин В. М. *Указ. соч.* С. 378.

² *Беседы с академиком Лихачевым...*

М. Б. ГЛОТОВ,

заведующий кафедрой социологии и психологии Государственной полярной академии (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор

КАЧЕСТВО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

В программном документе ЮНЕСКО «Реформа и развитие высшего образования» (1995) повышение качества образования признано одним из главных направлений совершенствования функционирования высшего учебного заведения. Заместитель министра образования РФ Л. С. Гребнев в статье «Гуманитарное образование. Размышления о «форме» и «содержании»» определяет качество образования как степень «соотнесения результата — свойств человека, получившего образование, — ясно сформулированным целям,

которые должны отражать интересы человека, общества, государства»¹. Вопрос о качестве гуманитарного образования поднимает А. С. Запесоцкий в своей работе «Гуманитарная культура и гуманитарное образование» (1996) и в разделе 7 «Концепция гуманитарного образования» работы «Образование: философия, культурология, политика» (2004),

¹ *Гребнев Л. С. Гуманитарное образование. Размышления о «форме» и «содержании» // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 5.*

где утверждает, что «для гуманитарного образования не менее остро, чем для других направлений образовательной деятельности, стоит вопрос о его качестве — в силу неопределенности границ понятия «гуманитарное образование», отсутствия критерия оценки результатов формирования мировоззренческого, личностного и профессионального ядра»¹.

Гуманитарное образование в вузе — необходимый компонент подготовки специалиста высшей квалификации, связанный с развитием духовного потенциала студентов за время их обучения. Вузское гуманитарное образование сложный и многогранный процесс, который включает два направления, две стадии и три взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса.

По направленности гуманитарное образование может быть неосознанным, спонтанным, стихийным и осознанным, целенаправленным и организованным. В вузе приоритетным должно быть целенаправленное и организованное гуманитарное образование. Сегодня назрела необходимость, чтобы это направление было прерогативой не только кафедр, преподающих гуманитарные дисциплины, но и всех остальных кафедр, а также администрации вуза и ее общественных организаций.

Стадиями вузовского гуманитарного образования являются гуманитарная адаптация и гуманитарная интериоризация. Стадия гуманитарной адаптации преобладает в тех вузах, которые готовят специалистов в области естественных и технических наук, прививая студентам духовность, формируя гуманитарную культуру, которая будет расширять кругозор, способствовать развитию их эвристических способностей, вырабатывать гуманистические ценностные ориентации. Стадия гу-

манитарной интериоризации является базовой для подготовки специалистов гуманитарных профессий. Если гуманитарная адаптация может быть добровольной и вынужденной, то гуманитарная интериоризация — добровольна, целенаправленна и требует приложения значительных усилий, как со стороны педагогов, так и со стороны студентов.

Гуманитарное образование студентов как целенаправленная организация вузом процесса формирования их духовного мира включает три взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса: просвещение, воспитание и обучение. Процесс *просвещения* формирует гуманитарное сознание студентов, в процессе *воспитания* у них вырабатываются потребности, интересы, ценностные ориентации, которые формируют гуманистическое мировоззрение, процесс *обучения* предоставляет им возможность развивать свои духовные способности, приобретать и совершенствовать умения и навыки по овладению и созиданию духовных ценностей.

К сожалению, стоит признать, что в настоящее время, несмотря на имеющиеся подходы, даже в мировой практике не разработаны четкие критерии качества гуманитарного образования. Практически также обстоят дела и с оценкой качества гуманитарного образования. Однако используя психологические и социологические методы эмпирического исследования, можно зафиксировать некоторые параметры качества гуманитарного образования в вузе. Так, с помощью тестирования можно выявить степень усвоения гуманитарных знаний студентами по преподаваемым в вузе гуманитарным дисциплинам. Анкетирование позволяет определить, какие гуманитарные ценности являются для студентов приоритетными. Мониторинг художественной жизни студентов дает возможность проследить за динамикой развития их духовного мира на протяжении всего периода учебы.

В. А. ДИНЕС,

*ректор Саратовского государственного социально-экономического университета,
доктор исторических наук, профессор;*

В. А. РУСАНОВСКИЙ,

проректор по учебной работе Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор экономических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФУНКЦИИ В РЕГИОНЕ

Высшая школа в Российской Федерации становится важнейшим государственным ресурсом развития регионов. Полнее стал вос-

требоваться интеллектуальный потенциал высшей школы, а ученые вузов лучше стали понимать свою особую роль в развитии регио-

¹ *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика. М., 2002. С. 308.

на. С позиции регионов это поддержка не только сугубо местных программ, но и крупных проектов национального и международного уровня, реализация которых может отразиться на экономике региона.

Однако при переходе региона к рыночной экономике необходимо менять побудительные мотивы и условия взаимодействия между сферой образования и структурами управления регионом, усиливая их потребность друг в друге. Образовательный потенциал региона необходимо рассматривать как важнейший фактор поддержки высоких темпов модернизации экономики региона.

Саратовская область располагает значительным интеллектуальным потенциалом, в котором высшая школа занимает особое положение, выступая как важнейший интеллектуальный ресурс развития экономики и общества, активно используемый при реализации социально-экономической политики региона.

Именно поэтому и губернатор, и правительство Саратовской области рассматривают вложения средств в систему высшего образования как самые эффективные инвестиции, как вложения, которые определяют будущее молодежи, ее профессиональное, культурное и духовное развитие.

Главное — реализовать на практике идею «сильные университеты — сильные регионы». Вузы действительно жизненно необходимы для развития регионов, так как они помогают теоретически осмыслить стратегию и тактику развития регионов, дать практические рекомендации, подготовить и переподготовить кадры для региона в соответствии с запросами регионального рынка труда.

В содержательном плане функционирование университета осуществляется путем реализации трех важнейших функций: образовательной, научной, социально-культурной. Нельзя не заметить, что наполнение функций и их соразмерность зависят от территориальной принадлежности. Например, в малых городах, особенно моноуниверситетского плана, исключительное значение имеют все функции вуза. В мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург), в отличие от малых городов, реализации университетом социально-культурной функции серьезно помогает весь социокультурный комплекс города.

В средних и крупных городах реализация функций, как правило, связана с насыщенностью городов вузами и отношением руководства регионов к конкретным вузам. В начале марта 2004 года в г. Саратове на базе нашего социально-экономического университета

был торжественно открыт Информационно-образовательный центр (ИОЦ) «Виртуальный филиал Русского музея». Это первый филиал, открытый Русским музеем в вузах Российской Федерации. Данное событие стало возможным благодаря инициативе директора Русского музея В. А. Гусева, активной поддержке этого проекта правительством Саратовской области и пониманию руководством университета того, что выпускник вуза должен быть не только профессионально образованным, но и культурным человеком.

Несомненно, что университет, не выполняя подлинно *социокультурную функцию*, не может статусно считаться таковым. В нашем университете думают не только о формировании учебной среды, но и о высоком культурном уровне студентов. Поэтому создание виртуального филиала Русского музея является закономерным и чрезвычайно важным событием.

ИОЦ «Виртуальный филиал Русского музея» включает интерактивный кинотеатр, где посетители совершают виртуальные путешествия с гидом и самостоятельно; образовательную зону, где по методикам Российского центра музейной педагогики будут осуществляться учебные программы; информационную зону, предназначенную для самостоятельного ознакомления с материалами Русского музея на электронных и бумажных носителях. Планируется, что со временем значительная часть информации будет посвящена многовековой истории Саратовского края, ее культуры. Сам информационно-образовательный центр, кроме традиционной просветительской функции, будет создавать и информационные ресурсы культурологического назначения, используя базу таких замечательных Саратовских музеев, как им. А. Н. Радищева, им. Федина, Краеведческого.

ИОЦ принимает участие в научно-исследовательской работе совместно с сотрудниками художественного музея им. А. Н. Радищева по проекту «Экологическая роль изобразительного искусства в условиях интенсивного визуального потока», в работе было задействовано несколько школ города и студенческих групп из разных вузов. Ведется исследовательская работа по созданию региональных электронных ресурсов по творчеству современных художников Саратова и области — разработана структура базы данных и каталога, проводится цифровая съемка и обработка фотоматериалов.

Разработан цикл лекций для младших школьников «Животные в живописи русских художников», «Мировая художественная

культура», специализированные лекции по заявкам учителей-предметников. В рамках курсов повышения квалификации учителей мировой художественной культуры регулярно проводятся занятия по заявленной тематике.

Создается картотека по мультимедийным лекциям, разработанным преподавателями Саратовского государственного социально-экономического университета (СГСЭУ), информация преподавательских ресурсов в системе повышения квалификации и на сайте виртуального университета. На данный момент сотрудниками центра совместно с преподавателями СГСЭУ разработано более 50 лекций, как для студентов профилирующих кафедр, так и для школьников. Часть лекций из серии мультимедийных учебных курсов в настоящее время внедряется в учебный процесс на кафедрах СГСЭУ. По специальной программе

началось обучение студентов по специальности «Web-дизайн и компьютерная графика». Сегодня фонд видеотеки ИОЦ составляет более 400 наименований видеокasset, DVD и CD по различным направлениям живописи, истории, религии, научному творчеству и т. д.

Все это вызвало большой интерес к ИОЦ «Виртуальный филиал Русского музея» со стороны различных слоев населения области. За год его посетило более 6 тысяч человек. Причем половиной посетителей были школьники.

Реализация социокультурной функции университета позволяет не только учить, но и воспитывать студентов. Как не вспомнить по этому поводу прекрасные слова А. С. Пушкина: «Счастье есть лучший университет. Он завершает воспитание души, способной к доброду и прекрасному». На это и направлена вся деятельность коллектива университета.

В. В. КРАЕВСКИЙ,

академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЕГО ПЕРМАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В наши дни слово «кризис» примелькалось настолько, что уже не вызывает сильных эмоций. Словари определяют его по-разному, но начинают с наиболее общего: «резкое изменение, резкий, крутой перелом в чем-либо»; «тяжелое переходное состояние»; «обострение политического положения»; «затруднительное положение»; «решающий, переломный момент в ходе болезни (мед.); «окончание периода процветания, то есть прекращение периода общего оптимизма». А вот и ближе к нашему предмету: «Кризис — состояние душевного расстройства, вызванное длительной неудовлетворенностью человека собой и своими взаимоотношениями с окружающим миром. Кризис возрастной нередко возникает при переходе человека из одной возрастной группы в другую». Вряд ли кто-либо будет отрицать, что тяжелое переходное состояние, резкое изменение, крутой перелом, острое затруднение, тяжелое положение и другое, упомянутое выше, — более чем привычные характеристики ситуации едва ли не во всех сферах нашего бытия, в том числе и в образовании.

Началось это не вчера. Более или менее ярко выраженное расхождение целей и результатов педагогической работы случалось

и в прошлом довольно часто, и для преодоления его требовались всякий раз столь значительные усилия, что кризисное состояние в этой области, нередко опережая осознание обществом симптомов такого же положения дел в социальной сфере вообще, фактически перестало восприниматься как кризис, хотя нередко его называют именно так. В конце концов, действует закономерность и объективно существующее несовпадение результатов и целей любой деятельности коллективных (социальных) субъектов, поскольку результат принимает форму не цели, а скорее средств, с помощью которых достигается результат. Очень большое несовпадение воспринимается как кризис. Кризис образования — один из самых остро ощущаемых обществом участков системного кризиса, которым оно охвачено в настоящее время. При этом сам кризис образования носит системный или, можно сказать, «подсистемный» характер, поскольку образование — одна из подсистем общества, выступающего как интегральная система деятельности. В то же время без периодического обострения кризисной ситуации невозможно движение вперед педагогической науки и практики. Это движение стимулируется необходимостью

преодоления разрыва между желаемым и действительным.

Образовательный кризис есть во всем мире, в том числе и там, где на развитие образования не жалеют ни сил, ни средств. Он происходит в силу объективного отставания возможностей образовательных систем от возрастающих потребностей. В XXI веке независимыми останутся только те страны, которые смогут выдержать интеллектуальную и технологическую конкуренцию.

Степень и характер кризиса могут быть различными. Целесообразно различать разные его виды, чтобы не пропустить симптомы тяжелого кризиса, грозящего перерасти в катастрофу.

Нередко кризисом называют то несоответствие целей и результатов, о котором шла речь выше. По мере ускорения социальных процессов в нашу эпоху становится более частой и даже постоянной корректировка деятельности, порождающей неудовлетворительный результат. Необходимость такой корректировки ныне возникает многократно на протяжении жизни одного поколения. Такой кризис, который становится привычным, можно считать кризисом первого типа. Однако может быть и не стоит называть такое состояние дел кризисным именно по причине его постоянного возобновления. Кризис второго типа — это действительно кризис, который бывает затяжным, иногда вялотекущим, иногда весьма острым. Но «привыкнуть» к нему нельзя. Таков кризис в области определения содержания образования.

Можно найти немало иллюстраций сказанного в истории нашей страны и российского образования. Но, по-видимому, более полезной была бы попытка анализа с этих позиций сегодняшней ситуации в свете событий последних десятилетий. Необходимость реформы отечественного образования была предметом острых дискуссий в 1960–1970-х годах. В 1974 году генеральный секретарь Л. И. Брежнев с высокой трибуны заявил, что «наша общеобразовательная система нуждается в серьезном совершенствовании». Необходимость совершенствования определяется в первую очередь тем, что выпускники школы, как средней, так и высшей, не оправдывают ожиданий тех, кто занимается их подготовкой к жизни и профессиональной деятельности. Поэтому главная проблема, которую решают реформаторы — содержание образования. В Концепции модернизации российского образования, принятой совсем недавно, отмечается, что содержание школьного образования, будучи устаревшим и перегру-

женным, не отвечает требованиям наступившего века.

Чему и как учить — вопрос, который всегда актуален. Желание включить в школьные программы и учебники «всю» математику, «всю» химию, вообще все научное знание, которое непрерывно разрастается и множится, является одной из главных причин пресловутой «перегрузки» школьников учебными занятиями, отягощающей школьное образование на протяжении многих лет.

Стремление к отказу от жестких авторитарных схем, связанных с манипулированием учащимися, и ориентация на всестороннее развитие, проблемное обучение повлекли за собой в 1970–1980-х годах усиление внимания к философскому, методологическому и теоретическому осмыслению педагогической науки и практики. В контексте этих тенденций был предложен культурологический подход к построению концепции содержания общего среднего образования, соответствующий установкам гуманистического мышления.

В 2002–2003 годах немало усилий к созданию нового поколения образовательных стандартов приложил временный научный коллектив при Министерстве образования РФ. Приходилось преодолевать сопротивление, оказываемое с разных сторон, в том числе со стороны некоторых педагогов-методистов.

К сожалению, сдвига в отношении к педагогическим аспектам этой работы крупных ученых — специалистов в области наук, преподаваемых в школе, не произошло. Сциентистское представление о содержании образования, сводящее последнее к основам наук, оказалось непотопляемым. По поводу проекта федерального компонента стандарта общего образования, разработанного в 2002 году, комиссия Российской академии наук высказала критические замечания. Этот проект ее не удовлетворил. Вряд ли возможно было сделать так, чтобы все были довольны. Но недовольным можно быть по-разному. Пока педагоги сетуют на перегрузку, которая, вопреки стараниям разработчиков, явила себя и в новых стандартах, академические математики, как напечатано в еженедельнике «Поиск», «вступились за свою дисциплину... часы, отведенные на обучение математике, сокращаются, упрощается ее преподавание». Это, говорится дальше, «касается и других естественно-научных дисциплин». Например, «отсутствует материал по полимерам».

Нельзя утверждать, что разработки, которые получились, были идеальными. Все та же перегрузка дает «метастазы», невзирая на

«хирургию». Не так просто преодолеть предрассудки, которым подвержены составители конкретных стандартов и программ по предметам. Но они свидетельствуют об определенном продвижении в представлениях о назначении и структуре школьных предметов, и о содержании образования в целом. В некоторых стандартах (по иностранному языку, обществоведению) нашла воплощение культурологическая концепция содержания образования.

Однако в дальнейшем при доработке стандартов, уже без участия ВНК, движение пошло в обратную сторону. Обозначился разрыв между декларируемым и реально проектируемым.

С одной стороны, на совещании в Министерстве образования РФ 23 декабря 2003 года, посвященном проекту федерального компонента стандарта, было отмечено, что обсуждаемый стандарт имеет общекультурную направленность, его цель — соответствовать требованиям современного общества. Нечего возразить по поводу той части стандартов, где обозначены общие установки и цели обучения по каждому предмету. В цели преподавания химии, например, входит «развитие познавательных интересов и интеллектуальных способностей» и «применение полученных знаний и умений для безопасного использования веществ и материалов... решения практических задач в повседневной жизни».

Составители учебных планов внимательно отнеслись к его гуманитарной части. Увеличено количество учебных часов, хотя жаль, что это не коснулось важнейшего предмета «Обществознание». Предусмотрено введение в профилях гуманитарной направленности интегрированного учебного предмета «Естествознание», что дает возможность экономить учебное время и использовать резерв его на расширение содержания соответствующих учебных предметов (литературы, языков, истории).

С другой стороны, упорное сопротивление новому и верность сциентизму и предметоцентризму приводят к тому, что модернизация сводится к изъятию одних тем из перечня изучаемых и добавлению других, к включению в стандарт умений, ненужных в повседневной жизни и лишь усложняющих жизнь тех школьников, которые не собираются посвятить жизнь научной работе в обозначенной данным предметом сфере. Например, невозможно понять, зачем нужно *всем* то, что включено в раздел «Обязательный минимум содержания основных образовательных программ» стандарта *основного общего образо-*

вания по химии: «Проведение расчетов на основе формул и уравнений реакций: 1) массовой доли химического элемента в веществе; 2) массовой доли растворенного вещества в растворе; 3) количества вещества, массы или объема по количеству вещества, массе или объему одного из реагентов или продуктов реакции».

Стандарт по обществознанию — шаг назад по сравнению с проектом стандарта по обществоведению, который предлагался ранее, где разделы обязательного минимума по этому предмету были структурированы в соответствии с культурологической концепцией, по пунктам «ценностные ориентиры», «знания», «способы деятельности», «опыт». Теперь эта структура размыта, по-видимому, ради унификации всего материала стандартов, далеко не во всех случаях учитывающих новые подходы. По-прежнему нет ответа на вопрос: где меньшее зло — в наличии стандартов или в их отсутствии? По-видимому, проблеск появится, когда в массовое сознание, в том числе педагогическое, пробьется через тысячелетия свежая древнеримская мысль: «Non ad scholam, sed ad vitam discimus» — «Не для школы учимся, а для жизни».

Реформы, призванные преодолевать кризисные ситуации, теперь случаются чаще, чем раньше. При таком темпе изменений нарушается системность и последовательность нововведений, возникает разрыв между требованиями к образованию и способами их выполнения, принадлежащими не только самой системе образования, но государству в целом. Есть и такие кризисы, которые, начинаясь со сферы образования, приводят общество и государство в целом к «критическому» состоянию. Можно было бы назвать их кризисами третьего типа. Обращение к современному состоянию российского образования подтверждает сказанное.

Изменяются ориентиры в образовательной политике, причем нередко в течение небольшого отрезка времени.

В 2002 году в президентском Послании к Федеральному собранию говорилось: «Люди увереннее смотрят в завтрашний день. Многие начинают строить долгосрочные личные планы, стремятся получить образование и новые профессии. И, видимо, не случайно, что прошлый год был для России рекордным по числу студентов».

В послании 2004 года акценты изменились: «По сравнению с советским периодом почти утроился прием в вузы и число поступающих в них фактически сравнялось с числом выпускников средних школ».

Все эти противоречия, недоразумения, разрывы в логике действий свидетельствуют о том, что «тяжелое переходное состояние», «резкое изменение», «острое затруднение» — все это отнюдь не временные, преходящие характеристики образования.

Но кризис может быть поистине разрушительным, граничащим с социальным суицидом. Это — нечто большее, чем кризис третьего типа. Все остальные проблемы им как бы отменяются, выглядят подобными танцам на палубе «Титаника», уже столкнувшегося с айсбергом. Его истоки — в некомпетентности и безответственности тех, кто стечением обстоятельств поставлен в позицию, определяющую решения по самым важным вопросам. Уже более десяти лет российское образование подвергается многократному наплыву сменяющих друг друга реформ, концепций, доктрин, программ, сертификаций, аккредитаций, стандартов, минимумов и т. п. Вплоть до 1998 года это сопровождалось ежегодным снижением финансирования. В результате сильно сократилась сеть дошкольных учреждений, ухудшилось здоровье большинства детей и существенно понизилось качество знаний учащихся.

В прошлом году Государственная Дума дружно поддержала в первом чтении внесенный Правительством РФ пакет законопроектов о масштабной реформе социальной сферы. Сразу были внесены изменения в более чем 150 федеральных законов, более 40 законов признаны утратившими силу. Вокруг этого законопроекта развернулась общественная дискуссия, сконцентрированная главным образом на вопросах, связанных с заменой нынешних социальных льгот на денежные компенсации, а не вокруг изменений в сфере образования, предлагаемых правительством в этом законопроекте.

В опубликованном в феврале 2005 года письме трех министров образования России — Э. Д. Днепров (Министра образования РФ в 1990–1992 гг.), Е. В. Ткаченко (1993–1996 гг.), В. Д. Шадрикова (1988–1990 гг.) — подвергся резкой критике представленный Министерством образования и науки РФ документ «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации». Авторы письма указывают, что в то время как развитые страны все более наращивают присутствие государства в сфере образования и ее бюджетную поддержку, в документе предлагается движение в прямо про-

тивоположном направлении. Они показывают образовательно-педагогическую некомпетентность составителей документа, которая не является политически и социально нейтральной. В отечественном образовании вводятся такие изменения, которые сделают его не только сегрегационным, но попросту неконкурентоспособным. Прямым последствием этого, заявляют авторы письма, будут неконкурентоспособность страны, ее резкое отставание от мировых процессов, и неспособность ответить на глобальные вызовы современности.

К этому можно добавить, что сформулированные Правительством РФ приоритетные направления — «развитие современной системы непрерывного профессионального образования, повышение качества профессионального образования, обеспечение доступности качественного общего образования, повышение инвестиционной привлекательности сферы образования» не смогут быть реализованы в русле осуществляемой в настоящее время государственной политики. Невозможно говорить об «инвестиционной привлекательности сферы образования», одновременно уничтожая соответствующие налоговые льготы. Нельзя рассчитывать на «обеспечение доступности качественного общего образования», одновременно отказываясь от федеральных нормативов финансирования школы и федеральных гарантий оплаты труда учителя. А именно такова сегодня политика федеральных властей.

В иерархии кризисов, которую мы пытались выстроить в данном сообщении, этот «рукотворный», по выражению одного из авторов письма, кризис, безусловно, занимает «почетное» первое место. Если позволить ему шириться и углубляться, обсуждение всех остальных проблем, в том числе и характерных для других кризисных ситуаций, выглядит просто неактуальным. Придется не столько искать решение острых вопросов, сколько наблюдать их ликвидацию.

Остается надеяться, что и это мы переживем, и, в конечном счете, профессиональная и гражданская позиция тех, кому небезразлична судьба образования и страны, проявится в полную силу. От нас зависит, как скоро наступит тот благотворный кризис, которым медики обозначают переломный момент в ходе болезни — преодоление тяжелого состояния и кардинальное изменение к лучшему.

Ю. В. ЛАРИН,

*проректор по научной работе Тюменского государственного института искусств и культуры, заведующий кафедрой культурологии, кандидат философских наук, доцент***ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ***Образованность и интеллектуальное развитие — это как раз суть естественные состояния человека...*

Д. С. Лихачев. Раздумья

Вне и помимо культуры человек невозможен не только как социальное, но даже и как биологическое, живое существо. Человек конституирует, утверждает самого себя в мире по мере того, как, реализуя свои собственные сущностные силы, не только творит, но и непрерывно воспроизводит культуру как непреходящую основу своего, собственно человеческого бытия.

Образование — менее всего некая факультативная «сфера услуг», но, прежде и главным образом, — специализированный механизм воспроизводства культуры, сложный и многоуровневый процесс интеллектуального развития человека, приобщения его к миру истины в органическом сопряжении с процессами приобщения к миру блага, справедливости, добра и красоты.

В силу своей нацеленности на достижение как специфических особенностей разнообразных культур, так и многообразных форм проявления их глубинного единства, закономерностей и перспектив бытия человека в мире культурологическое образование, будучи аналогом «живой» культуры, не только необходимый элемент системы образования, но и неперемное условие процесса «расширенного» воспроизводства самой культуры.

Анализ постановки и состояния как общего, так и специального профессионального культурологического образования обнаруживает целый ряд проблем, требующих решения.

В частности, дискуссионным остается вполне естественный и принципиально важный в плане самоопределения любой науки вопрос об «отце», или «основоположнике», культурологии как науки о культуре, в связи с чем и хронологические рамки процесса ее становления предстают достаточно противоречиво. Таковым считается то С. Пуффендорф, то И. Г. Гердер, то К. Г. Маркс, то Э. Б. Тайлор, то Ф. Боас, Э. Сепир и Б. Уорф, то Л. А. Уайт.

Часть исследователей считает культурологию уже оформившейся наукой. Не менее значительно число тех, кто не склонен рассматривать ее в качестве таковой. Наконец, целый ряд исследователей придерживается в

этом отношении более осторожной позиции, считая, что культурология — это пока еще не «наука», а некая область знания, в процессе становления как научная дисциплина.

В методологических исследованиях, непосредственно связанных с представлением общей системы современного научного знания, вопрос о статусе культурологии и ее предметной специфике практически не ставится. В исследованиях культурологического характера этот вопрос рассматривается, как правило, в рамках какой-либо уже «устоявшейся» модели общей системы научного знания, ограничивающей возможности определения статуса культурологии либо философскими, либо естественными, либо гуманитарными, либо общественными дисциплинами, либо тем или иным их «сочетанием».

Вместе с тем исследования в области онтологии и методологии науки позволяют рассматривать систему современного научного знания как состоящую из четырех основных подсистем, каждая из которых имеет предмет своего изучения один из основных видов бытия как такового: естествознание (естественные науки), предметом изучения которого является природа; социология (социальные науки), предметом изучения которой является общество; антропология (гуманитарные науки), предметом изучения которой является человек; культурология (наука о культуре), предметом изучения которой является культура.

Если это так, то становится возможным и необходимым выделение двух основных аспектов ее структуры: внутреннего и внешнего.

Рамки первого аспекта предполагают структурирование культурологии, исходя из ее внутреннего содержания. Согласно разработкам В. С. Степина — Д. Шейпера — К. Хукера, та или иная область знания как научная дисциплина в своем целостном виде может быть представлена иерархией не двух, как это обычно принято считать, а трех основных уровней. Исходя из этого, во внутренней структуре культурологии как науки могут быть выделены три исходные и основ-

ные дисциплины, каждая из которых является конституирующей в пределах соответствующего ей структурного уровня:

— метатеоретическая культурология, или «Философия культуры», задачей которой является разработка мировоззренческих и методологических проблем осмысления культуры как специфического вида бытия;

— теоретическая культурология, или «Теория культуры», задачей которой является выявление и анализ сущности и структуры культуры, форм ее бытия, закономерностей возникновения, функционирования и развития;

— эмпирическая культурология, или «Феноменология культуры», задачей которой является описание тех или иных явлений культуры в присущих им конкретных пространственно-временных формах, получение фактов и их эмпирических обобщений в качестве соответствующего базиса теории культуры и ее философского осмысления.

В рамках внешнего аспекта структурирование культурологии связано с рассмотрением целой системы онтологических отношений — «культура–природа», «культура–общество», «культура–человек» — и предполагает выделение соответствующих научных дисциплин, формирующихся в качестве «переходных» между культурологией, с одной стороны, и естествознанием, социологией, антропологией — с другой. В содержательном наполнении каждого из указанных взаимодействий различаются два равноправных и относительно самостоятельных «потока»: первый — идущий от культурологии к остальным подсистемам современного научного знания, второй — идущий от каждой из этих подсистем к культурологии.

Система «культура–природа» является онтологической основой для структуризации культурологии в ее взаимодействии с естествознанием. Здесь речь может и должна идти о статусном характере таких научных дисциплин, как культурная экология и экология культуры, культурная география и география культуры.

Как эпистемологическая проекция онтологической системы «культура–человек» выделяются культурная антропология и гуманитарная, или антропологическая, культурология. Исходной точкой их статусного определения является весьма тонкая, но очень важная специфика каждой из них: гуманитарная культурология — это наука о культуре в ее человеческом измерении, в ее «человечности», в то время как культурная антропология — это наука о человеке в его культурном измерении, в его «культурности».

На основе онтологической системы «культура–общество» выделяются такие научные дисциплины, как социальная культурология и социология культуры, каждая из которых может быть понята как имеющая свой собственный предмет изучения, фиксируемый с учетом того или иного ракурса в рассмотрении характера взаимодействия составляющих данную систему элементов. Социальная культурология — это наука о культуре в ее социальной обусловленности, в то время как социология культуры (культурная социология) — наука об обществе в его культурной обусловленности.

В значительной мере дискуссионной остается и проблематика, связанная с представлением культурологии в качестве теории и истории культуры. Здесь наблюдаются две наиболее часто встречающиеся тенденции: первая — сведение культурологии к теории культуры, вторая — сведение культурологии к истории культуры. Несмотря на очевидные различия того и другого подхода, каждый из них содержит явную или неявную возможность противопоставления данных дисциплин. Дополнительным нюансом обоих подходов является трактовка истории культуры как дисциплины, непосредственно базирующейся на эмпирических данных. Довольно часто место истории культуры в общей системе научного знания определяется на основе статусных характеристик исторических наук. Одни исследователи предлагают различать историю культуры как историческую дисциплину, и историческую культурологию как культурологическую дисциплину; другие же, напротив, рассматривают их как одну и ту же дисциплину.

С общеметодологической точки зрения взаимоотношение теории предмета и его истории — сложный и двусторонний процесс: не только теория создается на основе изучения истории, через нее, но и историю предмета можно воссоздать лишь после того, как средствами теории выявлена сущность исследуемого предмета. Исходя из того, что любое определение культуры неотделимо от ее собственной истории, культурология как наука о культуре может и должна пониматься в единстве ее теории и истории, а историю культуры как дисциплину было бы вполне логично рассматривать, во-первых, как собственно культурологическую; во-вторых, в единстве ее теоретического и эмпирического уровней в изучении объективной истории культуры; в-третьих, с учетом внутренней дифференциации культурологии, как «переходную» по своему статусу между теорией культуры и феноменологией культуры.

Н. В. ЛАШМАНОВА,

*профессор кафедры маркетинга Санкт-Петербургской государственной академии
сервиса и экономики, доктор технических наук;*

Д. С. САМСОНЯН,

аспирант Санкт-Петербургской государственной академии сервиса и экономики

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Мультимедийные технологии — новые информационные технологии, обеспечивающие работу с анимированной компьютерной графикой и текстом, речью и высококачественным звуком, неподвижными изображениями и движущимися видео. Мультимедиа — это синтез информации цифрового характера (тексты, графика, анимация), аналоговой информации визуального отображения (видео, фотографии, картины) и вербальной информации (речь, музыка, другие звуки).

Мультимедийность создает психологические условия, способствующие лучшему восприятию и запоминанию материала с включением подсознательных реакций обучаемого. Психологами доказано, что при проведении занятий с использованием новых информационных технологий активизируется правое полушарие мозга, отвечающее за ассоциативное мышление, рождение новых идей, интуицию, улучшается психоэмоциональное состояние обучаемого, активизируются его положительные эмоции.

Преимущество мультимедиа состоит в возможности использования интерактивного взаимодействия преподавателя-лектора как с программно-аппаратным средством, предполагающим обмен текстовыми командами и ответами, так и одновременно со студенческой аудиторией — чтобы задавать вопросы, следить за эмоциональной обратной связью, останавливать изображения на экране. А дискретное наложение звука позволяет осуществлять в процессе занятия психологическую разрядку, настраивать студенческую аудиторию на определенный вид работы. Все это делает мультимедийные технологии очень гибкими с точки зрения дидактической теории.

В результате, содержание педагогической деятельности существенно отличается от традиционного образовательного процесса. Во-первых, значительно усложняется деятельность по разработке курсов. Она требует от преподавателя развития специальных навыков и приемов педагогической работы. Во-вторых, часть учебного процесса постепенно переносится на студента, который ак-

тивно строит свою индивидуальную учебную траекторию. Важная функция преподавателя — поддержать студента, помочь успешно сориентироваться в море учебной информации. В-третьих, подача учебного материала требует гораздо более активных и интенсивных взаимодействий между преподавателем и студентом. В-четвертых, значительно усложняется технология проведения занятия, так как преподаватель должен одновременно излагать материал, управлять мультимедийной установкой, следить за изображением на экране и чутко реагировать на изменение эмоционального состояния студенческой аудитории для установления устойчивой обратной связи.

Для совершенствования образовательного процесса нового типа целесообразно применять мультимедийный программно-методологический комплекс — систему, в которую для создания условий педагогически активного информационного взаимодействия преподавателя и студента включаются прикладные программные продукты, базы данных по соответствующим предметным областям, инновационные методические материалы, всесторонне поддерживающие учебный процесс.

Мультимедийный программно-методологический комплекс включает:

— видеокурс лекций (видеотека лекций; электронный комплект лекций с компьютерной анимацией);

— компьютерный практикум по дисциплине (электронные учебно-методические пособия; обучающие программы с гиперссылками; программные продукты);

— компьютерный лабораторный практикум (виртуальные лабораторные работы, электронные тренажеры);

— инструментальные системы для самостоятельной работы студентов (базы заданий для самостоятельной работы студентов, электронные справочники и базы данных по дисциплине, Интернет);

— адаптивную систему тестирования (контролирующие тесты).

Практическая реализация мультимедийного программно-методического комплекса требует наличия еще и организационно-технической и кадровой составляющих. Главное условие широкого внедрения информационных технологий в обучение — это наличие высококвалифицированных специалистов как в своей профессиональной области, так и в области информационных технологий, обладающих доступными методами и формами организации образовательного процесса с использованием электронно-вычислительной техники. Речь идет о формировании и развитии информационной культуры преподавательского состава учебных заведений до уровня, адекватного требованиям новых информационных технологий. Необходимо проводить подготовку преподавателей по эффективному применению мультимедий-

ных технологий и формировать группы специалистов-разработчиков компьютерно-учебных программ (сценарий пишет лектор, а электронную реализацию — программист-разработчик).

Средства мультимедийных технологий должны рассматриваться как вспомогательные по отношению к мыслительной работе участников образовательного процесса. Какими бы заманчивыми ни были новые информационные технологии, какими бы уникальными возможностями они ни обладали, приоритетным всегда остается принцип «не навреди». Каждым преподавателем должна быть найдена своя «золотая середина» использования мультимедийных технологий в образовательном процессе, в зависимости от цели, формы, метода проведения занятия и уровня подготовленности аудитории.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ,

*член-корреспондент РАО, проректор по научной работе
Санкт-Петербургской государственной академии последипломного
педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор*

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС В ОБРАЗОВАНИИ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА

В 1970 году была опубликована книга Филиппа Г. Кумбса «Кризис образования в современном мире: системный анализ». Автор констатировал наличие мирового кризиса образования и отметил, что сущность этого процесса можно охарактеризовать словами «изменение», «приспособление» и «разрыв». Ф. Кумбс самую суть мирового кризиса образования видел в разрыве между сложившимися системами образования и быстро меняющимися условиями жизни общества. По мнению Ф. Кумбса, существовало четыре специфических причины возникновения указанного разрыва: неспособность существующих школ и университетов удовлетворить в необходимых масштабах резко возросшую потребность народных масс в образовании; острый недостаток средств; инертность системы образования, из-за которой она слишком медленно меняет свой внутренний уклад; инертность самого общества — тяжкий груз установившихся традиций, религиозных обычаев, соображений престижа и материальных стимулов мешает рациональному использованию образования и образованных кадров в интересах национального развития. В книге Ф. Кумбса обосновывается вывод о необходимости модернизации управления образова-

нием, модернизации педагогических кадров, модернизации процесса обучения и укреплении финансового положения образования. Он особенно подчеркивал важность отношения к переменам: «Нобелевские премии в науке присуждаются за опровержение старых укоренившихся представлений и открытие новых истин. Подобное отношение к старым истинам, дух дерзаний, свойственный нобелевским лауреатам, должен стать нормой и в образовании». В 1977 году был опубликован исследовательский проект «Образование в 2000 году» (руководитель Торстен Хюсен), содержащий анализ вероятных тенденций в развитии образовательных систем. В качестве областей предполагаемых изменений в проекте рассматривались целевые установки в сфере образования, структура системы образования, организационные формы и методы учебной работы, учебные пособия, функции учителей. В последние десятилетия XX века широкомасштабные изменения в системе образования становятся реальностью. Необходимость таких изменений в отечественной системе образования признавалась и советским руководством. В частности, опасность отставания отечественной школы от мирового уровня и необходимость серьезных перемен в области

образования отмечались в 1988 году на Пленуме ЦК КПСС в докладе Е. К. Лигачева.

В постсоветский период в сфере образования происходят существенные перемены. Наиболее заметные из них — переход к вариативной системе образования, диверсификация образовательных учреждений, появление рынка учебной литературы, легитимизация рынка образовательных услуг, информатизация системы образования, рост числа высших учебных заведений (прежде всего за счет формирования сети негосударственных образовательных учреждений), сокращение объемов бюджетного финансирования государственных учебных заведений при одновременном расширении масштабов теневой экономики в сфере образования.

За этими достаточно заметными изменениями в отечественной системе образования стоят менее заметные, но более глубокие, которые затрагивают область отношений в сфере образования. Можно выделить несколько направлений таких изменений. Происходит переход от «идеологии долга» и «идеологии права». Внутренним смыслом образовательной деятельности становится не выполнение обучающимися своего долга перед государством, а реализация своего права на образование, на выбор образовательной программы при одновременном повышении ответственности обучающихся за результаты своей образовательной деятельности. Точнее, складываются правовые и организационно-педагогические предпосылки для такого перехода. В реальной жизни можно наблюдать разнообразные сочетания двух противоположных ценностных оснований образования. Другое изменение заключается в определенной автономизации образовательных учреждений, которая выражается и в некотором расширении их прав, и, самое главное, в необходимости самостоятельно изыскивать ресурсы для своего функционирования и развития. Третье изменение касается пересмотра норм профессиональной этики. Такой пересмотр проявляется в беспрецедентном расширении масштабов коррупции в сфере образования, где стали продаваться и места в образовательных учреждениях, и экзаменационные оценки, и отношение к конкретному учащемуся. Изменение норм профессиональной этики в области общего образования нашло выражение в распространении формально-равнодушно-го выполнения учительских обязанностей, которое нередко сочетается с педагогическим

произволом. Следствием указанного изменения стало расширение масштабов фиктивной образовательной деятельности обучаемых (списывание, предъявление преподавателю купленных письменных работ, механическое конструирование «творческих» работ с помощью ИКТ и т. п.). Можно выделить и еще одно изменение в системе образования — в постсоветский период существенно возрастают масштабы инновационной деятельности педагогических коллективов. Это явление особенно характерно для первой половины 1990-х годов, но и сейчас число экспериментальных площадок, образовательных учреждений, вовлеченных в опытно-экспериментальную работу, остается весьма значительным. За данным явлением стоит изменение отношения хотя бы части педагогов к своей деятельности, та готовность к открытию новых истин, о которой писал Ф. Кумбс. В ситуации заметных и не столь явных изменений возникает необходимость в ответе на вопрос, в какой мере данные изменения влияют на решение кардинальных проблем развития образования, о которых писал Ф. Кумбс несколько десятилетий назад, на решение проблем доступности образования, его качества и эффективного использования имеющихся ресурсов. К данному вопросу имеет смысл добавить и ряд других:

— Можно ли считать кризис образования перманентной характеристикой?

— В чем проявляется системный кризис образования в современных условиях? Можно ли утверждать, что системный кризис образования проявляется в неспособности системы образования эффективно использовать интеллектуальный капитал как фактор социально-экономического развития страны?

— В чем основные причины системного кризиса образования — в государственной образовательной политике, в рассогласовании сложившейся образовательной системы и новых условий образовательной деятельности?

— Какова духовная основа развития образования?

— Какие изменения необходимы в самом образовательном процессе?

Ответы на поставленные вопросы могут стать предметом дискуссии, в ходе которой возможно выработать общий взгляд на пути преодоления системного кризиса в образовании.

Г. И. ЛОВЕЦКИЙ,

заместитель министра образования, культуры и спорта Калужской области, начальник управления образования, доктор философских наук

О КУЛЬТУРНЫХ ИСТОКАХ ОБРАЗОВАНИЯ

Д. С. Лихачев был убежден, что кризисы в культуре и образовании — вещь неизбежная для адаптации культурного ядра нации к изменившимся условиям жизнедеятельности. Он полагал, что участники и свидетели этих кризисов обязаны в подобные периоды проделать над собой большую внутреннюю работу по очистке своей совести, ибо нравственность, культура и образование неразрывны.

Признаки кризиса, переживаемого российской системой образования очевидны. В прошлом она недополучила значительный объем общей культуры, и причины этого недоразумения лежат как в политике государства, проводившего резкую черту между отечественной и мировой культурой, так и в установках педагогики на формирование таких черт характера молодого гражданина, которые культивировали непримиримость к всему западному. Но еще более странно, что образование строилось как фабрика, фундамент здания которой (принципы текстообразования учебных пособий, программные требования) и кадровый потенциал были оторваны и от историко-культурных корней. Ситуацию «выправлял» сам народ: семейные родовые корни были крепкими, недаром ходило выражение «кухонная политика». То есть в семье люди говорили достаточно открыто и «мудро» о перипетиях жизни, — до тех пор пока общесистемный кризис не проник в эту первичную ячейку общества. Деградация семей, особенно на селе, стала настоящим бедствием для страны: все запретное, низменное стало возможным, причем вопреки увеличению доли верующих среди населения. В орбиту последствий кризиса культуры все больше втягиваются дети, и не только в качестве жертв, но нередко и как питательная среда антикультуры, которая строится, как известно, на бизнесе.

Несмотря на снятие многих запретов, до настоящего времени мы фактически ничего не знаем о прошлом отечественной педагогики и психологии в том плане, что официальная педагогика выдается за ту подлинную, истоки которой чисты, а идеи непорочны. В работах М. Г. Ярошевского¹, например, утверждается, что в развитии советской психологии центральная роль принадлежит

Л. С. Выготскому, его школе, ученикам и последователям. Однако это далеко не так, потому что идеи ученого стали мертвой фразой во многих региональных педагогических университетах, где в ответ на вопрос, что такое культурно-исторический подход, дается вольное толкование, суть которого сводится к описанию особенной жизни разных народов. И это должно стать предметом изучения в школе, чтобы дети были культурными. Мы являемся свидетелями того, как из наследия Л. С. Выготского постепенно вытеснялись зародыши культурно-исторической психологии и философской антропологии и оно трансформировалось в тренингово-рефлексивные начала обучения. Далеко не случайно набирает обороты деятельностный подход в его наиболее жесткой форме, как социальная инженерия и механика, что более отвечает представлению К. Поппера о методологии науки.

Глубокие и разрушительные последствия кризиса проявляются в минимизации ресурсов, которые государство выделяет на развитие материально-технической базы школы. Отсюда в эпоху стремительного наступления процессов глобализации обострение проблем безопасности школьников, ухудшение показателей здоровья детей и подростков по причинам, связанным с издержками организации учебного процесса и содержанием изучаемого материала. Огромное по меркам России количество детей вне школы, детей, для которых школа не является привлекательным местом. По окончании педагогических вузов и колледжей в школу приходят единицы выпускников, то есть тех молодых людей, кто, поступая на специальности, связанные с трудом учителя, собирались посвятить ему жизнь. Всем, занятым на ниве просвещения, явно не хватает целостной концепции — методологии. Педагогика и психология не двинутся дальше, пока не возникнет методология, потому что, говоря словами Л. С. Выготского, управление гуманитарными и культурными процессами приводит к тому, что наука становится невозможной. Что мы и видим.

Научно-исследовательская работа в пед-университетах крайне слабо связана с живой школьной жизнью, поэтому диссертационные исследования бессодержательны, мертвы, еще не родившись, и вместе с тем количество их

¹ *Ярошевский М. Г. Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.*

из года в год растет. Это побудило ВАК в 2005 году принять специальное решение о качестве диссертаций по педагогике и психологии. Государственные премии в области образования распределяются уже задолго до оформления заявок на конкурс. Министерство образования и науки РФ и президиум РАО пренебрежительно относятся к региональному опыту, демонстрируя тем самым нетерпимость к иному мнению. Отсюда неспособность адекватно решать накопившиеся проблемы. Федеральное министерство усиливает дисциплинарные начала, институты РАО «нарезают» одни и те же круги в попытках предложить разумную схему концептуально нового подхода к содержанию общего среднего образования. Зачастую ученые РАО являются авторами учебников, за которыми стоит монополия того или иного издательства, поэтому они нередко сходу отбрасывают альтернативные концепции и учебники. В результате многие стали жить лучше, а страна получила системный кризис в образовании, путей выхода из которого, похоже, никто и не ищет.

Противоречия разрешаются не менее противоречивым способом. За последние 10 лет федеральным министерством образования были потрачены значительные средства на обновление школьных учебных программ и разработку новых стандартов. Результаты этих усилий, говорится в одном из отчетов, неутешительные: вместо стандартов, ориентированных на достижение современных образовательных результатов и социальных эффектов, в 2004 году были созданы некие описания учебных материалов по предметам и темам, консервирующие существующую систему обучения.

В целях устранения опасной перегрузки учащихся в 2005 году Министерством образования и науки РФ принято беспрецедентное решение о сокращении базисного учебного плана на 25 % с сокращением обязательной его части на треть, без каких-либо пояснений, какая часть учебного материала подлежит сокращению и на каких основаниях. Аналогично смотрится повсеместное введение предшкольной подготовки для детей шестилетнего возраста, тогда как отсутствуют какие-либо расчеты учебно-познавательного материала и параметров учебной нагрузки. Переход на предпрофильную подготовку учащихся старших классов осуществляется также по ходу работы общеобразовательных учреждений. К реализации данных нововведений не готово и высшее педагогическое образование.

Таковы реалии, которые создают принципиально новые условия работы общего среднего образования.

«Как ни странно, — писал 80 лет назад Л. С. Выготский, — осмысливая внутренние пружины психологического кризиса, но именно практика как конструктивный принцип науки требует философии, то есть методологии науки»¹.

В 1994 году между Министерством образования РФ и управлением народного образования Калужской области был заключен договор на отработку новых подходов к содержанию общего среднего образования.

В результате научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работы, проделанной за 1994–2005 годы решены следующие важные теоретико-методологические и методические проблемы:

Во-первых, получила развитие теория Л. С. Выготского о роли сензитивных периодов в создании зоны ближайшего развития ребенка, а также о том, что содержание школьного образования находится в прямой зависимости от возрастных (психолого-физиологических) особенностей детского организма и социо-культурных факторов.

Теоретически рассчитаны пять новых сензитивных периодов, которые охватывают периоды дошкольного и младшего школьного возраста. Каждый сензитивный период положен в основу мотивационного механизма повышения интереса ученика к усвоению знаний.

Выполненные исследования получили подтверждение в опытно-экспериментальной работе по созданию учебников нового поколения и их последующей апробации.

Во-вторых, теоретически рассчитаны и описаны основные параметры содержания учебного материала, выявлены корреляционные связи базовых компонентов образовательных областей как комбинаторных построений культуры, образования и личности, что позволило выйти на образовательные области как комплекс предметов и практически снять проблему межпредметных связей, проблему преемственности дошкольного, начального и других ступеней общего образования.

В-третьих, на основе подготовленных профессором А. Ф. Малышевским текстов федеральным министерством созданы 12 методических писем под общим названием «О культурологических основаниях Базисного учебного плана общеобразовательных учрежде-

¹ Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2004. С. 140.

ний Российской Федерации». Практически впервые в истории отечественной педагогики выстроена целостная методология общего среднего образования, в основу которой положены принципы культурно-исторической психологии и философской антропологии как ключевая идея построения государственных образовательных стандартов. Определены объем и содержание учебных программ с первого по одиннадцатый классы с учетом возрастных особенностей школьников и смысловых закономерностей текстов учебных пособий, что позволило существенно разгрузить учебный материал и увеличить двигательную учебную активность школьников. Учебный процесс соответствует «Гигиеническим требованиям к условиям обучения школьников в различных видах современных образовательных учреждений» СанПиН 2.4.2.1178-02.

В-четвертых, теоретико-методологические основания переведены в практическую плоскость — создан комплект учебных пособий для начальных классов общеобразовательных учреждений, которые обеспечивают не только реализацию государственных образовательных стандартов, но и создают основу для второго поколения образовательных стандартов. Комплект учебных пособий обеспечивает:

- фундаментальность общеобразовательной подготовки;
- способность учиться;
- коммуникабельность, умение работать в коллективе;
- способность самостоятельно мыслить и действовать;

— способность решать нетрадиционные задачи, используя приобретенные предметные, интеллектуальные и общие знания, умения и навыки.

В-пятых, комплект учебных пособий удачно сочетает федеральный и региональный компонент, выстраивает региональный учебный план как условие оптимизации государственных образовательных стандартов нового поколения.

Появляется возможность ввести с первого класса информатику и иностранный язык, но не в качестве отдельных предметов, а как новые выразительные средства для выполнения учебного плана программы начального общего образования.

В-шестых, на основе учебных пособий «Букварь», «Математика. Счет», «Русская словесность. Письмо» и прописей, сочетания игровой деятельности и естественного развития ребенка, выявленных соотношений между возрастными особенностями детей дошкольного возраста и содержанием образования созданы условия для организации предшкольной подготовки как на базе детских садов, так и в группах кратковременного пребывания при общеобразовательных учреждениях.

Новая методология напрямую поставила вопрос о целесообразности дальнейшего использования существующих психологических тестов и диагностики психоэмоционального и интеллектуального развития школьников, которые фиксируют фактически лишь рефлекс организма на действие учителя, оставляя в тени ненаблюдаемые, то есть внутренние мыслительные процессы. Впереди большая и важная работа.

Л. И. ЛУБЫШЕВА,

профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), доктор педагогических наук, главный редактор журнала «Теория и практика физической культуры и спорта»

СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА — НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЫ И ВУЗА

Для современного мира, как отмечают философы, социологи и культурологи, все более характерным становится динамизм — высокие темпы и уровень изменений общественного развития. Не только стремительно растет объем информации, внедряются высокие технологии, но и меняются политические государственные доктрины, изменяется общественное мнение, распространяются сетевые

формы организации. Становится весьма актуальным умение устанавливать короткие социальные связи, быстро и продуктивно включаться во временные коллективы.

Целью нашего исследования являлось обоснование возможности введения обязательного предмета «Спортивная культура» в систему общеобразовательных школ и высших учебных заведений России.

Спорт, создающий ценности спортивной культуры, всегда являлся мощным социальным феноменом и средством успешной социализации. Об этом свидетельствуют и научные данные, и примеры жизненного пути многих выдающихся спортсменов.

Как нам представляется, спортивная культура — это наработанные в обществе и передающиеся из поколения в поколение ценности, социальные процессы и отношения, складывающиеся в ходе соревнований и спортивной подготовки к ним. Участие в соревнованиях преследует цель достижения первенства или рекорда посредством физического и духовного совершенствования человека.

Спорт — это азартная борьба. Та борьба, о которой как о главной цели в стремлении к победе (а не о победе любой ценой, но и не просто об участии в мероприятии) говорил основатель Олимпийских игр современности П. Кубертен. Спорт раскрывает истинные возможности человека и, самое главное, позволяет развивать их в наибольшей степени. Спорт — эмоционален, непредсказуем. Он связан с определенным риском в познании неизвестного. Спорт — это обязательно состязание, возможность познать себя и продемонстрировать свои достоинства в борьбе с равными и лучшим. Спорт — это система, развивающая и формирующая личность, самоутверждение и самореализация.

Философы утверждают, что умение жить есть искусство, которому нужно учить. Воспитать жизнеспособную личность — значит сформировать у ребенка, подростка реалистическое отношение к жизни. Жизненная энергия, сила духа, твердость характера — именно эти качества востребованы в современном обществе.

Физическое воспитание, организуемое с начальной школы, лишь частично решает актуальную задачу современного образования, формирования жизнеспособной личности. Ценностный потенциал спортивной культуры, методы спортивного воспитания, как показывает практика спортивных школ, решают эту задачу более эффективно.

В связи с этим мы предлагаем ввести в учебный процесс общеобразовательной старшей школы и вуза предмет «Спортивная культура», чтобы каждый подросток и молодой человек имел возможность приобщиться к занятиям спортом и ценностям спортивной культуры. Спорт в полной мере обеспечивает социальный заказ на формирование жизнеспособной личности, спортивное воспитание предполагает развитие личностно значимых качеств, формирование способностей, вооруже-

ние молодежи знаниями о жизни, необходимыми для успешного функционирования человека в современном обществе. Целевая установка спортивного воспитания заключается в формировании личности, способной преодолевать трудности, развивать волю, саморазвиваться и достигать успеха, победы, прежде всего над самим собой. В спорте уже создан механизм развития жизнеспособной личности. Технология спортивной подготовки включает средства и методы формирования личности спортсмена, способного к самосовершенствованию в соответствии с заданными целями.

Модель учебного предмета «Спортивная культура» строится с учетом общепринятой методологии.

Целью учебного предмета является формирование спортивной культуры личности. В содержание учебного предмета входит три раздела: теоретический, практический и контрольный.

Теоретический раздел должен содержать знания об истории становления и развития спорта, теории спорта, основах спортивной тренировки, методик медицинского контроля и самоконтроля.

Практический раздел должен включать основные разделы спортивной подготовки: общефизической, специальной, тактической и технической. Соревновательная деятельность является неотъемлемой частью данного процесса.

Контрольно-нормативный раздел предусматривает оценку знаний, двигательных умений и навыков на уровне требований юношеских спортивных разрядов.

Содержание спортивного образования включает:

— формирование спортивной культуры личности как процесса формирования ценностного отношения учащегося и студента к физкультурно-спортивной деятельности, изучения теории и истории спорта, овладения техникой вида спорта, развития специальных качеств, участия в соревнованиях, ведения спортивного стиля жизни, воспитания нравственного поведения на спортивных аренах;

— своевременное формирование мышечной системы занимающихся, обеспечивающее предотвращение дисбалансов в ее развитии, приводящее к хроническим заболеваниям опорно-двигательного аппарата и позвоночника в молодом, среднем и старшем возрасте, а также создающего условия для бытового, производственного и спортивного травматизма;

— своевременное развитие у занимающихся координационных способностей и двига-

тельных навыков, обеспечивающих высокий уровень культуры движений, их ловкость и надежность в экстремальных ситуациях, а также ускоренную адаптацию к возникающим новым требованиям среды;

— овладение подростками и студенческой молодежью методами обучения и тренировки для перманентного физического самовоспитания и тренировки, а также грамотного выбора режимов двигательной активности;

— овладение рациональной техникой жизненно важных локомоций и знание особенностей их возрастной эволюции для активного противодействия явлениям преждевременного старения и обеспечения требуемого уровня физической активности в зрелом возрасте.

Реализация содержания спортивного образования осуществляется посредством:

— разработки новых образовательных программ (тренировочных, оздоровительно-тренировочных, кондиционно-тренировочных, разноуровневых, авторских, вариативных);

— создания спортивного климата (духа), богатой разносторонней спортивной среды (спортивный клуб, секции по видам спорта и обязательный учебно-тренировочный процесс за пределами учебного расписания);

— использования новых форм образовательного процесса (учебно-тренировочные занятия, матчевые встречи, спортивные праздники, соревнования, олимпиады).

Процесс освоения ценностей спортивной культуры происходит в коллективных занятиях малых групп, в условиях строгого регламента выполнения упражнений в индивидуальной и коллективной форме. Здесь реализуется принцип единства соперничества и сотрудничества для достижения целей отдельной личности и коллектива. Спортивное образование должно рассматриваться как пространство деятельностной социализации личности, обеспечивающее естественные условия формирования ее социальной активности и успешной жизнедеятельности.

Необходимо использовать учебные и внеучебные тренировочные программы разного уровня, адаптированные к способностям и возможностям каждого учащегося и студента. Внедрять личностно-ориентированные методики. Интегрировать в образовательный процесс теоретические курсы по теории спорта и истории олимпийского движения.

Возможны индивидуальные программы и экстернат для особо одаренных учащихся.

Учитель-тренер должен находиться в процессе непрерывного саморазвития, творчески разрабатывая и реализуя обучающие тренировочные программы.

Введение учебного предмета «спортивная культура» позволит устранить «болевые точки» традиционно сложившейся системы физического воспитания:

— создаст организационно-педагогические условия привлекательности содержания учебных занятий;

— обеспечит соответствие обучающих и тренирующих воздействий на уроках и занятиях по спортивной культуре особенностям возрастного развития, моторики и психики учащихся, их спортивным интересам;

— будет способствовать активному и системному использованию новейших технологий спортивного воспитания детей, подростков и молодежи;

— предоставит возможности для приоритетного освоения этических, нравственных, духовных и здоровьесформирующих ценностей спортивной культуры;

— будет стимулировать разработку и создание принципиально новых проектов учебно-спортивных сооружений, обеспечивающих использование современных технологий спортивного воспитания, оснащенных диагностическими и тренажерными комплексами, системами оперативного контроля за здоровьем занимающихся.

Массовое спортивное образование — это первый шаг к оптимизации тренировочных нагрузок в юношеском возрасте, что имеет большое теоретическое и практическое значение. Однако главным итогом внедрения нового учебного предмета в школу и вуз может стать коренное изменение отношения подростков и студентов к занятиям физической культурой и спортом. Хотелось бы, чтобы «физра» и все негативное, связанное с этим понятием, осталось бы в прошлом.

Спортивная культура занимающихся позволит приблизиться к решению главной задачи современности — предоставлению возможности каждому человеку в изменяющемся обществе чувствовать себя уверенно, защищенно, при этом грамотно формируя и берегая свое физическое, духовное и нравственное здоровье.

В. Г. МАРАНЦМАН,

член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНИКОВ

Общение школьников с искусством торозится навязываемыми системой школьного обучения стереотипами тождественного отношения к разным видам искусства, неразвитостью способности приводить художественное восприятие в соответствие с языком данного искусства и созерцательно-потребительским отношением к искусству как к источнику чисто интеллектуальной или гедонистической информации.

В школе существуют параллельные и редко взаимодействующие между собой курсы музыки, изобразительного искусства, литературы, истории, которые так или иначе обучают школьников восприятию языка одного из искусств, но не дают законченного представления об их специфике, не практикуют перевода произведения одного искусства на язык другого. Между тем метод претворения не только расковывает творческую инициативу школьника, но и налаживает механизмы общения с разными видами искусства, побуждая учеников к переносу знаний и умений, способствуя гибкой вариативности в сфере художественного восприятия. Потому и необходим курс «мировая художественная культура», который не только синтезирует и упорядочивает сведения об искусстве, полученные на уроках по другим дисциплинам, но, создавая новую информационную базу, научает искусству интерпретации художественных явлений, принадлежащих разным видам искусства.

Практическая значимость художественного развития школьников состоит прежде всего в том, что в процессе общения с искусством любое знание становится личностным, интериоризированным и непосредственно влияющим как на ценностные ориентации личности, так и на ее жизненное поведение. Искусство при потребности школьника в личностной его интерпретации и умении ее осуществить содействуют катарсису, психическому оздоровлению школьника, обогащению душевной энергетики.

Художественное развитие школьников не ограничивается знакомством с художественными явлениями разных эпох и стран. Диалоговое обучение, вовлекая во взаимодействие музыкальную пьесу, скульптуру, архитектуру, живописное полотно, литературный текст, театральные спектакль, фильм, помогает школь-

никам осознать своеобразие структуры каждого художественного явления и историческую эволюцию стилей искусства.

Художественное развитие школьника оказывается сегодня самой насущной проблемой. И этого вроде бы никто не отрицает. По сути же в наших программах искусству уделяется все меньше места.

До сих пор достаточно распространены просветительские подходы к преподаванию искусства: давайте познакомим 5-й класс с искусством Древнего мира, а потом перейдем к античности, а затем к средневековью, потом займемся Возрождением и Просвещением. Как будто системный подход очень оправдан, все совершенно замечательно; кроме того, ребенку древнее искусство в чем-то близко по примитиву, скажем, каменных рисунков, но по целому ряду других вещей это непостижимо. Изучать античность в начальной школе было бы бесполезно. Да, внешние формы античности могут их даже привлечь, но идею рока, в античном мире практически и трагически необходимую, они ни принять, ни понять не могут и не хотят. Ребенок вообще не соглашается с идеей рока, а если и соглашается, это разрушенное, изуродованное детство. Такие искусствоведческие панорамы для школы часто не годятся.

Мы построили программу по Мировой художественной культуре (МХК)¹ таким образом, чтобы материал естественно усваивался. Стадии художественного развития ребенка достаточно сбалансированы. Если говорить о первой стадии, о начальной школе, хотя это совсем не первая стадия, ребенок начинает впитывать искусство с младенческого возраста. Игрушка, которая у него в руках, уже образует некие образы, которые в подсознании могут работать не менее сильно, чем все остальные. Но поскольку мы все-таки занимаемся школой, и о таком младенчестве трудно говорить, то начальная школа должна, прежде всего, научить ребенка радоваться красоте, наполняться от искусства энергией, ведь искусство действительно огромный резервуар энергии.

В начальной школе мы должны овладеть языком общения, ребята должны почувствовать, что искусство дает им силу, радость, по-

¹ Мировая художественная культура. М., 1998.

рой горе, страдание, но оно дает и возможность преодоления слепых чувств.

На первых этапах художественного развития нам очень важно открыть в детях способность слышать те вопросы, которые задает нам художник. Это совсем не так легко не только для детей, но и для взрослых. Мы приходим к каждому явлению искусства со своими проблемами, настроением, заботами, то есть ведем себя довольно бестактно по отношению к нему.

Второй этап художественного развития школьников охватывает и 5-е и 6-е классы. Его основная задача — это различение художественных миров и видов искусств, языков искусств. Язык музыки и живописи, язык литературы и архитектуры — это видовые, так сказать, отличия, но нам очень важны и индивидуальные отличия художника. Чем портреты Серова отличаются от портретов Репина? Чем вальс Чайковского отличается от рахманиновского? Чем бунинский пейзаж отличается от чеховского? Чем песни Высоцкого отличаются от песен Окуджавы?.. Вот что кажется нам более важным в этом возрасте, потому что неразличение видовых, индивидуальных особенностей приводит к тому, что общение с искусством просто не состоится.

Есть еще одна задача в 5–6-х классах, которая становится очень острой, важной и актуальной. Мы проигрываем битву за искусство отчасти потому, что очень мало работаем над разграничением подлинного и мнимого искусства. В нашей программе, как правило, собраны шедевры, вещи безусловные, и это является тем высоким материалом, который изучается в школе. Но рядом идет поток «макулатуры», который потребляется тоже, как бы вне дугла, но очень даже аппетитно. Эти два потока в школьном образовании никак не противопоставляются, и результат налицо. Это неразличение истинного и мнимого. Поэтому на самых ранних ступенях нам эту разницу между забавным (может быть, даже завлекательным, приятным, любопытным) и настоящим надо показывать, потому что настоящее искусство всегда есть открытие и труд.

Линия художественного развития школьников на третьем этапе тоже очень важна. В 7–9-х классах приходит время обостренно личностного восприятия искусства, так сказать, индивидуальный выбор и в жизни, и в искусстве. Происходит выбор близких каждому ученику спутников в этом безграничном море искусства. Почему мне нравится Борис Пастернак или Маяковский, почему мне дорог Шопен или Бетховен, чем привлекательны для меня картины Левитана или скульптуры Родена, что я люблю сильнее, классицизм или барокко?.. Эти вопросы должны стоять в центре внимания, потому что отрочество — период формирования внутреннего мира, когда оценки очень категоричны и заострены. Здесь совершается выбор пути, системы ценностей. Мы на этот вызов возраста должны ответить очень основательно. Это индивидуализация вкуса, здесь мы уже вправе ожидать от учеников соединения с произведением и внутреннего оправдания собственной точки зрения, своей позиции. И ученик уже в силах хотя бы защитить свою оценку не как последнюю истину, а как свой выбор. Именно в это время стоит говорить о национальном своеобразии искусства, о природе этих отличий. Совершается выбор среды, вырабатывается умение справедливо оценивать искусство того или другого народа и видеть в чем оригинальность какого-либо явления как национального.

Когда мы переходим на завершающую стадию художественного развития, нам предстоит понять, в чем причины национального своеобразия искусства. Здесь исторический курс необходим.

Такое выделение основных доминант художественного развития школьников на разных возрастных этапах позволяет построить гуманитарное образование, опираясь прежде на возрастные особенности учащихся. Это наиболее целесообразно определяет возможности и задачи как всего гуманитарного образования, так и каждого курса в отдельности.

М. С. МОТЫШИНА,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современный кризис образования в России обусловлен факторами управленческого и политического характера, отсутствием обра-

зовательной национальной политики, адекватной, с одной стороны, общемировым тенденциям, а с другой — традициям и особенностям

российского образования. Изменения, происходящие в настоящее время в системе образования в целом, и в высшей школе в частности, вызывают достаточно острую критику со стороны широкой общественности, а также специалистов образовательной сферы. Однако нельзя не признавать тот факт, что изменения в образовательной системе вызваны объективными причинами, и пытаться сохранить сложившуюся систему образования в неизменном виде бессмысленно. Это обусловлено, прежде всего, тем обстоятельством, что российская образовательная система стала *открытой*, что она является элементом мировой образовательной системы, которая представляет собой рынок образовательных услуг (РОУ).

Данный рынок, емкость которого, по оценкам ВТО, составляет 50–60 млрд долларов, имеет достаточно стабильную структуру. Устойчивым лидером являются США, контролирующие почти треть мирового финансового образовательного оборота (образование — пятая по значимости статья экспорта американской экономики). На втором месте по объемам образовательных услуг стоит Великобритания (за последнее десятилетие она утроила прием иностранных студентов). Далее — Германия и Франция: примерно 10 % рынка. Завершают «лидерский» список Австралия, Канада и Испания, освоившие по 7–8 % рынка. Исторически сформировались два основных образовательных центра — североамериканский и европейский. Третий центр — в Австралии, он существенно меньше. На протяжении последних тридцати лет половину всех студентов на мировой рынок поставляют страны Азии: Китай, Корея, Малайзия, Индия, Гонконг и др. Второй крупный поставщик — арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки: Марокко, Иран, Иордания, Алжир, Палестина. В целом образовательными экспортными операциями занимаются 70 % государств (129 стран по данным ВТО)¹.

Регулируется данный рынок собственными операторами — транснациональными корпорациями (ТНК). Таких ТНК немало: DAAD (Германия), British Council (Великобритания), CIMO (Финляндия), IDP Education Australia (Австралия), EduFrance (Франция), NAFSA (США) и др. Представляя национальные интересы на международном рынке образовательных услуг, они создали свои представительства по всему миру. Сеть British Council, например, охватывает 117 государств. Только

в России с 1992 года открыто пятнадцать представительств Британского совета — от Санкт-Петербурга до Южно-Сахалинска. У EduFrance в нашей стране шесть представительств и 25 пунктов в вузах. Всего же в 30 странах работает 80 бюро EduFrance.

Правительства западных государств поощряют движение университетов в сторону рынка и создают институциональные условия его глобализации в рамках общих процессов интеграции (Болонский процесс). Правительство Российской Федерации также приняло решения, направленные на вовлечение российских вузов в глобальные процессы. Понятно, что реализация этих решений требует большой продуманности и осторожности, но в целом наша страна не может игнорировать интеграционные процессы. Россия может и должна расширять свою долю на этом рынке, так как в современном мире образование представляет собой важнейший фактор конкурентоспособности государств, обеспечивающий рост его потенциала и доходов. Отметим, что в настоящее время Россия контролирует всего 0,5 % мирового рынка образовательных услуг, хотя есть потенциал для увеличения этой доли. Выход на внешний рынок необходим для повышения уровня всей национальной системы образования, поскольку ужесточает требования к качеству образовательного продукта, его профессиональной конвертации, содержанию и условиям обучения студентов. Если российское образование не станет конкурентоспособным, то наша страна может превратиться в образовательную колонию. Планы мировых образовательных корпораций глобальны, и с вступлением России в ВТО в страну быстро придут мощные западные центры (образование входит в перечень торговых услуг Генерального договора ВТО).

Внутренний российский рынок образовательных услуг также весьма динамичен: и спрос, и предложение растут по объему и дифференцируются по структуре. Численность студентов в период с 1993 по 2003 год увеличилась более, чем в два раза. Динамика количества учебных заведений за последние годы приведена в табл. 1¹.

Таблица 1
Количество высших учебных заведений

Год	1996	1998	2000	2002	2003
Кол-во вузов	817	914	965	1039	1046

¹ Галушкина М. Экспорт образования // Эксперт. 2004. № 28–29. С. 28–35.

¹ Образование России–2003: стат. информ.-аналит. сб. / Мин-во образования РФ. М., 2003.

Вместе с тем при отсутствии адекватного предложения со стороны российских вузов (с точки зрения качества и структуры услуг) в условиях открытого образовательного пространства часть потенциальных потребителей внутреннего рынка (причем наиболее платежеспособная) воспользуется более привлекательными услугами зарубежных университетов. Поэтому отечественные вузы должны искать собственные модели развития в складывающейся динамичной рыночной среде.

Следует отметить, что у многих специалистов в сфере образования, особенно педагогике, само понятие «образовательная услуга» вызывает резкую критику и неприятие. Доминирует слишком «узкое», одностороннее представление об услуге, основной характеристикой которой считается платность. Такая трактовка, по нашему мнению, часто является следствием некомпетентного формирования и регулирования образовательных услуг в практической деятельности. Существует значительный разрыв между теорией и практикой управления образовательными учреждениями в России. Вместе с тем современная управленческая теория, а также опыт ведущих университетов предоставляют целый комплекс концепций управления, обеспечивающих эффективное развитие образовательных учреждений.

Концепции управления университетом логично объединить в три группы: 1) управления университетом «извне» (государственное управление); 2) самоорганизации университета; 3) внутриорганизационные. В практической деятельности каждого вуза реализуются и взаимодействуют концепции всех трех групп. Государственное управление формирует «рамочные» условия для практики рыночного и внутриорганизационного управления. В данной статье представлены концепции двух последних классов: а) управления изменениями, б) маркетинговая, в) стратегического управления, г) управления качеством.

Помимо содержательных отличий, они различаются также по уровню общности рассматриваемых процессов и явлений. Управление изменениями — концепция системного характера, предназначенная для разработки механизмов адаптации к динамике внешней и внутренней среды. Она может рассматриваться как одна из частных концепций самоорганизации систем и, тем самым, выступать своеобразным средством синтеза других концепций (в том числе вышеуказанных). Главной особенностью сегодняшней ситуации является то,

что процесс обновления вуза должен быть непрерывным, что обуславливает необходимость постоянных изменений. В сфере образования основным фактором, стимулирующим изменения, является стремительно возрастающий поток информации. Основное направление трансформации состоит в создании адаптивной системы управления университетом. Это касается как российских вузов, так и мировой образовательной системы в целом.

Основными компонентами концепции управления организационными изменениями (УОИ) являются:

- проблемные ситуации (текущие и ожидаемые), требующие изменений в организации;
- организационные изменения как средство разрешения (предотвращения) проблемных ситуаций;
- организационно-экономический потенциал вуза (способность осуществлять устойчивое развитие, направленное на реализацию долгосрочных целей в условиях изменяющейся внешней среды) как источник формирования изменений для разрешения противоречий.

Для УОИ принципиально важной является классификация противоречий на локальные и системные. Локальная проблемная ситуация — это неравновесное динамическое состояние организации, при котором лишь отдельные характеристики данной системы теряют качество, что приводит к отклонению траектории развития организации от оптимальной. Системная проблемная ситуация охватывает организацию в целом, так что введение даже кардинальных локальных изменений не может изменить процесс развития системы. Важнейший принцип УОИ — не допускать перерастания локальных проблемных ситуаций в общесистемные.

Организационный потенциал находится под воздействием экзогенных и эндогенных факторов. В зависимости от состояния и динамики этих компонентов, а также от характера проблемной ситуации могут формироваться различные механизмы управления (табл. 2). В таблице выделено 4 квадранта и 8 ситуаций. Первый квадрант (1.1–1.2) отражает наиболее благоприятные условия управления изменениями, так называемый «устойчивый режим». Его устойчивость обусловлена состоянием и динамикой внутриорганизационного потенциала. Основой управления в данном случае является оптимизация состава организационных изменений по заданным критериям. При этом в ситуации 1.1 источниками изменений могут быть факторы как внешней, так и внутренней среды. В ситуации 1.2

предпочтение отдается внутренним возможностям (например диверсификация образовательных услуг).

вого» маркетинга. Если в данной ситуации находится крупный университет с высоким потенциалом и устойчивыми позициями на

Таблица 2

Классы механизмов управления организационными изменениями

Организа- ционный потенциал	Локальная проблемная ситуация		Системная проблемная ситуация	
	Потенциал внешней среды		Потенциал внешней среды	
	Рост	Снижение	Рост	Снижение
Высокий потенциал / Рост	Управление изменениями в устойчивом режиме за счет внутренних и внешних возможностей 1.1	Управление изменениями в устойчивом режиме за счет внутренних возможностей 1.2	Стратегии реструктуризации (интеграция, диверсификация рынков и т. д.) 3.1	Стратегии реструктуризации (реинжиниринг, диверсификация деятельности) 3.2
Невысокий потенциал / Снижение	Управление изменениями в неустойчивом режиме за счет внешних возможностей 2.1	Управление изменениями в неустойчивом режиме. Поиск возможностей перехода в устойчивый режим 2.2	Антикризисное управление (слияние, поглощение, создание сетевых структур) 4.1	Антикризисное управление (смена собственников). Внешнее вмешательство. Ликвидация 4.2

Во втором квадранте (2.1–2.2) представлены более сложные ситуации, которым должно соответствовать адаптивное управление изменениями. В этом случае основной задачей управления является переход из неустойчивого в устойчивое состояние в условиях ограниченных возможностей. Здесь очень важно формирование политик приспособления к среде, а также политик в отношении составляющих потенциала (интеллектуального, технологического, финансового и т. д.) и постепенного его наращивания.

В третьем квадранте отражена системная проблемная ситуация, требующая кардинальных решений (реструктуризации). При этом в зависимости от динамики потенциала внешней и внутренней среды это могут быть разные механизмы — интеграция, диверсификация, реинжиниринг и др. Четвертый квадрант характеризует наиболее тяжелую ситуацию для организации. По существу, здесь механизм управления изменениями носит вынужденный и часто «внешний» характер. Этот механизм направлен на ликвидацию сложившегося критического состояния организации. Подчеркнем, что основу механизмов управления изменениями должны составлять ситуации, отраженные в первом и втором квадрантах. Эффективный механизм управления не должен допускать до системных проблемных ситуаций, и в принципе стараться, чтобы диапазон изменений не выходил из первого квадранта.

Вышепредложенная классификация ситуаций позволяет дифференцировать механизмы управления, соответствующие каждой ситуации. В ситуации устойчивого режима целесообразны, например, следующие *маркетинговые концепции*: социально-этичного маркетинга, стратегического маркетинга, «нише-

рынке, то возможно использование концепции *социально-этичного маркетинга*. Миссия такого вуза характеризуется социальной направленностью. Для нее характерны следующие основные принципы¹:

— основная цель вуза должна состоять в удовлетворении разумных потребностей в соответствии с гуманными интересами общества;

— вуз должен разрабатывать и внедрять в практику такие образовательные программы, которые служат интересам самого учебного заведения, полезны для социального развития региона, страны;

— вуз должен быть постоянно занят поиском возможностей создания новых образовательных услуг и инновационных программ, полнее удовлетворяющих потребности клиентов; отказываться от образовательных программ, противоречащих интересам потребителей;

— потребители должны поддерживать те учебные заведения, которые проявляют заботу об удовлетворении их потребностей.

Если вуз небольшой его самоорганизация становится концепция *индивидуального (нишевого)* маркетинга. Именно она обеспечит вузу непрерывное приспособление к динамике рыночной среды. Конкурентоспособность такого университета определяется тщательным исследованием запросов целевой группы потребителей и развитием ключевых компетенций именно в сфере данного спектра услуг. Эта концепция является актуальной для многих коммерческих вузов. Она требует непрерывного мониторинга рынка и своевременной переориентации в случае изменения запросов потребителей.

¹ Корчагова Л. Управление маркетингом образовательных услуг // Маркетинг. 2004. № 6. С. 71.

Концепция стратегического управления и планирования тесно связана с концепцией организационных изменений. Стратегическое планирование — это *формирование стратегии*, то есть целей и методов проведения организационных изменений вуза, адекватных изменениям внешней среды в течение определенного периода времени, а не разработка «пятилетнего плана выпуска методических пособий»¹. К сожалению, в практике деятельности многих вузов данную концепцию понимают именно в такой трактовке.

Еще одним из подходов к управлению, органично «вписывающимся» в концепцию организационных изменений, является *предпринимательский* подход, который нацелен на постоянный поиск новых возможностей бизнеса. Модель «предпринимательского» университета завоевывает все большее признание. Главным ресурсом управления в подобном университете является интеллект всего основного состава сотрудников и наличия у них предпринимательских и лидерских качеств. Основные направления трансформации традиционного университета в предпринимательский состоят в следующем: 1) усиление управленческого ядра университета; 2) расширение служащей экономическому развитию университета периферии; 3) увеличение разнообразия источников финансирования; 4) стимулирование основного профессорско-преподавательского состава; 5) развитие предпринимательской культуры². Управление предпринимательским университетом имеет свои особенности: роль текущего планирования мала; основное значение имеет стратегическое управление; центральную роль в управлении играет инновационная миссия, которая задает стандарты деятельности вуза, определяет его культуру и функции.

Концепция управления качеством в общей системе управленческих концепций относится к внутриорганизационным. Она также самым непосредственным образом связана с управлением изменениями. По мнению некоторых специалистов, «начать формирование системы управления изменениями целесообразнее всего с разработки эффективной системы управления качеством образования, выделения функции стратегического развития, разработки новых процессов

и форматов вузовской документации»¹. Тем не менее здесь следует установить приоритеты: концепция управления качеством должна быть подчинена более общим концепциям — стратегическому управлению, маркетинговой концепции.

Анализ эмпирического опыта управления российских вузов позволяет утверждать, что они все активнее начинают прибегать к использованию разнообразных современных моделей вузовского управления, хотя этот процесс идет слишком медленно по сравнению с изменениями внешней среды. Существуют обстоятельные исследования, которые обобщают не только теоретические положения, но и практический опыт внедрения новых методов управления, адаптированных к условиям функционирования конкретных российских университетов². Вместе с тем в практической деятельности концепции управления часто не согласованы: отсутствует корпоративное видение вуза, основные стратегические цели и задачи; в системах управления качеством доминирует стремление формализовать элементы системы и превратить ее в самоцель.

Исследование систем управления в ходе программы «Совершенствование управления в вузах», реализованной Национальным фондом подготовки кадров в рамках Инновационного проекта образования (ИПРО) в 1997–2004 годах, позволило выявить несколько ключевых управленческих областей, развитие которых значимо с точки зрения модернизации российского образования³. Первый уровень значимости получили направления: «Создание нового поколения систем управления; формальные модели стратегического управления и управления качеством», «Вовлечение преподавателей и студентов в процессы управления качеством вуза», «Преодоление кадрового “голода”», «Повышение квалификации высшего управленческого звена». Второй рейтинг получили направления, связанные с интеграцией научных и образовательных процессов, а именно: «Переход к исследовательскому и(или) предпринимательскому университету», «Стимулирование

¹ Сагинова О. В. Управление изменениями на рынке образовательных услуг и качество подготовки специалиста // Экономика образования. 2004. № 4. С. 28.

² Например: Запесоцкий А. С. Образование: философия, культура, политика. М., 2002; Соколов Л. А. Управление стратегией вуза: монография. Кострома, 2001.

³ Соболева Е. Н. Проектный подход к вопросам поддержки и развития вузовского менеджмента // Известия СПбУЭФ. 2004. № 4. С. 89–99.

¹ Грудзинский А. О. Стратегическое управление университетом: от плана к инновационной миссии // Университетское управление: теория и практика. 2004. № 1.

² Clark B. R. Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation. Issues in Higher Education. P., 1998.

научной активности», «Интеграция науки, образования, промышленности». Третий рейтинг получили направления повышения качества управления. Особого внимания, по мнению участников указанной программы,

требует разработка направления «Национальная образовательная политика». Именно она должна определять общую траекторию развития отечественного высшего образования.

В. В. НЕСТЕРОВ,

*министр общего и профессионального образования Свердловской области,
кандидат педагогических наук, Заслуженный учитель РФ*

ЯЗЫК И ОБЩЕНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

Приступая к рассмотрению заявленной темы, приведем некоторые основополагающие требования Закона РФ «Об образовании». Пункт 4 ст. 14 гласит: «Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений». Другими словами, содержание образования должно содействовать общению по поводу, а не назиданию по поводу и без повода. Пункт 5 этой же статьи: «Содержание образования в конкретном образовательном учреждении определяется образовательной программой, разрабатываемой, принимаемой и реализуемой этим образовательным учреждением самостоятельно» — приводит к простому и ясному выводу о том, что «образовательная программа — это программа организации общения между участниками образовательного процесса для достижения реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений». Педагогами при этом может использоваться большое количество методов и средств, в том числе, естественно, и совокупность чисто учебных дисциплин. Однако стержнем всего является язык, но не только и не столько как учебный предмет, сколько как система звуковых, словарных, грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе.

Закон также точно указывает нам и на результат образования для отдельного обучающегося, при чем независимо от уровня получаемого им образования. Этот результат — «адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры личности; наличие

у обучающегося адекватного современному уровню знаний и уровню образовательной программы (ступени обучения) картины мира. (В этом месте стоит оговориться, поскольку некоторые понимают это таким образом, что именно у ученика должен быть этот самый уровень знаний, как у академика, а закон-то требует от ученика иметь адекватную картину, то есть представление!) Далее закон предлагает в качестве результата приобщение личности к национальной и мировой культуре. И наконец, к результату образования закон относит интегрированность человека в современное ему общество, развитие у него гражданских качеств, наличие которых обеспечит нормальное существование и развитие этого общества».

Ребенок, подросток, в период своего пребывания в полной средней школе проводит в обществе педагогов почти 10,5 тысяч часов активного общения, а если прибавить сюда дошкольное образовательное учреждение, то больше 16 тысяч часов, не говоря уже о времени, проводимом в системе дополнительного образования. Это дает нам основание задавать себе аналитические, экспертные вопросы.

Во-первых, почему дети перестают говорить в процессе активного продвижения к вершинам образования? Почему это происходит при наличии в базисном учебном плане около тысячи учебных часов по государственному языку? Почему радостные и говорливые ученики начальной школы превращаются в юношей и девушек с опущенным взором, с трудом подыскивающих слова для формирования полного предложения, то есть законченной мысли? А как же задача интегрированности человека в современное ему общество?!

Во-вторых, почему дети перестают излагать *собственные* мысли так, как делали это в детском саду или в начальной школе? Там ребенку всегда хочется что-то сказать, в классе,

что называется, «лес рук». Иногда у ребенка возникают такие образы и ассоциации, что сразу и не уловить связи, но очень уж им хочется всему миру сказать, что мне, мол, шесть лет, и у меня такая-то есть игрушка, и мою маму зовут так-то и т. д. Но медленно и верно возникает ситуация, при которой «субъект» нашего образования перестает говорить по собственному желанию, начинает мучительно вспоминать правильный ответ, правильный не по существу, а с точки зрения того, что хочет услышать учитель или другой взрослый. Ребенка-то как раз можно понять — неправильных ответов у нас не любят, за них двойки ставят, но как же понять учителя, который всегда пытается вмешаться с такой фразой: «Ну что же ты, вспомни, что я говорил (или говорил)!» А как же требование закона и самой жизни о том, что каждый новый входящий в общество призван его совершенствовать, и прежде всего, собственными мыслями, собственными взглядами?!

В-третьих, почему при всей, казалось бы, гуманистической направленности нашего образования с таким трудом происходит освоение учащимися гуманистических ценностей в качестве альфы и омеги собственной жизни? Начнем с простого: почему при таком обилии в курсе общего образования великой литературы, других составляющих, относимых к гуманитарным, наши дети так легко втягиваются в сленговую среду? Конечно, следует сделать поправку на стремление молодежи к некоторому протесту и демонстрации «отрицания устоев» старшего поколения. Проблема ведь не в том, что на определенном этапе значительная часть детей, подростков и юношества стремятся к самоутверждению в своем кругу такими способами. Вопрос в другом — сколько из них имеют достаточный запас прочности, чтобы восстановиться для нормальной жизни в обществе, к качественному общению. К сожалению, практика показывает, что все больше и больше бывших молодых людей, а ныне уже выраженных, так сказать, «переростков» продолжают общаться на птичьем языке, по сравнению с которым даже словарь Элочки Щукиной — смысловой Клондайк. Далеко ли до того, что мы видели в фильме «Кин-Дза-Дза» с его великим и всемогущим «КУ»?

Очевидно, результат образования нельзя оценивать только по прикладным показателям, например итоговой аттестации, или поступлению на следующую ступень образования, настоящий результат проявляется пролонгировано. Если какие-то гуманистические ценности человеком освоены и стали его лич-

ным достоянием, определяющим образ жизни, вот тут можно говорить и о результате. Когда мы говорим о способности к общению, коммуникативной, то есть о нормальном вхождении в общественные отношения, мы часто имеем в виду отношения человека с «неродными» людьми: работодателями, властью, знакомыми. Но статистика неумолима: каждое шестое преступление совершается в быту, дома, в собственной семье. Где то место в структуре наших образовательных программ, в котором отфильтровывается все лучшее, главное, самое необходимое человеку для жизни, и остается лишь дистиллированная жидкость из программных сведений?

Нам необходимо обсудить проблему диалога в образовании. Общеизвестно, что диалог — это разговор между двумя или несколькими лицами. Менее применимо толкование, что диалог есть свободный обмен мнениями, и в этом как раз заключается проблема школьного диалога, ибо у нас он зачастую имеет характер навязывания. Это проявляется прежде всего в том, что тема для общения, как правило, определяется одной стороной (понятно какой); при этом вторая сторона, в силу своего положения, вынуждена демонстрировать заинтересованность. Такого рода диалоги на второй или третьей минуте склонны перерождаться в обычный опрос при ответе с места. Диалог при этом умирает, поскольку вторая сторона начинает отчетливо понимать, что от нее ожидают правильного ответа, а не мнения. Кроме того, ординарный школьный диалог всегда развивается в опасности перерасти в монолог по разным причинам: диалог приобретает опасный для учителя характер или, по мнению учителя, развивается не в ту сторону (то есть не соответствующую его методической задумке), или урок на исходе, а «программа», с позволения сказать, не выполнена.

Так нужен ли диалог в образовательном процессе? Хотелось бы обратить внимание на несколько иную сторону этой проблемы и предложить для обсуждения формулу: «Диалог как форма существования образовательного учреждения». Само существование образовательного пространства — союза всех объективно и субъективно заинтересованных в образовании сторон — возможно только тогда, когда школа в качестве своей внешней и внутренней политики имеет диалог. Только тогда, когда школа настроена на конструктивный, равноправный разговор с одним или многими участниками, на обмен мнениями, на учет этих мнений в своей образовательной программе, появляется возможность

исключить из образовательной деятельности сугубо эгоистические устремления одной из сторон или бездумное следование, подражание неким сомнительным новациям. Два примера для иллюстрации этого посыла.

Некоторые образовательные учреждения, сначала в больших городах, потом в средних, а сейчас уже и там, где больше двух школ, вдруг решили, по признакам, ведомым только им, что они лучше других. Они пытаются выставить фильтр: это ученик нашей школы, а этот нам не подходит. В них это непрофессиональное и антиконституционное хулиганство начинается уже при приеме в первый класс. В других «отбор» пока еще держится на уровне окончания основной школы, а потом начинают сортировать собственных учеников по принципу «наш — не наш» и еще искать «своих» в других образовательных учреждениях. Подчеркнем, что бы ни говорили публично подобного рода деятели, какие бы красивые слова ни эксплуатировали, как бы ни рядились в тогу гуманистов, вывод однозначен: нет там никакого педагогического сообщества, никакой диалоговой политики и самого диалога! Там есть в худшем виде профессиональная корпоративность, направленная на выведение себя из педагогики, и присвоение результата, к которому такое образовательное учреждение на самом деле отношения не имеет.

Другой пример о так называемом «профильном» и «предпрофильном» образовании (то есть «предпрофильная» — это подготовка). Если в очках и с карандашом в руках проштудировать закон и даже Конституцию РФ — ничего подобного там нет. Попробуем определить, что же это такое. «Профильность» — это, согласно толковым словарям, совокупность типических признаков хозяйства или производства. Отсюда следует, что термин «предпрофильность» не имеет права на существование, потому что в переводе означает ни больше, ни меньше, как предсовокупность признаков и качеств. Возможно, с некоторыми

оговорками, существование профильного образовательного учреждения, имеющего некую совокупность признаков и качеств для реализации профессионального образования, но не может быть профильного образования. Почему же не употребляется терминология, принятая законодателем: профессиональное образование, предпрофессиональная подготовка, профессиональная ориентация? Потому что слишком заметен будет удар, который пытаются нанести в интересах высшей школы по общему образованию — огромному достижению нашей культуры, нашей цивилизации. Человечество много экспериментировало по формам ознакомления новых поколений с тем, что удалось понять и сделать в предыдущий период, и, в конце концов, пришло к выводу: нужна система общего ознакомления всех рождающихся с опытом развития общества в основах наук, в художественной культуре, нравственности и прочем, а затем, в том числе и на этой основе, — подготовка по одной из профессий. При этом совершенно ясно, что общее образование как основа социализации — одно, а профессиональных за долгую человеческую жизнь может быть несколько.

Эти проблемы мы — педагоги, должны рассматривать и давать экспертную оценку своей деятельности. Не потому, что мы плохо работаем, а потому, что мы должны (в силу того, что поколения меняются, а мы остаемся) постоянно и жестко оценивать себя, актуализировать себя для нового времени, для каждого нового поколения, приходящего к нам за образованием. Мы не должны себя обманывать: дети идут в сад, школу, клуб, дом творчества не для того, чтобы посмотреть на нас, и часто даже не для того, чтобы учиться. Они идут, чтобы общаться с нами, со сверстниками, с давно ушедшими и будущими. У них жажда общения — это духовная жажда. Через общение можно достичь очень многого из того, чего мы никак не можем достигнуть путем назидания.

Б. Д. ПАРЫГИН,

*профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук,
Заслуженный деятель науки РФ*

ТРАДИЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ: КРИЗИС И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Феномен доминирования гуманитарной культуры в советском, а вслед за ним и в российском образовании в принципе не подлежал до последнего времени особому сомнению.

Он означал приоритет гуманитарных ценностей над функционально-ролевыми и утилитарно-прагматическими, что предполагало их реализацию прежде всего в системах вос-

питания, социализации, образования и формирования, соответствующего этому мироощущения, мировосприятия и мировоззрения подрастающего поколения.

По своему содержанию это означало формирование приоритета морально-нравственных ценностей и высоких гуманистических идеалов, духовной культуры, а во многом и идеологической направленности общественного сознания и обеспечивающих его средств массовой информации.

В итоге трансформации всей системы социальных отношений от базиса до надстройки, происходившей в России последние двадцать лет с начала перестройки, ситуация со статусом гуманитарной культуры в образовании как традиционного для нашей страны явления существенно изменилась.

Сегодня есть все основания говорить о глубоком кризисе традиций гуманитарной культуры в российском обществе в целом, в том числе и в образовании. Это не означает падение престижа самого гуманитарного образования. Скорее наоборот, он сейчас непрерывно растет. Однако рост его происходит на

опасном фоне снижения самой сути — его гуманитарной, содержательной составляющей, связанной с потерей интереса к самому человеку как носителю прежде всего духовно-нравственных ценностей, духовной культуры и наконец личности и неповторимой, уникальной индивидуальности. Такой поворот во многом объясним началом доминирования новых, связанных с необходимостью выживания во все более экстремальных условиях, ценностей функционально-ролевой эффективности любой ценой, характерных для корпоративного духа организаций, вовлеченных в ситуацию конкурентной борьбы в условиях рыночной экономики.

Наши исследования показывают, что единственной альтернативой вышеназванному кризису может быть не вытеснение одной гуманитарной культуры другой — корпоративной, а их синтез на основе новой, более совершенной современной культуры, способной соединить высшие эталоны функциональной эффективности деятельности людей с их духовно-нравственными ценностями и подлинно человеческим отношением друг к другу.

З. Я. РАХМАТУЛЛИНА,

*министр образования Республики Башкортостан,
доктор философских наук, профессор*

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сегодня в общественное сознание, в том числе и педагогическое, активно внедряется либеральная модель человека, не вписывающаяся в социокультурный и духовно-нравственный контекст эволюционного (исторического) развития народов России. Не принимается во внимание тот факт, что подавляющее большинство пропагандируемых современных («модных») западных педагогических теорий и идей, изначально ориентированных на культ индивидуализма, игнорирует специфику нравственного, религиозного и культурного опыта, особенности мировоззрения и менталитета наших соотечественников, — чужды как культуре нашего народа, так и вековым традициям отечественного образования.

Как показывает действительность, поверхностное копирование структур государственного и политического управления, экономической деятельности, финансирования и тому подобного, являющихся плодом длительного развития иной цивилизации, не дает желаемых результатов. Думается, что и внедрение

в учебно-воспитательный процесс педагогических программ, обслуживающих другую культуру, может привести лишь к ухудшению положения в системе отечественного образования, главными задачами которой являются прежде всего упрочение нации, укрепление ее духа, приобщение всех слоев народа к культуре, формирование духовно развитых, высокообразованных, профессионально подготовленных «рыцарей Духа».

Функции образования заключаются в обеспечении преемственности и творческого развития существующих в обществе культурных ценностей и образцов (науки, искусства, нравственности, права, хозяйства и т. д.). Совершенно справедливо утверждение, что «большинство людей понимает под культурой весьма ограниченный круг явлений: театр, музеи, эстраду, музыку, литературу — иногда даже не включая в понятие культуры науку, технику, образование...» (Д. С. Лихачев). Думается, что отечественная педагогическая система ни в коем случае не должна превращаться

в отвлеченное подражание иностранным образцам, как бы притягательны они ни были, а должна органично вырастать из ценностей собственной культуры, исторической традиции и осуществляться сообразно национальному идеалу совершенной личности. Мы присоединяемся к высказанной в литературе точке зрения, что воспитание и обучение, оторванные от собственной национальной культуры, способны сформировать «хорошо образованных и хорошо подготовленных» разрушителей, а не «строителей» Отечества.

Правомерность рассмотрения ценностей отечественной культуры (духовности, коллективизма, патриотизма, гражданственности, веротерпимости, экологизма) как философско-методологического принципа (основания) системы современного образования мы аргументируем тем, что только на их основе возможно формирование нового человека, структура характера которого неизменно будет включать следующее качество: «Чувство безопасности, чувство идентичности и уверенности в себе, основанные на вере в то, что он существует, что он есть, на внутренней потребности человека в привязанности, заинтересованности, любви, единении с миром, пришедшей на смену желанию иметь, обладать, властвовать над миром...» (Э. Фромм).

Сохранение ценностей отечественной культуры как основы учебно-воспитательного процесса на всех его этапах, начиная с семьи и начальной школы и заканчивая обучением в высших учебных заведениях, есть необходимое условие формирования личности, для которой понятия «Родина», «родная земля», «справедливость», «совесть», «народ», «патриотизм», «гражданственность» станут главными в организации личного и общественно-го бытия.

Нет сомнений в том, что формирование духовной личности, воспитание гражданина и патриота своего Отечества, возможно толь-

ко при условии реальной переориентации деятельности всех образовательных и воспитательных учреждений, средств массовой информации (особенно телевидения), книгоиздательского дела, общественных организаций на ценности национальной культуры и на достижения мировой гуманистической культуры. То есть смены вектора культурной политики государства в направлении поддержки и культивирования в обществе подлинной духовности. Только тогда современная педагогическая система сможет противостоять мировоззренческому плюрализму, хаосу, эстетической и нравственной деградации населения.

Стратегическую идею отечественного образования, на наш взгляд, должны определять следующие приоритеты:

— приверженность духу своего народа, без которой можно вырастить поколение образованных интеллектуалов-грабителей, которые будут использовать свой интеллектуальный потенциал для грабежа Родины и личного обогащения, а не для ее развития и блага собственного народа;

— знание языка, культуры, истории своего народа, без которого можно воспитать поколение безликих «манкуртов» без собственного национального «Я», без памяти прошлого, без подлинного настоящего и надежного будущего;

— формирование сильного национального характера, ответственности за порученное дело, за судьбы других, за будущее своего народа, чувства личного и национального достоинства;

— воспитание в личности культуры мира и ненасилия, духа взаимопонимания и дружбы между народами;

— обеспечение в содержании современного образования неразрывного единства основ современной науки, достижений культуры других народов, ценностей собственной культуры, связанных с утверждением идей государственности, гражданственности и духовности.

А. В. РЕПРИНЦЕВ,

профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ: ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ

Российская школа находится на этапе значительных перемен, последствия которых с каждым днем становятся все очевиднее и обнаруживают себя уже в нынешних школь-

никах, давая повод для самых пессимистичных прогнозов. Сегодня уже ни для кого не секрет, что «модернизация школы по Филиппову-Фурсенко» предстает как катастрофичес-

кая угроза лучшим и выверенным временем традициям отечественного образования и воспитания. Достаточно сказать, что общий вектор внедряемых ведомством образования «реформ» выглядит как преступление перед будущим, ведущее к оглуплению и духовной деградации целого поколения юных граждан некогда Великой России. Всего лишь десять-пятнадцать лет назад мы гордились своим статусом «самой читающей» и «самой духовно богатой» державы, взахлеб рассказывая о созданных условиях для реализации молодежью своих природных способностей и талантов, показывая как национальное достижение «Артек» и «Орленок», детские творческие коллективы, получившие признание и уважение профессионалов. Где же они теперь? На каких культурных образцах и эталонах формируется нравственно-эстетическая культура будущих граждан нашей многострадальной державы? Куда ведут наших детей новые реформаторы образования?

За страстными и бесконечными дискуссиями последних лет о едином государственном экзамене, об образовательных стандартах, «Болонской декларации», «европейском образовательном пространстве» ушли из виду важные и выразительные (с точки зрения преследуемых «реформаторами» целей) шаги Министерства образования РФ, в которых отражаются истинные намерения идеологов реформ, их нескрываемое стремление выхолостить веками складывавшееся содержание образования и воспитания молодежи. Это выхолащивание предстает как «ревизия» *школьных программ*, особенно тех, которые напрямую «работают» на формирование духовной культуры молодежи, освоение ею социокультурного опыта предшествующих поколений. Речь идет в первую очередь о предметах гуманитарного, художественно-эстетического цикла, которые более всего подвергаются такой ревизии. Под флагом устранения «перегрузок» из школьных программ исключаются важные содержательные блоки и проблемы. Из литературы «изъяли» романы М. А. Шолохова (Нобелевского лауреата, запечатлевшего в своих произведениях сложную и трагическую эпоху начала XX века!), А. М. Горького («идеолога босячества»), С. А. Есенина (уж его-то за что?), А. А. Блока, А. А. Фадеева и др.; из программы по музыке — произведения П. И. Чайковского, И. С. Баха, Л. Бетховена, В. Моцарта!.. Череда подобных потерь оказалась столь велика, что впору спросить реформаторов: а что же осталось? На каком содержании об-

разования предполагается строить процесс духовного взросления будущих граждан России?

Литература как истинный фундамент нашей национальной духовной культуры подвергается таким образом выхолащиванию, преследующему, совершенно очевидно, идеологические цели. «Зачем ворошить прошлое, хватит потрясений, хватит гражданских войн и революций, — нужно воспитывать у молодежи толерантное сознание», — провозглашают министерские чиновники, забывая при этом, что толерантность воспитывается не «изъятиями» из школьной программы, а реальными условиями жизни общества, в которой нет социальных контрастов, нет страшных и глубоких антагонистических противоречий между людьми. *Обеднение содержания школьного образования*, призванного формировать духовную культуру молодежи, воспитывать представления юных граждан России о подлинных нравственных и эстетических ценностях нашего этноса, обнаруживается практически во всех школьных дисциплинах, выражая тем самым определенную тенденцию, в соответствии с которой следует объявить «героем нашего времени» Павла Ивановича Чичикова с его уникальной способностью «делать деньги» на мертвых душах. Вот образец для подражания, пример предприимчивого дельца, для которого высшим «нравственным императивом» служит Копейка и отцовский завет: «Все сможешь, все прошибешь копейкой!» Вот уж достойный типаж для воспитания «новых русских»! Эти явления в образовании и воспитании вполне «вписываются» в устойчивую логику, основную идею которой очень точно сформулировал в свое время известный государственный деятель, наставник Александра III и Николая II, К. П. Победоносцев: «Русскому народу образование не нужно, ибо оно научает логически мыслить...».

Опасной тенденцией последнего десятилетия стала *шоуизация школьного воспитания*, его ориентация на популярные развлекательные программы многочисленных телеканалов. Стремясь к примитивному копированию популярных телепередач, школьники и их наставники неизбежно воспроизводят телевизионные штампы, тиражируют репродуктивный тип сознания, сводя детское творчество лишь к повторению (примитивному, порой неуместному) игровых схем, культивируя шоу как наиболее эффективную форму воспитания. Шоуизация становится всеобщей тенденцией, подменяющей и вытесняющей собой ценнейший (может быть и не такой яркий, как телепрограмма) труд души, реальное

совместное дело, развивающее способность взрослого человека самостоятельно воспринимать окружающий мир, переживать, понимать и оценивать его, преобразовывать этот мир по законам красоты. Телевизионная картинка не требует напряжения интеллекта, не мобилизует внимание, память, не пробуждает многообразных ассоциаций, воображения... По данным социологов, современный 12-летний подросток проводит у экрана телевизора 18–20 часов в неделю и только 5–7 минут общается с матерью! За 12 прожитых им лет он успевает стать свидетелем 18 тысяч убийств во всех деталях и подробностях! Телевизор превращается в сильный и опасный инструмент формирования сознания человека, внедряя в него искаженные представления и смыслы, деформируя психику, девальвируя важнейшие ценности и нормы человеческого бытия, включая главную — самого Человека и его Жизнь...

Не менее опасна тенденция *сокращения деятельного, творческого начала*, которая неизбежно ведет к созерцательности отношения личности к действительности. И самым опасным в связи с этим явлением становится неразвитое, зачаточное состояние творческих способностей детей, не имеющих реальных условий для упражнения, для развития своих «природных сущностных сил», для применения уже освоенных ими алгоритмов деятельности в новых жизненных обстоятельствах. Тем самым современный ребенок постепенно утрачивает опыт самостоятельной постановки значительных личных перспектив и мобилизации собственных сил, собственных ресурсов для их достижения, — в комплексе с творческими способностями личности оказываются прочно увязаны ее волевые качества...

Очень характерной приметой подобной практики организации «воспитания» стали новогодние праздники: вместо традиционных предпраздничных хлопот, ориентированных прежде на подготовку к новогодним торжествам, педагоги сообщают родителям, какую сумму им необходимо сдать на организацию детских утренников. Собрав деньги, классные руководители закупают билеты в театр (или филармонию — выбор очень большой) на новогоднее представление и оставляют за собой лишь функцию сопровождающего... Внешне все выглядит вполне «красиво»: огромная красавица-елка, профессиональное новогоднее представление у елки, красочный спектакль и даже подарки, — все атрибуты праздника сохранены, «дело» проведено — можно ставить «галочку». Но удов-

летворения нет! Нет детской радости! Дети не вложили в праздник собственную душу. Нет игрушек, изготовленных собственными руками, елочных украшений, традиционной новогодней газеты... Быстро проходит Новгоднее представление, не оставляя в душах ребят ничего, кроме праздничной мишуры, блеска елочных огней, шумного обсуждения содержания подарочных пакетов... Обезличенный праздник порождает холодное, «нечеловеченное» отношение детей к нему. А как много и глубоко об этом размышлял В. А. Сухомлинский, как здорово использовал эти ценнейшие мгновения для развития духовного опыта своих воспитанников! Достаточно вспомнить хрестоматийный пример с Петриком и Аленкой: именно в процессе подготовки к празднику рождаются отношения истинной заботы человека о человеке, проявляется способность детей к сопереживанию, состраданию, соучастию. Разве не ради этого строится вся воспитательная работа с детьми, разве не это является самым главным, определяющим в понимании результативности нравственно-эстетического воспитания юношества?

Другой стороной этого явления становится сокращение опыта проведения совместного досуга: собираясь вместе, школьники все реже демонстрируют умение интеллигентно развлекаться, мягко и по-доброму шутить, рассказывать уместные и веселые истории, петь, играть, веселиться. Да и вместе дети собираются все реже. Почти в каждой семье теперь есть видеомагнитофон, музыкальный центр, не редкость и компьютер. *Ребенку все меньше требуется общество сверстников* для соотнесения своего видения и понимания окружающего мира с тем, что воспринимают другие. Замыкаясь в своем мирке, ребенок все чаще «строит» собственный мир, изолированный от других людей; он все чаще идет в этом строительстве «от себя», не соотнося свои желания с желаниями окружающих его людей. Он потребляет духовные ценности, опираясь лишь на собственные потребности, интересы и представления о должном. *Индивидуализация потребления эстетических ценностей* превращается в неумеренное и неконтролируемое освоение ребенком стандартов и нормативов массовой культуры, посредством которой в его сознание приходят образцы искаженной реальности, атрибуты виртуального мира, формирующие ложное представление о самой действительности, способах и средствах социального взаимодействия, разрешения возникающих в человеческих отношениях про-

блем. Ребенок утрачивает ощущение границы реальности и «нереальности», правды и вымысла, — он дезориентируется в социальном и культурном пространстве, подчиняясь лишь своим внутренним инстинктам и влечениям. Результатом этого становится *размывание вкусов как основы нравственно-эстетического отношения человека к действительности*, утрата социально типичных представлений о критериях оценки эстетически значимых предметов и явлений окружающего мира.

При всех издержках существующих учебных планов и программ школы, в них остаются (пусть даже формально) литература, музыка, изобразительное искусство. Но самым массовым, доступным, самым «потребляемым» видом искусства, «самым важным для нас является кино», восприятию которого школа не учит, не готовит ребенка к постижению мощного и выразительного языка кинематографа. Нет такой подготовки и в вузе, готовящего учителя к чему угодно, но только не к современным реалиям культуры, в которых ребенок часто ориентируется лучше, чем его школьный наставник. Школьное и вузовское образование явно отстают от жизни, не учитывают многих (не только кино) современных социокультурных феноменов, активно вошедших в жизнь, ставших устойчивыми элементами образа жизни русского человека. Эти новые реальности — компьютер, Интернет, огромное количество мультимедийных продуктов, обладающих значительными образовательными и воспитательными возможностями в осуществлении влияния на становление нравственно-эстетического отношения школьной молодежи к действительности и искусству.

Заметной тенденцией последнего десятилетия стало *сужение и локализация эстетических интересов школьников*, проявляющееся как свертывание интереса к чтению литературы, занятиям в творческих коллективах, посещению культурно-просветительных и образовательных центров, пассивное, созерцательное отношение к восприятию результатов творческой деятельности сверстников, сокращение количества детей, занимающихся в творческих коллективах. Показательно в этом плане посещение выставок декоративно-прикладного творчества детей, где на протяжении последних пяти-семи лет мы видим экспонаты, выполненные детьми не на базе общеобразовательных школ, а на базе учреждений дополнительного образования! И это вполне понятно, — у школы сегодня гораздо меньше возможностей для

создания клубных объединений, кружковой работы, нет кадровых, материальных условий для обеспечения их деятельности. Школы вынуждены свернуть эту работу не в силу собственной инертности: прекращение государственного финансирования заставляет всю систему образовательных институтов, обслуживающих детство, отказываться от сложившихся в этой сфере традиций и опыта. Есть реальная угроза того, что вскоре рухнет и последний бастион — учреждения дополнительного образования, в которых занимаются различными видами творчества до 15–20 % школьников.

Вызывает большую тревогу *тенденция выхолащивания эстетических эмоций и переживаний детей*. Она скорее результат, чем причина стремительного падения качества нравственно-эстетического воспитания молодежи, отражающая снижение общей способности молодежи к эстетическому восприятию явлений и предметов окружающего мира. Органы чувств человека — не самые совершенные в природе, но без их развития человек окажется эмоционально «глух», «слеп», беспомощен; его восприятие окажется неспособным продуцировать богатые и глубокие ассоциации, образы, переживания. И как следствие — снижение планки полета человеческой фантазии, воображения, мечты. Отсутствие глубоких эстетических эмоций, переживаний будет способствовать постепенной духовной деградации человека, его нравственному и эстетическому оскудению. Не в этом ли состоит цель реформаторов российской школы? Не к этому ли ведут российскую молодежь нынешние чиновники от образования? Самое тревожное в этом плане — сокращение социально ценных эмоций школьников, неизбежно ведущее к социальному отчуждению людей, их взаимному дистанцированию друг от друга.

Известно: коллективная эмоция сильнее, ярче, глубже; она дольше оставляет след в душе человека, порождая ощущение личностной сопричастности индивида к делам окружающего его сообщества. Лучшие мыслители прошлых эпох стремились к воспитанию «человека эстетического» — человека чувствующего, понимая, что способный к тонкому, одухотворенному переживанию красоты человек будет неспособен к низменному, безобразному поступку, подлости и предательству, варварскому отношению к окружающему миру. Он неизбежно будет создателем Красоты, Добра, Истины: «Имеющий в руках цветы плохого совершить не может!».

А. В. СУХАРЕВ,

декан факультета психологии Государственной академии славянской культуры, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, главный редактор «Журнала прикладной психологии», доктор психологических наук, профессор

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Многие философы и культурологи характеризуют современное культурно-историческое развитие человечества как этап целостного кризиса: мировоззрения, основных ценностей, этнокультурных взаимодействий и т. д. Й. Хейзинга и М. Хайдеггер, отмечали психопатологическую сущность кризиса культуры, который переживается человеком и отражается его психикой в виде депрессивных проявлений беспомощности, изоляции, пустоты, безответственности и отсутствия моральной цели. Обратная сторона этих состояний — авторитаризм, политический экстремизм и этноцентризм. В литературе отмечается, что современный культурный кризис «обновления» коснулся и системы образования России, особенно его целей. Он выражается в необходимости перехода от нашей образовательной системы, пока еще ориентированной на навыки, умения, объем и качество знаний как конечную цель, к «развитию личности» и ее подготовке ко всем «сложностям жизни» на различных образовательных этапах, начиная с дошкольного и кончая вузовским, что может обеспечивать достижение не только ценностно-смысловых, но и психопрофилактических целей. Исследователи считают, что для преодоления кризиса важно изменение содержания образования — увеличение его культуроемкости, «повышение роли *гуманитарного* знания как основы развития, как содержательного ядра личности».

Проблемы, порождаемые кризисом культуры, связаны с массовыми миграциями, урбанизацией, индустриализацией, развитием средств массовой информации и этнокультурной «мозаичностью» и обуславливают «этническую маргинализацию» психики человека (нарастание в психике человека разнородных психологических элементов (например отношений), характерных для различных, зачастую весьма далеких друг от друга этнокультур и их объединений). Этническая маргинализация личности может обуславливать психопатологические проявления и др. Например, от 70 до 90 % школьников имеют «невротические реакции». Широчайшее и все нарастающее распространение среди учащихся школ получили алкоголизм (в частности «пивной»), наркомания, различные формы асо-

циального поведения. Имеет место связь поликультурного акцента в содержании образования (особенно на его начальных этапах) на фоне «этнокультурной мозаичности» среды с резким возрастанием среди российской молодежи количества психических расстройств, случаев социально отклоняющегося поведения, злоупотребления психоактивными веществами и наркотиками, нравственной незрелости, а также снижения качества усвоения знаний. Это определяет специфику необходимого подхода и введения адекватных ему базовых психолого-педагогических понятий для обоснования концепции образования современной России.

В кризисные периоды, по-видимому, как форма культурной защиты обостряется чувствительность людей к вопросам, связанным с их этнической принадлежностью, этнической идентичностью. В современных условиях необходим такой теоретико-методологический подход к содержанию образования на всех его этапах, который соответствовал бы данной культурно-исторической ситуации. Нарастающая «этническая маргинализация» внутренней и внешней среды человека, его «психопатологизация» являются существенными предпосылками применения так называемой этнофункциональной методологии (А. В. Сухарев), исходя из которой разработана теория психического развития человека, положенная в основу системы образования. В этнофункциональном подходе все элементы внутренней и внешней среды человека наделяются этнической функцией, интегрирующей и (или) дифференцирующей его с тем или иным этносом или этнической системой. Психическая дезадаптированность человека к собственной внутренней и внешней среде (в том числе психические расстройства и социально отклоняющееся поведение) с позиций этнофункционального подхода объясняется нарушениями содержания и последовательности стадий психического развития. С позиций этнофункционального подхода нормальный психический онтогенез понимается как последовательное развитие целостных отношений к этносреде на: а) сказочно-мифологической, б) религиозно-этической, в) научно-познавательной стадиях, соответствующих

общему плану филогенеза этнокультуры региона рождения и проживания конкретного человека. Этнофункциональные нарушения психического развития это: 1) *этнофункциональное рассогласование* элементов содержания стадий психического онтогенеза с регионом рождения и проживания конкретного человека. Например, в содержании отношений к собственной внутренней и внешней среде ребенка, родившегося и проживающего в Подмоскowie, преобладают сказочно-мифологические представления народов Южной Америки. Или же сам ребенок не переносит зиму, хочет жить в теплых краях, там, где нет зимы; 2) *нарушение последовательности* или «*выпадение*» той или иной стадии из психического онтогенеза данного человека. Например, если вместо определенных воспитательных усилий по нравственному воспитанию на религиозно-этической стадии психического развития ребенку предлагаются «технологические» компьютерные игры и т. п.

Вводится понятие *этнофункциональной психической архегении* — как идеальный прообраз естественного развития души человека в определенной этнокультуре, и в теоретическом приближении является этнофункциональным *показателем психической нормы (здоровья)*. Отличие этого определения от имеющихся в литературе состоит в том, что оно соотносится с этнокультурной и природно-биологической средой и не является этноцентристским. Экспериментальную основу введения этого понятия составляют исследования, проведенные как в норме, так и в патологии на контингенте более чем 1800 человек в различных возрастных группах от 3 до 80 лет с 1993 по 2004 год. Психическая (включая интеллектуальную) и психосоматическая дезадаптированность достоверно усиливаются с нарастанием в психике испытуемых этнофункциональных рассогласований и нарушением последовательности этнофункциональных стадий их психического развития. Критериями степени соответствия этому идеальному образу полагаются данные гуманитарных наук: этнологии, культурологи и истории, религиоведения, филологии, фольклористики, а также литературы, искусства и пр.

Основные положения этнофункциональной психологической теории учебно-воспитательного процесса. В качестве *движущих сил* психического развития рассматриваются этнофункциональные рассогласования элементов психики человека и нарушения последовательности этнофункциональных стадий психического развития, которые могут приводить к соответствующим психическим конфлик-

там. Качество этого развития определяется степенью разрешения данных конфликтов — от регрессивной до высшей, творческой. В то же время в условиях современной этнокультурной «мозаичности» внутренней и внешней среды человека для обеспечения его оптимального психического развития необходимо снижение степени этнофункциональной неоднородности психолого-педагогических внешних воздействий. Этому способствует уменьшение количества этнофункциональных рассогласований в содержании учебно-воспитательного процесса.

С позиций этнофункционального подхода *воспитание* — это деятельность по передаче содержания (ценностей, духовно-нравственных ориентиров, исторических традиций и пр.) конкретной культуры, а не абстрактного «культурно-исторического опыта». Единство, относительная однородность культурного поля, в котором осуществляется воспитание, особенно важны на начальных возрастных этапах этого процесса. На относительно ранних возрастных этапах необходимо взвешенное ограничение потребления детьми разнородной этнокультурной информации. *Психологический (культурный) возраст* определяется успешностью прохождения личностью этнокультурно специфических, последовательных стадий развития и формированием соответствующих им *ведущих сторон отношений*, независимо от того, какая именно деятельность становится в данный период ведущей. В процессе психического созревания ребенка на сказочно-мифологической стадии ведущим является развитие эмоционально-чувственной стороны отношений к собственной внутренней и внешней среде (прежде всего к естественно-природной), что подготавливает полноценность развития религиозно-этической стадии. Здесь ведущая сторона отношений — уже нравственно-этическая. Ее успешное формирование готовит человека к «прочувственному» и ответственному усвоению знаний, умений и навыков научно-познавательной стадии психического развития, где ведущая сторона — когнитивная (операционная). Другими словами, если чувства и нравственность человека не сформированы, то нельзя быть уверенным в нравственном использовании им своих знаний и умений, например в области медицины или военном деле.

Исследования контингента как здоровых, так и страдающих психической и психосоматической дезадаптированностью детей и молодежи (436 человек), выявили связь психологического и биологического возраста. Эта связь определяется наиболее сензитивным

периодом: для воспитания эмоционально-чувственной стороны отношений это возраст 2–4 года, для воспитания этической стороны — 5–8 лет и для формирования профессионально-операционной сферы — с 9 лет. Эти периоды (в зависимости от содержания воспитания и обучения на данный момент) определяют как более, так и менее высокую степень психической адаптированности («периоды бифуркации») в последующих возрастных периодах. Например, если в субъективном восприятии ребенка, родившегося и проживающего в Подмоскowie, сохранился «когнитивно-аффективный след» о русских сказках, которые он воспринимал до 4 лет, то этот ребенок будет психически более адаптивным, чем тот, кто сохранил воспоминания только об экзотических сказках, услышанных им в младшем школьном возрасте.

Единство этнофункционального воспитания и психопрофилактики состоит в восстановлении целостности когнитивной, эмоционально-чувственной и двигательно-поведенческой сторон отношений человека к его этнофункциональной психической архегении. Восстановление целостности отношений человека к его этнофункциональной психической архегении является общим механизмом воспитания, обучения, психопрофилактики и психологической коррекции. Это и есть психологический механизм наследования культуры. Воспитание должно быть первично по отношению к процессу предметного обучения, недопустима информационная перегрузка эмоционально и нравственно незрелой психики.

Содержание обучения в современной культурно-исторической ситуации, особенно на относительно ранних возрастных этапах, должно быть в максимальной степени этнофункционально согласовано с содержанием стадий развития традиционной культуры региона рождения и проживания детей.

На основе результатов теоретико-методологических и экспериментально-психологических исследований можно сформулировать ориентировочное содержание и последовательность стадий учебно-воспитательного процесса в соответствии со стадиями психического этнофункционального развития в различных возрастных группах. Целью соответствующих изменений в содержании учебно-воспитательного процесса является и психопрофилактика этнофункционального низкого уровня знаний, отсутствия интереса к учебе, психолого-педагогической запущенности, социальных отклонений, употребления алкоголя и наркотиков, чрезвычайного распространения курения (никотин), психической незрелости, психических и психосоматических расстройств.

На примере высшей школы указанные принципы (в рамках госстандартов) успешно реализуются уже в течение трех лет (в частности по показателям отношения к учебе, успеваемости и общей психической адаптированности). Они внедрены в учебный план факультета психологии Государственной академии славянской культуры, а отдельные элементы этих принципов успешно использовались в работе некоторых школ и детских садов г. Москвы.

Л. К. ФОМИЧЕВА,

*ректор Псковского института повышения квалификации работников образования,
кандидат педагогических наук, доцент*

УЧИТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Перманентная фиксация кризиса в образовании проявляется с того времени, как история стала обращаться к образованию как к социальному и педагогическому явлению.

Если принять, что системный кризис выражается в глубоких деформациях системообразующих элементов, когда меняется поведение системы, ее свойства как целостного образования (В. Алиев), то следует признать, что при этом затрагивается экономическая, кадровая, содержательная, функциональная составляющие.

Вместе с тем известно, что из всех социальных институтов школа является наиболее устойчивым в силу своего стремления следовать традициям, критически и с осторожностью воспринимать новации, в силу известного консерватизма и некоторой инерционности.

Однако это не помешало в 1990-е годы прошлого столетия развитию инновационной педагогики, появлению школ нового типа, разработке новых образовательных технологий, формированию творческих учительских объ-

единений, клубов, ассоциаций, проведению муниципальных, региональных и всероссийских конкурсов профессиональных достижений и других ярких проявлений педагогической нестандартности.

Таким образом, образование как система обновилось как бы само собой, что позволило говорить о системном преобразовании в школьном деле, обозначив его термином «модернизация». В связи с этим представляется необходимым обратиться к ключевой фигуре этих процессов — учителю, на котором замыкаются все признаки системного кризиса в образовании:

— экономический (финансирование учреждений образования, уровень заработной платы, материально-техническое обеспечение школ, материальные возможности для самосовершенствования);

— содержательный (разработанность учебно-методического оснащения учебного предмета, своевременное издание программ, учебников, учебных пособий, оперативность и качество переподготовки и повышения квалификации);

— методический (организационные, материальные, индивидуальные возможности к освоению новых технологий, методов и приемов, в том числе информационно-коммуникационных технологий);

— организационно-управленческий (степень готовности и возможности администрации школ создать условия для формирования профессиональной компетентности учителя, для развития школы как части социальной сферы, обеспечивающей формирование личности ребенка, развивающей ценностно-смысловую, целевую, содержательную, результативную деятельность).

Преодоление финансовой недостаточности в образовании находится вне компетенции системы повышения квалификации, обратимся к другим кризисным проявлениям.

Содержание образования и его методическая оснащенность существенно изменились — кризис знаниево-просветительной парадигмы образования обусловлен множеством причин: изменилось соотношение знаний и общественной практики, способы получения информации стали более многообразны, изменилась субъектная позиция учителя и учащихся в учебном процессе, стали преобладать проектно-конструктивные подходы к формированию опыта учащихся.

Современные ориентации на изменение содержания образования и приоритетность компетентностной парадигмы имеют целью подготовку школьников к успешной жизни

и деятельности за пределами школы, соответствие их образования потребностям социального окружения.

Отвечают ли этим ожиданиям педагоги? Обратимся к результатам опроса учителей, прошедших курсы повышения квалификации в 2004/05 учебном году. Наибольшее число педагогов (97,8 % респондентов) считают, что их главная задача сегодня — сохранить уровень квалификации, заниматься своим профессиональным развитием; 79,2 % педагогов предполагают, что необходимо, прежде всего, повысить общее образование и культуру; 76,5 % опрошенных указывают, что они приходят в институт только для того, чтобы повысить уровень своей квалификации по предмету.

Исследование мотивации педагогов на процесс обучения в Псковском институте повышения квалификации работников образования показало, что 83,8 % из них исходят из необходимости собственного развития и желания получить новые знания, 33,9 % педагогов хотят получить готовые методические рекомендации. Каждый четвертый педагог указывает как мотив обучения необходимость пройти очередную аттестацию, каждый седьмой ищет возможности самовыражения, каждый восьмой повышает свою квалификацию по требованию руководства школы.

Многообразны ориентации учителей на содержание курсовой подготовки: методика преподавания предметов (74,9 %), коммуникации и культура общения (54 %), педагогика и психология (51,9 %), философия и культурология (34,9 %), теория предмета (27,8 %), политология (20,7 %), информационные технологии (18,6 %).

Таким образом, современность педагогов выражается, прежде всего, в их готовности заниматься своим профессиональным самосовершенствованием, формировать педагогическую компетентность. При этом 72,1 % из них предпочитают обучаться в активных формах, предполагающих их индивидуальную включенность в учебный процесс.

Мы можем говорить о снятии мифологем, сопровождающих педагогический труд. К числу последних можно отнести извечное противоречие между теоретической подготовленностью педагогов и их ориентацией на прагматическую рецептурность деятельности, на овладение методическими разработками.

Формы реализации академических свобод педагоги видят, прежде всего в самостоятельном выборе лекционных курсов и преподавателей (78,1 % респондентов), в возможности одновременно обучаться на разных курсах

(16,9 %), в обучении по индивидуальным программам (9,3 %).

Последнее согласуется с активно обсуждаемой сегодня проблемой восстановления связи школы и жизни через обновление содержания образования, призванного научить школьников конструировать специальный анализ новой культурной практики.

Возможно поэтому по итогам курсовой подготовки учителя выражают удовлетворение прежде всего тем, что им помогли в разрешении профессиональных затруднений (95 % респондентов), их удовлетворяет применимость полученных знаний на практике, теоретическая оснащенность занятий, освоение новых технологий, каждый второй учитель удовлетворен тем, как был воспринят коллегами опыт его практической деятельности.

Особо высоко учителя оценивают возможность овладения информационно-коммуникационными технологиями и проектным методом обучения.

Пока преждевременно говорить, станет ли владение методами социального проектирования, утверждаемыми в 1930-е годы С. Т. Шацким, в сочетании с технологиями развивающего обучения Д. Б. Эльконина–В. В. Давыдова, педагогическим ответом на вызовы времени, но можно предположить, что должна усилиться деятельностная и исследовательская составляющие учебного процесса как в институте, так и в школе.

Уже сегодня учителя предпочитают повышать квалификацию в процессе работы в педагогических мастерских, тренингах, деловых имитационных играх, решая проблемные ситуации, разрабатывая проекты.

Каким образом это повлияет на процесс формирования у учащихся ключевых компетентностей — вопрос времени и специальных исследований.

Компенсирующая, прогностическая, образовательная и развивающая функции института по отношению к педагогам особенно активно проявились в 2001–2005 годах, с началом экспериментов в образовании страны. В течение этого периода институтом обеспечивается научно-методическое сопровождение экспериментов по совершенствованию структуры и содержания общего образования, по введению ЕГЭ, по предпрофильной и профильной подготовке учащихся, по реструктуризации сельской школы.

Институт компенсирует непроработанность этих процессов со стороны Министерства образования и науки РФ, финансовую необеспеченность, нескоординированность и поспеш-

ность, с какой «запускаются» идеи совершенствования образовательной системы.

При этом учитель оказывается ответственным за результаты происходящих преобразований, измеримые подчас только отметкой учащегося, а не анализом состояния процесса и его отдаленным последствием.

Оценивание результативности работы учителя порождает массу вопросов и главный из них — что более значимо — отметка выпускника, полученная на экзаменах, или его эффективная, успешная деятельность после школы?

Обратимся к В. А. Сухомлинскому, он убежден, что только сложившаяся личная, трудовая биография бывшего выпускника школы есть истинное свидетельство состоятельности школьного образования. А отсутствие милиционера в Павлышах он считал результатом системы нравственного воспитания, целостного воспитательного процесса, проводимого его школой.

Отсюда возникает еще одна проблема, сопровождающая учителя на всем его профессиональном пути: поскольку школа ни формально, ни реально не отвечает за отдаленные результаты своей деятельности, то получается, что в лице своих выпускников она дает некий незавершенный результат, промежуточное существование которого не гарантирует успешного будущего. Таким образом, оценка труда учителя по полученным отметкам учеников всегда — взгляд в прошлое и некий неуверенный, неопределенный прогноз на будущее.

Методическую недостаточность педагоги с помощью института компенсируют овладением современными технологиями образования, значительно увеличилось число учителей, готовых овладевать компьютерными технологиями.

Овладение методами проектирования сегодня является актуальной потребностью учителей и результатом их обучения информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Введение ИКТ в учебный процесс на всех предметных курсах повышения квалификации учителей, проектно-исследовательский метод, преподаваемый на базе ИКТ, активизируют процесс профессионального развития педагогов. Из 4906 педагогов, обученных в Псковском институте повышения квалификации работников образования в 2004 году, 1034 учителя (21,1 %) получили сертификат программы Intel «Обучение для будущего». Они активно участвуют в областных конкурсах «Информационные технологии в учебном процессе» и конференциях «ИКТ-компетенции современного учителя».

Приобретению педагогами опыта межкультурного взаимодействия способствует их включение в реализацию 14 федеральных и международных проектов, выполняемых в Псковском институте повышения квалификации работников образования. Более 1500 учителей, методистов, преподавателей, инновационные разработки которых признаны и востребованы в России и странах — партнерах, учат своих учащихся умению разрешать проблемы, возникающие в познании действительности, освоении современных технологий, правовых и административных отноше-

ниях, выборе профессии, соответствующей рынку труда, выполнении сложных социальных ролей.

Нам представляется, что в условиях кризиса в образовании формирование профессиональной компетентности учителя, его личностный рост, саморазвитие, изменяющийся деятельностный и личностный опыт являются его существенной социальной защитой. В обеспечении такой позиции учителя Институт повышения квалификации работников образования видит свою миссию и предназначение.

Круглый стол

СЛОВО И КНИГА КАК ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Руководитель

Ю. В. ЗОБНИН, заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор

Ученый секретарь

А. В. СОКОЛОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук

Ответственный секретарь

Е. П. ЕФИМОВА, директор научной библиотеки СПбГУП, кандидат педагогических наук

Участники обсуждения:

Д. Н. АЛЬ, писатель, доктор филологических наук, профессор;

М. Б. БОРИСОВА, профессор Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор филологических наук

С. А. БАСОВ, программный директор Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, кандидат педагогических наук;

М. Ш. БОНФЕЛЬД, заведующий кафедрой теории и истории музыки Вологодского государственного педагогического университета, доктор искусствоведения, профессор;

Ю. С. ДОВЖЕНКО, директор издательства «Гуманитарная академия»;

Д. Н. КАТЫШЕВА, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза театральных деятелей РФ, член Союза писателей;

Г. А. МАРТИНОВИЧ, профессор кафедры литературы и русского языка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук;

В. В. НАУМОВ, заведующий кафедрой немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук, профессор;

П. А. СЕМЕНОВ, профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, кандидат филологических наук, доцент;

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ, писатель-краевед Санкт-Петербурга;

А. В. УСПЕНСКАЯ, профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП;

Л. И. ХАРЧЕНКОВА, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор педагогических наук, профессор

Ю. В. ЗОБНИН: — Тема нашего обсуждения — «Слово и книга как тексты культуры». Речь пойдет о том, что мы издаем, как мы говорим и каким образом это соотносится с духовным развитием, либо духовной деградацией нашего общества и человека. Безусловно, тот ассортимент, если употребить этот торговый термин, который имеется на прилавках книжных магазинов, а также стиль изложения в современных изданиях являются среди всего прочего еще и симптомами, которые информируют о характер-

ном состоянии и определенном историческом этапе в развитии данного народа.

Д. Н. КАТЫШЕВА: — Совокупность текстов, их создание, сохранение, передача следующим поколениям относится к субстанциональным основам культуры, ее бытию. Интерпретация текста — это фактически и сохранение, и передача сценическими средствами классического текста. Понимание, изучение как стремление выйти на смысловой

стержень произведения. Каждое поколение театральных деятелей выбирает тот смысловой слой, в котором возможна «обратная связь» с тем поколением, которое приходит в зрительный зал. Хотя классические тексты можно с полным правом назвать многомысленными текстами, то есть смысл в классическом тексте равен бесконечности. В настоящее время скорее доминируют отношения не диалогические, а монологические, когда постановщик оценивает пьесу и привносит свое видение и понимание произведения, иногда не совпадающее со смысловым стержнем автора. Впрочем, инструмент действия, который является основным инструментом режиссуры, предполагает именно вскрытие смысла произведения. У Гегеля есть формула: «Действие — путь восхождения к смыслу».

Но поскольку современная режиссура мало владеет инструментарием, она привносит свои придумки, зрелищные моменты, и в результате, например, получается, что «Ревизор», который идет на сцене Александринского театра — великого русского театра, оказывается искаженным, потому что вся линия Хлестакова строится, акцентируя его сексуальное расстройство, его паранюю. Тем не менее, режиссеры, подобные Фокину, клянутся в своей верности системе Станиславского, его школе.

Ставя Чехова, Станиславский фактически пришел к созданию системы актерского творчества, которое позволило раскрыть подводное течение пьесы, ролей не на уровне текста, а на уровне потаенного смысла. Однако воплощение жизни человеческого духа оказалось возможным именно благодаря чеховскому тексту и уважительному отношению к нему, которое надо воспитывать у молодых режиссеров. Новое поколение особенно нуждается в философских, эстетических, художественных ориентирах. Духовный потенциал, который определяет развитие человечества, невозможен без осмысления текстовой культуры.

Следует воспитывать уважение к тексту, необходимость его настоящего подлинного, длительного изучения — тем более что такие талантливейшие режиссеры, как Товстоногов, тратили на осмысление текста десятилетия.

М. Б. БОРИСОВА: — В теории культурологии существует мнение о том, что чем более гениально произведение, тем более оно заставляет нас знакомиться с конкретной ис-

торической ситуацией. Так, в свое время «Ревизор» шел с довольно фривольными сценами. Как Вы считаете, насколько возможно субъективное начало в интерпретации классического текста, соблюдение традиций прочтения исторических деталей?

Д. Н. КАТЫШЕВА: — Вы, вероятно, имеете в виду постановку В. Мейерхольда. Режиссер говорил, что ставит полное собрание сочинений, то есть сохраняет верность духу автора даже при внесении индивидуального начала. Гоголь вообще не делает предметом своего творчества патологию, это за пределами сферы искусства.

Д. Н. АЛЬ: — Вопрос поставлен совершенно правильно — то, что происходит сейчас при постановке классиков, производит чудовищное впечатление. «Ревизор» Фокина является самой страшной в этом смысле нелепостью. Я позволяю себе так говорить, потому что мне выпало счастье принимать участие в постановке этого спектакля. Я работал с другими режиссерами и знаю, как они относились к тексту. В любом искусстве автор выражает сам себя, это естественно. Если в спектакле столько сексуальной патологии, то к Гоголю это не имеет ни малейшего отношения. И чем больше об этом будут говорить студентам, тем лучше, потому что им это часто нравится.

Ю. В. ЗОБНИН: — Основатель футуризма Маринетти говорил о том, что все более и более в коммуникации будет торжествовать принцип: «Скажите мне в двух словах». Это содержательное обеднение, на мой взгляд, лишний раз подтверждает его правоту. А как относится к этой тенденции, каждый, я думаю, определяет сам. То есть современность может и не нравится и против современности вполне можно бороться. Это наше право.

Д. Н. АЛЬ: — В царской России не было разделено филологическое и историческое образование, то есть филологи и историки учились на историко-филологическом факультете. Начиная с 1934 года историки отдельно от литературы, а литераторы, как правило, не знают историю. Поэтому я считаю, что, по возможности, мы должны стремиться к восстановлению в гуманитарных вузах совмещенного исторического и филологического

образования. В противном случае, по воле автора князь Олег Рязанский будет заявлять: «Заочников не люблю» (имея в виду тех, кто говорит не в глаза, за спиной), и рядом с такой псевдодревностью Мамай «спланирует главный удар», а чиновники Ивана Грозного будут заниматься «очковтирательством» до широкого распространения карточных игр. Впрочем, в свое время победа в Великой Отечественной войне вдохновляла поэтов на следующие строки:

Освобожденная Нева,
Течет в объятиях Ленинграда,
Как возбужденная вдова,
Довольна прорванной блокадой.

Или:

Возвратился с победой домой партизан,
Его Родина лаской согреет.
С громким криком обнимет отца мальчуган,
И от радости мать ошалевает.

Так что утрата внимания к слову — отнюдь не сомнительное достижение современности.

Ю. С. ДОВЖЕНКО: — Как вы относитесь к идее введения цензуры — не обязательно идеологической, но хотя бы литературоведческой?

Д. Н. АЛЬ: — Хотелось бы процитировать самое первое свидетельство XVI века о цензуре в нашей стране, еще во времена Ивана Грозного: «...А над книгами сидят, книги правят особые люди, а над ними еще более особые люди, которые за ними следят, а выше всех сидят люди, которые за книгою смотрят, которых сам государь назначает».

Я против государственной цензуры, потому что чиновники будут руководствоваться только карьерными соображениями. Пусть этим занимается общественный, демократический орган — наблюдательный совет, который существует во многих странах.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Мне кажется, относительно художественной литературы следует говорить не о цензуре, а о повышении качества работы редакторов и корректоров. Что касается СМИ, то вопрос цензуры следует рассматривать отдельно.

Ю. В. ЗОБНИН: — Речь идет о принятии неких законов, предполагающих запрет

не только призывов к межнациональной розни, но и к употреблению публично ненормативной лексики. В уголовном кодексе существует понятие «хулиганство», которое предполагает ответственность за подобные действия. На мой взгляд, попытка демонстративно оскорблять читателя, зрителя или слушателя — хулиганство.

М. Ш. БОНФЕЛЬД: — Я абсолютно согласен с мнением, что цензура в руках чиновников будет означать попытку выслужиться перед властью. Но какой-то наблюдательный совет нужен — но только по отношению к той литературе, которая идет в школы. Взрослое население может само решать, оно имеет на это право. И мы должны верить, что люди правильно сориентируются, что им нужно читать или смотреть, а что нет.

С. А. БАСОВ: — Интернет является частью культуры, хотим мы того или не хотим, и не замечать это невозможно. Вот почему важна содержательная сторона сайтов. Знакомлю вас с нашим интернет-порталом. Фондом Лихачева совместно с издательством «Российская политическая энциклопедия» была издана энциклопедия Санкт-Петербурга — третья за всю историю нашего города. Параллельно была подготовлена ее электронная версия — «Историко-культурный интернет-портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга»». Какие цели мы преследовали? Сегодня любой город может о себе заявить наиболее полно только посредством информационных технологий, и Петербург не является исключением. В чем особенность именно этой версии? Выбранная нами технология позволяет как бы имплантировать в основную базу данных уже существующие справочники и энциклопедии, а также базы данных музеев, библиотек, архивов, ученых-исследователей. Сейчас в нее входит, в частности «Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга», это 10 тысяч наименований. Мы достигли соглашения с Комитетом по охране памятников, и их базы данных по памятникам и федерального, и местного значения постепенно войдут в нашу электронную энциклопедию. На очереди — справочник Кубака и Антонова «Святыни Санкт-Петербурга», в нем представлены абсолютно все конфессии. Мне кажется, подобные проекты способны создавать необходимый противовес всей пошлости, которая льется с экранов телевизоров и страниц отдельных книг.

Г. А. МАРТИНОВИЧ: — Я хотел бы остановиться на более частном вопросе — русской ментальности конца XX столетия.

В настоящее время положение о том, что ментальность представляет собой важнейший элемент национальной культуры является общепризнанным. Известный исследователь специфики национального видения мира Владимир Викторович Колесов определяет ментальность как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессах познания, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях». В отличие от менталитета, который обычно связан с культурой логики мышления, с научным мировоззрением, ментальность предполагает связь с миросозерцанием, с картиной мира.

Каждое тематически существенное слово может быть рассмотрено в качестве единицы национальной ментальности определенного времени. Одним из видов представления таких слов являются организуемые этими словами коммуникативно-тематические поля (КТП). Не останавливаясь на данном понятии более подробно, хочу отметить, что состав этих полей может быть выявлен с помощью двух взаимодополняющих способов — обследования лексики тематически однородных текстов и свободного ассоциативного эксперимента. Со структурной точки зрения такие поля делятся на тематическую, или субстантивную область, состоящую из наименований существительных, и функциональную, или признаковую область, состоящую из наименований признаков — прилагательных, глаголов.

Систематизация номинативных единиц языка на основе коммуникативно-тематических полей позволяет, по нашему мнению, представлять эти единицы в условиях реальной жизни и естественной среде обитания, то есть показать практически все наиболее существенные лексико-семантические связи, составляющие то или иное коммуникативно-тематическое поле. Обратимся к слову «метро». Тематическая область — имена существительные, первая подгруппа — наименования, относящиеся к метрополитену (все наименования в подгруппах располагаются по убывающей частотности). На первом месте, естественно, само метро — 35; вид транспорта — 13; метрополитен — 9; подземная дорога — 3; железная дорога, подземка, подземная магистраль — по одному разу. Очень интересны в этом случае переносные наименования: сказка — 3; подземелье — 3; подземный дворец — 2; ад, давилля, подвал, подземный город — по одно-

му разу. Наименование средств передвижения метрополитена: поезд — 13; электричка — 6. Наименование частей средств передвижения: вагон, место — чаще всего; дверь — 3; колесо — 2; окно — 2; стекло — один раз. Наименование свойств, функций, качеств: скорость — 5; частота движения — 5; быстрота — 4; гадость, кошмар — по одному разу. Следующую большую группу составляют наименования, относящиеся к явлениям окружающей среды метрополитена — прежде всего наименования населенных пунктов, городских районов, улиц.

Среди наименований явлений, связанных с деятельностью человека, первая подгруппа — действия, связанные с проездом в метрополитене: бег, проезд, беготня, подъем, поездка, хождение, пересадка, спуск и т. п. Наименование предметов, которые используются, встречаются в метрополитене: газета, гитара, книга, обувь, дорожная сумка. Наименования, относящиеся к человеку: люди — 27; нищий — 9; пассажир — 6; житель — 5; дети — 3 раза. Наименование частей тела, органов: нога — 7; лицо, глаза — 4; палец — 2; волосы, голова, уши — по одному разу. Что касается наименований явлений внутреннего мира человека, связанных с этой темой, то на первом месте оказалось слово «страх», потом — боязнь, горе, доброта, душевность, опасность, привычка, щедрость и т. д.

Функциональная область делится на прилагательные, включая причастия, глаголы, наречия. Остановлюсь на прилагательных и причастиях — наименования признаков самого метрополитена: городской как вид транспорта — популярный, распространенный, быстрый, массовый, общественный, удобный и т. д. Вторая группа прилагательных — наименование признаков и явлений внешней окружающей среды метрополитена. Ограничусь признаками, связанными с наименованиями человека: молодой, пьяный, сидящий, грубый, нервный, серьезный, тупой.

Следующая группа — глаголы и деепричастия, среди которых больше всего связано с наименованиями действий человека: вошел, едет, ездит, любит, пользуется услугами, уступил место, встречает, вышел, жалуется, купил, опаздывает, помогает, предпочитает.

Наречия характеризуют работу метро: бесперебойно, точно, как часовой механизм. Человек едет быстро, долго, платно, рано, идет осторожно.

Последняя группа — слова, относящиеся к категории состояния. В метро тепло, светло, страшно, безопасно, душно, комфортно, неуютно, приятно, темно, тесно, ужасно, хорошо.

Подводя итог, можно сказать следующее: по нашему мнению, исследование лексики языка на основе КТП помогут выявить и описать систему коммуникативно-тематических микрополей, образующих в своей совокупности определенные макрополя. Например, КТП автобус, трамвай, троллейбус, такси в их взаимодействии создают коммуникативно-тематическое макрополе «городской общественный транспорт». В свою очередь каждое коммуникативно-тематическое макрополе является микрополем другого, более общего КТП: например, поле «общественный городской транспорт» наряду с такими полями, как «части города», «городские учреждения», «жилище» создают макрополе «город». Таким образом мы можем представить своеобразные языковые картины мира, в центре которых находятся ключевые слова той или иной темы — или, иначе, темоцентрические картины мира.

Состав КТП, структурированный определенным образом, являет нам все указанные содержательные формы словесного знания. Поэтому представляется вполне правомерным утверждать, что ключевые слова определенных тем вполне могут быть описаны в качестве единицы национальной ментальности.

Д. Н. АЛЬ: — Знаете, почему сознательно исчезла надпись, которая десятилетия до этого была — «Выхода нет»?.. За день насмотришься «выхода нет», и невольно начинаешь думать, что на самом деле так — и не только в метро.

Ю. В. ЗОБНИН: — Было бы любопытно сопоставить данное тематическое поле, допустим, с полем лондонца, парижанина, потому что метро — это отдельный мир. Даже сопоставление петербургского поля с московским наверняка даст определенные различия.

В. В. НАУМОВ: — Фраза «Выхода нет» говорит о многом, если иметь в виду русскую ментальность. Впрочем, и в языковых средах других стран встречаются парадоксальные, на мой взгляд, совершенно надписи. Так, в американском туалете можно встретить надпись над сливным бачком: «воду не пить».

А. В. УСПЕНСКАЯ: — Если говорить о современных реалиях, то у нас существуют магазины детских игрушек «Геката» (как

известно, это богиня ночных кошмаров, которой приносили в жертву детей), магазин продуктов «Фобос» (ужас), медицинский центр «Диамед» (названный в честь героя, который скармливал своим коням гостей), туристское агентство «Одиссей» и т. д.

Поэтому изучение античной литературы предполагает обретение некоего базового уровня общей культуры будущих журналистов, специалистов по пиару и рекламе. Но главная цель курса — увидеть современность сквозь призму античности. С этих позиций несколько иначе воспринимается блестяще описанная Геродотом война греков и персов — как противостояние Запада и Востока, двух моделей общества — демократии и деспотии.

Ю. С. ДОВЖЕНКО: — Хотелось бы в рамках данного круглого стола коснуться вопроса изданий наших классиков. Концепция академического собрания сочинений Николая Степановича Гумилева вызвала активное неприятие со стороны книгоиздателей, требовавших менее подробных комментариев и прочих упрощений. Принцип полноты применительно к книгоизданию означает триединство, под которым понимается полнота состава, текстологии и комментариев. Полнота текстологии предполагает наличие других редакций, вариантов. Причем Томашевский в свое время, говоря о полноте текстологии, подчеркивал значимость пунктуации: если в автографе имеется запятая, которая отсутствует в окончательном варианте и не является ошибкой, то ее нужно учитывать в других редакциях и вариантах. Полнота комментариев предполагает не только их историко-познавательный характер в духе «Зевс — бог», «Николай I — царь», но и построчную интерпретацию со ссылками на соответствующие источники. Испытание состоит в том, чтобы, вспоминая библейскую историю о Марфе и Марии, сделать выбор либо в пользу отвлеченного усложнения, либо в пользу сугубого прагматизма. А высшее достижение в том, чтобы соединить и то, и другое — чтобы и комментарии были хорошие, и книги выходили. Это очень трудный, но самый продуктивный путь, хотя бы на уровне отдельно взятого издания или университета — возможность отстоять определенную культурную территорию.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — Внедренное в наше сознание общеобразовательной школой, да и вообще всей советской системой все-

обуча понимание фольклора как явления исключительно низовой, узкой или крестьянской, деревенской культуры, основательно обеднило наше представление о фольклорных источниках литературного творчества. До сих пор народными считаются в основном сказочные, фантастические или волшебные сюжеты. Причем их носителями по определению должны быть полуграмотные старики или старушки, такие безымянные сказители и сказительницы былинных эпосов и заветных сказок. Имена очень немногих стали достоянием истории. Так, известная нам с детства Арина Родионовна Яковлева, няня Пушкина, многие рассказы и сказки которой, по признанию самого поэта, стали сюжетной основой его литературных произведений, является редчайшим исключением. В основном же все фабулы художественных произведений считаются плодами творческой фантазии их автора. Между тем лучшие образцы петербургского литературного текста первой половины XIX века доказывают совершенно обратное. Расширяя рамки существования фольклора как такового, авторы выводят его из традиций провинциального бытия и «прописывают» в городские условия петербургской жизни. Особенно ярко это проявилось в творчестве Пушкина. Его интерес к городскому фольклору, похоже, совпал с общим повышенным обостренным вниманием к традиционному былинному и сказочному эпосу. Так или иначе, существует несколько легенд о том, как возник образ волшебного дуба из ранней поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». По одной из них, впечатлительный юный поэт восхищался старинным развесистым дубом на Каменном острове, посаженным будто бы самим Петром I. По другой легенде, образ дуба навеян посещением Суйды — родового имени прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. В первой четверти XVIII века, еще до того, как ее приобрел Ганнибал, Суйда была пожалована Петру Матвеевичу Апраксину, освобождавшему этот край от шведов во время Северной войны. По одному из известных преданий, в строительных работах по благоустройству усадьбы участвовали пленные шведские солдаты. Об этом напоминает пруд, сооруженный ими в усадебном парке. Говорят, Апраксин, чтобы поиздеваться над шведскими солдатами, лично придумал оригинальную форму пруда. Главные его очертания напоминают натянутый лук, направленный в сторону Швеции. Между тем необычная форма пруда породила легенду, что именно здесь, в Суйде, находилась знаменитое пушкинское Лукоморье из вступления к поэме «Руслан и

Людмила». Будто бы Пушкин (который на самом деле, как утверждают историки, никогда в Суйде не был) писал поэму, сидя под старинным дубом на каменном диване, вырубленном некогда из огромного валуна крепостными крестьянами для своего «черного барина» Абрама Петровича Ганнибала. Каменный диван сохранился, возле него до недавнего времени и в самом деле рос развесистый древний дуб, вокруг которого, как утверждает Пушкин, «и днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом».

Заметим, что у Пушкина в «Руслане и Людмиле», как, впрочем, и у Одоевского в «Саламандре», Петербург еще не назван своим именем — фольклор только нащупывает его место в литературном тексте. Но уже в 1831 году Пушкин публикует новую повесть, включенную им в цикл знаменитых «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», — «Станционный смотритель». Если верить петербургскому городскому фольклору, сюжет повести был хорошо известен в столице задолго до ее опубликования. Он передавался из уст в уста в виде не то гусарского анекдота, не то романтической легенды о старом смотрителе Семене, служившем на какой-то почтовой станции. Жил он в одиноком казенном домике там же, на станционном дворе, вместе с юной красавицей дочерью. Однажды проезжий гусар, ненадолго остановившийся на станции, влюбился в неопытную девушку. Сказавшись больным, он задержался на несколько дней в доме простодушного хозяина, а затем обманом увез его дочь в столицу. Страдая от одиночества, раздавленный горем, старик вскоре умер и был похоронен на местном кладбище.

Грустная легенда наверняка была случайно услышана поэтом во время одного из дружеских застолий. Пушкин, путешествуя по России, не раз бывал на почтовых станциях, смертельно скучал в ожидании смены лошадей, разговаривал со смотрителями. Ближайшая к Петербургу станция находилась на Белорусском тракте, в деревне Выра. По местному преданию, поэт однажды задержался на ней, пережидая непогоду по дороге в Михайловское. Согласно тому же источнику, имя героя своей повести Самсона Вырина, несколько изменив его, он дал по названию этой придорожной станции.

В «Станционном смотрителе» Петербург впервые назван своим подлинным именем. Но гораздо важнее другое: впервые в русской художественной литературе сюжетом повести стало городское предание. Ни с этих ли пор живой интерес, с которым Пушкин

вслушивался в многоголосую петербургскую молву, стал вполне сопоставим с его ненасытной жадностью к сказочным небылицам Арины Родионовны? В ноябре 1824 года в Петербурге произошло самое разрушительное за всю его историю наводнение. Пушкина в это время в Петербурге не было, он находился в ссылке и вернулся в столицу только в 1826 году. Со свойственной ему темпераментной любознательностью поэт вслушивался в воспоминания очевидцев. Рассказывали о каком-то незадачливом чиновнике Яковлеве, перед самым наводнением беспечно гулявшим по Сенатской площади. Когда вода начала прибывать, Яковлев поспешил домой, но дойдя до дома Лобанова-Ростовского, с ужасом увидел, что двигаться дальше нет возможности, и забрался на одного из каменных львов. Там он и просидел все время наводнения. Известен был Пушкину и другой рассказ о недавнем наводнении, героем его был моряк Луковкин, дом которого на Гутуевском острове вместе со всеми родными смыло водой. А Владимир Сологуб со смехом поведал Пушкину всем известную байку о том, как под окнами Зимнего дворца по затопленной площади проплыла сорванная со своего места сторожевая будка вместе с находившимся там часовым. Легко предположить, что рассказ о затопленной Дворцовой площади мог родить первую строчку вступления к будущей поэме: «На берегу пустынных волн». Впрочем, сама по себе эта знаменитая строка для петербуржцев не могла стать неким откровением. То обстоятельство, что на месте будущего Петербурга простиралась безбрежная заболоченная пустыня, и до Пушкина была одной из самых устойчивых петербургских легенд. Пушкин просто довел ее до фонетичной законченности. На самом деле только на территории исторического центра Петербурга к моменту основания города находилось около 40 деревень, деревушек, хуторов и рыбацких поселений, мелких усадеб и ферм. И их названия хорошо известны: Калинин, Спасское, Одицово, Кукарево, Пулково, Волково, Купчино, Максимова и многие другие.

Да, фольклор был хорошим материалом для поэмы, но это еще не поэма, недоставало самого главного. Дикая, необузданная стихия, хоть и противостояла человеку, была слепа и глуха. Что может противопоставить ей человек? Сохранилось предание, будто именно Михаил Виельгорский, бывший масон, под впечатлением от недавнего наводнения, рассказал Пушкину загадочную историю об ожившей статуе Петра. Было это в 1812 году, в то драматическое лето, когда Петербургу всерьез

угрожала опасность наполеоновского вторжения: французская армия намеревалась войти в Петербург в июле 1812 года. Одному из маршалов ставилась задача, изолировав Петербург от России, отрезать от него русские войска, прижать их к Рижскому заливу, где их гибель казалась абсолютно неизбежной. Маршал был так уверен в победе, что, говоря, прощаясь с Наполеоном, сказал: «Извините, если я прежде вас буду в Петербурге». Между тем в Петербурге были всерьез озабочены спасением художественных и исторических ценностей. Среди прочего, император Александр I распорядился вывезти статую Петра Великого в Вологодскую губернию. Были подготовлены специальные плоскодонные баржи и выработан подробный план эвакуации монумента. Статс-секретарю Молчанову для этого были выделены деньги и специалисты. В это самое время некоего не то капитана, не то майора Батурина стал преследовать один и тот же таинственный сон. Во сне он видит себя на Сенатской площади рядом с памятником Петру Великому. Вдруг голова Петра поворачивается, затем всадник съезжает со скалы и по петербургским улицам направляется к Каменному острову, где жил в то время император Александр I. Бронзовый всадник въезжает во двор Каменноостровского дворца и обращается к государю: «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию. Да пока я здесь, моему городу нечего опасаться». Затем всадник поворачивает назад, и снова раздается звонкое цоканье бронзовых копыт его коня о мостовую. Майор добивается свидания с личным другом императора, князем Голицыным и сообщает о своем сневидении. Пораженный рассказом, князь пересказывает его сон царю, после чего, утверждает легенда, Александр меняет свое решение о перевозке монумента. Статуя Петра остается на месте.

«Медный всадник», в основу которого были положены петербургские предания и легенды, был написан еще в 1833 году. В следующем, 1834 году в аристократических и литературных салонах говорили о «Пиковой даме» — повести глубоко петербургской не только по духу, но и по городскому фольклору, который не только предшествовал ее рождению, но и сопровождал после шумного появления в свет. Литературная новость взбудоражила и без того склонное к большим интригам и маленьким семейным скандалам петербургское общество. Образ безобразной древней старухи, счастливой обладательницы мистической тайны трех карт вызывал совершенно конкретные и недвусмысленные ассоциации,

а загадочный эпиграф, предпосланный Пушкиным к повести: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность», да еще со ссылкой на «Новейшую гадательную книгу», подогревал разгоряченное любопытство. Кто же скрывался за образом пушкинской графини? Двух мнений на этот счет в тогдашнем обществе не было. Это подтверждает и сам автор нашумевшей повести. 7 апреля 1834 года он заносит в дневник короткую запись: «При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной».

Княгиня Наталья Петровна Голицына происходила из рода так называемых новых людей, в избытке появившихся в начале XVIII века в окружении Петра Великого. По официальным документам она была дочерью старшего сына денщика Петра I, Петра Чернышова, который на самом деле, если, конечно, верить одной малоизвестной легенде, слыл сыном самого самодержца. Таким образом, согласно городскому фольклору, Наталья Петровна была внучкой первого российского императора и основателя Петербурга. Во всяком случае, в ее манере держаться перед сильными мира сего, в стиле ее деспотического и одновременно независимого поведения в повседневном быту говорила в пользу этого утверждения. Ее обеды почитали за честь посещать члены царской фамилии, а ее сын, знаменитый московский генерал-губернатор Голицын, не смел сидеть в присутствии матери без ее разрешения. В молодости Наталья Петровна слыла красавицей, но с возрастом обросла усами и бородой, за что в Петербурге ее за глаза называли «княгиней усатой» или более деликатно по-французски «княгиня-ус». Именно этот образ ветхой старухи, обладавшей отталкивающей, непривлекательной внешностью в сочетании с острым умом и царственной надменностью и возникал в воображении первых читателей «Пиковой дамы». В год написания повести Голицыной исполнилось 94 года, скончалась она в возрасте 97 лет в декабре 1837 года, ненадолго пережив обесмертившего ее поэта.

Сюжетная канва пушкинской повести на самом деле не представляла ничего необычного для высшего света. Азартные карточные игры были в то время едва ли не самой модной и распространенной забавой столичной золотой молодежи. Страстным и необузданным картежникам был и сам Пушкин, и многие его близкие друзья. На глазах поэта происходили самые невероятные истории, каждая из которых могла стать сюжетом литературного произведения. Из-за неожиданных

проигрышей люди лишались огромных состояний, стрелялись и сходили с ума. Согласно одной из городских легенд, в Обуховской больнице в то время находился помешанный на игре в карты один пушкинский приятель. Рассказывают, что поэт посетил однажды его в клинике и пришел в ужас от вида потерявшего человеческий облик несчастного. Будто бы во время этого больничного визита в голове поэта впервые возник образ Германа, а затем и сюжет всей повести. Правда, есть и другое столь же маловероятное предание: якобы в основу «Пиковой дамы» Пушкин положил еще «живые» в то время легенды о посещении Петербурга известным проходившим и авантюристом графом Калиостро. Мельчайшие подробности о его самых нелепых проделках, раздутых до гигантских размеров, надолго становились достоянием бомонда. Говорят, Пушкина поражали рассказы о его необычной способности безошибочно угадывать номера выигранных лотерейных билетов. Это будто бы и навело поэта на мысль о возможности тайного знания картежной масти.

Но более достоверная легенда пушкинского Петербурга о возникновении блестящего замысла в «Пиковой даме» вновь настойчиво возвращает нас к колоритной фигуре Натальи Петровны Голицыной. Согласно одной из них внук Натальи Петровны Голицыной, начисто проигравшийся в карты, в отчаянии бросился к бабке с мольбой о помощи. Голицына в то время находилась в Париже. Она будто бы обратилась за советом к своему французскому другу, графу Сен-Жермену. Граф живо откликнулся на просьбу о помощи и сообщил Наталье Петровне тайну трех карт — тройки, семерки и туза. Если верить фольклору, ее внук тут же отыгрался. Вскоре вся эта авантюрная история дошла до Петербурга и стала известна Пушкину, который ею своевременно и удачно воспользовался. Он сам об этом намекает в первой главе «Пиковой дамы». Помните, как Томский рассказывает о своей бабушке, московской Венере, которая лет 60 тому назад ездила в Париж и была там в большой моде. Правда, по Пушкину старуха сама отыгралась в карты, никому не выдав сообщенной ей Сен-Жерменом тайны трех карт. Но ведь это художественное произведение, и автор был волен изменить сюжет услышанной им истории. Впрочем, если верить той же питерской мифологии, Пушкину при работе над «Пиковой дамой» не было особой нужды так далеко обращать свои авторские корни. У него была своя, собственная, личная биографическая легенда

о появлении замысла повести. И если даже предположить, что эта легенда никакого фактического подтверждения не имела, то есть возникла на пустом месте, исключить ее из жизни поэта все равно невозможно, потому что про это с утра до вечера злословили в кругах многочисленных московских и петербургских Голицыных.

Легенда дожила до наших дней и бережно хранится в семейных рассказах современных потомков старинного рода. Согласно этой легенде, Пушкин однажды был приглашен погостить в доме Натальи Петровны. В течение нескольких дней он жил у княгини и, обладая горячим африканским темпераментом, не мог отказать себе в удовольствии поволочиться за всеми юными обитательницами гостеприимного дома. Некоторое время княгиня пыталась закрывать глаза на постоянные выходки молодого повесы, но наконец не вытерпела, и, возмущенная бесцеремонным, вызывающим поведением гостя, с позором выгнала его из дома. Смертельно обиженный Пушкин будто бы поклялся когда-нибудь отомстить злобной старухе и только ради этого придумал всю повесть. Трудно сказать, удалась ли страшная месть — княгине в ее более чем преклонном возрасте было, видимо, это все глубоко безразлично. Однако навеки прославить Наталью Петровну Пушкин сумел.

Разумеется, творчество только Пушкина и Гоголя не исчерпывает темы. По страницам романов Всеволода Крестовского, Алексея Толстого, Дмитрия Мережковского, рассказов Ивана Лукашева, произведений других петербургских авторов рассыпано столько драгоценных зерен городского фольклора, что каждое из них могло бы прорасти сюжетом отдельного повествования. Пословицы и поговорки придают речи героев большую выразительность, легенды и предания окрашивают тексты в романтические, колоритные тона, анекдоты прибавляют остроты и перца — фольклор добросовестно выполняет порученную ему прикладную роль. При такой яркости каждого отдельного текста и безграничном богатстве фольклора, как такового, петербургская городская мифология вполне может обрести литературную самостоятельность.

Л. И. ХАРЧЕНКОВА: — Как картина мира русской культурной общности отражается в языке?

Под «картиной мира» (термин появился в конце XIX века) и в настоящее время подразумевается совокупное представление чело-

века об окружающей его объективной действительности. Национальная картина мира сказывается на специфических образных ассоциациях, которые сопровождают восприятие действительности представителями соответствующей культуры. Так, слово «колокол» у представителей русской этнокультурной общности может вызвать ассоциации с Кремлем («Царь-колокол»), с темой вечернего звона в русской литературе, живописи, музыке. Если продолжить разговор о русской картине мира, то для нее характерна доминанта дома, семьи. В русских сказках небо напоминало крышу, куда можно было забраться, сказочный герой мог обратиться к солнцу и месяцу, как к соседу: «Здравствуй Месяц Месяцovich, я Иванушка Петрович». И Дед Мороз в отличие от Санта Клауса приходит с внучкой Снегурочкой.

Образ мира складывается у людей разных национальностей в процессе постижения ими многообразия мира, накладывая определенный отпечаток на тот или иной язык, поэтому можно говорить и о языковой картине мира. У разных народов наблюдаются существенные различия в названиях одного и того же предмета, и внутренняя форма слова не отражает картину действительности, а мировоззренческий эффект не является значительным. Так, насекомое, которое мы знаем как «сороконожка», по-польски называется «стонога», по-немецки — «тысяченожка», в действительности имеет около двухсот ног.

Филолог начала века сравнивал, как разные народы обозначают сходное лексическое понятие, например, формулу прощания. Он рассуждал следующим образом: «Выросший под ярко-голубым небом Аттики с тонкими, изящными линиями ее красивого пейзажа, веселый, жизнерадостный грек, для которого жизнь была прежде всего наслаждением, обращаясь к нам, говорил: «Радуйся». Бедный и практичный филолог, придумавший поговорку — «Здоровая душа в здоровом теле» говорил всем: «Будь здоров». Славянин, чьи взоры были направлены к высшим целям, к высшим идеалам божественной правды, расставаясь, просит прощания: «Прощай, прости». И как ярко уже в этом одном различном выборе слов, употребляемых им при одном и том же случае, сказалось в отличиях мирозерцания разных народов».

Именно человеческим фактором, то есть отношением человека к какому-то предмету или явлению на определенном этапе овладения миром объясняется выбор наименования для него и способы его описания, которые нашли отражение в использовании этого

объекта. По-английски «ландыш» — это «лилия долины», то есть в названии отмечается местонахождение, по-немецки — «майский колокольчик», то есть время появления ландыша, французское наименование ландыша связано с названием мускатного ореха, запах которого напоминает запах лилии. Что касается русского языка, то здесь нет единообразия мнений, есть предположение, что оно происходит от ладана, то есть отмечается тонкий запах цветка, или связано со словом «лань», потому что листья ландыша по форме несколько напоминают ушки ланей.

Понятие «языковая картина мира» предполагает определенное лингвистическое содержание и соответствующий «строительный материал». Основные кирпичики языковой картины мира — лексические единицы. Кроме того, в значительной степени элементы картины мира отражает и фразеология, в которой зашифрована информация об окружающей действительности, начиная с древнего язычества. Для язычников характерно исключительно образное восприятие природы, поэтому главные категории мироощущения — это свет, тьма, тепло, холод, радость, беда. Силы света были связаны с солнцем, источником тепла и света. Это сохранилось в языке: белый свет, проливать свет, свет клином сошелся. Движение по солнцу слева направо связано с представлением о вечном и правильном, а движение справа налево олицетворяло обратное. Цикличность, повторяемость природных явлений обусловили возникновение идеи магической фигуры круга, который символизировал не только постоянное движение, но и вечное возрождение, торжество сил света.

Имена — это тоже часть языковой картины мира, в речи они могут нести переменную и постоянную информацию. Переменная информация обусловлена постоянным или ситуативным отношением к имени: использование вариантов имени может быть выражением родства, любви, дружбы, уважения. А постоянная информация связана с национальностью, полом человека. По свидетельству лингвиста Щетинина, в русских именах отчетливо осознаются традиции наречения ребенка. В частности, мальчикам часто дают имена, которые носили их отец или дед, существует частичный повтор имен матерей в именах девочек, то есть анализ процессов, которые происходят в области русской антрофонемии, говорит о приверженности семейным связям. Наблюдается также согласование имен с фамилиями известных соотечественников, что, естественно, вызывает определен-

ные ассоциации с историческими личностями и современниками.

П. А. СЕМЕНОВ: — Одно из популярных сейчас направлений изучения текста — интертекстуальность.

Под интертекстуальностью понимают включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий. (А. И. Горшков предпочитает использовать терминологическое сочетание «межтекстовые связи».) Проблема эта возникла под влиянием идей о диалогической природе любого текста. Текст — это диалог автора со всей предшествующей и современной ему культурой. Любой текст можно представить как мозаику цитат, текст — это впитывание и трансляция какого-либо другого текста.

Проблема интертекстуальности, несмотря на свою «модность», имеет только кажущуюся новизну, потому что межтекстовые связи существуют столько, сколько сами тексты. Так, вся древнерусская литература насыщена межтекстовыми связями, и естественно, что эти связи обнаруживались, изучались и классифицировались хотя бы в рамках лингвистической традиции.

Новый термин, естественно, должен повлечь за собой новые аспекты изучения. Небезынтересными представляются некоторые возможности и пути изучения, в частности, исторической стилистики. Очевидно, что наиболее наглядные и яркие проявления интертекстуальности можно обнаружить в научном тексте, особенно в научно-популярном, благодаря примерам явного цитирования.

Рассматриваемая нами эпоха начала XIX века — время формирования научного и функционального стиля русского языка. Вот почему привлечение материалов известной полемики о слоге представляет большой интерес для изучения феномена интертекстуальности. Эти сочинения созданы на стыке науки и публицистики, стоят у истоков стилей современного литературного языка, изобилуют явными цитатами и содержат практически все виды интертекстуальных вкраплений, выделяемых современными классификаторами — от отдельных слов и выражений до пародий. Встречаются и современные принципы научного цитирования, вплоть до сносок.

Филологический текст в этом смысле еще более интересен, потому что представляет

собой особый феномен, он ориентирован на анализ и интерпретацию других текстов, то есть чужой текст является непосредственным объектом филологического изучения. Способы и формы интертекстуальных вкраплений весьма разнообразны и заслуживают особого внимания. Остановлюсь на более интересном явлении, а именно лексико-фразеологическом цитировании. Так, например, слово «элеганс»

появляется в прямой цитате из Карамзина, что «в наше время образуется приятность слога, называемая французами элеганс». Далее следует комментарий Шишкова: «Правда, ежели французское слово “элеганс” перевести по-русски “чепуха”, то можно сказать, что мы действительно довели слово до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменование этого слова».

М. Ш. БОНФЕЛЬД,

заведующий кафедрой теории и истории музыки Вологодского государственного педагогического университета, доктор искусствоведения, профессор

ПУШКИН И МИР МУЗЫКИ (Казус одного текста)

Если говорить в целом о влиянии книг на мир музыкальной культуры, то оно, главным образом, определяется столь же емкой, сколь и известной формулой: «книга — источник знаний». Слово — научное, художественное — сообщает множество сведений, необходимых тем, кто занимается музыкой профессионально, либо тем, для кого музыка является любимым хобби, для слушателей и всех, кто хочет приобщиться к миру музыкальной культуры.

Есть, однако, уникальный текст, не научный, художественный, который, в силу присущего ему магнетизма, какой-то невиданной суггестивной мощи, оказал самое непосредственное влияние на мир музыкальной культуры. Почти на два века несправедливо было вычеркнуто из круга достойных внимания художественных явлений творчество одного из достойнейших композиторов. Его имя сделали синонимом ремесленничества, бесталанности, зависти и злодейства. Речь идет, конечно, об австрийском композиторе, итальянце по происхождению — Антонио Сальери, а текстом, который оказал столь значительное воздействие на мир музыкальной культуры является «Моцарт и Сальери» А. Пушкина.

Почему Пушкин взялся за написание одной из лучших своих маленьких трагедий, хотя современникам и даже ближайшим потомкам «основания» для этого казались совершенно «незначительными»?¹ Факт этот тем более поразителен, что в основе «Моцарта и Сальери» не сколько-нибудь установленные факты, реально имевшие место события или хотя бы публикации, но некие смутные слухи, догадки, большая часть из которых не выдерживает никакой критики.

На обороте письма к Пушкину Н. М. Смирнова, относящегося к лету 1832 года, есть заметка, написанная рукой поэта: «В первое представление “Дон Жуана”, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков,

безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы в бешенстве, снедаемый завистью.

Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта»¹.

Прервем цитирование: здесь кончается «фактический» материал, использованный Пушкиным (то есть та информация, которой он верил), чтобы подумать, как мог поэт отнестись к ней, как он мог на нее реагировать? Учитывая ту близость, которую он ощущал между собой и Моцартом, — только как на *личное оскорбление*, как на *кощунство*, *святотатство*. Именно этим объясняются заключительные слова этой записи:

«Завистник, который мог освидетельствовать “Дон Жуана”, мог отравить его творца»².

Вне всякого сомнения, поверив ходившим в то время легендам, рисовавшим столь неприглядную демонстрацию зависти талантливого композитора к гениальному, Пушкин поверил и во вторую легенду — об отравлении его ближайшего, «кровного» собрата по творчеству. Это до крайности взволновало поэта и стало мощным стимулом к написанию очередной маленькой трагедии. Весь цикл этих произведений был этически направлен: это трагедии «нравов». И, как свидетельствует тот же П. В. Анненков, называться упомянутая трагедия должна была «Зависть»³.

Однако для Пушкина очень важно было представить в драме не просто персонажей как воплощение тех или иных страстей, но живых людей, для которых эти страсти — пусть и очевидные — не были бы столь однозначным импульсом к действию, но — как

¹ Пушкин А. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 142–143.

² Там же. С. 143.

³ «Пушкин <...> колебался в выборе заглавия для своей пьесы. Первоначально он назвал ее просто “Зависть”...» (Анненков П. В. Указ. соч. С. 266; см. также с. 282).

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 266.

это и бывает — действие оправдывалось бы мотивами, гораздо более возвышенными и благородными. Сальери презирает зависть:

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был,
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущую бессильно?
И все же он вынужден признать:
А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.

Но зависть быстро преобразуется в сознании Сальери в нечто иное: в обиду на «отсутствие правды свыше», в несправедливость. Божественный дар, которым отмечен Моцарт, дан «не в награду / Любви горящей, самоотверженья, / Трудов, усердия, молений...», а как бы случайно «озаряет голову безумца, гуляки праздного...». Решение физически устранить объект своей зависти находит и вовсе благороднейшее оправдание: «...я избран, чтоб его остановить — не то мы все погибли, / Мы все, жрецы, служители музыки, / Не я один с моей глухой славой...». Здесь Сальери видит себя уже «рыцарем без страха и упрека», выступившим в защиту Искусства.

Вот эта сублимация низменного в высокое, презренного в благородное, деструктивного в конструктивное, как кажется, и является одним из важнейших мотивов маленькой трагедии. Кроме того, очевидно нежелание Пушкина заведомо брать на себя роль судии в этом процессе. И все это, думается, заставило его отказаться от первого названия пьесы и предпочесть ему этически более нейтральное — «Моцарт и Сальери». Более того — поэт значительно изменяет облик антагониста Моцарта, по сравнению с тем Сальери, каким он мог представлять его по сохранившейся дневниковой записи. Вспомним: в ней Сальери, снедаемый завистью, освистывает «Дон Жуана» и в бешенстве выбегает из оперного зала. А что в трагедии?

То обстоятельство, что фрагмент программы того сочинения, которое Моцарт играет Сальери («я весел... Вдруг: виденье гробовое...») являет собой, по сути, программу финального акта «Дон Жуана», уже неоднократно отмечено в литературе¹. В самом деле, трудно представить себе состояние более радостное, лишенное какой бы то ни было тени озабоченности, чем сцена ужина Дон Жуана. Моцарт усиливает это ощущение забавной

¹ Гаспаров Б. М. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя!» // Временник Пушкинской комиссии 1974. Л., 1977. С. 120.

«игрой» со своей и чужой музыкой¹. Появление статуи Командора, в мгновение разрушающее эту атмосферу — и есть истинное «виденье гробовое, незапный мрак». Пушкин не мог прямо сослаться на сцену из оперы, поскольку она была исполнена за четыре года до смерти Моцарта и фигурирует в пьесе как существующая, но «сюжетный» рисунок финальной сцены сохранился в «программе», которую произносит Моцарт.

И как же — не «истинный», а пушкинский — Сальери реагирует на эту музыку? Можно без преувеличения сказать — именно так, как среагировал бы на нее сам Пушкин: «Какая глубина! / Какая смелость и какая стройность!». Тремя словами охарактеризовано гениальное художественное открытие!

Но Пушкин не только облагораживает Сальери, влагая ему в уста собственное отношение к моцартовской музыке, но и несколько «снижает» образ Моцарта. Вспомним — Сальери назвал своего антагониста «безумцем, гулякой праздным» — и этой характеристике в трагедии ничего не противопоставлено. Пушкин, стало быть, дал еще один козырь Сальери. Отсюда следует очень важный вывод. Будучи вдохновлен к написанию трагедии неким импульсом — слухами, которые распространялись по Европе о зависти Сальери и его признании в отравлении Моцарта, Пушкин в трагедии далек от стремления представить Сальери как подлинную историческую фигуру (даже на уровне того, неполного знания, которым он располагал).

Но реальная действительность была еще дальше от этого знания.

Во-первых, не было никакого «освистывания» «Дон Жуана». В 1787 году, когда премьера «Дон Жуана» состоялась в Праге и прошла с блистательным успехом, Сальери в Праге не было. Возможно, он присутствовал на венской премьере год спустя, но представление прошло неудачно, без всякого успеха² и уж, конечно, без какой бы то ни было демонстративной выходки Сальери. Таким образом, знай Пушкин истину в связи с постановкой моцартовской оперы, он, скорее всего, лишился бы побудительного мотива к написанию «Моцарта и Сальери». Более того — исчез бы

¹ Подробнее об этом см.: Бонфельд М. Ш. Бесмертный смех «Дон Жуана» // Мифема «Дон Жуан» в музыкальном искусстве и литературе. Новосибирск, 2002. С. 111–113.

² «7 мая. Постановка оперы “Дон Жуан” в Вене в Бургтеатре, прошедшая неудачно; газеты упомянули лишь сам факт представления» (Шулер Д. Если бы Моцарт вел дневник... Будапешт, 1963. С. 80).

неопровержимый аргумент, который заставил его поверить в факт отравления Моцарта завистником Сальери.

Но есть и другие соображения, которые окончательно лишают основы саму гипотезу о зависти. Кто такой Сальери у Пушкина? Композитор, лишенный победительного творческого дара, достигший «степени высокой» «усильным напряженным постоянством», композитором, по его собственному признанию, «с глухой славой». И кто такой Моцарт? «Безумец, гуляка праздный». И то, и другое полностью лишено исторических оснований.

Если говорить о Моцарте, то само количество созданного им за 30 лет творческой жизни — около тысячи сочинений (первые относятся к 1761 году, когда ему было всего 5 лет) — говорит о неустанном труде за письменным столом: даже при самой невероятной одаренности столько сочинений нужно было написать пером по бумаге. А если к этому добавить исполнительскую деятельность как инструменталиста и дирижера, также начавшуюся очень рано, необходимость участвовать в постановках опер, уроки, которыми он зарабатывал на жизнь, то возникает образ, никак не ассоциирующийся с бездельником, сумасбродом и пр.

Слава же Сальери не только не была «глухой», но вполне сопоставимой со славой Моцарта, а в чем-то и превосходила ее. Уже не говоря об официальном положении (придворный композитор, капельмейстер итальянской оперы, директор придворной капеллы и т. п.), которого Моцарт безуспешно добивался на протяжении почти всей жизни, оперы Сальери шли с огромным успехом по всей Европе. Начиная с 1770 года, почти ежегодно в Вене проходят от одной до трех оперных премьер Сальери. В 1778 году в Венеции состоялась премьера его оперы «Школа ревнивых», которая впоследствии обошла «множество европейских сцен, включая театры Санкт-Петербурга»¹. Даже в самые плодотворные для Моцарта годы число представлений его опер и опер Сальери несопоставимо.

Таким образом, не только не было демонстрации зависти, но даже повода для нее. Разумеется, это не значит, что полностью отсутствовали какие-то интриги, потаенное соперничество, возможно, далекие от требований строгой морали поступки: театральные нра-

вы никогда не были особенно благодушными. Тем не менее от хитросплетений театральной политики до убийства дистанция огромного размера. Этой гипотезе противоречит и тот факт, что как раз в последние годы между Моцартом и Сальери установились довольно добрые, если и не дружеские отношения. Так, известно, что Моцарт брал с собой Сальери на одно из представлений «Волшебной флейты» и был доволен его одобрительным отзывом: «В 6 часов я заехал в экипаже за Сальери и Кавальери и отвез их в ложу <...>. Ты не поверишь, <...> как понравилась им не только моя музыка, но и либретто и все вместе. Они оба сказали, что эта опера <...> достойна быть представленной в присутствии величайшего из монархов <...> и что они охотно слушали бы ее еще и еще, ибо никогда не видали более прекрасного и приятного зрелища. Он (видимо, Сальери. — М. Б.) смотрел и слушал с полным вниманием — от симфонии и до последнего хора. Не было номера, который бы не вызвал у него восклицаний bravo или bello»¹.

Ирония судьбы заключается в том, что Пушкин вряд ли мог слышать оперы Сальери. В лучшем случае он присутствовал на исполнении отдельных фрагментов из них в музыкальных салонах. Это была уходящая музыка. Как и многих других современников Моцарта, Сальери надолго ждало забвение. Именно этим обстоятельством и объясняются слова Сальери о «глухой славе»: будучи совершенно неоправданны при его жизни, в пушкинское время они были уже справедливы, но это же не повод для остракизма.

Будучи творением великого художника, маленькая трагедия Пушкина на протяжении длительного исторического времени оставалась главным «обвинительным актом» против Сальери², вытеснив из сознания многих, в том числе и профессиональных музыкантов, само стремление попытаться вникнуть в эту историю и установить истину. «И как бы ни старались апологеты Сальери, трагедия Пушкина навсегда останется гениальным обличением не только злого врага Моцарта <...>, но и чувства зависти, которое

¹ Моцарт В. А. Письмо жене от 14 октября 1791 г. // Моцарт В. А. Письма. М., 2000. С. 378–379.

² П. В. Анненков приводит характерное высказывание П. А. Катенина: поскольку он смотрел на драму с чисто юридической стороны, она «производила на него точно такое же впечатление, которое производит красноречивый и искусный адвокат, поддерживающий несправедливое обвинение» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 266).

¹ Музыкальный Петербург: энциклопедический словарь / Сост. Ж. В. Князева, Г. В. Петрова, А. Л. Порфирьева. СПб., 2001. Кн. 4. С. 158–159. Остальные данные о постановках опер Моцарта и Сальери заимствованы также из этого издания.

может толкнуть человека на преступление», — эти слова принадлежат И. Бэлзе, музыковеду, историку, и написаны они в 1991 году¹. Од-

¹ Бэлза И. Ф. Гений и злодейство // Вейс Д. Убийство Моцарта. М., 1991. С. 14–16. См. также следующий пассаж: «...пушкинский метод позволяет и нам до некоторой степени открыть границы, отделяющие художественный мир от его культурно-исторического контекста и соединить наши

нако историческая справедливость восстановлена, и музыка Сальери звучит опять. Хорошая музыка!

знания об историческом Сальери с тем, что нам хотелось бы понять о Сальери пушкинском» (Беляк Н. В., Виролайнен М. Н. «Там есть один мотив...» («Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. С. 35).

П. С. ВОЛКОВА,

профессор кафедры философии и отечественной истории Ивановского государственного института ГПС МЧС России, доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, член Союза композиторов России

ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня проблема диалога как единства познавательного и этического, данного и созданного, внутреннего и внешнего представляет наибольший интерес в сфере гуманитарного знания. В то же время, тенденция к диалогизации науки, заявляющая о себе в рамках каждой отдельной дисциплины, должна привести к неизбежной встрече философии и искусствоведения, психологии и лингвистики, педагогики, литературоведения и риторики. Основанием для актуализации диалогической ситуации, складывающейся между названными областями знания, может послужить ряд обстоятельств.

Во-первых, следует вспомнить о близости философии и искусства, которая определяется тем, что обе стимулируют в человеке процесс смыслообразования. При этом разница, на которую указывал еще Я. Э. Голосовкер, состоит лишь в том, что первая занимается *смыслообразами*, а вторая — *смыслообразами*.

Во-вторых, уже давно существующая связь между психологией и лингвистикой может быть значительно более глубокой и тесной именно вследствие совместной работы над идеями диалогической природы сознания, автором которой является М. М. Бахтин, прежде всего, тем ее аспектом, который в черновых записях ученого получил название феноменологии лжи. Напомним, что речь в данном случае идет о зазоре между внешним и внутренним, который, по М. М. Бахтину, является наиболее современной и актуальной формой зла.

В-третьих, тот факт, что риторика одновременно выступает и как школа мысли, и как искусство красноречия (Ю. В. Рождественский), свидетельствует о наличии точек соприкосновения между риторикой и собственно педагогикой, являющей собой «школу жизни» подобно литературе (Л. И. Шестов).

Наконец, самым существенным основанием для выхода упомянутых дисциплин в пространство большого диалога, становится текст как таковой. Специально заметим, что традиционное для филологии понятие давно уже перестало быть принадлежностью какого-либо одного предмета. Поскольку же сегодня под текстом культуры принято понимать «связную, компактную, воспроизводимую последовательность знаков или образов, развернутую по стреле времени и обладающую смыслом, в принципе доступным пониманию»¹, нельзя не признать следующего факта. В представленном контексте интересующее нас понятие оказывается настолько емким, что вбирает в себя не только произведения искусства, архитектурные строения, парки и усадьбы, но и самого человека. Текст, таким образом, оказывается в самом центре диалогической ситуации, выступая в качестве смыкающего акт коммуникации компонента.

Как осуществить диалог, устранив зло во взаимоотношениях человека и окружающего его мира? Развернутый ответ на поставленный вопрос будет, как мы надеемся, своего рода иллюстрацией преимуществ того большого диалога, от состоятельности которого выиграем все мы, и здесь первый наш шаг будет связан с психологией и лингвистикой.

Пытаясь предупредить возможную утрату личностного смысла, которая влечет за собой устранение сознания как подлинного регулятора жизни, А. Н. Леонтьев ставит перед сознанием ряд задач, первая из которых — осуществлять себя как познающее сознание. Процесс этот может протекать либо в сторо-

¹ Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998.

ну развития значения, либо в сторону усвоения и использования прежних значений. Далее, в задачи сознания входит осуществление себя как «смыслообразующего сознания». А. Н. Леонтьев называет эту деятельность «задачей на смысл» и предлагает решать ее в два действия: открытие «значения для меня» и выражение открытого¹.

Применительно к речемыслительной деятельности субъекта, эти задачи могут рассматриваться таким образом, что одна из них оказывается связанной с областью знаков языка как внешними формами речевого потока, то есть с их усвоением и расширением сферы пользования. Другая — с проникновением во внутреннюю форму языка или выходом на эмоционально-непосредственный личностный смысл с последующим его выражением как посредством слов, так и посредством любого другого материала — красок, глины, камня, звуков и т. п.

Поскольку поиск способа решения этих задач выводит нас на проблему структурных связей литературного произведения с социально-языковыми объединениями, необходимо оговорить, что обнаруженный при этом имманентный анализ языка литературного произведения, предложенный В. В. Виноградовым, оказывается лишь одним из возможных

вариантов, приемлемых лишь по отношению к вербальным текстам. Что касается невербальных текстов культуры, в том числе, изобразительных и музыкальных, то здесь уместнее говорить об анализе социальной деятельности как *исходной универсальной целостности*, по отношению к которой собственно язык выступает частной формой.

Четкое определение процедур анализа этой деятельности мы находим в трудах методолога Г. П. Щедровицкого¹. Последние могут быть представлены рядом операций. Прежде всего, операцией **разложения** текста на части и последующего **объединения** частей в целое. Далее, операцией **отождествления** исходного целого и вновь созданной структурной целостности. Наконец, операцией **погружения** элементов и объединяющей их структуры как бы внутрь целого и последующего их **«извлечения»** из этого целого. Следование процедурным нормам обеспечивает момент **согласования противоречий**. Результат «наложения» на уже существующую структурную организованность (текст как данное) новой организованной структуры (текст как созданное) свидетельствует о состоятельности диалога сознаний в триединстве этоса, логоса и пафоса как категорий риторики.

¹ Леонтьев А. Н. Избранные психологические труды. М., 2004.

¹ См.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

В. Г. ИВАНОВ,

профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук

СЛОВО ПРОЧИТАННОЕ И СКАЗАННОЕ

Воспоминаю раннее детство: мне, вероятно, около четырех лет, и я внимательно слушаю, как бабушка читает «Крокодила» Чуковского, показывает рисунки в большой, позожей на альбом книге. Особенно запомнилось, как крокодил «выплевывает» городового — «утроба крокодила ему не повредила»... А мама читала мне «Конька-горбунка», по моей просьбе — чуть ли не каждый день, и я скоро выучил текст наизусть. Затем пришла очередь сказочных героев братьев Grimm, «Дюймовочки» Андерсена, русских народных сказок в изложении Ушинского и Толстого.

Вечернее чтение вслух, бабушки или мамы было любимым занятием. Так развивалось воображение, обогащался язык, и на пятом году жизни я уже сам читал и перечитывал

любимые книжки, а в пять лет написал свое первое в жизни письмо — Корнею Чуковскому. Он откликнулся, прислав написанные для меня стихи про сапожки и сапожную щетку.

Судя по многим воспоминаниям, в XIX–XX веках домашнее чтение было типичной формой общения родителей (главным образом матери и бабушки) с детьми, что в значительной степени способствовало умственному развитию, овладению и обогащению словесным запасом, формированию культуры устной речи.

Телевидение появилось еще в довоенные годы, но до 1970–1980-х годов оно было далеко не массовым. Только в последние 30 лет произошли весьма значительные перемены, исподволь, но радикально изменившие характер семейного общения, особенно старших

и младших. Массовое распространение телевидения, Интернета и их доступность, привели к тому, что виртуальная реальность подменила, вытеснила, свела к минимуму нормальное человеческое общение в семье. Теперь дети и родители проводят все свободное время либо «уткнувшись в ящик», либо «в сети».

Техническое средство превратилось в самоцель. Телевизор обрекает на пассивное восприятие, а общение по Интернету обезценивает слово, культивирует штамп, стандарт, подмену нормальной речи сленгом, междометиями, и в конечном счете ведет к утрате подлинной культуры чтения (отбивая к нему вкус, ибо чтение требует усиления мысли и воображения), порождает косноязычие и скудость словарного запаса, ибо устная речь требует постоянной практики. Умение сказать то, что нужно, четко и ясно, без «словесного мусора» — короче, искусство речи не постигается без того, что мы называем живым, нормальным человеческим общением, первоначальная и ничем не заменимая школа которого — семья.

Непременная истина: с детства вырабатывается вкус к чтению настоящей литературы: от сказок, рассказов детских писателей и стихов наших детских поэтов (Чуковский, Маршак, Носов, Успенский) к литературе приключенческой, формирующей активно-романтическое восприятие жизни (Майн Рид, Фенимор Купер, Райдер Хаггард, Радьярд Киплинг, Жюль Верн, Луи Буссенар, Рафаэль Сабатини, Александр Дюма, а также Конан Дойль, Честертон, Кристи), а от нее — к русской и западноевропейской классике, а затем и к XX веку: Хемингуэй, Ремарк, Джойс, Сартр, Камю и «знаковые» писатели 1980–1990-х годов, вроде Эко и Коэльо.

При постоянном чтении в домашнем кругу становится привычным обмен мнениями, спор, выработка вкуса литературного и определенных предпочтений. Не случайно в своих «Письмах о добром», обращенных к молодому поколению, Д. С. Лихачев проникновенно и часто говорит о чтении как важном моменте духовного развития и взросления.

Так что же делать? Предать анафеме средства массовой информации? Отказаться от телевидения?.. Это было бы наивно и глупо. Наивно, поскольку телевизор стал элементом быта; глупо, потому что и телевидение, и Интернет дают многообразную необходимую информацию, тем самым необычайно расширяя кругозор человека.

Чувство меры, сознательный выбор — и тогда средства массовой информации окажутся на службе человеческой индивидуальности. Кто-то с удовольствием смотрит любимые фильмы, вспоминая свою молодость. Кого-то интересуют передачи, посвященные истории XX века; как правило, почти все внимательны к новостям и комментариям к ним.

Точно также и поиск в Интернете позволяет обнаружить полезную информацию, другое дело, что к ней следует относиться разумно-критично, не принимая «с ходу» все на веру и скорее использовать как первое приближение к проблеме с последующим уточнением и углублением в литературе. Главное, не забывать, что СМИ — не цель, а средство, которым стоит пользоваться умеючи, ни в коем случае не «замыкаясь» только на том способе получения информации, а тем более — не полагаясь на язык телевидения и Интернета как образец.

Д. Н. КАТЫШЕВА,

*профессор кафедры искусствovedения СПбГУП,
доктор искусствovedения, Заслуженный деятель искусств РФ,
член Союза театральных деятелей РФ, член Союза писателей РФ*

К ВОПРОСУ СЦЕНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Текст — доминанта культуры. Совокупность текстов, их создание, сохранение и передача следующим поколениям относится к сущностным, субстанциональным основам культуры, ее бытию. Книга, ее интерпретация в сценическом слове является важным импульсом в сохранении и передаче текста.

Интерпретация, истолкование смысловых ресурсов текста, овеществленная в определен-

ной сценической форме — спектакле, моноспектакле, театре двух актеров, сольная или коллективная композиция возможна при определенных условиях.

Обратимся к текстам классической литературы, драматургии. Существуют два типа отношения критика, режиссера, актера, студента к такого рода текстам. Первый — монологический. Текст принимается таким, каким

видится (либо отрицается). Оценочный принцип не позволяет вступить в диалогические отношения, судить по законам автора, которые он над собой устанавливает. К примеру, студент, трудясь над курсовой работой по теме «Сценические версии «Щелкунчика» П. Чайковского», принимает на веру критические негативные оценки сценической версии М. Шемякина и тем самым пасует перед текстом балета, не способный его понять. Или известное стихотворение А. Пушкина исполняется артистом с привычными шаблонными интонациями, тем самым его смысл затемняется, а не раскрываются его новые признаки. А между тем классика потому является классикой, что ее смысл равен бесконечности, и каждое поколение открывает для себя его новые грани, тем самым сохраняя живым текст, не делая его музейным экспонатом.

Одним из условий сценической интерпретации, способной донести смысловые ресурсы текста классического произведения, являются диалогические отношения. Именно диалог с текстом, в котором участвуют два сознания, обеспечивают его понимание. Одна из проблем современной режиссуры и шире — гуманитарного образования — необходимость выработать навыки видения и понимания автора текста, иную знаковую систему, другое сознание, обогатить тем самым свой духовный кругозор и результаты этого диалога передать зрителям. Только тогда возникает качество творчества, о котором писал Н. Бердяев: «Творчество есть всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире... Творчество человека предполагает три элемента: элемент свободы, благодаря которой и возможно творчество нового и небывшего, элемент дара и связанного с ним назначения, и элемент сотворенного уже мира, в котором и совершается творческий акт и в котором он берет себе материал».

В современной режиссуре преобладает необычайно гиперболизированный элемент свободы, новизны любой ценой, когда помимо смыслового стержня текста пьесы навязывается свое представление о ней — и в системе мотивировок действий, например, Хлестакова будут прослеживаться признаки психического заболевания и, как следствие, расстройства его сексуальной сферы. Это особенно непривычно для петербургской сцены, где школа режиссуры Г. Товстоногова, его театр во главу угла ставили стремление выразить смысл и эстетику авторского текста. Так рождались спектакли, необычайно волнующие современного зрителя. Ныне катарсис в театре не обязательен. Удивлять любой ценой, для чего все средства хороши, даже недозволённые вроде ненормативной лексики в современной спектакле на сцене МХТ, в свое время созданном К. С. Станиславским, для которого идея художественности предполагала нравственный идеал, высокой пробы эстетические качества. Так культура и театр как носитель добра и подлинного искусства подменяются брутальной индустрией развлечения, которая не поднимает с колен нацию, а ставит ее на четвереньки.

Д. С. Лихачев видел пространство культуры в России не обширным материком, а островом в океане, говоря, что «ее немного», но именно она определяет будущее народа, его духовно-нравственные, эстетические ценности, его самоидентификацию, полноценную жизнь, освещенную идеалом.

Молодое поколение, заполняющее вузовские аудитории, сегодня особенно нуждается в философских, эстетических, художественных ориентирах, которые должно выработать, прилагая волю, инициативу в диалоге с текстами культуры, духовным потенциалом, накопленным человечеством.

Л. В. КУРАКОВА,

заместитель главы Администрации Липецкой области;

Л. И. МЕЩЕРЯКОВА,

*советник заместителя главы Администрации Липецкой области,
кандидат исторических наук, доцент*

КНИЖНАЯ МУДРОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ СЛОВА И КНИГИ КАК ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрение слова и книги как текстов культуры на уровне региональной исполнительной власти соотносится с проблемами осво-

ения и анализа функционирования различного рода текстов культуры (где бы и когда бы они ни были созданы), включая размышления

над вопросами «прочтения» культурных текстов, а не только финансирование жизнедеятельности учреждений, где они находятся.

Слово и книга являют собой память человечества, некоторые из них стали феноменами эпохи. Это «авторские» документы современников или созданные позже, а также художественные, исторические, эпические произведения, прошедшие проверку временем на достоверность суждений, их значимость в формировании жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, духовно-нравственного стержня человека, ставшие классическими.

Как великий дар в средневековье воспринималось Слово Божье («Вначале было Слово...») и книга, чаще всего сакральная, — Библия, неисчерпаемый кладезь вечной мудрости для человечества.

Именно в слове, устном и письменном — книге, каждый народ выражает самого себя, свое видение мира, понимание пространства и времени, ценностных ориентиров, свои черты менталитета, свое «Я». «Литература, письменность яснее всего выражают национальные идеалы культуры. Литература “говорит” за всю национальную культуру, как “говорит” человек за все живое во вселенной», — так считал Д. С. Лихачев¹.

Хранителями слова и книги были и остаются архивы, музеи, где можно найти разнообразную литературу, в том числе уникальные раритетные печатные издания, которые для многих читателей лишь объекты визуального общения, так как доступны только специалистам-исследователям. У библиотек иная миссия: в них сосредоточены сотни миллионов экземпляров печатной продукции для максимального удовлетворения запросов читателей.

XXI век дает человеку возможность соприкоснуться с необъятным информационным потоком, постоянно расширяющимся рядом носителей информации, кроме традиционно печатных — книги, журналы и тому подобное, визуальные — экранные, видеоматериалы и так далее; виртуальные — Интернет. Но как бы ни был велик этот ряд, как бы он ни теснил книгу, все же она по-прежнему остается на первом месте. И наша задача — способствовать этому. Прочитанное и переработанное сознанием человека не только обогащает его знания, что само по себе важно, но и оставляет след в душе, влияет на мышление, речь, поступки. Талантливые произведения классиков мировой и отечествен-

ной литературы будят сознание, развивают собственный творческий потенциал, делают нас успешными в жизни, работе, карьере.

В повышении уровня образования, науки и культуры видит Президент Российской Федерации В. В. Путин возможность нашего экономического выживания, достойного места России в изменяющихся международных условиях¹. Еще в 1990-х годах Д. С. Лихачев называл один из возможных и реальных путей решения этой задачи: «Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию, — библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты, периодику <...>, если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу <...> то мы безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии»².

В современных, столь непростых социально-экономических условиях процессы реформирования продолжают и затрагивают жизненно важные аспекты деятельности человека: власть, экономику, быт, культуру. Происходит укрепление «вертикали» власти, изменяются функции правительственных структур; разграничиваются полномочия федеральной, региональной и муниципальной ветвей власти в соответствии с принятыми федеральными законами № 122, № 131. Эти процессы протекают одновременно с развитием рыночных отношений, коммерциализацией культуры, утратой традиционных ценностных ориентиров российского общества, засилием массмедиа. Необходимо выстоять, сохранить и приумножить лучшее в национальной культуре, не снимать с себя бремя ответственности за судьбу своего края, своей малой и большой родины, за духовный потенциал ее возрождения.

Понимание важности этих направлений деятельности администрацией Липецкой области нашло отражение в изменении методологии функционирования властных структур, критериях оценки эффективности их работы. На первом месте при анализе итогов социально-экономического развития региона 2004 года (его текст тоже можно представить как текст культуры) оказался человек: его здоровье, демографическая ситуация, обустроенность городов и сел, качество жизни, культурный и цивилизационный ресурс. Экономическая деятельность рассматривалась как главный инструмент решения социальных задач; производство не ради производства, а ради благополучия

¹ Лихачев Д. С. Мифы о России старые и новые // Раздумья о России. СПб., 1999. С. 58.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. М., 2004.

² Лихачев Д. С. Россия никогда не была Востоком // Указ. соч. С. 50.

человека, материального и духовного. Цинизму, культу денег и насилия, обесцениванию жизни необходимо противопоставить вечные ценности и нравственные устои, истинную культуру России, нашу вековую книжную мудрость, духовное богатство, то, чем так сильна и так «загадочна» русская душа.

Доминантами культурной политики исполнительной власти остаются финансы и люди, работающие в этой сфере. Реалии жизни нас все больше убеждают, что только деньгами, только количеством учреждений культуры, в том числе библиотек, проблему прирастания духовного потенциала общества не решить. Купить, приобрести, даже построить оказывается легче, чем изменить, осовременить отношение человека к делу, поднять его на определенную высоту, заставить овладеть новыми технологиями, маркетингом и менеджментом. Все должно работать на конечный результат: от юридически, грамматически, топонимически правильно написанного названия учреждения, наличия гардероба, до интерьеров залов; от графика работы (когда он удобен прежде всего потребителю услуг) до педагогических и психологических навыков работы с разновозрастной аудиторией. Если очаг культуры действительно является таковым, согревает вниманием, теплом, к нему тянутся дети и взрослые (им комфортно и интересно, они ощущают пользу от новых знаний, от общения; учатся быть самостоятельными и в поиске информации и в оценке жизненных событий), то новаторские разработки, целевые программы, инновационные проекты всегда находят реальную поддержку администрации, в том числе и финансовую.

Основой деятельности 538 библиотек, в том числе 4 государственных областных и 534 муниципальных стала программа «Развитие библиотечного дела в Липецкой области на 2004–2006 годы», принятая Липецким областным Советом депутатов. Она позволит осуществлять постоянный мониторинг библиотечного дела; укреплять и модернизировать материально-техническую базу; создать на основе компьютерных технологий единую информационную сеть; оказать государственную поддержку органам местного самоуправления в развитии библиотечного дела. При общем объеме финансирования из областного бюджета 370 млн рублей, их расход будет оптимизирован путем сосредоточения на решение приоритетных задач в области библиотечного дела. Отмечены позитивные тенденции: рост числа пользователей библиотек (более 40 % из них молодежь); количества посещений; пополнение основных фондов но-

вой литературой (за 2004 г. — 195 тыс. экз., в том числе в среднем по 260 экз. получила каждая муниципальная библиотека); рост компьютерного парка (за год — на 21 компьютер, 82 компьютера находятся в муниципальных библиотеках, из них доступ в Интернет имеют 8). Безусловно, это лишь начало «компьютеризации» библиотек, превращения их в информационные центры.

Если соотнести возраст человека, его потребности как пользователя книги, информации с «возрастным» статусом библиотек, то именно специализированные областные библиотеки наиболее полно и плодотворно работают с детской, юношеской и взрослой аудиторией. В соответствии с их запросами осуществляется комплектование фондов научнопознавательной, справочной, энциклопедической и лучшими образцами художественной литературы, благо книжный рынок России стабильно растет. Специалисты Российской книжной палаты отмечают повышение социальной направленности изданий, обеспечивающих функционирование наиболее важных сфер социума: экономики, образования, науки. Активно пополняется он аудио- и видеоизданиями, электронными локальными и сетевыми носителями, мультимедийными изданиями.

Областные научная, юношеская и детская библиотеки являются научно-методическими центрами, обобщающими и пропагандирующими новейшие методики работы с читателями, распространяющими опыт оказания платных услуг потребителям; они стали организаторами и участниками российских и областных целевых программ, конкурсов, конференций.

Чтобы получить портрет современного читателя и понять, какое место занимает книга, чтение в иерархии духовных ценностей современников, на базе ведущих библиотек области в 2004 году Тамбовским государственным университетом им. Г. Р. Державина было проведено социологическое исследование «Чтение как духовная ценность». В нем участвовало 1160 респондентов. Исследование показало, что чтение сохраняет статус высокой духовной деятельности, способствующей развитию, творчеству, но явно видна тенденция упрощения, желания свести к минимуму интеллектуальные усилия при чтении. По мнению авторов, современное чтение выполняет в большей мере познавательную и релаксационную функции, и постепенно снижается престижность занятия им.

Обеспокоенность снижением интереса к книге, к чтению среди детей вызвала разработку и реализацию детской областной библиотекой проекта «Магия чтения» (2002–

2003 г.). Он охватил сельские районы, позволил уменьшить информационный разрыв между городскими и сельскими детьми, сделал доступными для всех самые увлекательные книги, а передвижная выставка с театрализованной презентацией еще более усилила интерес к книге.

Проект 2004 года «Экология слова» был направлен на формирование навыков грамотной устной и письменной речи в противовес ненормативной лексики, криминального жаргона, грубости и варваризации слова. 20 тысяч детей стали участниками областного творческого конкурса «Грамотное поколение», лучшие работы которых будут опубликованы в сборнике. Все детские библиотеки области получили в подарок созданный специалистами областной детской библиотеки компакт-диск «Уроки Мальвины», включающий 10 Flash-анимационных занятий с увлекательными играми, кроссвордами, тестами по культуре речи. На базе этой библиотеки прошла в 2004 году Всероссийская научно-практическая конференция «Детское чтение как феномен культурного наследия»: специалисты из 16 регионов Российской Федерации обсуждали актуальные проблемы сохранения национальных традиций чтения и прежде всего, детского.

В рамках Всероссийского совещания директоров юношеских библиотек, состоявшемся в Липецке в 2004 году, были представлены программы Липецкой областной юношеской библиотеки: «Информационная культура пользователей XXI века», «Развивающее чтение» и другие. Состоялось открытие Регионального центра юношеского чтения, оно широко освещалось средствами СМИ. Об отношении администрации к этому событию говорит и такой факт, как участие в нем Главы администрации Липецкой области О. П. Королева и других официальных лиц в обсуждении проблем чтения и книги для подрастающего поколения.

Актуальной остается для администрации Липецкой области проблема сохранения и развития муниципальных библиотек, повышения роли библиотек в формировании интеллектуальной среды наших городов и сел, духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи.

Это лишь некоторые штрихи книжной мудрости региональной власти, и хотя «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...», но сделать все, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», мы должны.

Е. М. МУРАВЬЕВ,

*начальник Департамента образования Тверской области, доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный учитель РФ,
академик Международной академии психологических наук*

СЛОВО И КНИГА КАК ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Осознание слова и книги как фрагментов культуры приобретает в современной социокультурной ситуации особый смысл. Любое явление культуры связано с другими явлениями культуры, как современными, так и прошлыми. Исторически существовавшие культуры неизбежно вовлечены в контекст современной жизни, поэтому всякий исторический факт культуры оказывается и современным. Любой текст получает в ходе исторического движения новое ценностно-смысловое содержание. Возможность синтеза нового содержания и нового понимания явлений культуры обусловлена тем, что в истории культуры наблюдается не только поступательность и многообразие, но и повторяемость и единство. Именно повторяемость включает в себя структурные элементы культуры, объединяя их в единое целое, а также интегрируя уже готовые целостные формы и схемы, что, в первую

очередь, присуще книге как культурному феномену.

Книга с течением времени может приобретать такой смысл, который ранее не был вложен в нее ни субъектом-творцом, ни субъектом-читателем. При этом понимание смысла в процессе чтения продуктивно и способно генерировать новые смыслы при перенесении книги в новую историческую среду. Эта особенность функционирования книги особенно важна в системе образования.

Понимание текста зависит от культурного уровня и образованности читателя, а смысл текста определяется окружающим его контекстом — общественной ситуацией, диалогическими отношениями с другими текстами и т. п. Понимание текста и его оценка тесно взаимосвязаны. Смысл текста задается его аксиологическими основаниями, а оценочный компонент выражен в разной степени на раз-

личных уровнях понимания книги и слова, поэтому интерпретация текста есть систематическое описание авторского замысла и его последовательное сопоставление с системой ценностей интерпретатора.

Методологический уровень понимания книги опирается на научно выработанные методы и принципы анализа. При этом усиливается творческий характер понимания, а также оценочные мотивы, которые становятся все более свободными от субъективизма¹. Культурно-исторический анализ текста представляет собой диалектическое движение ценностно-познавательных смыслов, стремящееся к более глубоким уровням понимания в процессе осознания культуры прошлого. Поэтому культура является общечеловеческим процессом возникновения и смены характерных аксиолого-гносеологических ориентации, находящихся в состоянии и творческого взаимодействия, и диалога.

Свою подлинную мощь Слово обрело лишь с появлением Книги. По словам Р. Эскарпи², книга, как и все живое, не укладывается в жесткие рамки определений. Книга с любой отправной точки способна высвободить и рассеять во времени и пространстве заключенную в ней массу образов, чувств, идей, а затем, вкупе с другими книгами, снова вобрать в себя то, что в бесконечности самых различных сочетаний было рассеяно ею по столетиям и континентам.

В Западной Европе книга никогда не являлась трибуной политических дебатов, ареной борьбы между партиями. В России же, по словам И. А. Бутенко, правительство решало, что граждане могут публиковать и читать³. Это привело к устойчивой писательской традиции — объединяться вокруг журналов в соответствии с разделяемыми общественно-политическими взглядами.

Парадоксально, но именно периоды политической реакции в XIX веке стали временем расцвета искусства слова. По цензурным соображениям авторы нередко прибегали к эзопову языку, что создало в русском обществе особую практику вдумчивого чтения, чтения между строк, которое становилось активным творческим диалогом автора и читателя. Статус литературы более ста лет был в России неизменно высоким, потому что она

в художественной форме обращалась к проблемам, которые литература ни в одной стране мира не обсуждала.

В XX веке, в первые годы советской власти, начали издаваться книги, адресованные низовому читателю. Затем ужесточилась цензура, и уже не читатель, а директивные органы определяли характер книжного выпуска. Но стала ли книга, по выражению Д. С. Лихачева «самым ответственным представителем культуры всей страны»?¹ Почему в 1939 году академик В. И. Вернадский сказал, что «свой народ революция не допустила реально пользоваться книгопечатаньем»?²

Дело в том, что книга не только общественное явление, поэтому нельзя насильственно внедрять ее в массы. Только «интимный» характер отношения к книге ведет к активному диалогу автора и читателя в режиме «от сознания к сознанию». Перенасыщенность литературы идеологией привела к тому, что в 1960-е годы в Советском Союзе было два вида литературы: официально издаваемая и «самиздат» — запрещенная литература, прочитать которую стремилась наиболее образованная часть общества.

В начале XXI века все громче зазвучала обеспокоенность падением роли книги и слова в жизни человека, активным нежеланием молодежи общаться с классической литературой. Это тревожно. Ведь литература пересоздает и преобразует жизнь в свете нравственных норм и идеалов прекрасного, а идейно-эстетическая сила воздействия словесного образа на человека зависит от художественного слова. Курт Воннегут писал: «Без литературы для человека и в век НТР, при возможном материальном изобилии, нет полноценной жизни: если человека лишит радости и утешения, которые дает литература, то он погибнет — либо от окаменения сердца, либо от атрофии нервной системы»³.

К сожалению, сегодня чтение из напряженного труда души для многих превратилось в сопутствующее занятие. Интерес к «серьезной» литературе проявляет незначительная часть населения. Чтение нередко ориентировано на удовлетворение не столько эстетических, сколько информационно-прагматических потребностей. Вместе с тем, чтение — необходимое условие роста *человека разумного*.

¹ Васильев С. А. Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 114–117.

² Эскарпи Р. Революция в мире книг. М., 1972. С. 20.

³ Бутенко И. А. Читатели и чтение на исходе XX века: социальные аспекты. М., 1997. С. 10.

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 258.

² Вернадский В. И. Дневник // Дружба народов. 1992. № 11. С. 29.

³ Воннегут К. Колыбель для кошки. М., 1970. С. 172.

Потому определение «венца творения» как биологического вида *homo sapiens* правомерно дополнить еще одним: *homo legens* — человек читающий. На одной из конференций специалистов по ЭВМ Айзек Азимов назвал книгу идеальной информационно-поисковой системой, которая доступна каждому, портативна и не требует внешнего источника питания, а информация хранится в ней постоянно и не исчезает из-за всяческих поломок и накладок¹.

¹ Homo Legens. Человек читающий. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества. М., 1989. С. 15.

Сегодня к нашим услугам новые информационные технологии библиотек: для поиска нужных изданий достаточно ключевых слов; в сети Интернет можно самому виртуально посетить любую библиотеку мира. Цивилизация ставит проблемы создания электронных книг, Интернет-изданий, сетевых издательств, подготовки кадров, способных вести диалог с потребителем и производителем. Но как бы далеко человек ни уходил в мир виртуальный, все равно мир конкретных физических ощущений будет ему ближе и желаннее, поэтому реальная книга должна сохранить важное место в его жизни.

П. А. СЕМЕНОВ,

*профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП,
кандидат филологических наук, доцент*

ЧТО ЦЕНИЛ Д. С. ЛИХАЧЕВ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ?

(на материале статей о В. В. Виноградове и Б. А. Ларине)¹

В работах Д. С. Лихачева всегда заметно исключительное внимание к тому, что сделано его коллегами — предшественниками и современниками. В наше время интеграции, специализации и информатизации наук очень важно проанализировать, что ценил академик Лихачев в научной методологии классиков отечественной лингвистики.

Будучи по преимуществу литературоведом, Д. С. Лихачев активно использовал в своих изысканиях данные лингвистического анализа текстов и, в свою очередь, высоко ценил те лингвистические работы, в которых язык произведения рассматривался на широком историко-литературном и историко-культурном фоне. В частности он писал о В. В. Виноградове, что ученый «не считает возможным ограничивать изучение образа автора только проблемами языка и стиля. Поэтому исследование образа автора шире задач изучения языка художественной литературы как особой филологической дисциплины. В. В. Виноградов отмечает, что образ автора должен изучаться *одновременно* и наукой о языке художественной литературы и литературоведением, но оба эти подхода должны быть строго

координированы. Принадлежа двум наукам, проблема образа автора по существу неделима». Или процитируем такое утверждение Д. С. Лихачева: «Вопросы истории русского языка не были для него [Виноградова] оторваны от проблем истории литературы. Он изучал язык и литературу комплексно, в единстве и всесторонне. Одной из крупнейших заслуг в области изучения русского реализма было установление связи формирования реализма с различными новыми течениями в русском языке и в языке литературы: с образованием национального языка, с началом использования в литературе диалектизмов, с появлением индивидуализированной речи литературных персонажей и т. д. Проблема реализма впервые была связана в работах В. В. Виноградова с проблемой языка литературы».

Что касается Б. А. Ларина, то Д. С. Лихачев считал его самым образованным лингвистом: «Образованность Б. А. Ларина была образованностью филолога конца XIX — начала XX в., когда она приобрела известную внутреннюю цельность и стояла в России очень высоко». Филологизм не случайно высоко ценился Д. С. Лихачевым, поскольку отражает его собственное стремление к синтезу наук: «Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Филология лежит в основе не только

¹ Лихачев Д. С. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977; Лихачев Д. С. О теме этой книги // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляется через слово, через преодоление косности слова рождается культура»¹.

С филологизмом классиков нашего языкознания тесно связана и другая особенность их научного метода: история языка всегда рассматривалась ими в контексте истории культуры.

Что касается антропоцентризма — внимания к человеку как носителю языка, изучение человека через его язык и изучение языка через «языковую личность» создателя текста, то Б. А. Ларин ввел в науку изучение городских диалектов, дал этой отрасли языкознания направление и метод. Но внимание к человеку говорящему заключается не только в преимущественном изучении живой разговорной речи, территориальных и социальных диалектов, но и в исследовании проблем индивидуального стиля, «образа автора» в художественном и нехудожественном тексте, что было предметом особого внимания и интереса В. В. Виноградова на всех этапах его научной деятельности: «Язык художественной литературы, — будь то язык писателя или язык художественного произведения, — язык индивидуальный, в котором прежде всего следует изучать его индивидуальные черты». Учет «человеческого фактора» в литературе и языке был важен и для научного творчества Д. С. Лихачева; сравним только тематику его работ: «Человек в литературе Древней Руси»; «Возрастание личностного начала в литературе XVII в.»; «Размышления об авторе «Слова о полку Игореве»»; «Литература как общественное поведение» и др.

Для филолога на первом месте стоит текст, языковой факт, а не дедуктивная модель, теоретическое построение. Так, Б. А. Ларин в своих обобщениях исходил из изучения частностей и не подгонял факты под обобщения,

отказываясь от рассмотрения эффектных концепций, если они не опирались на все известные ему материалы. Наиболее значительную и наиболее сильную сторону работ В. В. Виноградова составлял строгий и тонкий анализ на основе удивительно богатого и удачно подобранного материала. Индуктивность исследования, пристальное внимание к языковому материалу, к фактам не тождественны для Д. С. Лихачева эмпиризму, «блохоискательству» и «мелочеведению». Об «антифилологичности» дедукции сегодня говорится постоянно, отметим замечание В. В. Колесова: «Дедукция как метод исследования при почти полном игнорировании присущих филологическим наукам индуктивных методов — тоже свойство схоластики. Материал не исследуется — он приводится для иллюстраций. Элегантная строгость описательной процедуры производит внешнее впечатление, но, как и всякая модная униформа, ограничивается чисто декоративными целями»¹.

Для филолога слово — это и объект, и материал, и единственный способ представления объекта, и способ самовыражения. Д. С. Лихачев особое внимание уделял стилю филологических работ. Переводы Б. А. Ларина (с древнерусского и санскрита) были переводами художника слова и художника, глубоко проникающего в суть изучаемых им эстетических явлений. Стиль В. В. Виноградова заставлял читателя думать, сопоставлять, различать и вникать в оттенки мысли. «Лингвист сказывается в его стиле в постоянной игре словами. Он любит сопоставлять и противопоставлять однокоренные слова различные или слегка различные по значению. Игра словами, каламбуры, ирония составляют не только издавший лингвистический и литературоведческий интерес В. В. Виноградова, но и особенность его научного стиля».

¹ Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989. С. 206.

¹ Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. С. 284–285.

Круглый стол

СМИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Руководитель

В. Л. БОГДАНОВ, председатель Национального совета профсоюза журналистики России, президент Международной конфедерации журналистских союзов

Ученый секретарь

Г. М. БИРЖЕНЮК, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор

Ответственный секретарь

И. А. ПАВЛИХИН, заместитель заведующего по научной работе кафедры журналистики СПбГУП, кандидат наук, доцент

Участники обсуждения:

- А. И. ЕВСЕЕВ**, главный редактор газеты «Экономика и время»;
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**, член-корреспондент РАО, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;
- О. С. КУЗИН**, главный редактор газеты «Трибуна»;
- А. И. КУПРИЯНОВ**, главный редактор газеты «Родная газета»;
- Ю. М. ЛЕПСКИЙ**, заместитель главного редактора газеты «Российская газета»;
- Б. Д. ПАРЫГИН**, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук;
- Г. З. ЮШКЯВИЧУС**, советник Генерального директора ЮНЕСКО;
- Б. Г. ЯКОВЛЕВ**, заместитель председателя редколлегии журнала «Высшее образование в России»

В. Л. БОГДАНОВ: — Тема нашего круглого стола определена довольно точно для нынешнего драматичного в том числе и для журналистики времени, потому что именно СМИ формируют сознание масс или общественное мнение. Причем, это общемировая тенденция — не только в России, но и в высокоразвитых и в так называемых странах третьего мира, к прессе относятся как к инструменту политтехнологий, направленному на претворение в жизнь неких программ, проектов, избирательных компаний и т. д.

В свое время я защищал диплом в ЛГУ (тема касалась художественной публицистики) и доказывал, что журналистика — это часть общественного сознания, которая занимает промежуточное положение между наукой и искусством. Искусство создает иллю-

зорную модель действительности. Журналистика, напротив, адекватна и пользуется тем же методом исследования, что и наука. Я искренне в это верил, а мой руководитель обвинил меня в цинизме — разве можно было считать журналистку не искусством, это же высшее проявление творческого начала! Если же сегодня мы будем говорить о том, что журналистика создает модели, только адекватные действительности, нас поднимут на смех, потому что журналистика потеряла доверие общества. К журналистам, относятся примерно так же, как к политикам, считая их даже более продажными. А мы в ответ пытаемся обустроить рынок, наивно думая, что таким образом получим возможность быть неангажированными и наконец займемся творчеством. Однако за эти годы общество заметно изме-

нилось в том числе в своем восприятии самых главных нравственных понятий — добра и зла. Зло стало привлекательным, добро унылым, скучным. Особенно это заметно по некоторым телевизионным проектам.

Сегодня очень мало тех, кто стоит на защите нашей профессии, пытаясь сохранить ее основополагающие принципы. Но наивно полагать, что журналистике снова будут доверять, журналисты вновь станут проповедниками, исповедниками, исследователями, писать замечательные статьи и очерки, создавать новые программы — и все это произойдет само по себе. Разумеется, обустроить общество должны мы сами: властные структуры, читатели и зрители — их вкусы влияют на тиражи и рейтинги, и, конечно, журналисты.

Я предоставляю слово человеку, который исключительно много сделал для создания телевизионных каналов, возможно, одному из самых авторитетных личностей на медийном рынке. Генрих Зигмундович Юшкявичюс работал в крупнейших международных организациях, и его последняя должность — первый заместитель генерального директора ЮНЕСКО. Мы с ним много ездили по разным странам, и поэтому можем сделать выводы относительно того, как соотносится положение журналиста в стране и отношение к этой стране в мире.

Г. З. ЮШКЯВИЧЮС: — Только что закончилась международная конференция «ЮНЕСКО между двумя этапами всемирного саммита по информационному обществу», которая проходила в Санкт-Петербурге. На ней присутствовали представители как средств массовой информации, так и правительств более, чем из 50 стран мира. Среди обсуждавшихся были и вопросы, связанные со свободой прессы в мире, потому что развитие информационного общества невозможно без участия средств массовой информации — прессы, телевидения, радио и Интернета. Причем, если на первом этапе саммита в Женеве уделялось очень большое внимание технической стороне вопроса и тому разрыву, который существует между развитыми и развивающимися странами в освоении новых коммуникативных технологий, то на конференции мы обсуждали последствия преодоления этого разрыва, а также развитие Интернета. Откровенно говоря, Интернет развивался так успешно потому, что на уровне правительств долго не понимали, что он собой представляет, а когда поняли, было слишком поздно. И сейчас пытаются наверстать упущенное, а именно —

вести ограничения. С этой целью используются разные поводы, и некоторые являются довольно убедительными, например, борьба с терроризмом. Конечно, с одной стороны, опасность, что террористы могут использовать Интернет в своих целях, существует, но с другой — явно чувствуется попытка ограничить возможности Интернета, точнее — ограничить свободу выражения мысли, потому что Интернет как никакое другое средство, дает возможность индивидууму высказать свое мнение большой аудитории, если аудитория в этом заинтересована.

Тенденции ограничения свободы информации чувствуются даже применительно к таким традиционным представителям СМИ, как Би-би-си. Так, было объявлено об увольнении около трех тысяч сотрудников для создания наиболее экономичной, эффективной модели развития корпорации. Но на самом деле, истинная причина всем ясна: Би-би-си довольно резко выступала против войны в Ираке, критикуя позицию правительства, Тони Блэра в этом вопросе.

Начиная с 1997 года присуждается Всемирная премия за свободу печати ЮНЕСКО/Гильермо Кано, и иногда ее лауреатами становятся журналисты из стран, где свобода печати давно существует. Если говорить о том, как оценивается ситуация с прессой у нас, то на Западе вызывает удивление отсутствие полной свободы прессы в России, потому что для нашего президента она не представляет никакой опасности. Это связано со структурой власти, когда президент имеет большие полномочия, и, конечно, свобода прессы угрожала бы тем государственным структурам, которые подвержены коррупции. Существует «индекс коррупции», и эта цифра нас не самым лучшим образом характеризует. Считается, что на коррупцию уходит примерно 40 млрд долларов. Из них 80 % забирают нижние уровни власти, а 20 % — более высокие. Первый пример коррупции в журналистике, причем в ее верхних эшелонах — когда Гусинский согласился помочь Ельцину на выборах, и 800 млн велели Газпрому перевести в НТВ. И это было начало конца независимости телевидения, хотя некоторые видели здесь некую благородную цель — не допустить коммунистов к власти. Можно сказать, что это был тот принцип, который использовали коммунисты: цель оправдывает средства.

Есть мнение, что страна могла бы более успешно бороться с коррупцией, если бы пресса выполняла свои функции, потому что оставленные без такой «сторожевой собаки» государственные структуры начинают верить

в свою непогрешимость; то же самое относится и к судам. Полагают, что пресса должна быть «сторожевой собакой», но отнюдь не четвертой властью. В этом есть определенная логика, потому что ни в какой другой стране обозревать телевидения или радио одновременно не является членом парламента.

Потеря доверия к СМИ вследствие коррупции, непрофессионализма — читатели, зрители, слушатели, пользователи не являются до такой степени «серой массой», как это представляют журналисты — происходит не только у нас, например, во Франции, где я живу уже 15 лет, заметно сократились тиражи газет *Le Monde*, *Figaro*.

Согласно «индексу свободы информации» (есть и такой показатель), Россия занимает 122-е место, 142-е занимает Белоруссия, 140-е — Узбекистан, Соединенные Штаты — 22-е. Как ни странно, прибалтийские страны: Литва, Латвия, Эстония находятся соответственно на 16, 10, 14-м местах. Насколько мне известно, в Прибалтике вообще нет проблем со свободой прессы: ведущие газеты принадлежат определенным финансовым группам, которые определяют их политику. Есть, конечно, проблемы и политического характера, потому что, например, русские неожиданно стали в этих странах меньшинством, и журналисты, выступающие в защиту их интересов, испытывают определенные трудности.

Есть еще одна проблема, которая имеет большое значение для общества — сцены насилия на телевидении. С полной ответственностью заявляю, что российское телевидение по количеству и изощренности этих сцен сейчас занимает первое место — ни во Франции, ни в Соединенных Штатах вы ничего подобного не увидите. Во Франции, например, по постановлению парламента, ограничены сцены насилия вечером, а порнографию вообще не показывают. Если хотите это видеть — воспользуйтесь платными кабельными каналами с двойным кодированием.

Что касается общественного телевидения, то оно должно быть общедоступным, а образовательный, культурный компонент — самым сильным. Причем, я убежден, что это самый дешевый и эффективный способ поддержания культурно-образовательного уровня нации. Даже если бы стоимость общественного телевидения составила полмиллиарда долларов в год (я беру фантастическую сумму), то на одного жителя России в день тратилась бы сумма, эквивалентная цене одной чашки кофе в буфете МГУ. Впрочем, когда мне говорят, насколько это все-таки дорогое

удовольствие, я не исключаю абонентскую плату, хотя могут быть и другие варианты.

В заключение хочу сказать — пусть СМИ не являются «четвертой властью», но без этого «четвертого колеса» Россия далеко не уедет.

В. Л. БОГДАНОВ: — Общественное телевидение сегодня как никогда актуально, и создана специальная организация, которая занимается подготовкой законодательной базы, касающейся общественного телевидения. Но очень трудно убедить властные структуры, потому что всем понятно — такое телевидение не будет столь подконтрольно, как существующие московские каналы. Зато запускаются новые проекты — недавно появился канал Министерства обороны, сейчас создается новый канал с бюджетом в миллиард долларов — он будет пропагандировать достижения российского общества на английском языке. Иными словами, можно обустривать жизнь в доме или украшать его фасад. Тем не менее, например, в Ханты-Мансийске создается общественное телевидение на основе государственного, где даже снимаются свои фильмы, достаточно непохожие на то, что мы видим сегодня на каналах.

Давайте обратимся к газетам, потому что сегодня актуальна не подмена общественного сознания по рецепту политтехнологов, а то мнение и то сознание, которое, естественно, рождается внутри нации, которая разговаривает сама с собой. Позволяем ли мы нации разговаривать? По данным *Gallorpe Media*, аудитория ежедневной российской прессы уменьшилась с 4,2 млн в 2000 году до 3,4 млн, а если сравнить с 1990 годом, то сокращение еще более значительное. Вот почему я хотел бы остановиться на состоянии дел в нашей прессе и предоставить слово Куприянову Александру Ивановичу. Он работал шеф-редактором «Известий», создавал «Собеседник», «Столичную газету» и сейчас предпринимает отчаянные попытки создать массовую, народную газету; она так и называется — «Родная газета».

А. И. КУПРИЯНОВ: — Средства массовой информации не могут быть свободными от общества. Мы часть общества, и все, что происходит в обществе, во власти, конечно, отражается в газете. Как говорится, «времена не выбирают, в них живут» — и строят взаимоотношения между издателями и журналистским коллективом. Это одна из самых сложных и тяжелых проблем, которая в последние

годы меня беспокоит. Я не открою вам секрета, сказав, что из тех, кто приобрел газеты, финансовые группы или олигарх, мало тех, кто по-настоящему хотели бы выйти на рынок СМИ и заниматься именно этим бизнесом. Газета информирует, развлекает, эпатирует, но она идет в рынок, приобретает рекламу, увеличивает тиражи и тем самым выживает. Газеты покупать теперь модно — олигарх приобрел ее, вкладывает в нее миллионы, проводит ночные совещания, сам представляет заголовки, учит, как писать статьи и какие ставить карикатуры. Ему говорят: «Это рынок, так нельзя. Есть менеджеры, которые делегированы полномочия. Они выпустят газету, вы получите прибыль». Другой говорит: «Мне нужно «окучить» массовое сознание, я соберу свою аудиторию, а потом, когда начнутся выборы, опубликую свои лозунги и так приду во власть». У третьего просто есть лишние деньги, на которые он хочет приобрести очередную игрушку. Мне кажется, что не получается конструктивного диалога между журналистскими коллективами, которые хотели бы сохранить принципы своей профессии и свободной информации и теми, кто купил эти газеты. Выхода я не вижу, в частности вряд ли сидящим здесь хватило денег на газету — не желтую, не обслуживающую чьи-либо интересы, без политтехнологий, которая на достойном уровне информировала и развлекала. Тем более, что если раньше главный редактор издания, которого назначали на политбюро, знал, за что отвечает и каковы границы его возможностей, то теперь он должен все время держать нос по ветру и постоянно ждать неприятностей на свою голову — проще говоря, откуда его свергнут.

Происходящий сейчас кризис СМИ чреват не только «электронной щебенкой», которая выдается за журналистику. Можно зайти в Интернет, поискать по сайтам, собрать информацию, и незачем звонить героям, необязательно встречаться, видеть глаза, описывать черемуху, воздух. А затем этой «щебенкой» набить газету, и все будет в порядке, хозяину (или хозяевам) понравится. Теряются принципы творческой профессии даже относительно «желтой прессы». В «Экспресс-газете», которую мы создавали командой — это был первый российский таблоид (она даже занесена в Книгу рекордов Гиннеса в этом качестве) самым большим был отдел расследований — 28 человек. То, что делается сейчас — это не желтая пресса: она ограничивается публикацией откровенных фотографий. А где скандал, расследования? Я предпринимаю судорожную попытку создать в «Родной газете» от-

дел независимых расследований — кажется, подобная структура существует в Петербурге.

Наш читатель умный прежде всего потому, что уже «накушался» произведений пиара, политтехнологов, испытал на себе воздействие всех жанров компромата. Каким бы ни был впечатляющим компрометирующий материал или заказная статья, читатель уже с первого абзаца понимает, кто заказал, о чем идет речь и даже читать дальше не станет. Я вовсе не отвергаю пиарщиков и политтехнологов, они существуют в любой стране. Но у нас это ближе к лакейству. Анатолий Абрамович Аграновский, великий журналист, в очерке «Официант» написал о том, что есть лакейство, и есть официант, который обслуживает посетителя. Так и в СМИ: есть лакейство, но должна быть журналистика, которая обслуживает читателя, а не олигарха, не финансово-промышленные группы, не власть, не президента, мы создаем информационное поле, информационное пространство.

Не следует забывать о нашем предназначении. Мы стали подозрительными, ненавидим друг друга и крайне редко любим. Мы ведем дискуссию, кто что украл, больше он украл или меньше, и уходим от вечных истин, перестаем получать удовольствие от простых вещей.

О. С. КУЗИН: — Я полностью согласен с Генрихом Зигмундовичем Юшкявичусом — журналисты сами уверовали в то, что они являются четвертой властью, и это одна из главных ошибок нашего времени. В свое время Борис Николаевич Ельцин, выступая перед руководителями СМИ, назвал структурами массовой информации силовыми структурами. Это дало мне повод пошутить: «Конечно, еще Грибоедов говорил, что «злые языки страшнее пистолета». И это действительно так.

Сегодня, к сожалению, можно констатировать вырождение классической журналистики. Существует газетный бизнес — а журналистика на страницах газеты всего лишь возможность занять то пространство на полосе, которое свободно от рекламы и черного пиара. Деньги — вот что сегодня ставится во главу угла большинством владельцев газет. Есть ли смысл проводить дискуссии о том, что такое публицистика сегодня, развивается ли очерк, как надо брать интервью и так далее, когда очень многие смотрят на все эти жанры только сквозь одну призму — сколько за это будет заплачено, повысится ли рейтинг? Все сейчас борются за рейтинг. Влиятельные журналы, серьезные аналитики каждую

неделю замеряют рейтинги: НТВ, СТС, Первый канал... Потому что рейтинг — это деньги. К глубокому сожалению, за последние полтора десятилетия презренный металл стал долетать над творчеством и — еще раз подчеркну — это привело к вырождению журналистики. Задача СМИ, которая была определена веками тому назад: информировать общество о том, что происходит внутри самого общества, в конкретной стране, за ее пределами, сегодня тоже изменена, и я вынужден констатировать, что СМИ сейчас не информирует. Если взять телевизионные программы, то процент, который составляет информацию, ничтожен, а все остальное — пропаганда, развлечения, пиар, реклама и т. д.

Что касается свободы российских средств массовой информации, то я вспоминаю начало 1990-х годов, когда, действительно, государство испытывало серьезные перестроечные настроения. К нам приезжала делегация из Freedom Forum, которая всех учила свободе, демократии. И мы в дискуссии с ними разделились на два лагеря. Одни говорили, что в России пресса уже абсолютно свободна, а другие, скептики вроде меня, сравнивали состояние свободной журналистики с заключенным, который вышел из камеры в тюремный двор. Разумеется, это уже большая степень свободы, но еще не свобода. Сегодня несвобода другая. Есть конкретный владелец и система его интересов. «Эхо Москвы» позиционирует себя как самая свободная радиостанция в России. И действительно, такое порой говорят, что иногда еду в машине и думаю: «Или выйти, чтобы этого не слышать, или выключить». Но — хотя бы одно плохое слово о Газпроме разве услышишь? Или журналисты газеты «Коммерсантъ» — могут писать про всех, все что угодно, за исключением тех компаний или политических структур, которые защищают или представляют интересы Бориса Абрамовича Березовского.

Впрочем, для СМИ появились новые удавки помимо тех, о которых я говорил: телефонного права, внутренней цензуры и самоцензуры — чтобы не поссориться с властью, с хозяином. С чьей-то легкой руки с нами все стали судиться. Вы можете представить ситуацию, когда кто-то подает в суд на «Известия» или «Правду» в 1985 году? А сейчас какое-то критическое упоминание — и маховик расследования запущен. Любое расследование означает, что мы затрагиваем чьи-то интересы. Потому что в конечном итоге, мы кого-то обижаем, объективно или субъективно — за деньги — публикацией черного пиара. Хотя, как показывает опыт того же «Ком-

мерсанта», они получили миллион, а проиграли 11 млн долларов.

Практически на каждую критическую публикацию, касается ли она личности политика, депутата или коммерческой структуры, следует попытка вытащить тебя в суд либо получить с тебя извинения и деньги, а сейчас еще и большие деньги. Тенденция пока мало изученная, но абсолютно четко прослеживаемая практически во всех средствах массовой информации. В особенности, это касается газетчиков — из-за простоты подачи искового заявления: вырезал из газеты статью, заметку — и все, исковое заявление готово. Мы недавно судились с одним из вице-мэров Москвы, так как высказали в одной статье сомнения по поводу того, что ряд высотных зданий Москвы стоит в геопатогенных зонах и зонах геологических разломов. В результате получили иск на очень приличную сумму, смысл которого был в следующем: разве правительство Москвы не знает, какие разрешения дает на строительство? Думаю, вы прекрасно понимаете, о чем идет речь: после такой публикации нераспроданные квартиры в этих высотных домах резко подешевеют, а распроданные упадут в цене. Мы заботимся о жизни людей, предупреждаем о возможных катастрофах, а кто-то — о собственной выгоде.

Мне очень понравился образ — пресса должна быть «сторожевой собакой», цепным псом. Если мы стоим на страже интересов общества, то, конечно, одна из главных задач сегодня — защищать его от страшной коррозии — коррупции. Но я могу сказать, что по большому счету, средства массовой информации России с коррупцией не борются, так как сами коррумпированы. Из тех десятков миллиардов долларов или рублей, которые крутятся внутри коррупционных связей, очень весомая часть уходит именно на прессу или на ее владельцев, чтобы срабатывала некая система договоренности: вот об этом пишите, а об этих — ни под каким видом. Подтверждается старая поговорка о серебре и золоте: за молчание сегодня платят больше, чем за слово. Так что не ждите громких коррупционных скандалов в наших СМИ в ближайшее время; их не предвидится именно потому, что сегодняшняя экономическая ситуация внутри государства является зеркальным отражением экономической ситуации практически каждого средства массовой информации. Мы все полунищие, и большинство СМИ зависят напрямую от тех сумм дотаций, которые дает сегодня владелец.

А как же этические соображения, журналистская этика, обсуждение проблем которой

наверняка потребует отдельной дискуссии? Почему журналист, пойманный за руку после публикации, относящейся к черному пиару, положив деньги в карман, остается либо работать в этой редакции, либо спокойно уходит в другую на еще большую заработную плату? И никто ему не тычет в лицо — что ты вытворял там, почему ты теперь работаешь здесь? Думаю, что необходимость выработки этического кодекса действительно назрела.

Что касается Интернета, то он становится реальным конкурентом любого классического средства массовой информации, в том числе и в России. Еще 10 лет назад мы бы об этом не говорили, поскольку количество персональных компьютеров не позволило считать это явление массовым. Сегодня же все, что связано с Интернетом, становится настоящей проблемой не только для государства, которое имеет неконтролируемые источники информации, причем множасьщиеся в геометрической прогрессии, но и для самого общества. Потому что, если у средств массовой информации, которые имеют государственный регистрационный номер, есть внутренняя цензура, обязательства перед обществом и законом, то в Интернете все выше перечисленное не работает. Интернет сегодня не средство массовой информации, поэтому не подпадает под соответствующие законы. Года полтора назад я готовился к совещанию по проблемам наркотиков и попросил дочь поискать материал на эту тему в Интернете. Она нашла 1200 ссылок по теме, вплоть до того, где наркотики можно купить и как приготовить. Это головная боль общества, и чем менее оно развито с демократической точки зрения, чем менее приспособлено к борьбе с негативными явлениями, тем страшнее для него Интернет.

В. Л. БОГДАНОВ: — Свобода слова во многом зависит конкретно от человека, от журналиста, от хозяина, но сегодня от общества нельзя ничего утаить. Но, как правило, общественное мнение не среагирует, власть не примет решение. Потому что журналистика воспринимается даже не как четвертая власть, и не зеркало, и не сторожевая собака, а как некая игра, развлечение, отвлекающее общество от других проблем.

Расскажу любимую байку. Позвал меня Соловьев, самый симпатичный ведущий телевидения и лауреат «Золотого пера», одной из наших главных премий, на съемки своей новой программы. Начинается передача, выходит ведущий и объявляет: «К нам в студию случайно заехал господин Жиринов-

ский». Следом за ним появляется Владимир Вольфович со словами: «Да, я сюда приехал. И хочу тебе сказать всю правду. Вы все воры: и Немцов, и Хакамада и Соловьев точно такой же». Ведущий в ответ: «А мы Вас любим, потому что мы демократы». Сверху раздается голос режиссера: «Дубль не получился. Повторите». Семь часов продолжалась запись этой передачи, где депутаты Думы пели хором, о том, что они марионетки, а автор этой песни дирижировал. Все было так весело, вы можете себе представить на их месте Сенат США или Парламент какой-нибудь страны? Эти игры с обществом, которые пошли якобы от журналистики — достаточно посмотреть на Соловьева, талантливого человека, который пользуется громадным влиянием на аудиторию, в этих декорациях, и тогда вопрос о его влиянии отпадет сам собой. А так — что с нас взять? По большому счету, кроме того, что мы стали ангажированными, продажными, у нас нет новых проектов, новых программ для общества и мы не выдвигаем новых людей, словно их нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добавлю несколько тезисов к вашему разговору как ректор, содействующий развитию в своем Университете кафедры журналистики, и как руководитель учреждения, который, может быть, находится в Петербурге в самых конфликтных отношениях с прессой. Года три назад я высказал свое мнение на заседании Правительства города, которое повлекло за собой истерику в ряде СМИ. И сегодня могу повторить эти слова. На мой взгляд, из десяти людей, работающих в журналистике и получающих деньги, всего лишь один является настоящим профессиональным журналистом в моем понимании. Все остальное — откровенный сброд и люди, не имеющие никакого отношения к журналистской профессии. За этим столом собрался цвет российской журналистики, и я могу упрекнуть вас в том, что вы не смогли сохранить порядок в своей профессии. У нас в Университете около 30 кафедр и мы выпускаем специалистов по 20 специальностям, но я не могу найти квалифицированных специалистов-преподавателей. Это — отражение общей картины в журналистской среде. Ситуация серьезная. Профессиональные, этические нормы уничтожены. Если бы я потратил жизнь на выяснение отношений с журналистами, то выиграл бы 150 или 200 судебных процессов. Приведу пример, который тем более интересен, что речь идет об Интернете. На днях мы отчисляли

студентку за использование ненормативной лексики в Интернете, так как она нарушила Устав Университета. На сайте Фонтанка.ру тут же появляется заметка журналиста «Отчислена за свое мнение» — якобы девушка отчислена за критику в адрес Университета. У меня 3000 студентов критикуют Университет, ежегодно ставят оценки преподавателям: почитайте, что они пишут о преподавателях — без мата, естественно. Университет постоянно имеет дело с объективно-реальной, нормальной критикой и необъективной тоже. Журналист же переводит в другую плоскость: ссылается на 800 откликов в Интернете. Однако 500 из них принадлежат сумасшедшим, тем, кто упражнялся в правописании в общественных туалетах. Вот так создается общественное мнение — субъективное, далекое от реальности и, наверно, интересов того же общества.

Таким образом, между фактом и Интернет-массивом информации оказывается журналист, который действует непрофессионально либо специально смещает акценты. Когда я анализирую то, что происходит вообще с журналистикой или, скажем, вынужден, анализировать конфликты между Университетом и журналистикой, я прихожу к выводу, что это на самом деле вызовы времени. Я считаю, что журналистика участвует в очень важном процессе, который условно можно назвать столкновением культуры и цивилизаций. В России сейчас оказалась разрушенной вовсе не коммунистическая система ценностей, а христианская, выработанная в результате многих веков развития нашей цивилизации. В результате мы вернулись к языческой системе ценностей — свободе и материальному достатку. Однако по-настоящему свободный человек сам себе устанавливает пределы своей свободы — не навреди другому, не оскорби, не солги и т. д. Свобода в языческом понимании может сопровождаться огромным ущербом для окружающих людей. И журналистика оказывается на стороне языческой системы ценности, то есть на стороне индивидуализма и культ материальных благ.

Я не обижаюсь, когда меня критикуют в Интернете, но и здесь отмечу характерные симптомы. Кто такой Запесоцкий? А, он спас двух человек, получил «Медаль за спасение утопающих», согласно справочнику «Кто есть кто». Во времена моей пионерской юности спасение человека было подвигом, а сейчас это вызывает стандартную реакцию: «Приколно!». До такой степени изменилась система ценностей!

В нашем Университете выступал Павел Шеремет — один из тех, кто ушел из престижной рейтинговой программы в менее престижную по принципиальным соображениям. Есть такие люди в российской журналистике, но они — в меньшинстве и не формируют корпоративные ценности. В Петербурге примерно 300 ресторанов, и все они работают лучше, чем в советское время, но очень трудно назвать 300 СМИ, которые работали бы лучше, чем те годы, хотя, например, только зарегистрированных газет — 1500. Разумеется, кризис в журналистике — это отражение большого кризиса, происходящего в обществе. Но противостоять ему можно, начав хотя бы с «чистки рядов».

В. Л. БОГДАНОВ: — В России за последние годы убито 240 журналистов, настоящих профессионалов. Ни одно из этих убийств до конца не расследовано, убийцы Листьева, Холодова и других не найдены. Международный обозреватель Первого канала снял с дистанции в борьбе за президентский титул Примакова и Лужкова и был осужден Большим жюри Союза журналистов за грубое нарушение норм профессиональной этики. Но, в конечном счете, он получил полтора миллиона долларов вознаграждения за маленькую работу, а еще репутацию человека, который ничего не боится, через все переступит, и это в нынешнем обществе востребовано.

Сегодня, может быть, как никогда, самое главное — донести нравственные заповеди до тех, кто только вступает в профессию. Настоящая журналистика сегодня в России, если не подвиг, то поступок. В следующем году мы планируем проведение Международной встречи молодых журналистов, посвященной вопросам профессиональной этики.

Б. Д. ПАРЫГИН: — Профессиональная деятельность журналиста становится все более ответственной — и опасной. На мой взгляд, это объясняется изменением ситуации в общественном сознании и в обществе. До периода так называемой перестройки средства массовой информации по преимуществу несли в себе функцию комментария в рамках жесткой идеологии, выходить за которые было не принято. Но это обстоятельство облегчало переживания и возможности выбора. Потом, в период перестройки появилась потребность обновления, смены ценностей и ориентаций. Отмечу любопытное явление: средства массовой информации, журналистика нашли

общий язык с одной молодой наукой, которая в тот период стала развиваться, будучи в прошлом запрещенной, — речь идет о социологии, социальной психологии.

У СМИ появилась новая миссия — не просто комментарий идеологических доктрин и постулатов, а попытка прорыва в новое видение социальных явлений вместе с наукой. Сегодняшняя ситуация радикально отличается от всех предшествующих. Социология не смогла найти объяснения общественным процессам: за 20 лет, прошедших с момента перестройки, не вышло ни одного фундаментального труда, который бы объяснил механику глубочайшего кризиса, в котором общество находится сегодня. Если сравнить с предшествующим периодом в нашей истории, то после октября 1917 года Бехтереву было достаточно трех лет, чтобы выпустить фундаментальный труд «Коллективная рефлексология», в котором он попытался объяснить революционный процесс, и в основе его концепции была идея смены массового общественного настроения, стимулируемая рядом фактов и обстоятельств.

Таким образом средства массовой информации оказались в монопольном положении по отношению к потребности массового осознания, что же происходит в нашем обществе — уже не комментаторами, как в прошлом, и уже не наставниками и стимуляторами социологии. В результате журналисты получили свободу, возможность объяснять с позиций виртуализации не только информационного пространства, но и реальной жизни, где игра сама по себе становится целью, захватывает, завораживает, и результат уже мало кого волнует. Раскрепощенность перерастает в полную безответственность на всех уровнях властных структур и средств массовой информации.

Тем не менее, у СМИ остается очень серьезная функция — функция аккумуляции настроения в обществе, если говорить социологическим языком. И здесь отмечается очень большой диапазон расстановки позиций — от апологетики реальности, как в телевидении, до обличения, крайне острых оценок. В психологии это называется когнитивный диссонанс, когда читатель, зритель поставлен перед альтернативными позициями, внушаемыми ему СМИ, и не знает, что принимать за истину. Тем более, что в обществе растет недовольство тем, что посредством, в частности телевидения людей навязчиво стараются приобщить к некоей виртуальной реальности, которой подменяют жизнь. Происходит аккумуляция этого настроения, накопление

«психологической взрывчатки», причем с нарастающим эффектом.

Все выше сказанное свидетельствует только об одном — степень ответственности СМИ возросла колоссально; тем более, что наступает время, опасное не только тем, что можно прогнозировать неуправляемые последствия, но и тем, что нельзя прогнозировать перспективу, к которой должно быть готово общество. Если в период так называемой оттепели и шестидесятников перестройка проецировалась и была ожидаема, к ней все было готово, то сейчас готовности к лучшим грядущим переменам нет.

В. Л. БОГДАНОВ: — С позиций своей профессии я могу сказать, что журналистика тоже может прогнозировать. Владимир Короленко, Глеб Успенский — любой их очерк представлял собой социологическое исследование, да и психологии там хватало. К сожалению, сегодня это все ушло, такая богатая почва никому не нужна, остались песок и галька, образно говоря.

Мы с Ясеном Засурским вывели 10 принципов творцов печати: критика, самокритика, действенность, правдивость и т. д. Но вдруг к ужасу своему обнаружили, что остался только один — партийность, который сегодня работает, причем в жестком режиме. А когда останется только этот принцип, остальное не имеет значения. Впрочем, я оптимист и уверен, что выздоровление общества начнется с разговора нации в СМИ, — у нас нет другого выхода.

Ю. М. ЛЕПСКИЙ: — В силу профессиональной ограниченности я хотел бы вернуть нашу дискуссию в русло профессионализма. Мы оказались на достаточно основательном пепелище. Почему оно возникло? Мне не хотелось бы идеализировать то, от чего мы ушли, — человеческая память устроена особым образом, и мы часто забываем то, чем искренне возмущались лет 20–25 назад. Мы ушли от Главлита, от жесткого партийного контроля над средствами массовой информации, от унитарного понимания роли журналистики, которое сводилось к художественной документалистике, к беллетризации действительности, — как однажды выразился Валерий Абрамович Аграновский. Разумеется, среди той плеяды журналистов были великие мастера, и мы учились на их опыте. Однако не будем забывать, что неинформационность общества, от которого мы ушли, приводила к массовым смертям — давайте вспомним Чернобыль.

Я убежден, что трагедии «Курска» не было, если бы до этого мы сообщили о десятках подобных случаях на наших атомных и других субмаринах. Таких примеров можно приводить сколько угодно.

Хотелось бы провести некий водораздел между понятиями ангажированности и коррумпированности. Коррупция — очень индивидуальная вещь. Может быть коррумпирован главный редактор, журналист, обозреватель, но как может быть коррумпировано СМИ, я плохо представляю. Что касается ангажированности, то я как-то беседовал с Росселем, губернатором Свердловской области, и он мне сказал: «Я предпочитаю твою газету не потому, что она самая лучшая, а потому, что я знаю, кому она принадлежит, чью точку зрения она выражает». Как мне представляется, здесь имеет место вполне разумная позиция, потому что чем прозрачнее связи СМИ с издателем, хозяином, «неким лицом» или «группой лиц», тем лучше. На сегодняшнем этапе состояние информационности общества хотелось бы видеть как некую сумму ангажированных СМИ, принадлежность которых известна. И тогда читатель или зритель будет иметь резонное право составить более или менее реальную картину происходящего из этой мозаики ангажированных мнений.

Сейчас появился тип журналиста, о котором мы не имели представления лет 15–20 назад. Это журналист, абсолютно ничего не представляющий собой профессионально, но находящийся при источнике информации — при какой-нибудь персоне, либо группе лиц, либо при определенном департаменте. Допустим, он занимается освещением проблем налоговой инспекции, что называется «пришит» к этому источнику, и благодаря ему осуществляет некую информационную подпитку своей газетой. Поручите этому человеку завтра заняться, например, Конституционным судом, и вы обнаружите его полную несостоятельность с точки зрения профессионализма. Такой «журналист» исполнен самодовольства, собственной значимости, его очень трудно убедить в некомпетентности, но он нужен сегодняшним средствам массовой информации, потому что иного пути получения информации у нас нет. Я не припомню случая, чтобы в соответствии с существующим законодательством о СМИ государственный чиновник высокого уровня был бы привлечен к административной ответственности за неадекватную информацию журналисту. И мне кажется, что в этом виновато журналистское сообщество. Более того, в последнее время появилась колоссальная инфраструктура при государствен-

ных чиновниках, состоящая из пресс-секретарей, из департаментов по информационной политике, смысл и назначение которой состоит только в том, чтобы оградить общество от реальной информации. Кстати, если говорить о коррупции, то чиновник, который предоставляет информацию, как правило, куплен. До тех пор, пока мы будем терпеть существующее положение вещей, будет процветать коррупция в сфере информации.

Английское слово «газета» представляет собой сложное слово — newspaper, «новость и бумага». Особенность российских СМИ состоит в том, что за пределы Садового кольца очень часто приходит не новость, а бумага. Наши внутренние исследования показывают, что не только «Российская газета», но и множество других газет, которые считают себя общенациональными средствами массовой информации, поступают к своему читателю на четвертый, подчас на пятый день. Ситуация, в которой не просто стыдно признаться, а в которую трудно поверить, когда ты разговариваешь с зарубежными коллегами, например, с американцами или с французами. К сожалению, монополия почты на прессу мало кого волнует, в том числе и журналистское сообщество.

Б. Г. ЯКОВЛЕВ: — Не впадая в ученое занудство, хочу заметить, что формулировка темы нашего круглого стола нуждается в некоторой корректировке. Массового сознания, как такового, нет. Массовое сознание, массы, толпа — это понятия вчерашнего дня. Поэтому лучше было бы говорить об общественном сознании. И тему собственного выступления я бы сформулировал так: «От какой журналистики мы отказываемся и к какой идем».

Во-первых, мы отказались от идеологических догм, потому что они вроде бы мешали творческому потенциалу журналистики. Но мы мало сделали для того, чтобы на место идеологических догм пришли какие-то новые удобопроизносимые понятные народу идеалы. Во-вторых, мы отказались от психологического синдрома вроде «Чего изволите?» и так далее, но на смену ему пришел анархизм, вседозволенность. В-третьих, мы отказались от букинистических увлечений, и скептицизм «голового», бессмысленного отрицания достиг невероятных размеров. Кто только сейчас не издевается над всем и вся! Критик Всеволод Леонидович Михайловский таких людей назвал «гамлетизированными поросятами», и в журналистике их более чем достаточно. Кстати, свою роль сыграло и то, что

сегодня говорили о «четвертой» власти. Этот жупел молодых необстрелянных журналистов сразу ставит в условия, которые когда-то Герасимов пытался показать в фильме «Журналист». А старое поколение, которое традиционно было связано с отечественной словесностью, публицистикой, молодым неизвестно, и в этой связи мне хотелось бы процитировать Давида Самойлова:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло, и темно.
Как нас ублажают, как нас балуют!
Нету их. И все разрешено.

Самая главная кризисная точка в журналистике — это потеря читательской аудитории, что во многом произошло из-за потери творческого лица журналиста. И сейчас все силы должны быть направлены на то, чтобы восстановить механизм обратной связи на иной качественной основе, с новыми подходами. Немного статистики: М. В. Сеславинский, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, человек информированный, приводит следующие факты. Сейчас читают газеты 3,2 млн. человек, а количество печатных средств массовой информации перевалило за 50 тысяч. Я взял калькулятор, поделил эту аудиторию на количество журналов и газет, и получилось в среднем на каждое издание приходится 67 подписчиков или 67 читателей. Вы представляете, до чего мы дошли и куда мы можем идти дальше? И все же я поддерживаю позицию Всеволода Леонидовича — во всех случаях мы должны быть оптимистами благодаря порядочности, честности, неозлобленности и, самое главное, любви к своему делу. Журналистика — это призвание, и она же — кислород для нас.

А. И. ЕВСЕЕВ: — У нас на рынке СМИ активно играет власть, и, безусловно, власть может и должна иметь информационные каналы, если они идентифицируются с конкретным органом власти, с определенным объемом бюджетных средств, выделяемых на содержание этих каналов. Но когда власть влияет на тот или иной канал, или газету через посредство финансово-промышленных групп, то финансово-промышленные группы вступают в СМИ, как в сферу деятельности. Учитывая социальную значимость этой сферы, им

важно получить СМИ в качестве канала влияния на общественное сознание. Они находятся в рыночных условиях, как другие игроки СМИ, но у них нет рыночных целей, так как убытки того или иного СМИ несложно покрыть другими доходами.

Я хотел бы возразить всем тем, кто высказался так уверенно, что сегодня для Президента СМИ не опасны. Сейчас абсолютно отсутствует рейтинг у Правительства, но при этом у Президента, который возглавляет исполнительную власть, он очень высокий. Ситуация, когда у людей сформировано отрицательное отношение к сегодняшнему собственному экономическому, социальному положению, когда они винят в социальном неблагополучии институты власти и Правительство, но не Президента, не может продолжаться долго. Нормальная, «здоровая» власть, которая хочет устойчивого перспективного развития общества, не должна смотреть на СМИ, как на опасный фактор, а, наоборот, — стремиться использовать СМИ как инструмент индикации общественных настроений, просвещения и т. д. (Я не говорю о манипуляции, этого не должно быть, как не должны сами СМИ этого позволять.) К сожалению, сейчас этого не происходит, только обозначается на президентском уровне в связи с созданием Общественной палаты как следствия общественных протестных настроений. Социологи говорят даже о некотором «заторе» элит, потому что все устали от одних и тех же лиц в политике, от одних и тех же политтехнологов. Но чем закончится проблема затора «элит»? Действительно ли демократичным путем будет осуществлено обновление этих институтов, и в том числе с помощью средств массовой информации, или нас ждет взрыв?

Возвращаясь к профессиональным вопросам, я бы выделил наиболее важные: прозрачность влияния СМИ и корреляция взаимоотношений учредителя, редактора, журналиста. Не следует забывать о том, что профессиональная среда тоже не изолирована и в конце концов вырастает из общей бизнес-среды. СМИ как таковые, возможно, и не находятся в состоянии коррупции, но у журналиста, получающего заработную плату в конверте, а не по ведомости, нет моральных оснований бороться против нелегальных выплат зарплаты в других бизнес-структурах. Он — заложник той среды, которая существует в обществе. И поэтому рассчитывать на геройские поступки отдельных работников СМИ не стоит, а нужно оздоравливать всю среду.

И еще один момент, который я хотел бы подчеркнуть, — о соотношении субъективно-

личностных оценок и аргументации, попыток глубокого обобщения. Мне, как читателю, больше всего не хватает именно объективных обобщенных оценок. Я устал от субъективно-личностной аргументации, потому что если личность интересная, тогда мне интересны ее оценки, но, как правило, я наблюдаю ряд ординарных, невыразительных людей, которым предоставили эфир, газетные полосы. Сегодня у наших СМИ, в том числе отраслевых, профессиональных отсутствует именно обобщенная составляющая, чтобы с ее помощью формировать внятную линию поведения в конкретном регионе или в целом в стране.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Уважаемые коллеги, так получилось, что приходится выступать в конце нашей встречи, но это вовсе не значит, что я претендую на подведение итогов. Все было очень профессионально, интересно и ни в каких обобщениях не нуждается.

Позвольте высказать несколько тезисов, которые в силу отсутствия времени будут не вполне связанными друг с другом.

Здесь прозвучало (и часто повторяется в прессе, так что стало уже общим местом) следующее утверждение: журналистика — часть общества, и каково общество, такова и журналистика. Мне представляется это утверждение верным лишь отчасти. Дело в том, что общество действительно порождает журналистику (как и все остальное), но и журналистика формирует общество, причем очень интенсивно. Я не готов судить о других странах, но в России это именно так, потому что российская культура, российская ментальность, если можно так выразиться, словоцентричны. У нас все построено на слове. Во всем мире политического деятеля судят по его делам, у нас — по обещаниям.

Где еще в мире писатель так влиял на сознание и судьбы целых поколений, как у нас — Достоевский, Толстой, Есенин, Шолохов и многие другие. Самуил Яковлевич Маршак вспоминал, что на одной из встреч с читателями какой-то мальчик его спросил: «Дядя Маршак, Вы где в Москве живете, в Кремле?» В сознании нашего населения писатель всегда обитает в горних высях, его именем называют города, площади, теплоходы. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос об ответственности журналистики. Она же, полагаю, этой ответственности не осознает. Что собой представляют наши новости: демонстрация трупов, изувеченных в результате очередного природного или рукотворного

катаклизма. Так, сегодня утром все телеканалы показали кадры аварии на набережной Невы, где вчера опрокинулся грузовик, перевозивший курсантов, при этом комментаторы называли разное число погибших. В итоге у населения формируется то, что называется катастрофическим сознанием, и люди привыкают к крови. Телевидение показывает на одном канале «Окна», на другом — «Дом-2», где сексуально озабоченные юноши и девушки подробно обсуждают, кто с кем ляжет, кто не ляжет и т. д. Люди привыкают к мерзости. СМИ обладают свойством нормативности, и мерзость становится нормой.

Я как-то задумался, почему у передачи «Дорожный патруль» необычайно высокий рейтинг в регионах. Скорее всего, потому, что провинция любит, когда у москвичей возникают проблемы. А в этой передаче только и показывают аварии, пожары, взрывы. Но такое повышенное внимание, скорее, исключение, а в целом народ уже устал от бесконечной «чернухи».

В последнее время много говорится о цензуре. Мне кажется, что она не решит вопрос. Гоголь писал, что нельзя человека ограничить другим человеком, потому что того тоже нужно ограничить человеком и т. д. Речь о том, что цензура — внешний ограничитель, за которым стоят цензоры и другие приставленные для контроля люди. Человека может ограничить только он сам с помощью того, что у него есть внутри: бога, совести, чести, порядочности. Для профессионала цензура, закон, установки владельца СМИ — лишь определенные условия работы, в рамках которых он всегда находит возможность честно и ответственно делать свое дело. Тому пример — творчество лучших журналистов — от А. Аграновского до Ю. Щекочихина.

К сожалению, уровень журналистики очень и очень упал, это видно даже по несоблюдению правил русского языка, языковых норм, неточному и нелогичному цитированию. Журналист пишет, что П. Корин собирался написать огромное полотно под названием «Русь уходящая» с изображением крестного хода, по поводу которого Ленин сказал: «Последний раз уходят». Но художник готовился к этой работе перед войной, а Ленин умер 15-ю годами раньше и знать об этом замысле, естественно, не мог. Одна моя коллега сказала по этому поводу: «Но Ленин же всегда живой...» Другой журналист сообщает: «Правильно писал о бюрократах поэт — они живут, под собою не чуя страны». Манделштам не писал эти строки о бюрократах, он вообще о них не писал, но откуда это знать

журналисту? В эфире из уст дикторов льется бог знает что, а население принимает их опусы за языковую норму.

Я уже не говорю о так называемой проектной культуре, о которой журналисты вряд ли слышали. Речь идет о саморефлексии журналиста по поводу создаваемого произведения. Мало кто, по моему мнению, отдает себе отчет, зачем пишется статья, каковы планируемые и реальные результаты публикации. В итоге появляются тексты, разжигающие национальную и расовую вражду, оскорбляющие людей, просто безнравственные по содержанию, а авторы потом вполне искренне заявляют, что ничего подобного не имели в виду.

Или возьмем телепрограммы против наркотиков. В студии собирают молодежь, и популярный рок-музыкант доверительным тоном рассказывает им, как он увлекся наркотиками, потом понял, что это опасно, и бросил. И каков реальный эффект? Молодые люди

видят своего кумира, который увлекся наркотиками. Значит, и им можно следовать его примеру. Более того, раз он бросил их употреблять, они тоже в любой момент смогут это сделать. Получается, что программа выполняет функцию, прямо противоположную заявленной, — агитирует за наркотики.

Таким образом, журналистика влияет на общество в не меньшей степени, чем оно на журналистику. Есть такие строчки:

Бывает карьера:
отдых, Ривьера,
другие места.
А бывает карьера —
Голгофа и вера.
И образ Христа.

К сожалению, я не помню имени автора и не знаю, к кому они обращены, но мне кажется, что если каждый журналист примерит к себе эту максиму, то журналистика в России будет совсем другой.

В. С. ВАХРУШЕВ,

*профессор Балашовского филиала Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского,
академик Независимой академии эстетики и свободных искусств,
член Союза российских писателей*

СОВРЕМЕННАЯ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЖАНРОВ

Тяга к публицистике зародилась в недрах средиземноморской цивилизации еще в античности, а полномасштабно стала реализовываться с XVIII века благодаря печатному станку. С тех пор у образованных людей формируется и закрепляется потребность регулярно получать новую информацию, подготовленную специалистами информационной сферы — журналистами, газетчиками, издателями. В мире отчуждения этот все более интенсифицирующийся процесс носит амбивалентный характер, имеет свои положительные и отрицательные стороны. Информация нам необходима, без нее мы не можем ориентироваться во все более усложняющемся и убыстряющем свое развитие мире. Однако она создает искусственную преграду между нами и реальностью, отрывает от «первозданности» и так или иначе эту реальность искажает, зачастую навязывая нам далеко не лучшие понятия, идеалы, вкусы.

Выделим из необозримого количества социально ориентированных информационных потоков только журнально-газетную систему жанров на современном ее этапе. За последние 10–15 лет журналисты наиболее известных и наиболее массовых русских изданий научились, опираясь на опыт мировой журналистики, искусно комбинировать жанры, казалось бы, несовместимые, зато отвечающие интересам и вкусам самых различных групп населения. Лучший образец подобного манипулирования жанрами — газета «Комсомольская правда», тираж которой достигает фантастической цифры 30 млн экземпляров. Да и само это издание во многом «фантастично», начиная с заголовка. Его «комсомольский» бренд — откровенная фальсификация, которая, однако, нравится тем читателям, кто сохранил симпатии к советской власти. Титульная страница газеты выдержана в жанре клипа — это самореклама газеты, в которой намешано многое: изображения орденов Ленина, Октябрьской революции и других наград, полученных изданием в прежние времена, плюс броское фото с героями либо мод-

ной «попсовой» тусовки, либо каких-то скандальных происшествий, с добавлением глупо-зазывных «слоганов» на потребу обывателя. Эта жанровая мешанина (в Древнем Риме она называлась «сатура») царит и на всех тридцати с лишним страницах газеты: идет чересполосица развлекательно-фарсовых и серьезных материалов, причем первым отдается предпочтение. Не обходится, конечно, без игры с простодушными читателями, которым предлагаются разнообразные небольшие выигрыши за разгадку шарад, ребусов или за сочинение удачных куплетов. Легкая критика власти удачно соединяется с умеренной лестью и похвалами миру крупного бизнеса. Прекрасные статьи Н. Варсегова и В. Пескова, настоящих патриотов России, мирно уживаются с репортажами «дрянной девчонки» изрядного возраста Дарьи Асламовой.

Эта принципиальная беспринципность, установка на «чего изволите?» отличает, конечно, не одну «Комсомолку». Она характерна и для сотен других наших газетно-журнальных изданий. Суперпопулярность «комсомольского» издания объясняется как раз тем, что оно заняло срединную нишу между газетами откровенно бульварными типа «Спид-Инфо» и более серьезными, такими как «Аргументы и факты», «Известия», «Труд», «Коммерсантъ». Особую нишу занимают издания вроде «Литературной газеты» и печатные органы различных партий. Кстати, отметим, что даже «Правда» до 1917 года не чуралась рекламы! Комический эффект производили в ней ленинские лозунги рядом с обещанием лечить сифилис «быстро и на ходу» (см. номер от 5 мая 1912 г.).

Примерно та же ситуация наблюдается и в журнальном мире. По тиражам и количеству названий преобладают издания, ориентированные как на «новых богатых», так и на широкую мещанскую, обывательскую аудиторию. Каждый номер любого подобного журнала напоминает рекламный телесериал на сто-двести страниц, в котором все должно

захватывать дух читателя-зрителя: мелованная бумага, от которой рябит в глазах, чередование четких шрифтов, цветные разноформатные иллюстрации, броский дизайн, тексты, в которых умело дозируются сенсационность и поверхностная информативность. Несравнимо меньшими тиражами выходят журна-

лы научные, научно-популярные, художественно-публицистические: «Наука», «Химия и жизнь», «Знание-сила», «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Наш современник» и другие. Борьба за выживание, несомненно, накладывает отпечаток на жанровый состав подобных изданий.

В. И. ГРАЧЕВ,

*доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
кандидат педагогических наук*

ЦЕННОСТНЫЙ ХАРАКТЕР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современное общество переживает новую фазу своего развития, превращаясь из индустриального в информационное. Этот процесс получил название «информационной революции», так как имеет революционный, а не эволюционный характер развития и глобальные последствия.

Информация сегодня становится одновременно и предметом, и средством, и орудием, и результатом труда. В этом заключается уникальная особенность современного общества.

Информационное общество, в нашем понимании, — это общество, в котором в ходе его информатизации и компьютеризации, то есть стремительного роста производства и распространения всех видов информации и коммуникаций, каждому субъекту и социальному сообществу может быть обеспечен доступ к необходимой информации для выполнения социально значимых функций и осуществления жизнедеятельности.

Информационные и коммуникационные процессы в таком обществе пронизывают все его структуры, а производственные отношения становятся, по сути, не столько экономическими, сколько информационно-коммуникационными. Соответственно, меняется и социально-культурная сфера, под которой принято понимать совокупность различных институтов общества, призванных производить, хранить, оценивать, осваивать и транслировать продукты и услуги культурной деятельности, то есть культурные ценности.

Важнейшим понятием, наряду с социально-культурной сферой, необходимым для осмысления информационных и коммуникационных процессов, происходящих в ней, является понятие социально-коммуникативной деятельности. Это деятельность по освоению

и передаче культурных ценностей в хромотопной (пространственно-временной) системе координат. Следовательно, социально-коммуникативная деятельность может быть определена так же, как креативная, когнитивная и трансляционная сторона прямого и опосредованного взаимодействия людей с культурными ценностями и между собой в информационном пространстве современной гуманитарной культуры.

Современные научные представления о гуманитарной культуре как особой сфере духовного производства, создающего и сохраняющего в «текстах культуры» смыслы, ценности и идеалы человеческой жизни, позволяют полагать, что именно социокультурная коммуникация является основой сохранения и трансляции культурных ценностей в информационном пространстве современной гуманитарной культуры.

Информационное пространство гуманитарной культуры можно определить как пространство взаимодействия людей по обмену культурными ценностями с помощью современных носителей информации и компьютерных сетевых технологий.

Под информационной культурой нами понимается совокупность средств и результатов информационной деятельности, в процессе функционирования которой достигается определенный уровень освоения и использования информации, необходимой для выполнения профессиональных функций и формирования личности.

Информационная культура, выражая диалектическую связь духовной и материальной культуры, может рассматриваться в трех формах ее проявления и существования: 1) личностной (знания, способности, умения, тезаурус личности); 2) деятельностной (творческая и

информационная активность личности по использованию информационных ресурсов); 3) предметной (продукт или результат информационной деятельности, информационные ресурсы). Эти формы неразрывно связаны между собой, и поэтому их реальное существование может быть сведено к двум интегративным: личностно-деятельностной, поскольку деятельность всегда связана с индивидуумом или личностью человека, и предметно-продуктивной, так как продуктом деятельности всегда является предметная форма идеальных и материальных сущностей.

Теория социальной коммуникации является одной из ключевых для осмысления всей человеческой культуры, ибо только в тесном взаимодействии (коммуникации) людей возможно создание культурных ценностей, но как ни странно, именно эта сторона человеческого бытия изучена, пожалуй, менее всего. Зарубежная научная рефлексия оформлена в стройное учение о коммуникации в его естественно-научном, социальном, философском и культурологическом аспектах. Однако в отечественной науке до сих пор не сложилось институционально определенного «коммуникативного знания», имеющего самостоятельный научный статус, и оно рассеяно во множестве отдельных статей и других публикаций по самым далеким друг от друга отраслям. В результате изучать коммуникационные процессы и явления, социально-коммуникативную деятельность весьма затруднительно.

Отличительные особенности социокультурной коммуникации заключаются в самом ее объекте, взаимодействии с которым является осмысленным сообщением, а совершается это взаимодействие в социальной среде, то есть в социальном времени и пространстве. Именно осмысленность сообщения, то есть его ценность, важна для социокультурной коммуникации, поскольку смысл есть имманентная ценность.

Коммуникационная культура понимается нами как культура взаимодействия индивидов и социальных групп по обмену смыслами в социально-культурном пространстве. Для теории социальной коммуникации главным представляются многообразные культурологические смыслы. Причем — и это важно — для современной культурологии смыслы интерпретируются как духовные ценности культуры. Это позволяет рассматривать социально-коммуникативную деятельность как деятельность по созданию, освоению и трансляции культурных ценностей в информационном пространстве современной гуманитарной культуры.

Такой подход согласуется с существующими научными позициями в культурологии.

Исходя из представления о социальной коммуникации как «движении смыслов в социальном времени и пространстве» (А. В. Соколов), вероятно, можно говорить о социальном взаимодействии или социальной коммуникации как о ценностном процессе. Из этого следует: ценности в виде разных смыслов сохраняются и транслируются в обществе на протяжении всей истории его развития и существования. Примерно об этом же пишет в своей известной работе «В поисках иных смыслов» В. В. Налимов, подчеркивая, что смыслы, изначально заложенные в мироздании, раскрываются (или, иначе, распадаются) множеством различных путей (с известной мерой допущения можно сказать — каналов социокультурных коммуникаций): через науку, философию, искусство, теологию и мистический опыт и, наконец, просто через жизненный путь человека. Если согласиться с пониманием коммуникационного канала как реальной или воображаемой линии, по которой сообщения движутся от коммуниканта к реципиенту, то любой путь, в том числе и путь поиска смыслов — это канал коммуникации, обладающий ценностными характеристиками.

Американский эпистемолог Дж. Шира считает, что вначале было не слово, а жесты (кинесика). Точное замечание о значении и первичности невербальной коммуникации ученый дополняет мыслью о том, что способность к коммуникации с помощью языка — это, может быть, то самое, что отделяет человека от животных: человек не был человеком, пока не заговорил, то есть пока не освоил вербальную коммуникацию, и тем самым вышел из мира животных.

Вербальный коммуникационный канал — это прерогатива только человека разумного, способного к контактам с себе подобными с помощью речи. Вербальные коммуникационные каналы более всего связаны с ценностными характеристиками. Специалистами, занимающимися коммуникативными проблемами, признается значимость соотнесения речевого обмена с социокультурным контекстом коммуникативной ситуации. В то же время, важно выяснить соотношение между понятиями «язык» и «речь».

Американский лингвист Дж. Хаймс утверждает приоритет речи над языком. Структура речи, или вербальной коммуникации, рассматривается им как зависящая от ситуации социокультурного взаимодействия. В соответствии с концепцией, предлагающей рассматривать структуру коммуникаций в системе

социокультурного взаимодействия, одним из авторов которой является Дж. Хаймс (наряду с такими выдающимися лингвистами как Р. Якобсон, Э. Сепир, Р. Фере), главным при анализе вербальной коммуникации становится не структура языка, а речевая субкультура, определяющая социокультурный контекст. Как отмечает Э. Л. Орлова, социокультурный контекст определяется нормами, ценностями,

представлениями, типами контактов и совместных действий определенной социокультурной группы. Тем самым речь обусловлена контекстом социокультурной среды, а сам этот контекст в свою очередь, определяется ценностями. Это еще раз подчеркивает ценностный характер социокультурной коммуникации в информационном пространстве современной гуманитарной культуры.

С. Н. МЯГКОВА,

профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), доктор педагогических наук

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ РОССИИ В ОБЛАСТИ ФИЗКУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Анализ исторического материала позволяет говорить о том, что пишущая пресса сопровождает физическую культуру и спорт с момента их зарождения и организационного оформления, причем количество печатных изданий неуклонно возрастает (особенно с каждым Олимпийским циклом). Если в начале спортивные мероприятия освещались только в разделе светских событий и новостей, то сейчас им посвящаются целые специализированные издания.

Что касается радио, то первый радиоотчет о результатах соревнований был передан «Маркони Телеграф Компании» в 1908 году. А с 1924 года Игры Олимпиад стали постоянно освещаться с помощью средств радиовещания.

Исследования последних лет (К. Dollar, М. De Moragas, N. Rivendurgh, М. Рауне и др.) показали, что основным источником информации о физической культуре, спорте и событиях олимпийского движения является телевидение. Впрочем, это не только СМИ, но и мощнейшая PR-технология. Еще в начале века (так называемый период кинохроник) предпринимались попытки популяризации спорта с помощью кинематографа.

Последним новейшим средством массовой коммуникации стала сеть Интернет — широчайшая информационная среда, состоящая из разного рода сведений (группы новостей, форумы, чаты, специализированные сайты, крупные порталы, каталоги ресурсов, электронные библиотеки и т. д.).

Техническая и информационная революции, которые произошли в мировом СМИ, принесли новые принципы разделения труда,

новые подходы к подготовке кадров. Критерий эффективной работы мирового СМИ — умение достичь результата минимальными средствами в минимальные сроки.

Эффективная работа средств массовой информации имеет ряд важных особенностей и позволяет:

- создавать продуктивные информативные коммуникации;
- полномасштабно и своевременно информировать общественность;
- оперативно реагировать на меняющуюся экономическую и политическую конъюнктуру.

К сожалению, увеличение объема информации, требующей интеллектуальной обработки, приводит к постепенному понижению интеллектуального уровня информационного продукта. Это, а также доминирование в информационной спортивной сфере нескольких ведущих видов спорта (футбол, хоккей) в ущерб другим, негативно влияет на решение основных социальных задач в области физической культуры — создание позитивного имиджа спорта, повышение статуса культуры тела, культуры здоровья, утверждение ценности здорового образа жизни.

Таким образом, при исследовании состояния информационного поля в области физической культуры, спорта и здорового образа жизни необходимо провести анализ деятельности средств массовой информации.

Печатные СМИ были и остаются одним из основных источников информации по различным направлениям в сфере физической культуры, спорта и здорового образа жизни. Однако на современном этапе развития системы средств массовой информации России

отраслевая и специализированная спортивная пресса не обладает всеми возможностями для выполнения возложенных на нее государством задач по формированию в массовом сознании понимания жизненной необходимости физкультурно-спортивных занятий. Анализ содержания ряда общероссийских газет за 1998–2004 годы показывает:

— 80 % спортивных публикаций — сообщения информационных агентств, лишь 10–15 % материалов являются авторскими;

— 90 % информации — о спорте высших достижений, массовой физической культуре, детскому, юношескому спорту отводится лишь 2 %;

— 60 % сообщаемой информации касается международных спортивных событий, только 30 % — российских, менее 1 % — событий в регионах Российской Федерации.

Отраслевая спортивная печать состоит из газет и журналов общей направленности и специализированных. Наблюдается обратная динамика при анализе количества зарегистрированных печатных СМИ. Так, если в 2000 году было зарегистрировано 84 газеты и журнала спортивно-оздоровительной направленности, то в 2002 — всего 38. Основную массу изданий составляет печатная продукция, в которой преобладает тематика популярных видов спорта в ущерб менее известным, что препятствует адекватному осуществлению СМИ функции коммуникатора в пропаганде идей здорового образа жизни.

Социальный статус физической культуры и спорта, использование наработанных методик и технологий для формирования здорового образа жизни населения зависят от массового сознания. Поэтому очень важно использовать весь арсенал средств для создания действенной системы пропаганды в этой сфере. В списке современных коммуникационных технологий, позволяющих производить успешные манипуляции с общественным сознанием, электронные средства массовой информации занимают первое место. Телерадиовещание остается главным источником получения информации для большинства жителей Российской Федерации. Как на телевидении, так и на радио выделяются два основных компонента: спортивные телеканалы и спортивные радиостанции и спортивные программы на универсальных телеканалах и радиостанциях общей направленности. Рейтинги каналов и программ зачастую зависят от качества и оперативности получаемой спортивной информации, особенно в период проведения крупных спортивных состязаний, таких как чемпионаты мира, Европы, Олимпийские игры и пр.

Всего с 1998 по 2004 год прошли официальную регистрацию 882 электронных СМИ, имеющих в своей сетке вещания спортивную тематику. Начиная с 2000 года наблюдается тенденция резкого увеличения количества теле- и радиоканалов. Регионами, где действует наибольшее количество электронных СМИ, являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область.

Физическая культура и спорт как самостоятельная деятельность и отрасль была представлена в Интернете практически с момента его становления, сначала в FIDO ресурсах, а затем более широко, после формирования технологии World Wide Web.

В русскоязычной зоне Интернета — Рунете — спорт был представлен через год после первого сеанса связи по протоколу TCP/IP (основному протоколу Интернет) в 1992 году, несколько позже появились самостоятельные ресурсы, посвященные спорту. В настоящее время в Рунете представлено порядка 9,5 тысяч различных интернет-сайтов, посвященных ФКиС, что составляет около 4 % от общего объема интернет-ресурсов.

Интернет как средство коммуникации и СМИ предполагает наличие определенной материально-технической базы и навыков пользователей, поэтому сосредоточен в тех регионах, где технологии и средства коммуникации наиболее развиты и доступны. Безусловным лидером является Москва, ее доля в спортивном Рунете составляет 32,4 %, а Санкт-Петербурга — 7,9 %.

Общая аудитория русскоязычной зоны Интернет на начало апреля 2005 года составила порядка 8,3 млн человек; доля интернет-пользователей, регулярно посещающих сайты спортивной тематики, представлена 16,2 %. В качестве информационного канала Интернет используется меньше всего — только около 2 % россиян предпочитают узнавать спортивные новости с его помощью. Одним из немаловажных показателей востребованности спортивной информации среди пользователей Интернета, являются тематические службы почтовых рассылок; так, общее количество подписчиков составляет порядка 1,3 млн человек.

Все вышеизложенное позволяет говорить о необходимости создания четко структурированного, взаимодополняющего единого спортивного медиапространства и формирования общей базы данных спортивной отрасли. Для этого необходимо провести ряд исследований средств массовой информации с учетом существующих стереотипов, недо-

представленности различных социальных групп, важности социально-культурных факторов в практической деятельности, а также с учетом культурных, экономических и политических особенностей государства и общества.

Печатные спортивные СМИ продолжают устоявшуюся традицию освещения основных мировых спортивных событий на уровне статистической информации и интервью с ведущими спортсменами, тренерами, руководителями отрасли. В таких условиях пропаганда здорового образа жизни немыслима без поиска новых форм и методов воздействия на читательскую аудиторию, что возможно только при подготовке высококвалифицированных специалистов по связям с общественностью и работников спортивных СМИ, способных грамотно формировать положительный имидж физической культуры и спорта в массовом сознании. В пользу этого выступает плотная концентрация потоков спортивной информации, качество и достоверность информации, которую готовят профессионально ориентирующиеся в своей теме журналисты.

Основная тенденция российских электронных СМИ — увеличение количества теле-радиоканалов. Опираясь на пример республик Дагестан и Татарстан (59 и 35 официально зарегистрированных электронных СМИ за 1998–2004 годы), можно прогнозировать дальнейшее увеличение региональной вещательной сети.

К 2007 году планируется полный переход телевидения ведущих стран от аналогового к цифровому. Пользоваться программным продуктом возможно только при организации подготовки и переподготовки кадров, создании модульных программ разных форм и учебников. В перспективе вероятен гораздо больший контакт с зоной Интернета (сейчас его ресурсы имеют характер анонсов и дайджестов), необходимо создать новые формы интерактивного общения с пользователями. Это, с одной стороны, даст возможность формирования оперативной картины состояния отрасли, с другой — составить перечень текущих задач и проблем. Телевидение станет более интерактивным, что может положительно сказаться на пропаганде здорового образа жизни населения России. Необходимо заранее создавать базы данных федеральных и региональных органов управления физической культуры и спорта. Целесообразно вести регулярный мониторинг и сбор статистической информации каждого субъекта Федерации и отдельного региона, что даст возможность отслеживать объективную картину обратного эффекта от прилагаемых целенаправленных действий.

Создание единого информационного пространства наиболее точно соответствует интересам субъектов спортивной деятельности в связи с тем, что позволяет им отслеживать целостность происходящих в отрасли процессов и эффективно реализовывать собственные цели и задачи.

В. Н. СТЕПАНОВ,

*заведующий кафедрой массовых коммуникаций и социально-культурного сервиса
Международного университета бизнеса и новых технологий (Ярославль),
доктор филологических наук*

ПРОВОКАТИВНЫЙ ДИСКУРС МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Как сказал чилийский философ Умберто Матурана, «язык не передает информации, а его функциональная роль заключается в создании кооперативной области взаимодействия между говорящими путем выработки общей системы отсчета»¹, эти слова позволяют нам вплотную подойти к определению объекта и предмета исследования. Но вначале — несколько наблюдений над спецификой информации, функционирующей в текстовой сфере массовой коммуникации.

Все многообразие информации распределяется по двум классам: с одной стороны, предметно-логическая с характерным набором признаков, с другой — прагматическая, характеризующаяся как информация оценочная, субъективная, связанная с ситуацией и участниками общения. Для массового адресата все более важными становятся поиск личностного отношения источника информации и, как следствие этого, восприятие фактов сквозь призму такого субъективного представления. В этом мы видим проявление тенденции к субъективизации массового общения.

¹ Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996. С. 140.

Определяя объект исследования, мы должны отметить, что нас интересовала прежде всего информация прагматическая — в частности о скрытом намерении адресанта в телевизионной журналистике и рекламе. Предметом исследования были выбраны особые, провокативные речевые жанры как способ представления прагматической информации.

Рассмотрим следующие понятия: *провоцирование*, *провокативный дискурс*, *провокативный жанр* и поделимся наблюдениями за особенностями провоцирования в текстах массовой коммуникации.

Изучение многочисленных научных источников в области речевого воздействия в сферах психологии, философии, социологии и лингвистики стимулировали наши собственные поиски наиболее адекватного определения таких понятий, как *провоцирование*, *манипуляция* и *провокация*. Уточняя объект исследования, можно сказать, что нас интересовало провоцирование как родовой механизм двух других явлений — манипуляции и провокации.

Мы предлагаем под провоцированием понимать неосознаваемые, как правило, символические действия и операции, демонстрирующие психологическое состояние адресанта и вызывающие аналогичное психологическое состояние у адресата. Анализ текстов массовой коммуникации позволил нам реконструировать базовые психологические механизмы и функции провоцирования.

В основе провоцирования лежит коммуникативная активность, которая предполагает взаимодействие людей, находящихся в общении, и презентацию «внутреннего мира» коммуникантов. Психологическими механизмами провоцирования выступают: 1) демонстрация и ретрансляция реального или имитируемого состояния провоцирующего; 2) локализация провокативного намерения в символической форме речевых знаков; 3) вызывание в провоцируемом аналогичного состояния.

Важными в онтологическом смысле представляются следующие наблюдения над характером провоцирования в массовой коммуникации. Провоцирование носит интуитивный характер, опирается на прошлый социальный личный опыт человека и представляет собой поведение в соответствии с ментальной записью интериоризованных в процессе социализации действий, получивших символическую функцию и способность воплощаться в виде определенных лингвистических сущностей. Провоцирование выступает как вторичный автоматизм, по классифика-

ции Ю. Б. Гиппенрейтер¹, и представляет собой умственные и речевые навыки, которые прошли через несколько стадий: 1) неосознаваемой установки, 2) собственно деятельностная с выходом на уровень осознания, 3) утрата осознанности и приобретение статуса автоматизированного действия.

Введем еще одно ключевое понятие «провокативный дискурс» и назовем данным термином комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, выражающее провокативное намерение адресанта скорректировать коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нем демонстрируемое провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования.

Материалом для описания провокативного дискурса стали тексты массовой коммуникации, в которых причины, мотивы, цели и последствия провоцирования представлены наглядно и легко поддаются вычленению, анализу и категоризации. Сопоставительное изучение текстов художественной литературы, рекламы, журналистики и живого общения позволяет определить наиболее частотные и продуктивные модели провоцирования, действующие на пространстве всей массовой и межличностной коммуникаций. Выявленные на этом материале особенности мотивационной сферы провоцирования особенно эффективны в журналистских и рекламных тестах.

Нами выделены две базовые провокативные стратегии, имеющие жанровое оформление. Речевые жанры в составе провокативного дискурса называются провокативными жанрами — это речевые жанры в совокупности языковых, стилистических и коммуникативных признаков, которые регулярно вызывают у реципиента прогнозируемую реакцию и психическое состояние, аналогичное демонстрируемому говорящим. Содержанием провокативных жанров становится не прямое сообщение о реальном или имитируемом внутреннем состоянии говорящего. Обмен информацией при таком общении носит косвенный характер, рассчитан на эмоциональный отклик и обладает предсказуемым и даже программируемым коммуникативным эффектом.

Номенклатуру провокативных жанров составляют девять элементарных речевых жанров в составе двух базовых стратегий: первая — признание, вторая — забота. Провокативная стратегия признания представляет

¹ Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М., 2000. С. 67–98.

собой сообщение о внутреннем состоянии говорящего с целью продемонстрировать психологическое состояние откровенности, исповедальности. Это акцентирование субъекта речи. Провокативная стратегия заботы — демонстрация внимания к внутреннему миру собеседника, его внешнему облику и социально-психологическому состоянию — акцентирование объекта речи.

Анализ провокативного дискурса в рекламе позволяет реконструировать когнитивную модель речевого воздействия. В текстах имитируется процесс познания реципиента. Обобщенно эту модель можно представить как движение информации от уровня сенсорного опыта, воспринимаемого непосредственно (репродуктивные высказывания), через осмысление данного опыта (информативные высказывания) к уровню закрепления этого опыта-знания в памяти (генеритивные высказывания).

Как показывают результаты проведенного исследования, композиционно провокативные жанры встречаются по-разному: в основном рекламном тексте (диктор / персонаж), в слогане (диктор / персонаж), во вторичном коде (джингл / титры). Провоцирование в рекламном тексте носит демонстративный характер, на это указывает обилие знаков-демонстративов: указательных местоимений («Это — удовольствие («Chesterfield»); личных местоимений («Мы за бедных. Мы за русских» — политическая реклама); наречий времени и места («Диваны — тут» — реклама мебели). Данные исследования текстов телевизионной рекламы позволяют утверждать, что провокативные стратегии чаще всего представлены в речи диктора (44 %), персонажа (36 %) или в титрах (13 %); реже — в джингле (4 %) и слогане (3 %).

Наиболее частотным элементарным провокативным жанром в телевизионных роликах является признание (из одноименной провокативной стратегии) — 22 %; на втором месте — нотация (провокативная стратегия заботы; 18 %), на третьем — демонстратив (провокативная стратегия признания; 16 %) и совет (провокативная стратегия заботы; 16 %). Немного реже встречается сентенция (провокативная стратегия признания; 15 %), и самые редкие — провокативный вопрос (провокативная стратегия заботы; 8 %), представ-

ление и жалоба (провокативная стратегия признания; 2 % каждый) и, наконец, укор (провокативная стратегия заботы; 0,3 %).

Стратегии дополняют друг друга в провокативном дискурсе, но условно наиболее эффективной должна быть признана стратегия признания, поскольку ее жанры по совокупности чаще встречаются в рекламных текстах — 56 % против 44 %.

Интересно сопоставить в процентах количество рекламных роликов с провокативными жанрами в федеральных и региональных рекламных блоках. Процентное соотношение составлено по результатам анализа 623 рекламных роликов на разных каналах, и процентное соотношение провокативных жанров в федеральном и региональном рекламных блоках не в пользу последних.

Провокативные жанры способны выражать противоположные интенциональные состояния — толерантности и интолерантности.

Интенциональное состояние толерантности свидетельствует о готовности говорящего участвовать в общении, принимая его поведение как данность. Наоборот, интенциональное состояние интолерантности демонстрирует нетерпимость говорящего по отношению к индивидуальной воле партнера и намерение адресанта навязать адресату такую манеру поведения, которая способна нанести программируемый ущерб той или иной сфере личности адресата.

Владение навыками провоцирования мы предлагаем считать частью коммуникативной компетенции человека и профессиональной компетенции специалиста в сфере массовой коммуникации. Это часть так называемой социологической культуры, с помощью которой, используя слова авторов монографии «Социология журналистики», «он не только глубже видит, но и тоньше чувствует»¹.

Навыки провоцирования как часть более общей коммуникативной компетенции человека распространяются в общественной практике и отражают современные характеристики общества.

¹ Социология журналистики: очерки методологии и практики: пособие для студентов вузов по специальности «Журналистика» / под ред. С. Г. Корконосенко. М., 1998. С. 115.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алексеева М. Б. 39
Аль Д. Н. 192, 193, 194, 196
Амонашвили Ш. А. 27, 133, 141
Афанасьев В. Г. 84
Ахосола П. 148
Бальсевич В. К. 133, 142, 150
Басов С. А. 192, 194
Белоус В. И. 39, 49
Бирженюк Г. М. 216, 226
Бобров М. М. 34
Богданов В. Л. 216, 218, 221, 222, 223
Боголюбов С. А. 39, 41, 42, 50
Богомолов О. Т. 9, 39, 42, 43, 44, 46
Богомолов Ф. А. 39, 53
Большаков В. Н. 25, 39, 42, 58
Большаков А. С. 54
Бонфельд М. Ш. 192, 194, 203
Борисова М. Б. 192, 193
Вахрушев В. С. 228
Волкова П. С. 206
Воробьев В. К. 39
Галицких Е. О. 133, 143, 152
Ганелин Р. Ш. 78, 79, 81
Гапоненко А. Л. 60
Гладкий Ю. Н. 61
Глотов М. Б. 133, 145, 155
Грачев В. И. 229
Гриб В. В. 86
Гринберг Р. С. 25
Гусейнов А. А. 87
Давыдов Ю. С. 91
Динес В. А. 156
Днепров Э. Д. 35, 133, 136, 146
Добрынина М. И. 120
Довженко Ю. С. 192, 194, 196
Драпеко Е. Г. 18
Евсеев А. И. 216, 225
Ермолин Е. А. 93
Ефимова Е. П. 192
Жидков В. С. 94
Запесоцкий А. С. 15, 133, 137, 216, 221
Зинькевич Е. С. 98
Зобнин Ю. В. 192, 193, 194, 196
Иванов В. Г. 207
Иконникова С. Н. 78, 81, 100
Инюшкин Н. М. 78, 81
Каган М. С. 78, 80
Казанцева Л. П. 103
Каменецкий В. А. 104
Карасев К. И. 107
Карлов И. И. 109
Карпов А. В. 78
Катышева Д. Н. 192, 193, 208
Киселева Т. Г. 65
Клейн К. А. 38
Клейн Л. С. 111
Кобылянский В. А. 107
Краевский В. В. 133, 138, 158
Кряжымский Ф. В. 58
Кузин О. С. 216, 219
Куприянов А. И. 216, 218
Куракова Л. В. 209
Ларин Ю. В. 162
Лашманова Н. В. 164
Лебедев О. Е. 133, 138, 139, 140, 143, 165
Лепский Ю. М. 216, 223
Ловецкий Г. И. 167
Лубышева Л. И. 167
Лукин В. Н. 63
Лукьянов В. Г. 115
Магаршак Ю. Б. 53
Мазаева Т. А. 133, 142
Макаров Е. И. 19
Маранцман В. Г. 172
Марков А. П. 39, 44
Мартинovich Г. А. 192, 194, 195
Матюль М. 38, 133, 146
Мещерякова Л. И. 209
Морган Б. 34, 133, 139
Морозова М. Ю. 117
Морцакова Т. Г. 33
Мотышина М. С. 173
Муравьев Е. М. 212
Мусяенко Т. В. 66
Мухин Р. Б. 133, 138
Мягкова С. Н. 231
Наумов В. В. 192, 196
Неверкович С. Д. 133, 139
Нестеров В. В. 178
Никандров Н. Д. 133, 136, 147
Овсянкина Г. П. 119
Орел В. М. 37
Осинский И. И. 120
Павлихин И. А. 216
Панарин И. Н. 39, 40, 43, 68
Парыгин Б. Д. 180, 216, 222
Пашковская И. Н. 133, 145
Педан С. А. 122
Платэ Н. А. 4
Праздников Г. А. 78, 80
Рахматуллина З. Я. 181
Репринцев А. В. 182
Русановский В. А. 156
Сабуров Е. Ф. 133, 134, 136, 147
Самсонян Д. С. 164
Семенов П. А. 192, 201, 214
Сиднева Т. Б. 78, 82, 123
Синдаловский Н. А. 192, 197
Скатов Н. Н. 13
Соколов А. В. 192
Соколова И. И. 133
Соломонова Н. А. 125
Стариков С. В. 126
Степанов В. Н. 233
Сухарев А. В. 133, 139, 143, 186
Тощенко Ж. Т. 78, 127
Успенская А. В. 192, 196
Фатиев Н. И. 78, 81
Федорова Т. Н. 72
Фейгин Г. Ф. 39, 45
Финкельштейн А. М. 34, 74
Фомичева Л. К. 188
Харченкова Л. И. 192, 200
Цейтина Г. П. 133
Чуров В. Е. 18, 39, 43
Шапкин В. В. 133, 143
Шлыков В. В. 39, 42, 45, 76
Шор Ю. М. 131
Юшкявичюс Г. З. 216, 217
Яковлев Б. Г. 216, 224
Ярвис П. 19

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	4
Н. А. ПЛАТЭ, <i>академик РАН, вице-президент РАН, директор Института нефтехимического синтеза им. А. В. Топчиева РАН, заместитель главного редактора журнала «Вестник Российской Академии наук», доктор химических наук, профессор</i>	
АКАДЕМИЯ НАУК И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА	4
О. Т. БОГОМОЛОВ, <i>академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор</i>	
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА	9
Н. Н. СКАТОВ, <i>член-корреспондент РАН, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, профессор</i>	
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	13
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, <i>член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ</i>	
ПРАВО НА КУЛЬТУРУ КАК ПРАВО НА ЖИЗНЬ	15
Е. Г. ДРАПЕКО, <i>заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы Федерального собрания России РФ, депутат Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП</i>	
ОБЩЕСТВО ИМЕЕТ ВЛИЯНИЕ НА ВЛАСТЬ	18
В. Е. ЧУРОВ, <i>заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, депутат Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП</i>	
В РОССИИ ФОРМИРУЕТСЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ	18
Е. И. МАКАРОВ, <i>помощник полномочного представителя Президента России в Северо-Западном федеральном округе</i>	
ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — ВАЖНАЯ ТРИБУНА ДЛЯ ОБМЕНА МНЕНИЯМИ	19
П. ЯРВИС, <i>профессор университета Суррей (Великобритания)</i>	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЗНАНИЯ, УНИВЕРСИТЕТЫ	19
В. Н. БОЛЬШАКОВ, <i>академик РАН, первый заместитель председателя Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология»</i>	
УЧЕНЫЕ И ПОЛИТИКИ МОГУТ НАЙТИ ОБЩИЙ ЯЗЫК	25
Р. С. ГРИНБЕРГ, <i>директор Института международных экономических и политических исследований, доктор экономических наук, профессор</i>	
СИТУАЦИЯ НЕ БЕЗНАДЕЖНА	25

Ш. А. АМОНАШВИЛИ, <i>академик РАО, руководитель Международного центра гуманитарной педагогики, профессор Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук</i>	
ДУХОВНАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ	27
Т. Г. МОРЩАКОВА, <i>советник Конституционного суда РФ, доктор юридических наук, профессор СПбГУП</i>	
ВАЖНО НЕ УТЕРЯТЬ ПРИОРИТЕТ ПРАВ И СВОБОД.....	33
А. М. ФИНКЕЛЬШТЕЙН, <i>член-корреспондент РАН, директор Института прикладной астрономии РАН, доктор физико-математических наук, профессор</i>	
НАУКА НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СУДЬБУ СТРАНЫ	34
М. М. БОБРОВ, <i>заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП</i>	
ПРИВЕТСТВИЕ ОТ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	34
Б. МОРГАН, <i>консультант Британского совета (Великобритания)</i>	
ПРИВЕТСТВИЕ ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ	34
Э. Д. ДНЕПРОВ, <i>академик РАО, доктор педагогических наук, профессор</i>	
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА	35
В. М. ОРЕЛ, <i>советник РАН, академик Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Вопросы истории естествознания и техники», доктор экономических наук</i>	
НЕОБХОДИМО СОХРАНИТЬ КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ	37
К. А. КЛЕЙН, <i>директор по маркетингу компании «Ксерокс Евразия»</i>	
ПРИВЕТСТВИЕ ОТ КОМПАНИИ «КСЕРОКС ЕВРАЗИЯ»	38
М. МАТЮЛЬ, <i>руководитель Информационного центра Германской службы академических обменов в Санкт-Петербурге (Германия)</i>	
НУЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	38
 Круглый стол	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ	39
МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ	49
В. И. БЕЛОУС, <i>заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор</i>	
ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	49

С. А. БОГОЛЮБОВ, <i>заведующий отделом аграрного и экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель председателя редколлегии «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор</i>	
ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	50
Ф. А. БОГОМОЛОВ, <i>профессор Нью-Йоркского университета, президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества;</i>	
Ю. Б. МАГАРШАК, <i>президент MathTech, Inc., исполнительный директор Международного комитета интеллектуального сотрудничества</i>	
РОССИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ: ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ И ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ	53
А. С. БОЛЬШАКОВ, <i>и. о. заведующего кафедрой управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор</i>	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	54
В. Н. БОЛЬШАКОВ, <i>академик РАН, первый заместитель Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология»;</i>	
Ф. В. КРЯЖИМСКИЙ, <i>заведующий лабораторией популяционной экологии и функциональной биоценологии Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, доктор биологических наук</i>	
ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА — СИНТЕЗ ГУМАНИТАРНОГО И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	58
А. Л. ГАПОНЕНКО, <i>заведующий кафедрой общего и специального менеджмента Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор</i>	
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	60
Ю. Н. ГЛАДКИЙ, <i>член-корреспондент РАО, вице-президент Русского географического общества, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор географических наук, профессор</i>	
«АНТИЛИБЕРАЛЬНАЯ» ПРИРОДА ПРОТИВ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ДЕМОКРАТИИ	61
В. Н. ЛУКИН, <i>заместитель начальника Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат исторических наук, доцент</i>	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И РИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТРАНЗИТНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ	63
Т. Г. КИСЕЛЕВА, <i>академик РАЕН, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ	65
Т. В. МУСИЕНКО, <i>начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор</i>	
МИКРОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	66

И. Н. ПАНАРИН, <i>профессор Дипломатической академии МИД, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук</i>	
РОССИЯ И США ПОСЛЕ БРАТИСЛАВЫ	68
Т. Н. ФЕДОРОВА, <i>заместитель начальника научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат исторических наук, доцент</i>	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	72
А. М. ФИНКЕЛЬШТЕЙН, <i>член-корреспондент РАН, директор Института прикладной астрономии РАН, доктор физико-математических наук, профессор</i>	
НАУКА И ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА	74
В. В. ШЛЫКОВ, <i>профессор Академии права и управления Министерства юстиции России, кандидат экономических наук</i>	
КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	76
 Круглый стол	
РОССИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ	78
МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ	84
В. Г. АФАНАСЬЕВ, <i>заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского горного института им. Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор</i>	
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	84
В. В. ГРИБ, <i>главный редактор объединенной редакции ИГ «Юрист», вице-президент Российского союза юристов, кандидат юридических наук</i>	
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ЮРИСТА: ЛИЧНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	86
А. А. ГУСЕЙНОВ, <i>член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, доктор философских наук, профессор</i>	
ТРИ СТАДИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИКИ	87
Ю. С. ДАВЫДОВ, <i>академик РАО, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, действительный член Российской академии социальных наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук, ректор Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор</i>	
ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ	91
Е. А. ЕРМОЛИН, <i>ректор Института истории культур, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, член Академии русской современной словесности</i>	
ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ	93
В. С. ЖИДКОВ, <i>начальник отдела наук о человеке и обществе Российского фонда фундаментальных исследований, доктор искусствоведения, профессор</i>	
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	94

Е. С. ЗИНЬКЕВИЧ, <i>профессор Национальной музыкальной академии Украины им. П. И. Чайковского, заведующая кафедрой музыкальной критики и истории музыки, доктор искусствоведения</i>	
ЛИТУРГИЧЕСКОЕ В ЖАНРОВО-ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ (Новая жизнь забытой традиции)	98
С. Н. ИКОННИКОВА, <i>заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ</i>	
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ	100
Л. П. КАЗАНЦЕВА, <i>профессор кафедры истории и теории музыки Астраханской государственной консерватории, доктор искусствоведения, член Союза композиторов РФ</i>	
ЛИЧНОСТЬ КОМПОЗИТОРА В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ	103
В. А. КАМЕНЕЦКИЙ, <i>руководитель аппарата Федерации независимых профсоюзов России, доктор экономических наук</i>	
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА	104
К. И. КАРАСЕВ, <i>заместитель главы Администрации Читинской области, доктор технических наук;</i>	
В. А. КОБЫЛЯНСКИЙ, <i>член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией по комплексному изучению человека Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор</i>	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ САМОБЫТНОСТИ РОССИИ ...	107
И. И. КАРЛОВ, <i>заместитель директора по научно-исследовательской работе — главный хранитель Государственного Русского музея, Заслуженный работник культуры РФ</i>	
МУЗЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ	109
Л. С. КЛЕЙН, <i>профессор Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, Почетный доктор Высшей антропологической школы Молдавии</i>	
КУЛЬТУРА, ПЕРВОБЫТНЫЙ ПРИМИТИВИЗМ И КОНЦЛАГЕРЬ	111
В. Г. ЛУКЪЯНОВ, <i>профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук</i>	
САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НАСЛЕДИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	115
М. Ю. МОРОЗОВА, <i>декан факультета экономики и менеджмента Ковровской государственной академии, доктор философских наук, профессор</i>	
ОТ ИДЕИ МЫСЛИТЕЛЯ ДО ВЕРОВАНИЯ НАРОДА	117
Г. П. ОВСЯНКИНА, <i>профессор кафедры мультимедиа СПбГУП, доктор искусствоведения</i>	
МУЗЫКА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: В ЧЕМ ЕЕ СМЫСЛ?	119
И. И. ОСИНСКИЙ, <i>заведующий кафедрой философии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;</i>	
М. И. ДОБРЫНИНА, <i>директор гуманитарного колледжа Бурятского государственного университета, кандидат философских наук</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ	120

С. А. ПЕДАН, <i>заведующий кафедрой отечественной истории Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор исторических наук, профессор</i>	
ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ	122
Т. Б. СИДНЕВА, <i>проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, доцент</i>	
ЗВУКОВАЯ СРЕДА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ	123
Н. А. СОЛОМОНОВА, <i>профессор кафедры мультимедиа СПбГУП, доктор искусствоведения</i>	
ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	125
С. В. СТАРИКОВ, <i>проректор по научной работе Марийского государственного университета (Йошкар-Ола), профессор</i>	
Д. С. ЛИХАЧЕВ О СТАРИННОЙ ОТКРЫТКЕ КАК ФЕНОМЕНЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ И УНИКАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	126
Ж. Т. ТОЩЕНКО, <i>член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук</i>	
ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ	127
Ю. М. ШОР, <i>профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук</i>	
ЦЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ	131
Круглый стол	
ОБРАЗОВАНИЕ: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ.....	133
МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ	148
П. АХОСОЛА, <i>директор Института профессионального образования взрослых (ЕКАКС, Финляндия)</i>	
О ЗАДАЧАХ СЕТЕВИКА, ТО ЕСТЬ СПАЙДЕРА КАК СВЯЗУЮЩЕГО ЗВЕНА СОТРУДНИЧЕСТВА	148
В. К. БАЛЬСЕВИЧ, <i>член-корреспондент РАО, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), доктор биологических наук</i>	
МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ИНТЕРЕСАХ УСИЛЕНИЯ ЕГО ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩЕЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	150
Е. О. ГАЛИЦКИХ, <i>заведующая кафедрой новейшей литературы и методики ее преподавания Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКА УНИВЕРСИТЕТА	152

М. Б. ГЛОТОВ, <i>заведующий кафедрой социологии и психологии Государственной полярной академии (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор</i>	
КАЧЕСТВО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ	155
В. А. ДИНЕС, <i>ректор Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор исторических наук, профессор;</i>	
В. А. РУСАНОВСКИЙ, <i>проректор по учебной работе Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор экономических наук, профессор</i>	
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФУНКЦИИ В РЕГИОНЕ	156
В. В. КРАЕВСКИЙ <i>академик РАО, доктор педагогических наук, профессор</i>	
КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЕГО ПЕРМАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	158
Ю. В. ЛАРИН, <i>проректор по научной работе Тюменского государственного института искусств и культуры, заведующий кафедрой культурологии, кандидат философских наук, доцент</i>	
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	162
Н. В. ЛАШМАНОВА, <i>профессор кафедры маркетинга Санкт-Петербургской государственной академии сервиса и экономики, доктор технических наук;</i>	
Д. С. САМСОНЯН, <i>аспирант Санкт-Петербургской государственной академии сервиса и экономики</i>	
МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ	164
О. Е. ЛЕБЕДЕВ, <i>член-корреспондент РАО, проректор по научной работе Санкт-Петербургской государственной академии последипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор</i>	
СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС В ОБРАЗОВАНИИ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА	165
Г. И. ЛОВЕЦКИЙ, <i>заместитель министра образования, культуры и спорта Калужской области, начальник управления образования, доктор философских наук</i>	
О КУЛЬТУРНЫХ ИСТОКАХ ОБРАЗОВАНИЯ	167
Л. И. ЛУБЫШЕВА, <i>профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доктор педагогических наук, главный редактор журнала «Теория и практика физической культуры и спорта»</i>	
СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА — НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЫ И ВУЗА	169
В. Г. МАРАНЦМАН, <i>член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНИКОВ	172
М. С. МОТЫШИНА, <i>профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук</i>	
КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	173

В. В. НЕСТЕРОВ, <i>министр общего и профессионального образования Свердловской области, кандидат педагогических наук, Заслуженный учитель РФ</i>	
ЯЗЫК И ОБЩЕНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ	178
Б. Д. ПАРЫГИН, <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ</i>	
ТРАДИЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ: КРИЗИС И АЛЬТЕРНАТИВЫ	180
З. Я. РАХМАТУЛЛИНА, <i>министр образования Республики Башкортостан, доктор философских наук, профессор</i>	
ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	181
А. В. РЕПРИНЦЕВ, <i>профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук</i>	
ПРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ: ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ	182
А. В. СУХАРЕВ, <i>декан факультета психологии Государственной академии славянской культуры, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, главный редактор «Журнала прикладной психологии», доктор психологических наук, профессор</i>	
ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	186
Л. К. ФОМИЧЕВА, <i>ректор Псковского института повышения квалификации работников образования, кандидат педагогических наук, доцент</i>	
УЧИТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	188
 Круглый стол	
СЛОВО И КНИГА КАК ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ	192
МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ	203
М. Ш. БОНФЕЛЬД, <i>заведующий кафедрой теории и истории музыки Вологодского государственного педагогического университета, доктор искусствоведения, профессор</i>	
ПУШКИН И МИР МУЗЫКИ (Казус одного текста)	203
П. С. ВОЛКОВА, <i>профессор кафедры философии и отечественной истории Ивановского государственного института ГПС МЧС России, доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, член Союза композиторов России</i>	
ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	206
В. Г. ИВАНОВ, <i>профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук</i>	
СЛОВО ПРОЧИТАННОЕ И СКАЗАННОЕ	207
Д. Н. КАТЫШЕВА, <i>профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза театральных деятелей РФ, член Союза писателей РФ</i>	
К ВОПРОСУ СЦЕНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА	208

Л. В. КУРАКОВА, <i>заместитель главы Администрации Липецкой области;</i>	
Л. И. МЕЩЕРЯКОВА, <i>советник заместителя главы Администрации области, кандидат исторических наук, доцент</i>	
КНИЖНАЯ МУДРОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ СЛОВА И КНИГИ КАК ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ	209
Е. М. МУРАВЬЕВ, <i>начальник Департамента образования Тверской области, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный учитель РФ, академик Международной академии психологических наук</i>	
СЛОВО И КНИГА КАК ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ	212
П. А. СЕМЕНОВ, <i>профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, кандидат филологических наук, доцент</i>	
ЧТО ЦЕНИЛ Д. С. ЛИХАЧЕВ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ? (на материале статей о В. В. Виноградове и Б. А. Ларине)	214
 Круглый стол	
СМИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ	216
МАТЕРИАЛЫ К КРУГЛОМУ СТОЛУ	228
В. С. ВАХРУШЕВ, <i>профессор Балашовского филиала Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, академик Независимой академии эстетики и свободных искусств, член Союза российских писателей</i>	
СОВРЕМЕННАЯ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЖАНРОВ	228
В. И. ГРАЧЕВ, <i>доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, кандидат педагогических наук</i>	
ЦЕННОСТНЫЙ ХАРАКТЕР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ	229
С. Н. МЯГКОВА, <i>профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Москва), доктор педагогических наук</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ РОССИИ В ОБЛАСТИ ФИЗКУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ	231
В. Н. СТЕПАНОВ, <i>заведующий кафедрой массовых коммуникаций и социально-культурного сервиса Международного университета бизнеса и новых технологий (Ярославль), доктор филологических наук</i>	
ПРОВОКАТИВНЫЙ ДИСКУРС МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	233
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	236

Научное издание

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

V МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

19–20 мая 2005 года

Выпускающий редактор *И. В. Петрова*

Редакторы: *В. Г. Даниленко, Е. А. Монахова, А. А. Санникова*

Художественное оформление *Н. А. Румянцевой*

Технический редактор *Е. Ю. Николаева*

Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева, О. В. Смушко, И. Н. Чугунова*

ЛП № 000372 от 30.12.99

Подписано в печать с оригинала-макета 23.09.05. Формат 60х90/8
Гарнитура Journal. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 260

Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в типографии издательства СПбГУП
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

ОСНОВЫ ЗВУКОРЕЖИССУРЫ: ТВОРЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ:**учеб. пособие / под ред. Н. И. Дворко**

В учебном пособии рассмотрены вопросы, помогающие будущим звукорежиссерам приобрести начальный опыт работы со звуковым материалом, ознакомиться с фонографическими приемами реализации творческого замысла, методами профессиональной оценки качества звукозаписи. В книгу включен комплекс практических работ для самостоятельного выполнения на персональном компьютере с использованием современных аудиоредакторов. Важным дополнением к изданию является звуковой материал, прилагаемый на компакт-диске.

Пучков С. В., Светлов М. Г.**МУЗЫКАЛЬНЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:****СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ТВОРЧЕСТВА: учеб. пособие**

Книга посвящена современному инструментарию творчества в области компьютерной музыки по следующим направлениям: композиция (сочинение музыки), исполнительство (реализация музыкальных идей), аранжировка, синтез и обработка звука, музыкальное программирование, интерактивная музыка.

ОСНОВЫ РЕЖИССУРЫ МУЛЬТИМЕДИА-ПРОГРАММ:**учеб. пособие / под ред. Н. И. Дворко**

Это первое учебное пособие по новой и перспективной специальности 053600 «Режиссура мультимедиа-программ». В нем рассмотрены основы режиссуры экранных искусств, а также вопросы, раскрывающие природу интерактивного мультимедиа и систем виртуальной реальности. Особое внимание уделено специфике режиссерского творчества в сфере мультимедиа, новым изобразительным и выразительным средствам режиссуры. В издании освещены производственные и технико-технологические аспекты создания аудиовизуальных произведений на базе новейших мультимедийных технологий.

Марков А. П.**ПРОЕКТИРОВАНИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ:
РЕКЛАМНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ.
СПОНСОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: учеб. пособие**

В книге рассматриваются проектные технологии, обеспечивающие эффективность рекламных кампаний, PR-коммуникаций, спонсорской деятельности; раскрывается универсальный алгоритм создания оптимальных моделей решения нестандартных задач бизнес-структур. Содержание книги расширяет информационную и технологическую базу учебных курсов и дисциплин, обеспечивающих подготовку специалистов в области маркетинговых коммуникаций.

**СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЫНОК / под ред. Т. Е. Шехтер**

В научном издании рассмотрены основные тенденции современного художественного процесса, место и роль актуального искусства в культурном пространстве, а также раскрыты специфика отечественного художественного рынка в совокупности культурологических, искусствоведческих, эстетических аспектов в контексте гуманитарного знания.

Эти и другие издания можно заказать в издательстве Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефонам: (812) 269-74-09; (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФЕССИОНАЛОВ

«Два государственных диплома»

- о высшем образовании по специальности;
- о дополнительном образовании по направлению в сфере профессиональной деятельности.

«Дневной, вечерний и заочный формы обучения»

- «Вторая высшая квалификация»
- «Охрана от коррупции в армии»
- «Адаптация и дисадаптация»

СПЕЦИАЛЬНОСТИ	СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
ВАКВЕТ ПСИХОЛОГИИ	
Психология и психология коррекционная	Теория и методика профессионального обучения, Ваквет и психология, Психология психосоциального здоровья, Теория и методика психологической коррекционной
Психология Семья и образовательность	Семейная психология, психология развития, Социальная психология, Коррективная психология, психология личности и здоровья, Социальная психология и образовательность, Педагогика
Специально-педагогическая деятельность	Специальная психология в трансформационной, Маркетинговая психология
Юридическая	Психология юриспруденции, Юридическая психология, психология личности, Психосоциология
Психология	Психология – адаптация на территории, Психология – адаптация СМТ
Применение психологии в культуре и искусстве	Арт-психология, психология культуры, психология, Психосоциология личности и сферы культуры и искусства
ВАКВЕТ РАБОТЫ	
Специально-педагогическая деятельность	Специально-педагогическая деятельность, Психология личности, Специальная психология в трансформационной, Социальная психология и менеджмент в образовательной работе
ВАКВЕТ РАБОТЫ	
Искусствоведение	Теория искусства, основы и методология искусствознания, История искусства, История культуры и методология культурологии, Теория искусства
Религиоведение культуры и искусства	Религиоведение, религиоведение и образовательность, культурология, История религии, Религиоведение, культурология, религиоведение, Религиоведение, культурология, религиоведение
Музыкально-педагогическая	Музыкально-педагогическая
Дизайнерская деятельность художественной и культурной сфер	Дизайнерская деятельность и культурология, культурология, Дизайнерская деятельность
Психология профессиональной деятельности (коррекционная)	Психология профессиональной деятельности, Ваквет психологии профессиональной деятельности, Психология профессиональной деятельности, психология профессиональной деятельности
Психология, Ваквет психологии профессиональной деятельности	Психология профессиональной деятельности, Психология профессиональной деятельности, Ваквет психологии профессиональной деятельности
ВАКВЕТ РАБОТЫ	
Коммерция (торговая деятельность)	Коммерция (торговая деятельность), Торговля, Коммерция (торговая деятельность)
Экономика и управление на предприятии	Экономика и управление на предприятии, Экономика, Экономика и управление на предприятии, Экономика и управление на предприятии
Специально-педагогическая деятельность	Специально-педагогическая деятельность, Специально-педагогическая деятельность
Менеджмент организации	Менеджмент организации, Менеджмент организации, Менеджмент организации
Применение психологии в образовании	Методика профессионального обучения, психология, психология профессионального обучения, психология профессионального обучения, Психология профессионального обучения, психология профессионального обучения
ИСТОРИКО-ПАДАТОЛОГИИ	
Консервация	Консервация, консервация, Консервация, консервация, Консервация, консервация, Консервация, консервация

АДРЕС: Санкт-Петербург, ул. Фурманова, 16
 ТЕЛЕФОННАЯ КОММУНА: (812) 327-2728, 328-1028, 328-0484

WWW.GUP.RU